

**РОССИЙСКОЕ
ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ
ОБЩЕСТВО**

**RUSSIAN
PSYCHOLOGICAL
SOCIETY**

**РОССИЙСКИЙ
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ** том 14 № 4



**RUSSIAN
PSYCHOLOGICAL
JOURNAL** Vol 14 # 4

Москва



2017



Российский психологический журнал

Учредитель – Российское психологическое общество

Главный редактор – д. пс. н. Зинченко Ю. П. (МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, РФ)

Редакционный совет

- | | |
|---|---|
| д. пс. н. Асмолов А. Г. (МГУ, Москва, РФ) | д. пед. н. Малофеев Н. Н. (ИКП РАО, Москва, РФ) |
| д. биол. н. Безруких М. М. (ИВФ РАО, Москва, РФ) | д. пс. н. Нечаев Н. Н. (МГУ, Москва, РФ) |
| д. пс. н. Богоявленская Д. Б. (ПИ РАО, Москва, РФ) | д. пс. н. Реан А. А. (НИУ ВШЭ, Москва, РФ) |
| д. пс. н. Деркач А. А. (РАНХиГС, Москва, РФ) | д. пс. н. Рубцов В. В. (МГППУ, Москва, РФ) |
| д. пс. н. Карабущенко Н. Б. (РУДН, Москва, РФ) | д. пс. н. Черноризов А. М. (МГУ, Москва, РФ) |
| д. пс. н. Караяни А. Г. (Военный университет, Москва, РФ) | д. философ. н. Шкуратов В. А. (ЮФУ, Ростов-на-Дону, РФ) |

Редакционная коллегия

- | | |
|--|---|
| д. пс. н. Абакумова И. В. (ДГТУ, Ростов-на-Дону, РФ) | д. пс. н. Карпов А. В. (ЯрГУ, Ярославль, РФ) |
| д. пс. н. Акопов Г. В. (СГСПУ, Самара, РФ) | Dr. Киттлер У. (ТУ, Дортмунд, Германия) |
| д. биол. н. Бабенко В. В. (ЮФУ, Ростов-на-Дону, РФ) | Sc. D. Кроник А. А. (Институт каузометрии, Вашингтон, США) |
| д. филол. н. Белянин В. П. (Университет Торонто, Канада) | д. пс. н. Лабунская В. А. (ЮФУ, Ростов-на-Дону, РФ) |
| д. пс. н. Берберян А. С. (РАУ, Ереван, Армения) | д. пед. н. Лельчицкий И. Д. (ТГУ, Тверь, РФ) |
| Ph. D. Бороховский Е. (Конкордия, Монреаль, Канада) | к. пс. н. Менджерицкая Ю. (Goethe-Universität, Frankfurt am Main, Германия) |
| д. пс. н. Величковский Б. М. (ТУ, Дрезден, Германия) | д. пед. н. Рудакова И. А. (КубГУ, Краснодар, РФ) |
| д. пс. н. Воробьева Е. В. (ДГТУ, Ростов-на-Дону, РФ) | д. пс. н. Рыбников В. Ю. (ФГБУ ВЦЭРМ, Санкт-Петербург, РФ) |
| д. пс. н. Донцов А. И. (МГУ, Москва, РФ) | д. пс. н. Сергиенко Е. А. (ИП РАН, Москва, РФ) |
| д. пс. н. Дубровина И. В. (ПИ РАО, Москва, РФ) | д. пед. наук, Скуратовская М. Л. (ДГТУ, Ростов-на-Дону, РФ) |
| д. биол. н. Ермаков П. Н. (заместитель главного редактора) (ЮФУ, Ростов-на-Дону, РФ) | Dr. Стошич Л. (College for Preschool Teachers, Алексинац, Сербия) |
| д. пс. н. Журавлев А. Л. (ИП РАН, Москва, РФ) | д. пс. н. Тхостов А. Ш. (МГУ, Москва, РФ) |
| д. пс. н. Кагермазова Л. Ц. (КБГУ, Нальчик, РФ) | д. пед. наук, Федотова О. Д. (ДГТУ, Ростов-на-Дону, РФ) |
| | д. пс. н. Цветкова Л. А. (СПбГУ, Санкт-Петербург, РФ) |

Ответственный секретарь – Обухова Ю. В.

Редактор английской части – Колесина К. Ю.

Выпускающий редактор – Буняева М. В.

Компьютерная верстка – Проненко Е. А.

Адрес редакции:

пр. Нагибина, д. 13, ком. 518,
г. Ростов-на-Дону, РФ, 344038
Тел. (863) 218-40-00 (доб.
11637)
E-mail: rpj@bk.ru

Адрес издательства:

ул. Ярославская, д. 13,
г. Москва, РФ, 129366
Тел./ факс (495) 283-55-30
E-mail: izd.kredo@gmail.com

Адрес учредителя:

ул. Моховая, д. 11, стр. 9,
г. Москва, РФ, 125009
E-mail: ruspsysoc@gmail.com

Перепечатка материалов возможна
только по согласованию с Редакцией.

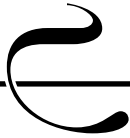
ISSN 1812–1853. Каталог Роспечати «Газеты, Журналы»

Подписной индекс 46723

© Российское психологическое общество, 2017

© ООО "КРЕДО", 2017

<http://rpj.ru.com>

**Russian Psychological Journal****Founder** – Russian Psychological Society**Editor in Chief** – Zinchenko Ju. P. (Lomonosov MSU, Moscow, Russia)**Editorial Committee**

Asmolov A. G. (Lomonosov MSU, Moscow, Russia)

Bezrukikh M. M. (IDP RAE, Moscow, Russia)

Bogoyavlenskaya D. B. (PI RAE, Moscow, Russia)

Derkatch A. A. (RANEP, Moscow, Russia)

Karabushchenko N. B. (RUDN University, Moscow, Russia)

Karayani A. G. (Military University, Moscow, Russia)

Malophev N. N. (ICP RAE, Moscow, Russia)

Nechaev N. N. (Lomonosov MSU, Moscow, Russia)

Rean A. A. (Higher School of Economics, Moscow, Russia)

Rubtsov V. V. (MSUPE, Moscow, Russia)

Chernorizov A. M. (Lomonosov MSU, Moscow, Russia)

Shkuratov V. A. (SFU, Rostov-on-Don, Russia)

Editorial Board

Abakumova I. V. (DSTU, Rostov-on-Don, Russia)

Akopov G. V. (SSUSSE, Samara, Russia)

Babenko V. V. (SFU, Rostov-on-Don, Russia)

Belianin V. P. (University of Toronto, Toronto, Canada)

Berberian A. S. (RAU, Yerevan, Armenia)

Borokhovskii E. (Concordia University, Montreal, Canada)

Velichkovsky B. M. (TU, Dresden, Germany)

Vorobyeva E. V. (DSTU, Rostov-on-Don, Russia)

Dontsov A. I. (Lomonosov MSU, Moscow, Russia)

Dubrovina I. V. (PI RAE, Moscow, Russia)

Yermakov P. N. (Deputy Editor) (SFU, Rostov-on-Don, Russia)

Zhuravlev A. L. (IP RAS, Moscow, Russia)

Kagermazova L. Ts. (KBSU, Nal'chik, Russia)

Karpov A. V. (YSU, Yaroslavl, Russia)

Kittler U. (TU, Dortmund, Germany)

Kronik A. A. (Institute of Causometry, Washington D.C., USA)

Labunskaya V. A. (SFU, Rostov-on-Don, Russia)

Lel'chitskii I. D. (TSU, Tver', Russia)

Mendzheritskaya Yu. (Goethe-Universität,

Frankfurt am Main, Germany)

Rudakova I. A. (KSU, Krasnodar, Russia)

Ribnikov V. Ju. (RCERM, St. Petersburg, Russia)

Sergiyenko E. A. (IP RAS, Moscow, Russia)

Skuratovskaya M. L. (DSTU, Rostov-on-Don, Russia)

Stosic L. (College for Preschool Teachers, Aleksinac, Serbia)

Tkhostov A. Sh. (Lomonosov MSU, Moscow, Russia)

Fedotova O. D. (DSTU, Rostov-on-Don, Russia)

Tsvetkova L. A. (SPSU, St. Petersburg, Russia)

Executive Secretary – Ju. V. Obukhova**English Editor** – K. Yu. Kolesina**Managing Editor** – M. V. Bunyaeva**Page settings** – E. A. Pronenko**Editorial office:**

Nagibin Av., b. 13, of. 518,

Rostov-on-Don, Russia, 344038

Tel. (863) 218-40-00 (ext. 11637)

E-mail: rpj@bk.ru**Publisher address:**

Yaroslavskaya Str., b. 13,

Moscow, Russia, 129366

Tel./fax (495) 283-55-30

E-mail: izd.kredo@gmail.com**Founder address:**

Mokhovaya Str., b. 11/9,

Moscow, Russia, 125009

E-mail: ruspsysoc@gmail.com

No part of this publication may be reproduced without the prior permission of the copyright owner

ISSN 1812-1853. Subscription catalogue of Russian Press Agency «Newspapers, Journals»

Subscription code 46723

© Russian Psychological Society, 2017

© ООО "CREDO", 2017

<http://rpj.ru.com>



СОДЕРЖАНИЕ

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Разина Т. В., Володарская Е. А.

Образ идеального ученого у современной российской молодежи 8

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

**Цветкова Л. А., Волкова Е. Н., Коржова Е. Ю.,
Микляева А. В.**

К проблеме содержания деятельности психологической службы
в различных образовательных организациях 26

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

Барабанщиков В. А., Беспрозванная И. И., Ананьева К. И.

Оценка индивидуально-психологических свойств человека
в зависимости от конфигурационных изменений его лица 49

**Гусейнов А. Ш., Рябикина З. И., Фоменко Г. Ю.,
Шиповская В. В.**

Феномен протестной активности личности: субъектно-бытийная
интерпретация 78

ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ, МЕДИЦИНСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Алексеева Д. С., Ермаков П. Н., Бабенко В. В., Явна Д. В.

Исследование с помощью вызванных потенциалов функциональной
эквивалентности механизмов восприятия и генерации эмоций 97

Лебедев Д. А., Черноситов А. В., Боташева Т. Л.

Особенности психологического статуса женщин перименопаузального
возраста с признаками климактерического синдрома 121

**Рассказова Е. И., Тхостов А. Ш., Лукомская М. И., Брюн Е. А.,
Деменко Е. Г., Аршинова В. В.**

Категоричность в оценках себя, других и ситуации у старшекласников,
употребляющих наркотические вещества 138

Чистяков М. С.

Диагностический и лечебный процесс в психиатрии и психотерапии –
единый процесс или разные модальности работы? 162

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Безуглова А. А., Васильева О. С., Правдина Л. Р.

Особенности социально-психологической адаптации у лиц с разными
стратегиями совладающего поведения 180

Рикель А. М., Доренская С. В.

Социально-психологическая модель ценностей различных поколений
современного российского общества 205

Чернов А. Ю., Буланова И. С., Курышева О. В.

Эвристическая модель интеграции религиозности и социально-
психологической адаптации 226



ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ОБУЧЕНИЯ И ВОСПИТАНИЯ

Gulevska V., Tasevska A., Mitkovska S. J., Ademi L., Makasevska V., Ahmeti K., Brajovikj J.

Strengthening the Pre-Service Teacher Training System
in a Multi-Ethnic Society 243

ЮРИДИЧЕСКАЯ И ВОЕННАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Шойгу Ю. С., Тарасова А. А.

Выделение профессионально важных качеств инспектора
Государственной инспекции по маломерным судам МЧС России. 267

СВЕДЕНИЯ О ПОРЯДКЕ ПОДАЧИ ПУБЛИКАЦИЙ 296



CONTENTS

GENERAL PSYCHOLOGY

Razina T. V., Volodarskaya E. A.

The Image of an Ideal Scientist Among Modern Russian Youth 8

PEDAGOGICAL PSYCHOLOGY

Tsvetkova L. A., Volkova E. N., Korzhova E. Yu., Miklyaeva A. V.

Psychological Service Activities in Various Educational Institutions 26

PSYCHOLOGY OF PERSONALITY

Barabanshikov V. A., Besprozvannaya I. I., Ananyeva K. I.

Visual Assessment of Personality Traits Depending on Changes in Facial Configuration 49

Guseinov A. Sh., Ryabikina Z. I., Fomenko G. Yu., Shipovskaya V. V.

The Phenomenon of Protest Activity: A Subjective-Existential Interpretation 78

PSYCHOPHYSIOLOGY, MEDICAL PSYCHOLOGY

Alekseeva D. S., Ermakov P. N., Babenko V. V., Yavna D. V.

Studying the Functional Equivalence of Mechanisms for Emotion Perception and Emotion Generation by Means of Evoked Potentials 97

Lebedev D. A., Chernositov A. V., Botasheva T. L.

Psychological Status of Perimenopausal Women with Climacteric Syndrome 121

Rasskazova E. I., Tkhostov A. Sh., Lukomskaya M. I., Bryun E. A., Demenko E. G., Arshinova V. V.

Categoricity in Self-Estimation and Estimation of Other People and Situations in High School Students Involved in Drug Use 138

Chistyakov M. S.

Diagnosis and Treatment in Psychiatry and Psychotherapy: A Unitary Process or Different Modes of Work? 162

SOCIAL PSYCHOLOGY

Bezuglova A. A., Vasil'eva O. S., Pravdina L. R.

Socio-Psychological Adaptation in Individuals with Different Coping Strategies... 180

Rikel' A. M., Dorenskaya S. V.

A Socio-Psychological Model of Values Among Different Generations in Modern Russian Society 205

Chernov A. Yu., Bulanova I. S., Kurysheva O. V.

A Heuristic Model for Integrating Religion and Socio-Psychological Adaptation... 226

EDUCATIONAL TECHNOLOGY AND LEARNING THEORY

Gulevska V., Tasevska A., Mitkovska S. J., Ademi L., Makasevska V., Ahmeti K., Brajovikj J.

Strengthening the Pre-Service Teacher Training System in a Multi-Ethnic Society 243



JURIDICAL AND MILITARY PSYCHOLOGY

Shoigu Ju. S., Tarasova A. A.

Professionally Important Qualities of Inspectors in the State Small Vessels
Inspectorate of EMERCOM of Russia 267

PAPER SUBMISSION GUIDELINES 297



УДК 159.9.072.43

DOI: [10.21702/rpj.2017.4.1](https://doi.org/10.21702/rpj.2017.4.1)

Образ идеального ученого у современной российской молодежи

Татьяна В. Разина¹, Елена А. Володарская^{2*}

¹ Российская академия образования, г. Москва, Российская Федерация

² Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН, г. Москва, Российская Федерация

* E-mail: eavolod@gmail.com

Аннотация

Введение. Авторами доказывается актуальность изучения образа идеального ученого у современных молодых россиян для понимания формирования их профессиональных предпочтений и желания заниматься научной деятельностью в современных условиях функционирования науки. Новизна исследования заключается в установлении структурно-содержательного своеобразия имиджа ученого у студентов и работающей молодежи, и факторов, его обуславливающих.

Материалы и методы. В разделе описываются подготовительный и основной этапы исследования, которые включали в себя методы семантического дифференциала, лабораторного эксперимента, факторного анализа.

Результаты. Основной этап исследования позволил смоделировать семантическое пространство, отражающее характеристики образов идеального ученого и различных кинематографических образов ученых в сознании студентов и работающей молодежи. Образ идеального ученого характеризуется когнитивными (способность формулировать проблему, выражать свои мысли, устойчивость к неопределенности, дисциплина мышления) и личностными (целеустремленность, решительность, принципиальность, нацеленность на результат, высокая работоспособность, разносторонность, неординарность, богатая фантазия) качествами.

Обсуждение результатов. Авторы показывают, что студенты, для которых усвоение научных знаний выступает основой образовательной деятельности, конструируют образ ученого с опорой на свои знания о реальных научных работниках и на представления о научной деятельности как о мыслительной, интеллектуальной работе, что отражается в оценке кинематографических образов. Работающая молодежь, в силу отсутствия научного поиска в содержании профессиональной деятельности, отдаленности от актуального положения дел в науке, испытывает дефицит объективной информации и конструирует образ ученого на своих прошлых представлениях о научных работниках, а также кинематографических образах, отражающих стереотипные представления об ученых (чаще через демонстрацию средств научного труда). Это говорит об упрощении образа ученого у работающей молодежи.



В заключение делается вывод о содержательной схожести образов идеального ученого у работающей и учащейся молодежи, и отличиях в его имиджформирующей основе.

Ключевые слова

идеальный ученый, имидж, имиджформирующая основа, кинематографический образ, когнитивный фактор, личностный фактор, образ ученого, профессиональная деятельность, стереотип, учебная деятельность

Основные положения

- ▶ у современной молодежи образ ученого может быть описан посредством двух факторов (когнитивного и личностного), и является достаточно упрощенным;
- ▶ имиджформирующей основой образа ученого у молодежи выступают деятельность (профессиональная или учебная) и кинематографические образы;
- ▶ образ идеального ученого базируется на знаниях молодежи о реальных научных работниках и стереотипах, транслируемых в кинематографических образах.

Благодарности

Авторы выражают благодарность за помощь в сборе эмпирических данных бакалавру психологии М. Д. Рогозиной.

Для цитирования

Разина Т. В., Володарская Е. А. Образ идеального ученого у современной российской молодежи // Российский психологический журнал. – 2017. – Т. 14, № 4. – С. 8–25.

Материалы статьи получены 07.08.2017



UDC 159.9.072.43

DOI: [10.21702/rpj.2017.4.1](https://doi.org/10.21702/rpj.2017.4.1)

The Image of an Ideal Scientist Among Modern Russian Youth

Tat'yana V. Razina¹, Elena A. Volodarskaya^{2*}

¹ Russian Academy of Education, Moscow, Russian Federation

² S. I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology RAS, Moscow, Russian Federation

* Correspondence author. E-mail: eavolod@gmail.com

Abstract

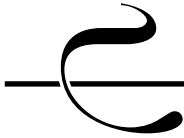
Introduction. Studying the image of an ideal scientist among modern young Russians is important for understanding their professional preferences and desire to engage in scientific activities in modern conditions of science. The research concentrates on structural and substantial characteristics of the image of a scientist among students and working young people, and also their factors.

Materials and Methods. The stages of the research included methods of semantic differential, laboratory experiment, and factor analysis.

Results. The main stage of the research made it possible to construct the semantic space reflecting the characteristics of the images of an ideal scientist and various cinematographic images of scientists among students and working young people. The image of an ideal scientist had cognitive (ability to formulate problems and express ideas, tolerance for uncertainty, and the discipline of thinking) and personal (purposefulness, resoluteness, adherence to principle, focus on results, high working capacity, versatility, originality, rich imagination) qualities.

Discussion. The students for whom the assimilation of scientific knowledge is the basis for educational activities construct the image of a scientist being guided by their knowledge about real scientists and the idea about scientific activity as a thinking and intellectual work. Assessing cinematographic images reflects this. Working young people have a lack of scientific research in the content of professional activity; they are estranged from scientific reality and suffer from a lack of objective information. Thus, working young people construct the image of a scientist on the basis of their representations about scientists and also cinematographic images, reflecting stereotypes of scientists (often through demonstrating the tools of scientific work). This testifies to the simplification of the image of a scientist among working young people.

Substantial characteristics of the image of an ideal scientist are analogous among working and studying young people. However, the image forming foundation differs in the two studied groups.



Keywords

ideal scientist, image, image creating basis, cinematographic image, cognitive factor, personal factor, image of scientist, professional activity, stereotype, educational activity

Highlights

- ▶ Two factors (cognitive and personal) describe the image of a scientist among modern young people; it is rather simplified.
- ▶ Professional or learning activity and cinematographic images form the image creating basis for the image of a scientist among young people.
- ▶ Young people's knowledge about real scientists and stereotypical cinematographic images influence the image of an ideal scientist.

Acknowledgments

The authors express appreciation of M. D. Rogozina's assistance in gathering empirical data.

For citation

Razina T.V., Volodarskaya E.A. The Image of an Ideal Scientist Among Modern Russian Youth. *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal – Russian Psychological Journal*, 2017, V. 14, no. 4, pp. 8–25 (in Russian).

Original manuscript received 07.08.2017

Введение

Социально-психологическое изучение механизмов восприятия науки и формирования представлений о ней, исследование системы отношений науки и общества стали предметом целенаправленного самостоятельного анализа феноменологии имиджа науки. Значимыми дискуссионными вопросами являются вопросы социально-психологической детерминации формирования этого феномена, методологии его анализа, принципов функционирования, психологических возможностей целенаправленного управления, содержательной специфики имиджа науки у разных социальных групп, его влияния на профессиональные предпочтения, в частности, молодежи, на интерес и научное мировоззрение, а также многие другие аспекты проблемного поля имиджа науки.

Субъект научного творчества – ученый, научные группы, наука в целом, представления о ней, существующие в обществе, могут быть проанализированы в трехмерном пространстве предметного, социального и психологического векторов.



Динамика имиджа науки может быть связана с непрерывным ускорением развития научной мысли, быстрым расширением объема научного знания, изменениями социального контекста функционирования института науки, усложнением форм взаимодействия науки и общества, а также спецификой практического запроса, который выступает важным драйвером теоретического осмысления социально-психологических проблем в целом.

Основными информационными каналами формирования социальных представлений о науке выступают непосредственное взаимодействие с представителями профессионального научного сообщества, собственный опыт исследовательской деятельности (непосредственная имиджформирующая основа), а также деятельность СМИ, слухи, влияние третьих лиц (опосредованная имиджформирующая основа).

Транслируемая в СМИ информация о деятельности ученых, состоянии научного сообщества приводит к формированию образа данной сферы социальной практики у молодых поколений, опосредуя профессиональные предпочтения и выбор возможной самореализации в исследовательской деятельности.

В ходе нашего исследования мы предполагали, что, во-первых, характер деятельности личности (учебно-профессиональная у студентов и трудовая у работающей молодежи) определяет представления о науке и научных работниках, обеспечивая существенные отличия в данных представлениях.

Во-вторых, имидж ученого у современной молодежи в значительной степени взаимосвязан с транслируемыми СМИ (в частности, кинематографом) образами научных работников.

Целью данной статьи является изучение содержательных характеристик имиджа ученого у различных групп современной молодежи, а также взаимосвязь этих характеристик с образами научных работников, формируемых кинематографом. **Объектом** исследования выступил образ идеального ученого.

Предметом исследования стало сравнение кинематографических образов ученого и образа идеального ученого у молодых людей в их структурно-содержательных имиджевых характеристиках.

Теоретические основы исследования

Специфика имиджа науки рассматривается с опорой на общепсихологические [1] и социально-психологические подходы в исследовании научной деятельности и творческого мышления [2, 3, 4, 5, 6], исследование индивидуально-психологических особенностей ученого и коллективного характера исследовательской деятельности [7, 8, 9, 10, 11], принципы имиджологического



подхода к анализу конкретных субъектов имиджа [12, 13, 14, 15], теорию социальных представлений [16].

Материалы и методы

Выборка включала в себя 77 испытуемых – жителей г. Ярославля. Первую группу (учащиеся) составили 42 студента старших курсов психологического и математического факультетов, из них девушек – 35 (83,3%), юношей – 7 (16,7%). Средний возраст – 22,7 года. Во вторую группу испытуемых (работающие) вошли 35 сотрудников коммерческой организации, работающих в сфере IT, из них девушек – 21 (60%), юношей – 14 (40%). Средний возраст – 26,7 лет, 91% респондентов этой группы имеют высшее образование.

Критерием выделения групп респондентов стали опыт использования научного знания и вовлеченность в научную среду разными аудиториями имиджа науки. Взаимодействие студентов со сферой науки проявляется в усвоении научного знания в ходе реализации программ учебных дисциплин по соответствующим образовательным стандартам, непосредственного общения с преподавателями, формирования навыков самостоятельной исследовательской деятельности. У респондентов, работающих в сфере IT, личный научный опыт, полученный ранее в вузе, расширяется за счет применения навыков в профессиональной деятельности при работе с программными продуктами и высокими технологиями.

Исследование осуществлялось в два этапа.

Первый этап (подготовительный) был направлен на выделение содержательной специфики образа ученого у респондентов. Для этого был использован метод семантического дифференциала, в ходе которого респонденты должны были оценить идеального, по их мнению, ученого по 31 биполярной шкале с семибальной градацией от –3 до +3. Шкалы включали личностные, профессиональные качества, которые могут характеризовать научных работников. Выбор данного набора шкал обусловлен результатами предыдущих исследований, в частности, данными контент-анализа мнений заведующих кафедрами и руководителями исследовательских лабораторий по поводу оценки исследовательской продуктивности характеристик их непосредственных подчиненных-ученых [17]. Были выделены такие качества ученого, как ум, целеустремленность, решительность, принципиальность, честность, разносторонность, неординарность, самокритичность, высокая работоспособность, добросовестность, известность, высокая самооценка, нацеленность на результат, любознательность, настойчивость, воображение, гибкость ума, терпимость, чувство юмора, оптимизм, умение выражать свои мысли, умение принимать новое, готовность рисковать, независимость мышления,



образность мышления, терпимость к неопределенности, самодисциплина, нравственность, оригинальность, инициативность и др.

Полученный массив данных был подвергнут факторному анализу (варимакс нормализованный). Метод каменистой осыпи показал наличие двух факторов, в которые вошли шкалы, имевшие факторный вес более 0,7 (таблица 1).

Таблица 1. Распределение шкал на факторы в результате факторного анализа

Table 1. Distribution of scales by factors after factor analysis

Шкалы семантического дифференциала <i>Scales of semantic differential</i>	Фактор 1 личностный <i>Factor 1 personal</i>	Фактор 2 когнитивный <i>Factor 2 cognitive</i>
Целеустремленность Purposefulness	0,81	0,22
Решительность Resoluteness	0,77	0,15
Принципиальность Adherence to principle	0,71	0,26
Разносторонность Versatility	0,70	0,31
Неординарность Originality	0,75	0,17
Высокая работоспособность High working capacity	0,72	0,33
Нацеленность на результат Focus on results	0,76	0,23
Фантазия Rich imagination	0,75	0,14
Способность правильно формулировать проблему Ability to formulate problems properly	0,15	0,72
Терпимость к неопределенности Tolerance for uncertainty	0,19	0,71
Дисциплина Discipline	-0,03	0,74
Собственное значение Own value	8,56	6,17
Доля дисперсии Dispersion proportion	0,28	0,20



На основании того, какие шкалы вошли в тот или иной фактор, они были условно обозначены как «личностный» и «когнитивный». Личностный фактор включал индивидуально-психологические, характерологические качества человека, которыми, по мнению респондентов, должен обладать ученый. Когнитивный фактор включал качества, необходимые для эффективной интеллектуальной работы ученого в процессе исследовательской деятельности.

Отметим, что выделенные факторы в сумме исчерпывают лишь 45 % дисперсии, что говорит о наличии неких иных, латентных качеств, важных для характеристики ученых, но не вошедших в факторы. Это может быть следствием крайне различных представлений об ученых, бытующих в группе респондентов, а также говорить об отсутствии однозначно и четко определенного образа представителя данной сферы деятельности. Последнее подтверждается отзывами самих испытуемых, которые при выполнении задания отмечали, что они не знают, как к нему приступить, затрудняются в оценке качеств идеального ученого, никогда не задумывались над этим вопросом.

Второй этап (основной) исследования был направлен на изучение имиджа идеального ученого, а также оценку образов научных работников – героев 12-ти кинолент с последующим сравнением меры схожести представлений об ученом, сложившихся у молодых людей, с кинематографическими образами, транслируемыми в СМИ, и построением семантического пространства.

Исследование представляло собой по форме лабораторный эксперимент, в ходе которого респондентам показывались видеозаписи одно- и двухминутных фрагментов из 12-ти фильмов, где главными героями были ученые. Экспериментальный материал был подобран таким образом, чтобы в нем присутствовали фильмы как автобиографического характера, так и фантастика, во-первых, с вымышленным (например, оживление искусственного человека, создание машины времени, посещение марсиан и т. д.) и, во-вторых, с реалистичным (чтение лекции, лабораторные исследования и т. д.) сюжетами демонстрируемых фрагментов художественных фильмов.

Испытуемые должны были оценить сначала идеального, по их мнению, современного ученого, а затем отдельно каждый образ из показанных в видеофрагментах ученых. Оценка производилась на основе 11-ти шкал, полученных на первом этапе исследования. Результаты обрабатывались с помощью методов описательной статистики и формул для подсчета семантических расстояний в двухфакторном семантическом пространстве.

Результаты

Семантическое пространство имиджа идеального ученого и оценок кинематографических образов научных работников в обеих группах студентов и работающих респондентов представлено на рисунке 1.

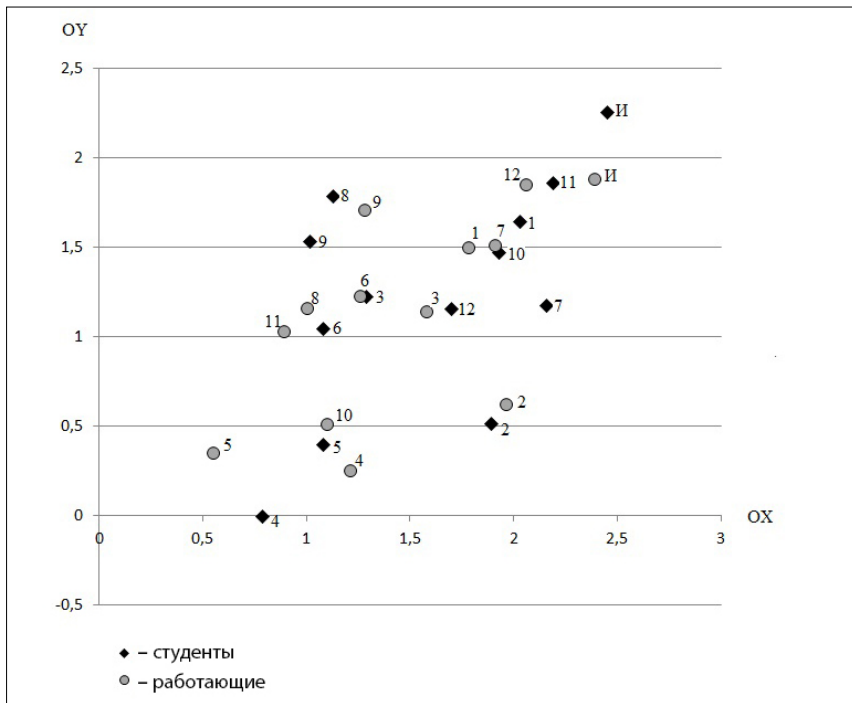


Рисунок 1. Семантическое пространство образов ученого в группах студентов (№ 1) и работающей молодежи (№ 2)

Figure 1. Semantic space of the image of a scientist in the group of students (no. 1) and the group of working young people (no. 2)

Условные обозначения: OX – личностный фактор, OY – когнитивный фактор. Точки семантического пространства: И – идеальный образ, под номерами – кинематографические образы ученых из фильмов: 1 – «Академик Иван Павлов», реж. Г. Л. Рошаль, («Мосфильм», 1949); 2 – «Назад в будущее», реж. Р. Земекис («Universal», 1985); 3 – «Парк юрского периода», реж. С. Спилберг («Universal», 1993); 4 – «Ван Хельсинг», реж. С. Сомерс («Central Partnership», 2004); 5 – «Охотники за привидениями», реж. А. Райтман («MGM», 1984); 6 – «Красные огни», реж. Р. Кортез («Warner Bros.», 2011); 7 – «Чокнутый профессор», реж. Т. Шэдьак («Universal», 1996); 8 – «Марс атакует», реж. Т. Бёртон («Warner Bros.», 1996); 9 – «Прибытие», реж. Д. Вильнёв («Paramount», 2016); 10 – «Вселенная Стивена Хокинга», реж. Д. Марш («Working Title Films», 2014); 11 – «Игры разума», реж. Р. Ховард («DreamWorks SKG», 2001); 12 – «Невероятный Халк», реж. Л. Летерье («Marvel Enterprises», 2008).

Было подсчитано семантическое расстояние в группах студентов и работающей молодежи между оценкой идеального ученого и оценкой ученых, созданных кинематографом (таблица 2).



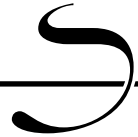
Таблица 2. Семантические расстояния между образом идеального ученого и кинематографическими образами в двух группах

Table 2. Semantic distance between the image of an ideal scientist and cinematographic images in two groups

	Название фильма Movie title	1 группа Group no. 1	2 группа Group no. 2
1.	«Академик Иван Павлов» "Academician Ivan Pavlov"	0,74	0,72
2.	«Назад в будущее» "Back to the Future"	1,83	1,33
3.	«Парк юрского периода» "Jurassic Park"	1,55	1,10
4.	«Ван Хельсинг» "Van Helsing"	2,80	2,01
5.	«Охотники за привидениями» "Ghostbusters"	2,31	2,39
6.	«Красные огни» "Red Lights"	1,83	1,30
7.	«Чокнутый профессор» "The Nutty Professor"	1,12	0,61
8.	«Марс атакует» "Mars Attacks"	1,40	1,57
9.	«Прибытие» "The Arrival"	1,60	1,12
10.	«Вселенная Стивена Хокинга» "The Universe with Stephen Hawking"	0,94	1,88
11.	«Игры разума» "A Beautiful Mind"	0,47	1,72
12.	«Невероятный Халк» "The Incredible Hulk"	1,33	0,33
	Среднее Mean score	1,49	1,34
	Стандартное отклонение Standard deviation	0,66	0,61

Примечание: «жирным» шрифтом выделены минимальные расстояния между кинематографическим образом и образом идеального ученого, курсивом – максимальные расстояния.

Note: bold font indicates the minimum distance between the cinematographic image and the image of an ideal scientist; italic font indicates the maximum distance.



Обсуждение результатов

В обеих группах объект «идеальный ученый» характеризовался максимальными баллами по личностному и когнитивному факторам и, таким образом, в семантическом пространстве располагался в правом верхнем углу (рисунок 1). Если ориентироваться на содержание шкал, вошедших в личностный и когнитивный факторы, то идеальный ученый должен обладать такими качествами, как целеустремленность, решительность, принципиальность, нацеленность на результат. По-видимому, это должно обеспечиваться за счет высокой работоспособности, которую респонденты также приписывают ученым. Кроме того, научный работник воспринимается как разносторонне развитая и неординарная личность, обладающая богатой фантазией.

Набор когнитивных качеств идеального ученого включает способность правильно формулировать проблему, выражать свои мысли, что бесспорно является крайне важным в научной работе. Помимо этого, ученый должен обладать устойчивостью к неопределенности, т. е. действовать, работать в ситуации, когда вопросов больше, чем ответов. Эта характеристика достаточно близка к конструкту когнитивной незавершенности, который сейчас активно исследуется в контексте развития интеллектуального творчества [18, 19]. Другой важной характеристикой является внутренняя дисциплина, в том числе и дисциплина мышления.

Показательно, что ни в один фактор не вошла такая характеристика, как ум. Вероятно, это связано с тем, что высокий ум оценивался респондентами как качество, которое присуще не только ученым. Также образ ученого по данному критерию мог быть оценен двояко: с точки зрения сложности решаемых научных проблем и с точки зрения стереотипа о поведении ученого в реальной жизни как «недотепы», «не от мира сего», беспомощного, неадаптивного (т. е. неумного). Подобное двоякое восприятие идеального ученого определяется разными аспектами имиджа. Предметный компонент имиджа науки связан с оценкой содержания предметной деятельности, развитием знания о природе и обществе. Поиск нового обуславливает возможность ухода исследователя от повседневных проблем. Это, в свою очередь, влияет на оценку социального аспекта имиджа науки, положение ученого в обществе, статус и престиж профессии. В этой связи характеристика «ум» может быть встроена в континуум «теоретический – практический», что и проявилось в противоречии этих двух типов и в отсутствии признака ума в имидже идеального ученого.

Семантическое расстояние между образами идеальных ученых в двух группах составило 0,37 и попадает в зону средних значений (среднее 0,57, стандартное отклонение 0,41). Таким образом, можно сказать, что представления об идеальном ученом в группе студентов и в группе работающей



молодежи не имеют кардинальных отличий, хотя, безусловно, не идентичны. Основой для этих сходных представлений является, по-видимому, опыт получения высшего образования, который уже состоялся у большинства работающих респондентов и на момент исследования был актуальным для группы студентов.

На рисунке 1 в семантических пространствах двух групп испытуемых видно, что ученые – художественные герои оценены более низко по обоим факторам по сравнению с оценками идеального ученого. При этом, вероятно, кинематографические образы ученых, более близких в оценках к образу идеального ученого, послужили прототипами, имиджформирующей основой для создания образа идеального ученого или отражают некоторые черты этого образа.

Данные в таблице 2 показывают, что для студентов наиболее близкими к образу идеального ученого оказались видеосюжеты, описывающие жизнь реальных ученых – Ивана Петровича Павлова, Алана Тьюинга, Стивена Хокинга. Фрагменты фильмов об этих людях демонстрировали беседы ученого с друзьями и коллегами в привычных ситуациях, размышления, логические рассуждения, т. е. интеллектуальную, мыслительную деятельность.

В группе работающих молодых людей наиболее близкими к образу идеального ученого стали образы как реальных ученых (И. П. Павлов), так и вымышленные персонажи (биохимики из фантастических фильмов «Чокнутый профессор» и «Невероятный Халк»). Все видеосюжеты демонстрировали вполне реалистичные ситуации исследовательской деятельности – работу ученого в лаборатории, но получаемый продукт был фантастический. В сюжете про И. П. Павлова лабораторное оборудование имеет подчиненное значение по сравнению с содержанием диалогов, но все равно присутствует. В сюжетах про биохимиков лабораторное оборудование, работа с ним и созданное в результате вещество-продукт выходят на первый план, составляют их основное содержание при отсутствии рассуждений героя, которые могли бы свидетельствовать об интеллектуальных усилиях. Вероятно, для испытуемых второй группы важным критерием формирования представлений об идеальном ученом выступает наличие инструментов и продуктов труда ученого, иными словами, средового имиджа. Это согласуется с нашими исследованиями образа ученого в рисунках детей, где в качестве основного критерия, определяющего принадлежность к научному миру, выступает наличие лабораторного оборудования, в первую очередь, разнообразных пробирок для химических опытов [20].

Общим для обеих групп испытуемых стал фрагмент фильма про И. П. Павлова, когда главный герой оценен всеми респондентами как наиболее близкий к образу идеального ученого. Возможное это следствие



известности выдающегося русского ученого-физиолога подавляющему числу молодых людей, принявших участие в исследовании. Фактор знания о реальных ученых и их вкладе в науку, по-видимому, является определяющим для формирования образа научного работника. В то же время, когда таких знаний нет, в качестве наполнения образа начинают выступать внешние средовые критерии – инструменты и материальные продукты научного труда.

Не менее интересным является анализ кинематографических образов, которые, по мнению испытуемых, в наименьшей степени соответствуют образу идеального ученого. В группе студентов и в группе работающих выявились одни и те же образы, а именно: образ ученого-злодея, создавшего Франкенштейна из фильма «Ван Хельсинг», и образ психолога из фильма «Охотники за привидениями». Респонденты достаточно однозначно квалифицировали эти фильмы как фантастические, а соответственно, действующие там ученые, их методы работы, инструменты и продукты вымышлены, далеки от реальности. Более того, в фильме «Ван Хельсинг» ученый обладает крайне непривлекательной, отталкивающей внешностью, является «злым гением». Несмотря на то, что характеристики «красота» и «гуманизм», как имиджформирующие качества ученого, не вошли в основные (когнитивный и личностный) факторы образа исследователя, они, по-видимому, все-таки могли оказать влияние на выбор респондентов на основе принципа системно-смысловой организации перцептивного образа при присутствии некоторой центральной характеристики. Красивого ученого из фильмов респонденты оценили как хорошего, честного, умного и талантливого, а уродливого героя – как плохого, лживого, глупого, злого.

В фильме «Охотники за приведениями» ученый выглядит симпатичным, но по своему амплуа приближается скорее к «неудачнику» или «простаку», что также не вяжется с положительным образом. Для первой группы значимым был факт демонстрации проведения психологического эксперимента по выявлению паранормальных способностей. Изучение этих явлений не входит в предметное поле современной научной психологии и могло показаться студентам-психологам недостаточно достоверным и объективным либо противоречащим их знаниям. Более того, эксперимент демонстрировал подтасовку фактов, что, возможно, также негативно сказалось на оценке персонажа, поскольку этический кодекс исследователя предполагает честность, беспристрастность, незаинтересованность и прочие моральные качества, оцениваемые респондентами как крайне важные для ученого. Заведомый обман воспринимался респондентами как несоответствующий образу ученого в обеих группах.

В группе работающих респондентов к числу сюжетов, наиболее далеких от образа идеального ученого, попал также и сюжет из фильма «Вселенная



Стивена Хокинга». Возможно, это связано с тем, что выбранный отрывок демонстрировал нетипичную, с точки зрения респондентов, деятельность ученого – танцы и флирт на вечеринке. Научное содержание беседы, которая при этом происходит, по-видимому, игнорируется испытуемыми, является незначимым либо воспринимается как неуместное.

В работах ряда зарубежных авторов показано, что чем более стереотипным представляется образ ученого, тем с меньшей вероятностью молодежь выберет научную карьеру в качестве профессиональной [21, 22]. С этой позиции студенты имеют больше шансов перейти от учебной деятельности к научно-исследовательской, сделав ее своей основной профессией, а вероятность того, что работающая молодежь переориентируется на научно-исследовательскую работу, крайне незначительна. Поэтому профориентационные мероприятия в области научно-исследовательской деятельности, которые будут, в том числе, включать мероприятия по созданию адекватного образа современного научного работника, целесообразно начинать в старших классах школы и в вузе.

Выводы

По итогам исследования можно сказать, что образ ученого в группах студентов и работающей молодежи достаточно схож, но при этом упрощен и включает два основных фактора – когнитивный и личностный. Так, идеальный ученый должен обладать когнитивными характеристиками (целеустремленность, решительность, принципиальность, разносторонность, неординарность, высокая работоспособность, нацеленность на результат, воображение) и личностными качествами (терпимость к неопределенности, самодисциплина, способность правильно формулировать проблему), позволяющими быть продуктивным в исследовательском поиске. Причиной сходства имиджа является, в первую очередь, опыт высшего образования респондентов, в рамках которого они знакомятся с основами наук, ее историей, автобиографиями ученых. Однако этот опыт приводит к определенной стереотипизации имиджа, чему способствует унификация образовательных программ, сокращение общегуманитарного и естественнонаучного циклов.

Образ идеального ученого довольно близок к кинематографическим образам, но для первой группы студентов – это образы реальных ученых, и имиджформирующей основой выступает мыслительная исследовательская деятельность. Для работающей молодежи – это могут быть как образы реальных, так и вымышленных ученых, а имиджформирующей основой здесь является наличие внешних стереотипных представлений о работе ученого: инструментария и продукта. Это обусловлено сокращением притока новых общенаучных знаний и контакта с их носителями у работающих респондентов,



недостаток которых восполняется за счет СМИ – в том числе Интернета, кинематографа. Таким образом, содержание деятельности – учебной и профессиональной – оказывает определенное влияние на имидж ученого через приоритетные источники его формирования. Отсутствие поступления адекватной и реалистичной информации о научных работниках в дальнейшем может приводить к усилению стереотипизации и искажению образа ученого в сознании молодежи.

Литература

1. *Воробьева Е. В.* Технология объективной психофизиологической оценки мотивационных особенностей студентов-психологов. – М. : КРЕДО, 2016. – 102 с.
2. *Ушаков Д. В.* Культура и поддержка знания, интеллекта, одаренности // Социальная психология знания / под общ. ред. А. Л. Журавлева, Д. В. Ушакова. – М. : Изд-во ИП РАН, 2016. – С. 89–112.
3. *Юревич А. В.* Социально-психологические особенности российской науки // Социальная психология знания / под общ. ред. А. Л. Журавлева, Д. В. Ушакова. – М. : Изд-во ИП РАН, 2016. – С. 176–196.
4. *Журавлев А. Л., Нестик Т. А.* Социально-психологические методы фасилитации совместного анализа опыта и обмена знаниями // Социальная психология знания / под общ. ред. А. Л. Журавлева, Д. В. Ушакова. – М. : Изд-во ИП РАН, 2016. – С. 357–377.
5. *Юревич А. В.* Социально-психологические факторы производства и распространения технологических инноваций // Социальная психология знания / под общ. ред. А. Л. Журавлева, Д. В. Ушакова. – М. : Изд-во ИП РАН, 2016. – С. 378–397.
6. *Leydesdorff L., Perevodchikov E., Uvarov A.* Measuring Triple-Helix Synergy in the Russian Innovation Systems at Regional, Provincial and National Levels // Journal of the Association of Information Science and Technology. – 2015. – Vol. 66, Issue 6. – P. 1229–1238. – DOI: [10.1002/asi.23258](https://doi.org/10.1002/asi.23258)
7. *Гаврилова Е. В., Ушаков Д. В.* Личностное знание в структуре передачи научного опыта // Социальная психология знания / под общ. ред. А. Л. Журавлева, Д. В. Ушакова. – М. : Изд-во ИП РАН, 2016. – С. 141–152.
8. *Abakumova I. V., Ermakov P. N., Fedotova O. D., Latun V. V.* Plagiarism and anti-plagiarism in education and science // EDULEARN16 Proceedings 8th International Conference on Education and New Learning Technologies. – Barcelona : IATED, 2016. – С. 4714–4719.
9. *Arzenšek A., Košmrlj K., Širca N. T.* Slovenian young researchers' motivation for knowledge transfer // Higher education. – 2014. – Vol. 68, № 2. – P. 185–206. – DOI: [10.1007/s10734-013-9702-0](https://doi.org/10.1007/s10734-013-9702-0)



10. *Imbert C., Muldoon R., Sprenger J., Zollman K.* Introduction. The collective dimension of science // *Synthese*. – 2014. – Vol. 191, № 1. – P. 1–2. – DOI: [10.1007/s11229-013-0349-2](https://doi.org/10.1007/s11229-013-0349-2)
11. *Vermeir K.* Scientific research: Commodities or commons? // *Science and education*. – 2013. – Vol. 22, № 10. – P. 2485–2510. – DOI: [10.1007/s11191-012-9524-y](https://doi.org/10.1007/s11191-012-9524-y)
12. *Перельгина Е. Б., Савичева Н. А.* Развитие имиджа и личностной устойчивости руководителя // *Человеческий капитал*. – 2015. – № 1 (73). – С. 51–53.
13. *Цветкова Н. А., Петрова Е. А., Горшкова В. В.* Социально-психологические характеристики текущего, зеркального и желаемого имиджа преподавателя вуза // *Ученые записки Российского государственного социального университета*. – 2017. – Т. 16, № 1 (140). – С. 50–61.
14. *Moliner P.* Les représentations sociales et les images // *Les représentations sociales. Theories, methodes et applications / G. L. Monaco, S. Delouee, P. Rateau (eds.)*. – Louvain-la-Neuve : Editions De Boeck, 2016. – P. 420–430.
15. *Moliner P.* Psychologie sociale de l'image. – Grenoble : Presses universitaires de Grenoble, 2016. – 166 p.
16. *Les représentations sociales. Theories, methodes et applications / G. L. Monaco, S. Delouee, P. Rateau (eds.)*. – Louvain-la-Neuve : Editions De Boeck, 2016. – 510 p.
17. *Разина Т. В.* Структурно-функциональная организация и генезис мотивации научной деятельности : дисс. ... д. психол. н. – Ярославль, 2016. – 612 с.
18. *Kossowska M., Bar-Tal Y.* Need for closure and heuristic information processing: The moderating role of the ability to achieve the need for closure // *British Journal of Psychology*. – 2013. – Vol. 104, №4. – P. 457–480. – DOI: [10.1111/bjop.12001](https://doi.org/10.1111/bjop.12001)
19. *Labe B. I.* Need for cognitive closure among vocational technical student teachers in some Nigerian universities // *International Journal of Vocational and Technical Education*. – 2016. – Vol. 8 (3). – P. 20–24. – URL: <http://www.academicjournals.org/journal/IJVTE/article-abstract/345EE3558786>
20. *Володарская Е. А., Разина Т. В.* Источниковая база для изучения имиджа ученого // *Человеческий капитал*. – 2017. – № 2 (98). – С. 6–11.
21. *Christidou V.* Interest, attitudes and images related to science: Combining students' voices with the voices of school Science, teachers, and popular science // *International Journal of Environmental & Science Education*. – 2011. – Vol. 6, Issue 2. – P. 141–159.
22. *Miele E.* Using the Draw-a-Scientist Test for Inquiry and Evaluation // *Journal of College Science Teaching*. – 2014. – Vol. 43, № 4. – P. 36–40. – DOI: [10.2505/4/jcst14_043_04_36](https://doi.org/10.2505/4/jcst14_043_04_36)



References

1. Vorob'eva E. V. *Tekhnologiya ob"ektivnoi psikhofiziologicheskoi otsenki motivatsionnykh osobennostei studentov-psikhologov* [Method for objective psychophysiological assessment of psychology students' motivation]. Moscow, KREDO Publ., 2016. 102 p.
2. Ushakov D. V. Culture and supporting knowledge, intellect, and talent. In: Zhuravleva A. L., Ushakov D. V. (eds.) *Sotsial'naya psikhologiya znaniya* [Social psychology of knowledge]. Moscow, Institute of Psychology, Russian Academy of Science Publ., 2016, pp. 89–112.
3. Yurevich A. V. Socio-psychological characteristics of Russian science. In: Zhuravleva A. L., Ushakov D. V. (eds.) *Sotsial'naya psikhologiya znaniya* [Social psychology of knowledge]. Moscow, Institute of Psychology, Russian Academy of Science Publ., 2016, pp. 176–196.
4. Zhuravlev A. L., Nestik T. A. Socio-psychological methods for facilitating the joint analysis of experience and knowledge sharing. In: Zhuravleva A. L., Ushakov D. V. (eds.) *Sotsial'naya psikhologiya znaniya* [Social psychology of knowledge]. Moscow, Institute of Psychology, Russian Academy of Science Publ., 2016, pp. 357–377.
5. Yurevich A. V. Socio-psychological factors for producing and distributing technological innovation. In: Zhuravleva A. L., Ushakov D. V. (eds.) *Sotsial'naya psikhologiya znaniya* [Social psychology of knowledge]. Moscow, Institute of Psychology, Russian Academy of Science Publ., 2016, pp. 378–397.
6. Leydesdorff L., Perevodchikov E., Uvarov A. Measuring triple-helix synergy in the Russian innovation systems at regional, provincial and national levels. *Journal of the Association of Information Science and Technology*, 2015, V. 66, Issue 6, pp. 1229–1238. DOI: [10.1002/asi.23258](https://doi.org/10.1002/asi.23258)
7. Gavrilova E. V., Ushakov D. V. Personal knowledge in transferring scientific experience. In: Zhuravleva A. L., Ushakov D. V. (eds.) *Sotsial'naya psikhologiya znaniya* [Social psychology of knowledge]. Moscow, Institute of Psychology, Russian Academy of Science Publ., 2016, pp. 141–152.
8. Abakumova I. V., Ermakov P. N., Fedotova O. D., Latun V. V. Plagiarism and anti-plagiarism in education and science. *EDULEARN16 Proceedings 8th International Conference on Education and New Learning Technologies*. Barcelona, IATED, 2016, pp. 4714–4719.
9. Arzenšek A., Košmrlj K., Širca N. T. Slovenian young researchers' motivation for knowledge transfer. *Higher education*, 2014, V. 68, no. 2, pp. 185–206. DOI: [10.1007/s10734-013-9702-0](https://doi.org/10.1007/s10734-013-9702-0)
10. Imbert C., Muldoon R., Sprenger J., Zollman K. Introduction. The collective dimension of science. *Synthese*, 2014, V. 191, no. 1, pp. 1–2. DOI: [10.1007/s11229-013-0349-2](https://doi.org/10.1007/s11229-013-0349-2)



11. Vermeir K. Scientific research: Commodities or commons? *Science and education*, 2013, V. 22, no. 10, pp. 2485–2510. DOI: [10.1007/s11191-012-9524-y](https://doi.org/10.1007/s11191-012-9524-y)
12. Perelygina E. B., Savicheva N. A. A manager's image and personal resistance. *Chelovecheskii kapital – Human Capital*, 2015, no. 1 (73), pp. 51–53 (in Russian).
13. Tsvetkova N. A., Petrova E. A., Gorshkova V. V. Socio-psychological characteristics of a university teacher's current, mirror, and desired image. *Uchenye zapiski Rossiiskogo gosudarstvennogo sotsial'nogo universiteta – Scientific Notes of Russian State Social University*, 2017, V. 16, no. 1 (140), pp. 50–61 (in Russian).
14. Moliner P. Les representations sociales et les images. In: Monaco G. L., Delouvee S., Rateau P. (eds.) *Les representations sociales. Theories, methodes et applications*. Louvain-la-Neuve, Editions De Boeck, 2016, pp. 420–430.
15. Moliner P. *Psychologie sociale de l'image*. Grenoble, Presses universitaires de Grenoble, 2016. 166 p.
16. Monaco G. L., Delouvee S., Rateau P. (eds.) *Les representations sociales. Theories, methodes et applications*. Louvain-la-Neuve, Editions De Boeck, 2016. 510 p.
17. Razina T. V. *Strukturno-funktsional'naya organizatsiya i genesis motivatsii nauchnoi deyatel'nosti* [Structural functional organization and genesis of motivation for scientific activity]. Diss. Dr. Sci. (Psych.). Yaroslavl, 2016. 612 p.
18. Kossowska M., Bar-Tal Y. Need for closure and heuristic information processing: The moderating role of the ability to achieve the need for closure. *British Journal of Psychology*, 2013, V. 104, no. 4, pp. 457–480, DOI: [10.1111/bjop.12001](https://doi.org/10.1111/bjop.12001)
19. Labe B. I. Need for cognitive closure among vocational technical student teachers in some Nigerian universities. *International Journal of Vocational and Technical Education*, 2016, V. 8 (3), pp. 20–24. URL: <http://www.academic-journals.org/journal/IJVTE/article-abstract/345EE3558786>
20. Volodarskaya E. A., Razina T. V. Source base for studying the scientist's image. *Chelovecheskii kapital*, 2017, no. 2 (98), pp. 6–11.
21. Christidou V. Interest, attitudes and images related to science: Combining students' voices with the voices of school Science, teachers, and popular science. *International Journal of Environmental & Science Education*, 2011, V. 6, Issue 2, pp. 141–159.
22. Miele E. Using the Draw-a-Scientist Test for inquiry and evaluation. *Journal of College Science Teaching*, 2014, V. 43, no. 4, pp. 36–40. DOI: [10.2505/4/jcst14_043_04_36](https://doi.org/10.2505/4/jcst14_043_04_36)



УДК 159.99

DOI: [10.21702/rpj.2017.4.2](https://doi.org/10.21702/rpj.2017.4.2)

К проблеме содержания деятельности психологической службы в различных образовательных организациях

Лариса А. Цветкова, Елена Н. Волкова, Елена Ю. Коржова,
Анастасия В. Микляева*

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

* E-mail: a.miklyaeva@gmail.com

Аннотация

Введение. Авторами доказывается актуальность пересмотра целей, задач и основных направлений деятельности психологической службы образовательных учреждений, разработки единых стандартов функционирования психологической службы, которые бы отвечали реалиям современного образования. Новизна исследования заключается в выявлении представлений педагогов-психологов, работающих в настоящее время в различных образовательных организациях, о содержании своей профессиональной деятельности, ее цели и видах.

Материалы и методы. Для сбора эмпирических данных использовался метод онлайн-опроса. В исследовании приняли участие 2135 педагогов-психологов, занятых в различных образовательных организациях: детских садах, школах, центрах психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи, детских домах-интернатах, учреждениях дополнительного образования, средних специальных учебных заведениях.

Результаты исследования. Полученные данные показывают, что представления педагогов-психологов о целях и средствах собственной профессиональной деятельности отражают особенности образовательной организации, в которой осуществляется их профессиональная деятельность (цели и задачи организации, специфику контингента обучающихся, организационные аспекты работы педагога-психолога и т. д.). При этом, вне зависимости от того, в какой сфере заняты педагоги-психологи, они ориентированы на реализацию трудовых функций «психодиагностика», «коррекционно-развивающая и просветительская работа», «психологическое консультирование»; функции, связанные с сопровождением реализации образовательных программ и экспертизой образовательной среды, реализуются педагогами-психологами значительно реже.

Обсуждение результатов. Полученные данные демонстрируют неоднородность представлений педагогов-психологов о целях своей профессиональной деятельности на современном этапе развития психологической службы в образовательных



учреждениях. Содержание представлений опосредовано спецификой образовательных услуг, а также организационными условиями профессиональной деятельности. Результаты свидетельствуют о необходимости создания концепции психологической службы в образовании, обобщающей потребности различных образовательных организаций. На основе полученных результатов предложено дополнить «Концепцию развития психологической службы в системе образования в Российской Федерации на период до 2025 года» описанием вариативных моделей организации профессиональной деятельности педагогов-психологов в образовательных организациях разных типов.

Ключевые слова

модернизация системы образования, психологическая служба образования, профессиональный стандарт педагога-психолога, профессиональная деятельность, онлайн-опрос, цели деятельности, значимость видов деятельности, тип образовательной организации, стаж работы, образование

Основные положения

- ▶ на современном этапе развития психологической службы образования представления педагогов-психологов о содержании своей профессиональной деятельности неоднородны и отражают цели и задачи конкретных образовательных организаций, а также специфику их контингента; также отмечается разная динамика представлений о содержании своей профессиональной деятельности, сопряженная с накоплением профессионального опыта;
- ▶ педагоги-психологи в большей степени ориентированы на реализацию традиционных видов профессиональной деятельности (психодиагностика, психологическое консультирование и просвещение, коррекционно-развивающая работа); сопровождение реализации образовательных программ и экспертиза образовательной среды, предусмотренные Профессиональным стандартом деятельности педагога-психолога, отражены в их представлениях о содержании своей профессиональной деятельности в меньшей степени;
- ▶ полученные результаты демонстрируют необходимость разработки концепции психологической службы в образовании, обобщающей специфику деятельности различных образовательных организаций.

Благодарности

Статья подготовлена в рамках работы по ГК «Разработка механизмов аттестации педагогов-психологов», № госрегистрации 07.029.11.0001. Инв. № 40/17.

Для цитирования

Цветкова Л. А., Волкова Е. Н., Коржова Е. Ю., Микляева А. В. К проблеме содержания



деятельности психологической службы в различных образовательных организациях // Российский психологический журнал. – 2017. – Т. 14, № 4. – С. 26–48.

Материалы статьи получены 23.10.2017

UDC 159.99

DOI: [10.21702/rpj.2017.4.2](https://doi.org/10.21702/rpj.2017.4.2)

Psychological Service Activities in Various Educational Institutions

Larisa A. Tsvetkova, Elena N. Volkova, Elena Yu. Korzhova,
Anastasiya V. Miklyeva*

Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russian Federation

* Correspondence author. E-mail: a.miklyeva@gmail.com

Abstract

Introduction. Goals, aims, and main directions of psychological service activities in educational institutions need revising. Uniform standards for psychological service, meeting the new realities of modern education, should be developed. The present study reveals representations about the content of professional activities, its goals and types in educational psychologists currently working in various educational institutions.

Materials and Methods. The study involved 2135 educational psychologists working in various educational institutions: (a) kindergartens, (b) schools, (c) psycho-pedagogical, medical, and social assistance centers, (d) boarding schools, (e) establishments of additional education, (f) and vocational schools. The study employed online survey for the collection of empirical data.

Results. The findings showed that the educational psychologists' representations about goals and means of their own professional activities depended on characteristics of educational institutions where they worked (goals and objectives of an organization, features of its student body, organizational aspects of an educational psychologist's work, etc.). Regardless the field of activity, the educational psychologists implemented the following labour functions: (a) psychodiagnostics, (b) correctional developing and educational work, and (c) psychological counseling. The educational psychologists supported the implementation of educational programs and the expertise of the educational environment much less frequently.

Discussion. The obtained data demonstrate heterogeneity in the educational psychologists' representations about goals of their professional activities at the present stage of the development of psychological service in educational institutions. Characteristics of educational service and also organizational conditions of professional activities affect the content of the representations. Future work will involve creating



the concept of psychological service in education generalizing the needs of various educational institutions. The findings can be readily used for supplementing the Concept of the Development of Psychological Service in the Education System in the Russian Federation by 2025 by the variable models of educational psychologists' professional activities in various educational institutions.

Keywords

modernization of educational system, psychological service in education, professional standard, professional activity, online survey, activity goals, importance of activities, educational institution type, work experience, education

Highlights

- ▶ Educational psychologists' representations about the content of their professional activities are heterogeneous and reflect goals and objectives of a concrete educational institution, and also the characteristics of its student body. The accumulation of professional experience determines different dynamics of representations about the content of professional activities.
- ▶ Educational psychologists are more focused on the implementation of the traditional professional activities (psychodiagnostics, psychological counseling, education, and correctional developing work). The educational psychologists supported the implementation of educational programs and the expertise of the educational environment much less frequently.
- ▶ It is necessary to create the concept of psychological service in education generalizing the needs of various educational institutions.

Acknowledgments

The paper was prepared in the framework of the project "Development of Mechanisms for Educational Psychologists' Certification"; project no. 07.029.11.0001–40/17.

For citation

Tsvetkova L. A., Volkova E. N., Korzhova E. Yu., Miklyaeva A. V. Psychological Service Activities in Various Educational Institutions. *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal – Russian Psychological Journal*, 2017, V. 14, no. 4, pp. 26–48 (in Russian).

Original manuscript received 23.10.2017

Введение

Система образования в настоящее время претерпевает обновление принципов ее функционирования, что предполагает глубокие изменения в содержании образовательной деятельности с учетом требований современной



жизни. В условиях модернизации всей системы образования наблюдается явная необходимость пересмотра целей, задач и основных направлений деятельности психологических служб образовательных учреждений, актуализируется проблема разработки единых стандартов функционирования психологической службы, отвечающей реалиям современной образовательной ситуации. Соответствующие вопросы сегодня довольно активно обсуждаются профессиональным психолого-педагогическим сообществом, и в этом обсуждении конкретизируются проблемы, требующие первоочередного решения.

Одна из основных проблем связана с определением целей деятельности психологической службы в образовательном учреждении. В различных источниках, многие из которых имеют статус официальных документов, предлагается широкий спектр вариантов целей, например:

- психолого-педагогическое сопровождение образовательного процесса в образовательных организациях общего, профессионального и дополнительного образования, основных и дополнительных образовательных программ [1];
- обеспечение психологического здоровья обучающихся [2, 3];
- создание условий для личностного развития и жизненного самоопределения обучающихся [4];
- содействие администрации и педагогическим коллективам образовательных учреждений всех типов в создании социальной ситуации развития, соответствующей индивидуальности обучающихся, воспитанников и обеспечивающей психологические условия для охраны здоровья и развития личности обучающихся, воспитанников, их родителей (законных представителей), педагогических работников и других участников образовательного процесса; содействие в приобретении обучающимися, воспитанниками образовательных учреждений психологических знаний, умений и навыков, необходимых для получения профессии, развития карьеры, достижения успеха в жизни [5];
- оказание помощи обучающимся, воспитанникам образовательных учреждений в определении своих возможностей, исходя из способностей, склонностей, интересов, состояния здоровья [5];
- содействие педагогическим работникам, родителям (законным представителям) в воспитании обучающихся, воспитанников, а также формировании у них принципов взаимопомощи, толерантности, милосердия, ответственности и уверенности в себе, способности к активному социальному взаимодействию без ущемления прав и свобод другой личности [5].

Очевидно, что в проведенных выше формулировках прослеживается существенная разница в трактовках ожидаемых результатов деятельности педагогов-психологов, а также в определении субъектов образовательного



процесса, которым преимущественно адресована психолого-педагогическая работа, что свидетельствует об отсутствии единых представлений о целях и задачах деятельности психологической службы образовательного учреждения на данном этапе развития.

Другой актуальный вопрос в контексте проблемы развития психологических служб в системе образования касается видов деятельности, которые реализуют педагоги-психологи. Традиционно принято выделять такие виды деятельности педагога-психолога, как психологическая диагностика, развивающая и психокоррекционная работа, психологическое консультирование, психологическое просвещение и психологическая профилактика [6, 7, 8]. Однако сегодня, в условиях перехода на новую образовательную модель, предполагающую реализацию Федеральных государственных образовательных стандартов нового поколения, спектр видов деятельности психолога в образовательном учреждении значительно расширяется [9, 10, 11, 12, 13, 14], в деятельность психолога включается решение экспертных, методических, проектировочных задач в контексте организации и реализации образовательного процесса [15, 16, 17, 18, 19]. Параллельно с этим в мировой психологической практике последовательно формируется представление о школьном психологе как посреднике в отношениях между субъектами образования [20, 21, 22]. Это приводит к пересмотру традиционных моделей профессиональной деятельности педагога-психолога.

В частности, довольно распространенной становится тенденция к рассмотрению в качестве ведущего направления профессиональной деятельности психолога психопрофилактики, что характерно в последние годы как для отечественной [14, 23, 24, 25, 26, 27, 28], так и для зарубежной психологической практики [29, 30]. Психопрофилактика понимается в таком случае не как особый вид деятельности, а как «мегафункция» всей психологической службы в образовании, заключающаяся в создании максимально благоприятных условий для укрепления психологического здоровья обучающихся, предотвращения и своевременной коррекции нарушений их психического развития и социализации детей. Психодиагностическая, развивающая и психокоррекционная, психолого-просветительская, консультационная, экспертная, методическая и проектировочная деятельность выступают теми видами деятельности, которые операционализируют функционирование психологической службы образования. Формирующаяся сегодня профилактическая модель деятельности психологической службы образовательного учреждения представляется нам весьма перспективной и с точки зрения решения практических вопросов, связанных с организацией деятельности педагогов-психологов, и с точки зрения решения



теоретико-методологических вопросов, касающихся осмысления целей и задач функционирования психологической службы, ее места в системе образования в целом.

Однако в целом можно констатировать, что в данный момент психолого-педагогическое сообщество далеко от единства во взглядах на цели, задачи и приоритетные направления профессиональной деятельности педагога-психолога в образовательном учреждении. В этой связи очевидна актуальность задачи прояснения и обобщения различных позиций, разделяемых представителями психолого-педагогического сообщества, что и определило цель нашего исследования.

Материалы и методы

Цель исследования заключалась в выявлении представлений педагогов-психологов, работающих в различных образовательных организациях, о содержании своей профессиональной деятельности. Исследование проводилось методом онлайн-опроса. Выборку составили 2135 специалистов (в том числе 2065 женщин и 70 мужчин, средний возраст опрошенных – 38,39 лет), занимающих должность педагога-психолога в различных образовательных организациях: школах – 31,15 %, детских садах – 30,30 %, центрах психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи (ЦППМСП) – 6,00 %, детских домах-интернатах (ДДИ) – 0,61 %, учреждениях дополнительного образования (УДО) – 2,67 %, средних специальных учебных заведениях (ссуз) – 1,59 %. Подробная характеристика выборки представлена в таблице 1.

Для проведения опроса использовалось анкетирование, в анкету были включены 18 вопросов. В данной статье анализируются результаты, полученные с помощью вопросов, в наибольшей степени отвечающих обсуждаемой проблематике:

1. Каковы, с Вашей точки зрения, цели деятельности психологической службы в образовательной организации? Респондентам были предложены варианты ответов, отражающие основные подходы к решению этого вопроса в современной психолого-педагогической литературе (см. выше), а также ответ «другое» с возможностью раскрыть свою точку зрения.

2. Какие виды деятельности, по Вашему мнению, в наибольшей степени соответствуют задачам, которые должен решать педагог-психолог в образовательной организации? Респондентам предлагалось оценить виды деятельности, зафиксированные в Профессиональном стандарте [1], за исключением психопрофилактической деятельности (поскольку, в соответствии с изложенным выше, мы понимаем психопрофилактику как основное направление деятельности психологической службы).



Таблица 1. Характеристика выборки

Table 1. Characteristics of the sample

Характеристики респондентов <i>Characteristics of respondents</i>		Образовательные организации <i>Educational institutions</i>					
		Школа <i>School</i>	Детский сад <i>Kindergarten</i>	ЦППМСП РРМСАС (Psycho-pedagogical, medical, and social assistance center)	ДДИ <i>BS (Boarding school)</i>	УАО <i>EAE (Establishment of additional education)</i>	Ссуз <i>VS (Vocational school)</i>
Средний возраст, лет <i>Mean age</i>		38,3	37,9	39,1	35,1	40,8	36,5
Образование, % <i>Education, %</i>	Высшее психологическое <i>Higher psychological</i>	75,5	76,3	83,6	84,6	61,4	85,3
	Высшее педагогическое <i>Higher pedagogical</i>	11,2	13,5	5,5	7,7	15,8	5,9
	Профессиональная переподготовка в области психологии <i>Professional retraining in psychology</i>	10,5	6,8	8,6	7,7	22,8	8,8
	Среднее профессиональное, психологическое или педагогическое <i>Secondary vocational, psychological or pedagogical</i>	1,1	0,5	-	-	-	-
	Непрофильное <i>Nonspecialized</i>	1,7	2,9	2,3	-	-	5,9



Характеристики респондентов <i>Characteristics of respondents</i>		Образовательные организации <i>Educational institutions</i>					
		Школа <i>School</i>	Детский сад <i>Kindergarten</i>	ЦППМСП РРМСАС (Psychological, medical, and social assistance center)	АДИ <i>BS (Boarding school)</i>	УАО <i>EAE (Establishment of additional education)</i>	Ссуз <i>VS (Vocational school)</i>
Стаж работы по специальности, % <i>Work experience in a speciality, %</i>	Менее 1 года <i>Less than a year</i>	8,2	11,9	3,9	7,7	7,02	14,7
	1–3 года <i>1–3 years</i>	27,0	25,3	16,4	23,1	26,3	35,3
	4–7 лет <i>4–7 years</i>	23,0	25,1	18,6	30,8	17,5	17,7
	8–15 лет <i>8–15 years</i>	24,2	25,7	26,6	30,8	24,6	20,6
	Более 15 лет <i>More than 15 years</i>	17,7	11,6	34,6	17,7	24,6	11,8

Результаты исследования

Данные, представленные в таблице 1, позволяют дать обобщенную характеристику педагогов-психологов, работающих в различных образовательных организациях. Чаще всего – это женщина среднего возраста, имеющая высшее психологическое образование. При этом наиболее опытные специалисты относительно чаще работают в ЦППМСП, педагоги-психологи с минимальным опытом работы встречаются, в первую очередь, в детских садах и школах. Также стоит отметить, что именно в ЦППМСП отмечается самый большой процент специалистов с профильным высшим образованием, соответствующим требованиям Профессионального стандарта; наименьшее количество таких специалистов наблюдается в школах, детских садах и особенно УДО.

Результаты опроса показывают, что представления педагогов-психологов, работающих в различных образовательных организациях, о целях своей профессиональной деятельности, различаются (см. таблицу 2).



Таблица 2. Частота различных категорий ответов на вопрос о целях деятельности психологической службы в образовательной организации, %

Table 2. Percentage of various answers to the question about the purpose of psychological service in educational institutions, %

Цели деятельности Objectives	Образовательные организации Educational institutions					
	Школа School	Детский сад Kindergarten	ЦПМСП РРМСАС (Psycho-pedagogical, medical, and social assistance center)	ААИ BS (Boarding school)	УАО ЕАЕ (Establishment of additional education)	ССУЗ VS (Vocational school)
Обеспечение психологического здоровья обучающихся Ensuring students' psychological health	17,3	14,6	15,0	15,4	20,0	20,4
Оказание помощи обучающимся в определении своих возможностей Assisting students in determining their abilities	14,4	14,2	23,4	15,4	12,7	14,7
Создание условий для личностного развития и жизненного самоопределения обучающихся Creating conditions for students' personal development and self-determination	7,4	6,8	10,6	23,1	1,8	2,9
Содействие в приобретении обучающимися психологических знаний, умений и навыков, необходимых для достижения успеха в жизни Enhancing psychological knowledge and skill acquisition for success in life	4,5	4,8	5,3	7,7	10,9	–



Цели деятельности Objectives	Образовательные организации Educational institutions					
	Школа School	Детский сад Kindergarten	ЦППМСП РРМСАС (Psycho-pedagogical, medical, and social assistance center)	ДДИ BS (Boarding school)	УАО ЕАЕ (Establishment of additional education)	ССУЗ VS (Vocational school)
Психолого-педагогическое сопровождение образовательного процесса Psycho-pedagogical support of the educational process	13,9	13,8	15,0	15,4	12,7	29,6
Содействие администрации и педагогическим коллективам образовательных учреждений в создании ситуации развития, обеспечивающей условия для охраны здоровья и развития личности участников образовательного процесса Assisting administration and pedagogical collectives in creating developmental situations ensuring health and personal development of the educational process participants	24,9	21,1	16,5	7,7	12,7	8,8
Содействие педагогическим работникам, родителям (законным представителям) в воспитании обучающихся Assisting pedagogues and parents (legal representatives) in educating students	17,4	24,7	14,2	15,4	29,1	23,5



Педагоги-психологи, работающие в школах, детских садах, УДО и ссузах, ориентированы, прежде всего, на взаимодействие с «взрослыми» субъектами образовательного процесса: администрацией, педагогами и родителями (законными представителями) обучающихся; сами обучающиеся (воспитанники) оказываются в фокусе их профессионального внимания реже. По всей вероятности, в этом находит отражение тот факт, что в этих типах образовательных организаций довольно большой контингент обучающихся (воспитанников), охватить который в полной мере педагогу-психологу лично просто не под силу. В этих условиях администрация образовательного учреждения, педагоги и родители обучающихся становятся своеобразными «посредниками» между педагогом-психологом и обучающимися. Для педагогов-психологов ЦППМСП и ДДИ на первое место выходят цели, связанные непосредственно с обучающимися, что, вероятно, обусловлено «обозримостью» (ограниченностью численности) контингента образовательных организаций данного типа.

Кроме того, можно отметить, что цели профессиональной деятельности, фиксируемые педагогами-психологами, имеют тенденцию в общем виде отражать цели и задачи образовательной организации, в которой осуществляется его профессиональная деятельность, а также специфику ее контингента. Так, для педагогов-психологов, работающих в ЦППМСП, приоритетной оказалась цель, связанная с оказанием помощи обучающимся, для педагогов-психологов ДДИ – содействие личностному развитию и жизненному самоопределению обучающихся, для педагогов-психологов ссузов – психолого-педагогическое сопровождение образовательного процесса, для педагогов-психологов детских садов и УДО – содействие педагогам и родителям в воспитании обучающихся, для педагогов-психологов школ – содействие администрации и педагогическим коллективам в создании социальной ситуации развития, способствующей охране здоровья и развитию личности участников образовательного процесса. Таким образом, можно утверждать, что представление педагогов-психологов о целях своей профессиональной деятельности опосредовано спецификой той сферы образовательных услуг, в которой они заняты.

На фоне описанной неоднородности представлений педагогов-психологов о целях своей профессиональной деятельности возникает вопрос о том, какие средства ее осуществления оказываются в приоритете в образовательных организациях разного типа. В данной статье ответ на этот вопрос раскрывается через анализ видов профессиональной деятельности, которые педагоги-психологи считают в наибольшей степени соответствующими стоящим перед ними профессиональным целям (см. таблицу 3).



Таблица 3. Виды деятельности, в наибольшей степени соответствующие целям деятельности педагога-психолога, %

Table 3. Percentage of activities the most consistent with educational psychologists' objectives

Виды деятельности Activities	Образовательные организации Educational institutions					
	Школа School	Детский сад Kindergarten	ЦППМСП РРМСАС (Psycho-pedagogical, medical, and social assistance center)	АДДС (Boarding school)	УАО ЕАЕ (Establishment of additional education)	ССУЗ VS (Vocational school)
Психолого-педагогическое и методическое сопровождение реализации образовательных программ Psycho-pedagogical and methodical support of educational programs	63,5	74,3	70,3	92,3	70,2	61,8
Психологическая экспертиза комфортности и безопасности образовательной среды Psychological expertise of comfort and safety in the educational environment	67,2	83,4	88,5	84,6	68,4	76,5
Психологическое консультирование субъектов образовательного процесса Psychological counseling	93,2	94,4	93,0	92,3	91,2	91,2
Коррекционно-развивающая работа с обучающимися, в том числе по восстановлению и реабилитации Psycho-correction and rehabilitation of students	91,4	95,2	96,1	100	91,2	97,1



Виды деятельности Activities	Образовательные организации Educational institutions					
	Школа School	Детский сад Kindergarten	ЦППМСП РРМСАС (Psycho-pedagogical, medical, and social assistance center)	ДДИ ВС (Boarding school)	УДО ЕАЕ (Establishment of additional education)	Ссуз VS (Vocational school)
Психологическая диагностика обучающихся Psychological diagnostics of students	94,7	96,3	96,1	92,3	96,5	91,2
Психологическое просвещение субъектов образовательного процесса Psychological education of the educational process participants	88,4	90,7	93,0	100	86,0	82,4

Из таблицы 3 очевидно, что несмотря на определенные различия в представлениях о целях своей профессиональной деятельности, педагоги-психологи, вне зависимости от того, в какой образовательной организации они работают, ориентированы, прежде всего, на такие виды деятельности, как психодиагностическая и коррекционно-развивающая работа с обучающимися, а также психологическое консультирование и просвещение субъектов образовательного процесса. Трудовые функции «психолого-педагогическое и методическое сопровождение реализации образовательных программ» и «психологическая экспертиза комфортности и безопасности образовательной среды», включенные в Профессиональный стандарт деятельности педагога-психолога, в целом воспринимаются как менее значимые в общей структуре видов деятельности. Стоит отметить также, что наиболее широкий спектр видов профессиональной деятельности, реализуемых в практической работе, характерен для педагогов-психологов, занятых в ЦППМСП и ДДИ.

Интересными представляются оценки значимости видов деятельности педагога-психолога, предложенные специалистами с различным стажем работы. К сожалению, ограниченный объем выборки специалистов, работающих в ДДИ, ссузах и УДО, не позволил провести подробный анализ в этих подгруппах. В выборках педагогов-психологов, работающих в школах, детских садах и ЦППМСП,



количество респондентов оказалось достаточным для того, чтобы проследить изменения значимости различных видов профессиональной деятельности в сознании педагогов-психологов на различных этапах их профессионального пути. Результаты анализа представлены в виде графиков (см. рисунки 1–3).

Данные, представленные на рисунке 1, свидетельствуют о том, что среди педагогов-психологов, работающих в школе, такие виды деятельности, как сопровождение реализации образовательных программ и экспертиза комфортности и безопасности образовательной среды не рассматриваются в качестве достаточно значимых вне зависимости от этапа профессионального пути. На начальных этапах профессионализации школьные педагоги-психологи ориентированы, в первую очередь, на психодиагностику, высокие оценки значимости которой поддерживаются и по мере накопления профессионального опыта, а также на психологическое консультирование и коррекционно-развивающую работу, в чуть меньшей степени – психологическое консультирование. Интересно, что «пик» разнообразия трудовых функций, рассматриваемых школьными педагогами-психологами как значимые, приходится на период 1–3 лет работы по специальности; в дальнейшем все трудовые функции, за исключением психодиагностики, в большей или меньшей степени обесцениваются, и их значимость возрастает вновь лишь после 10–15 лет работы. Можно предположить, что за этим фактом стоит профессиональное выгорание школьных педагогов-психологов, работа которых зачастую сопряжена с необходимостью охватить большой по численности контингент учащихся, их родителей и педагогов, недостаточными возможностями получить своевременную методическую помощь и профессиональную поддержку, дистанционностью от профессионального сообщества (ведь зачастую педагог-психолог оказывается замкнутым в пространстве своего образовательного учреждения, в котором он является единственным специалистом подобного профиля), противоречивыми ожиданиями со стороны администрации школы.

В выборке педагогов-психологов, работающих в детском саду, в целом наблюдается весьма схожая картина (см. рисунок 2), однако снижение значимости основных трудовых функций после трех лет работы менее выражено. Роль психодиагностики, коррекционно-развивающей, консультационной и просветительской работы в структуре профессиональной деятельности так же, как и в случае школьных педагогов-психологов, оценивается довольно высоко, при этом деятельность по сопровождению реализации образовательных программ и экспертизе образовательной среды относительно более высока. В целом, несмотря на сходство данных, представленных на рисунках 1 и 2, оценки педагогов-психологов, работающих в детских садах, выглядят более сбалансировано.

График, отражающий значимость различных видов профессиональной деятельности педагогами-психологами ЦППМСП, отличается от аналогичных



графиков, полученных на материале оценок педагогов-психологов школ и детских садов (см. рисунок 3). На первых этапах профессионального пути педагоги-психологи ЦППМСП также отдают приоритет психодиагностической работе, к которой добавляется решение просветительских задач. По мере накопления профессионального опыта постепенно возрастают оценки значимости других трудовых функций, исключение составляет только деятельность по психолого-педагогическому сопровождению реализации образовательных программ (необходимо отметить, что образовательные программы, реализуемые на базе ЦППМСП, педагогом-психологом, как правило, не сопровождаются, а непосредственно проводятся).

Эффект обесценивания трудовых функций, отмеченный, прежде всего, у школьных педагогов-психологов, в данной выборке не выражен. В целом, по мере накопления профессионального опыта представления педагогов-психологов ЦППМСП о значимых видах профессиональной деятельности расширяются, количество трудовых функций, роль которых оценивается довольно высоко, постепенно возрастает. Одним из возможных объяснений этого факта могут являться организационные особенности деятельности педагога-психолога в ЦППМСП, представляющего собой учреждение, в котором психологическая помощь является одним из профилирующих направлений оказания услуг: конкретизированные цели и задачи профессиональной деятельности, ограниченный по объему контингент клиентов, возможность постоянного общения с коллегами, создающего условия для профессиональной поддержки и обмена опытом, более реалистичные ожидания со стороны администрации.

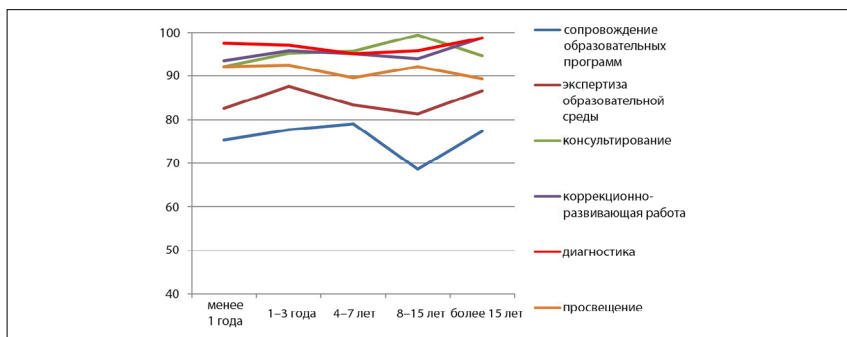


Рисунок 1. Оценка значимости различных видов профессиональной деятельности школьными педагогами-психологами с различным стажем работы, %

Figure 1. Importance of various professional activities (school educational psychologists with different work experience), %

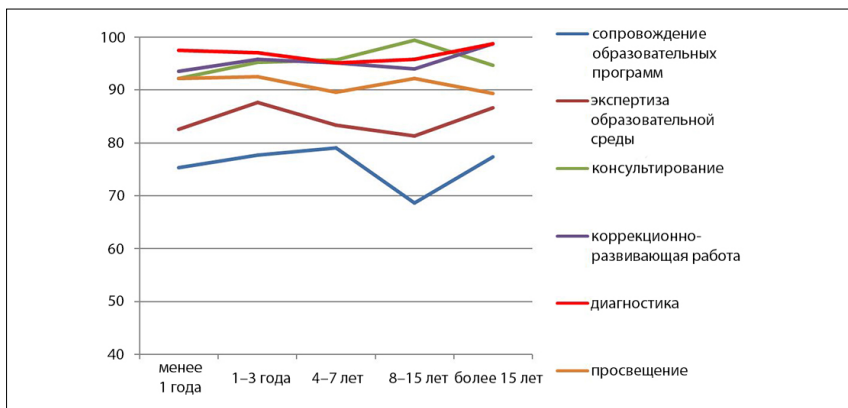


Рисунок 2. Оценка значимости различных видов профессиональной деятельности педагогами-психологами детских садов с различным стажем работы, %

Figure 2. Importance of various professional activities (educational psychologists of kindergartens with different work experience), %

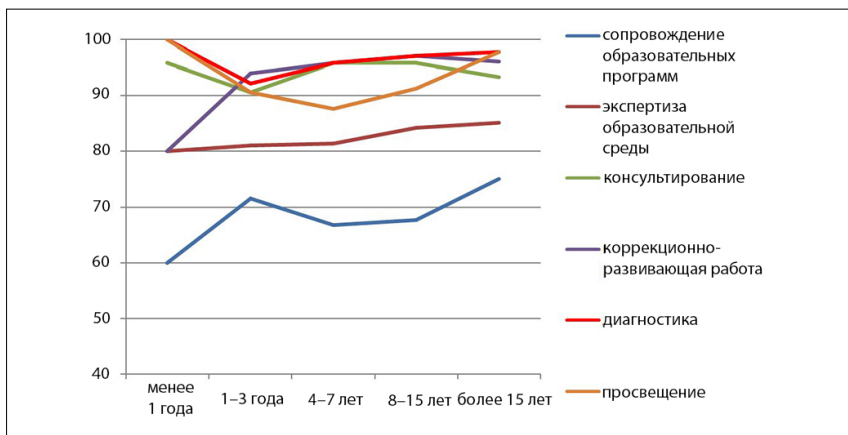


Рисунок 3. Оценка значимости различных видов профессиональной деятельности педагогами-психологами ЦППМСП с различным стажем работы, %

Figure 3. Importance of various professional activities (educational psychologists of psycho-pedagogical, medical, and social assistance centers with different work experience), %



Обсуждение результатов

По результатам проведенного исследования можно констатировать, что на современном этапе развития психологической службы в образовательных учреждениях наблюдается выраженная неоднородность представлений педагогов-психологов о целях и видах их профессиональной деятельности. Содержание этих представлений опосредовано спецификой образовательных услуг, предоставляемых той или иной образовательной организацией, а также организационными условиями, в которых осуществляется профессиональная деятельность педагога-психолога.

Полученные результаты свидетельствуют о насущной необходимости создания концепции психологической службы в образовании, обобщающей потребности различных образовательных организаций. Эта работа в данный момент начата, и ее результаты находят свое отражение, в частности, в проекте Концепции развития психологической службы в системе образования в Российской Федерации на период до 2025 года [3]. Вместе с тем, на основе представленных выше данных напрашивается вывод о необходимости конкретизации содержания этого документа посредством формулирования целей и задач профессиональной деятельности педагога-психолога не только в соответствии с характеристиками различных образовательных ступеней (как это сделано в текущей версии Концепции), но и с учетом особенностей образовательных организаций разных типов (целей и задач деятельности образовательных организаций, специфики контингента обучающихся, организационных условий деятельности педагога-психолога и т. д.). Это позволит разработать вариативные модели организации деятельности педагогов-психологов в образовательных организациях разных типов, дифференцированные нормативы профессиональной деятельности педагогов-психологов, а также обеспечить доступ к информационным ресурсам, супервизии/интервизии и повышению квалификации, соответствующим конкретному содержанию профессиональной психолого-педагогической деятельности.

Литература

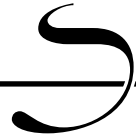
1. Приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 24 июля 2015 г. № 514-н «Об утверждении профессионального стандарта «Педагог-психолог (психолог в сфере образования)». – URL: http://psyjournals.ru/files/77328/prof_standart_psychologist.pdf (дата обращения: 11.10.2017).
2. *Климова Ж. В.* Профилактика девиантного поведения подростков как направление деятельности психологической службы среднего профессионального образования // Региональное образование: современные тенденции. – 2016. – № 2 (29). – С. 81–86.



3. Концепция развития психологической службы в системе образования в Российской Федерации на период до 2025 года (проект). – URL: <http://www.psy.msu.ru/search.html?searchid=2110522&text> (дата обращения: 11.10.2017).
4. Методические рекомендации о деятельности социально-педагогической и психологической службы учреждения образования. Министерство образования Республики Беларусь. 22 мая 2008 г. № 12-01-05/3871-2. – URL: <http://uvd45.ru/30/8979/> (дата обращения: 11.10.2017).
5. Приказ Министерства образования Российской Федерации от 22.10.99 г. № 636 «Положение о службе практической психологии в системе Министерства образования Российской Федерации». – URL: <http://legalacts.ru/doc/prikaz-minobrazovanija-rf-ot-22101999-n-636/> (дата обращения: 11.10.2017).
6. *Битянова М. Р.* Организация психологической работы в школе. – М. : Совершенство, 1998. – 298 с.
7. *Овчарова Р. В.* Практическая психология образования. – М. : Академия, 2005. – 448 с.
8. Практическая психология образования / под ред. И. В. Дубровиной. – СПб. : Питер, 2009. – 592 с.
9. *Дубровина И. В.* Задачи психологической службы на инновационном этапе развития образования // XXVI Мерлинские чтения: Психологические инновации в образовании : материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 90-летию со дня образования ПГПИ-ПГПУ. – Пермь : Изд-во ПГГУ, 2011. – С. 18–21.
10. *Дубровина И. В., Андреева А. Д., Данилова Е. Е., Прихожан А. М., Толстых Н. Н., Пахальян В. Э.* Психологическая служба в современном образовании. – СПб. : Питер, 2009. – 400 с.
11. *Забродин Ю. М.* Модернизация психолого-педагогического образования как стратегический ориентир разработки профессионального стандарта педагога-психолога // Психологическая наука и образование. – 2014. – Т. 19, № 3. – С. 58–73.
12. *Забродин Ю. М., Метелькова Е. И., Рубцов В. В.* Концепция и организационно-структурные модели психологической службы образования // Психологическая наука и образование psyedu.ru. – 2016. – Т. 8, № 3. – С. 1–15. – DOI: [10.17759/psyedu.2016080301](https://doi.org/10.17759/psyedu.2016080301)
13. *Игнатова Е. С.* Концепция психологической службы в современном образовании // Психология и психотехника. – 2011. – № 3. – С. 87–96.
14. *Изотова Е. И.* Психологическая служба в образовательном учреждении. – М. : Академия, 2009. – 288 с.
15. *Мальцева А. А.* Психологическая служба как компонент системы образования современной образовательной организации // Наука в со-



- временном мире: теория и практика : Материалы II Международной научно-практической конференции. – Уфа : Изд-во ИЦИПТ, 2014. – С. 57–60.
16. *Метелькова Е. И.* О стратегии модернизации Службы практической психологии образования как инструмента социального развития системы образования // Психологическая наука и образование. – 2010. – № 2. – С. 99–108.
17. *Савицкая Е. М.* Реализация федеральных государственных образовательных стандартов общего образования: психологическое сопровождение (из опыта работы психологической службы МГБОУ Гимназия № 11, Самара) // Поволжский педагогический вестник. – 2014. – № 2 (3). – С. 36–43.
18. *Хван А. А.* Проблемы методического обеспечения деятельности психологов образования // Нижегородское образование. – 2014. – № 1. – С. 17–22.
19. *Шарапановская Е. В., Брылева О. А.* Актуальные проблемы развития психологической службы в образовании. – Барнаул : Изд-во АлтГПА, 2010. – 236 с.
20. *Ashton R., Roberts E.* What is valuable and unique about the educational psychologist? // Educational Psychology in Practice. – 2006. – Vol. 22. – P. 111–123. – DOI: [10.1080/02667360600668204](https://doi.org/10.1080/02667360600668204)
21. *Buck D.* Reconstructing educational psychology reports: an historic opportunity to change educational psychologists' advice? // Educational Psychology in Practice. – 2015. – Vol. 31, № 3. – P. 221–234. – DOI: [10.1080/02667363.2015.1030724](https://doi.org/10.1080/02667363.2015.1030724)
22. *MacKay T. A.* The educational psychologist as a community psychologist: Holistic child psychology across home, school and community // Educational and Child Psychology. – 2006. – Vol. 23. – P. 237–245.
23. *Бокова О. А.* Теоретические аспекты работы психологической службы образования по предупреждению возникновения социально-психологических проблем в поведении и развитии личности // Мир науки, культуры, образования. – 2017. – № 4 (65). – С. 226–227.
24. *Буравлева Н. А.* Приоритетность профилактической деятельности психологической службы современного учреждения образования // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. – Серия: Педагогика, психология. – 2011. – № 4. – С. 47–49.
25. *Варенникова А. Д.* Психолого-педагогическая работа как основа профилактики аддиктивного поведения студентов // Педагогическое образование в России. – 2011. – № 1. – С. 93–98.
26. *Пахальян В. Э.* Психопрофилактика в образовании // Вопросы психологии. – 2002. – № 6. – С. 103–113.
27. *Худаева М. Ю.* Профилактика нарушений психологического здоровья ребенка как одна из важнейших задач психологической службы в системе



- образования // Экология субъективной сферы личности. – Белгород : ИД «Белгород», 2016. – С. 231–237.
28. *Artamonova E. G., Efimova O. I., Khydyrova A. V.* Psychologist in the Educational System: His Role in the Prevention of Addiction and Deviance? // *International Journal of Environmental and Science Education*. – 2016. – Vol. 11, № 17. – P. 9891–9901.
29. *Bagley C., Hallam S.* Is there a role for educational psychologists in facilitating managed moves? // *Educational Psychology in Practice*. – 2017. – Vol. 33, Issue 3. – P. 323–333.
30. *Schmidt N.* The promotion of emotional wellbeing for children, parents and families: What gets in the way? // *Educational Psychology in Practice*. – 2008. – Vol. 25. – P. 8–18.

References

1. *Order of the Ministry of Labour and Social Protection of the Russian Federation dated January 20, 2015, no. 23n "Adoption of the professional standard for an educational psychologist (a psychologist in the field of education)".* [Online]. Available at: http://psyjournals.ru/files/77328/prof_standart_psychologist.pdf (Accessed 11 October 2017).
2. Klimova Zh. V. Preventing deviant behavior among adolescents as the direction of psychological service activities in vocational schools. *Regional'noe obrazovanie: sovremennye tendentsii – Regional Education: Current Trends*, 2016, no. 2 (29), pp. 81–86 (in Russian).
3. *The concept of the psychological service development in the Russian Federation education system by 2025.* [Online] Available at: <http://www.psy.msu.ru/search.html?searchid=2110522&text> (Accessed 11 October 2017).
4. *Guidelines for socio-pedagogical and psychological service in educational institutions dated May 22, 2008, no. 12-01-05/3871-2.* [Online] The Ministry of Education of the Republic of Belarus. Available at: <http://uvd45.ru/30/8979/> (Accessed 11 October 2017).
5. *Order of the Ministry of Education of the Russian Federation dated October 22, 1999, no. 636 "Regulations on the practical psychology service in the system of the Ministry of Education of the Russian Federation".* [Online] Available at: <http://legalacts.ru/doc/prikaz-minobrazovanija-rf-ot-22101999-n-636/> (Accessed 11 October 2017).
6. Bityanova M. R. *Organizatsiya psikhologicheskoi raboty v shkole* [Psychological work in school]. Moscow, Sovershenstvo Publ., 1998. 298 p.
7. Ovcharova R. V. *Prakticheskaya psikhologiya obrazovaniya* [Practical educational psychology]. Moscow, Academy Publ., 2005. 448 p.
8. Dubrovina I. V. *Prakticheskaya psikhologiya obrazovaniya* [Practical educational psychology]. St. Petersburg, Piter Publ., 2009. 592 p.



9. Dubrovina I. V. Zadachi psikhologicheskoi sluzhby na innovatsionnom etape razvitiya obrazovaniya [Objectives of psychological service at the innovation stage of education development]. *Materialy vs Rossiiskoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 90-letiyu so dnya obrazovaniya PGPI-PGPU* [Proc. the All-Russian Scientific Conference Dedicated to the 90th Anniversary of Perm State Pedagogical University "Merlin readings–26: Psychological innovations in education"]. Perm, PSPU Publ., 2011, pp. 18–21.
10. Dubrovina I. V., Andreeva A. D., Danilova E. E., Prikhozhan A. M., Tolstykh N. N., Pakhal'yan V. E. *Psikhologicheskaya sluzhba v sovremennom obrazovanii* [Psychological service in modern education]. St. Petersburg, Piter Publ., 2009. 400 p.
11. Zabrodin Yu. M. Modernization in psycho-pedagogical education as a strategic guideline for the development of the professional standard for a psychologist. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie – Psychological Science and Education*, 2014, V. 19, no. 3, pp. 58–73 (in Russian).
12. Zabrodin Yu. M., Metel'kova E. I., Rubtsov V. V. The concept and organizational structural models for psychological service in education. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie psyedu.ru – Psychological Science and Education psyedu.ru*, 2016, V. 8, no. 3, pp. 1–15 (in Russian). DOI: [10.17759/psyedu.2016080301](https://doi.org/10.17759/psyedu.2016080301)
13. Ignatova E. S. The concept of psychological service in modern education. *Psikhologiya i psikhotekhnika – Psychology and Psychotechnics*, 2011, no. 3, pp. 87–96 (in Russian).
14. Izotova E. I. *Psikhologicheskaya sluzhba v obrazovatel'nom uchrezhdenii* [Psychological service in educational institutions]. Moscow, Academy Publ., 2009. 288 p.
15. Mal'tseva A. A. *Psikhologicheskaya sluzhba kak komponent sistemy obrazovaniya sovremennoi obrazovatel'noi organizatsii* [Psychological service as a component of the education system of a modern educational institution]. *Nauka v sovremennom mire: teoriya i praktika: Materialy II Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Proc. the 2nd International Theoretical and Practical Conference "Science in the modern world: Theory and practice"]. Ufa, ITsIPT Publ., 2014, pp. 57–60.
16. Metel'kova E. I. The strategy of modernization of the Service of Practical Psychology in Education as a tool for social development of the education system. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie – Psychological Science and Education*, 2010, no. 2, pp. 99–108 (in Russian).
17. Savitskaya E. M. Implementation of federal state educational standards in general education: Psychological support (on example of psychological service at Samara gymnasium no. 11). *Povolzhskii pedagogicheskii vestnik*, 2014, no. 2 (3), pp. 36–43 (in Russian).



18. Khvan A. A. Methodical support of activities of educational psychologists. *Nizhegorodskoe obrazovanie – Education in Nizhny Novgorod*, 2014, no. 1, pp. 17–22 (in Russian).
19. Sharapanovskaya E. V., Brylev O. A. *Aktual'nye problemy razvitiya psikhologicheskoi sluzhby v obrazovanii* [Current problems of the development of psychological service in education]. Barnaul, Altai State Pedagogical University Publ., 2010. 236 p.
20. Ashton R., Roberts E. What is valuable and unique about the educational psychologist? *Educational Psychology in Practice*, 2006, V. 22, pp. 111–123. DOI: [10.1080/02667360600668204](https://doi.org/10.1080/02667360600668204)
21. Buck D. Reconstructing educational psychology reports: an historic opportunity to change educational psychologists' advice? *Educational Psychology in Practice*, 2015, V. 31, no. 3, pp. 221–234. DOI: [10.1080/02667363.2015.1030724](https://doi.org/10.1080/02667363.2015.1030724)
22. MacKay T. A. The educational psychologist as a community psychologist: Holistic child psychology across home, school and community. *Educational and Child Psychology*, 2006, V. 23, pp. 237–245.
23. Bokova O. A. Theoretical aspects of psychological service activities in education for preventing socio-psychological problems in the individual's behavior and development. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya – The World of Science, Culture, and Education*, 2017, no. 4 (65), pp. 226–227 (in Russian).
24. Buravleva N. A. The priority of preventive activities of psychological service in modern educational institutions. *Vektor nauki Tol'yattinskogo gosudarstvennogo universiteta – Science Vector of Togliatti State University. Series: Pedagogy, Psychology*, 2011, no. 4, pp. 47–49 (in Russian).
25. Varennikova A. D. Psycho-pedagogical work as the basis for preventing addictive behavior among students. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii – Pedagogical Education in Russia*, 2011, no. 1, pp. 93–98 (in Russian).
26. Pakhal'yan V. E. Psychoprophylaxis in education. *Voprosy psikhologii*, 2002, no. 6, pp. 103–113 (in Russian).
27. Khudaeva M. Yu. Preventing disorders of a child's psychological health as the most important goal of psychological service in the educational system. In: Shvetsova V. A. *Ekologiya sub"ektivnoi sfery lichnosti* [The ecology of the individual's subjective sphere]. Belgorod, Belgorod Publ., 2016, pp. 231–237.
28. Artamonova E. G., Efimova O. I., Khydyrova A. V. Psychologist in the Educational System: His Role in the Prevention of Addiction and Deviance? *International Journal of Environmental and Science Education*, 2016, V. 11, no. 17, pp. 9891–9901.
29. Bagley C., Hallam S. Is there a role for educational psychologists in facilitating managed moves? *Educational Psychology in Practice*, 2017, V. 33, Issue 3, pp. 323–333.
30. Schmidt N. The promotion of emotional wellbeing for children, parents and families: What gets in the way? *Educational Psychology in Practice*, 2008, V. 25, pp. 8–18.



УДК 159.9.072

DOI: [10.21702/rpj.2017.4.3](https://doi.org/10.21702/rpj.2017.4.3)

Оценка индивидуально-психологических свойств человека в зависимости от конфигурационных изменений его лица

Владимир А. Барабанщиков^{1,3}, Ирина И. Беспрозванная^{2*}, Кристина И. Ананьева³

¹ Московский государственный психолого-педагогический университет, г. Москва, Российская Федерация

² Центр практической психологии «Восприятие», г. Москва, Российская Федерация

³ Московский институт психоанализа, г. Москва, Российская Федерация

* E-mail: i.besprozvannaya@gmail.com

Аннотация

Введение. Исследуется связь между конфигурацией лица натурщика и представлениями стороннего наблюдателя о чертах его личности. Несмотря на то, что в работах отечественных и зарубежных исследователей весьма проработан вопрос об объективных детерминантах межличностной перцепции, например, типе лица, возрасте и поле натурщика, форме и длительности экспозиции фотоизображения человека и т. п., открытыми остаются вопросы о том, в какой степени восприятие индивидуально-психологических характеристик по фотоизображению лица человека детерминировано его структурой, а также личностными особенностями самого воспринимающего.

Методы. В основе исследования лежит метод сопоставительного анализа оценок индивидуально-психологических свойств натурщиков, выполненных по шкалам методики «Личностный дифференциал», при разнонаправленных трансформациях фотоизображений спокойного лица.

Результаты. Показано, что систематическое варьирование четырех конфигурационных признаков – расположения линии рта и глаз, длины носа и расстояния между зрачками – не только вызывает слабые устойчивые впечатления радости либо грусти, но и меняет представление об индивидуально-психологических особенностях натурщиков. Индуцированная радость ассоциируется с положительными полюсами шкал методики «Личностный дифференциал», индуцированная грусть – с отрицательными. Направленные трансформации по-разному влияют на представления о компонентах имплицитной структуры личности – «оценке», «силе», «активности». В восприятии женских лиц чаще заметна экстравертированность, мужских лиц – доминирование/подчинение. Обнаруженные закономерности модифицируются под влиянием морфотипа лица и самооценки наблюдателя.

Обсуждение результатов. Совокупность полученных данных подтверждает возможность сверхобобщений проявления слабых эмоциональных состояний на



уровне восприятия мимически нейтрального лица и указывает на тесную связь сверхобобщений с Я-концепцией воспринимающей личности.

В заключении делается вывод о том, что разнонаправленное варьирование конфигурационных признаков эмоционально нейтрального лица избирательно влияет на представление о личности натурщиков. Особую роль в оценке личностных особенностей человека по выражению его лица играет симпатия/антипатия наблюдателя к натурщику, а также индивидуально-психологические особенности наблюдателя.

Ключевые слова

восприятие выражений лица, эмоциональные экспрессии, индивидуально-психологические особенности, конфигурационные трансформации лица, индуцированные эмоции, самовосприятие наблюдателя, личностные профили, сверхобобщение, образ коммуниканта, Я-концепция

Основные положения

- ▶ исследование подтвердило возможность сверхобобщения едва заметных экспрессий на более глубоком уровне межличностной перцепции;
- ▶ конфигурационные трансформации лица ослабляют выраженность личностных черт на исходном изображении, вплоть до инверсии их модальности;
- ▶ направленные трансформации лица избирательно влияют на представления о компонентах имплицитной структуры личности – «оценке», «силе», «активности»;
- ▶ представление о личности натурщика по фотоизображениям лица зависит от типа самооценки наблюдателя. Позитивное восприятие наблюдателями собственных черт личности конгруэнтно его оценкам натурщика, тяготеющим к положительному полюсу.

Благодарности

Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 16-06-01101 «Оценка эмоциональных состояний и индивидуально-психологических особенностей личности в процессе общения».

Для цитирования

Барabanщиков В. А., Беспрозванная И. И., Ананьева К. И. Оценка индивидуально-психологических свойств человека в зависимости от конфигурационных изменений его лица // Российский психологический журнал. – 2017. – Т. 14, № 4. – С. 49–77.

Материалы статьи получены 27.10.2017



UDC 159.9.072

DOI: [10.21702/rpj.2017.4.3](https://doi.org/10.21702/rpj.2017.4.3)

Visual Assessment of Personality Traits Depending on Changes in Facial Configuration

Vladimir A. Barabanschikov^{1,3}, Irina I. Besprozvannaya^{2*}, Krisitna I. Ananyeva³

¹ Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation

² "Perception" Center for Practical Psychology, Moscow, Russian Federation

³ Moscow Institute of Psychoanalysis, Moscow, Russian Federation

* Correspondence author. E-mail: i.besprozvannaya@gmail.com

Abstract

Introduction. The study examines the relationship between facial configuration and assessing personality traits. Objective determinants of interpersonal perception, such as facial types, a model's age and gender, the mode and duration of exposure of facial photographs, etc., are well elaborated in domestic and foreign studies. However, questions remain about how facial structure and also the observer's personality characteristics determine the perception of individual psychological characteristics through facial photographs.

Methods. The study employed the comparative analysis of evaluations of individual psychological characteristics by facial photographs by the scales of the Personal Differential Questionnaire in combination with multidirectional transformations of photographs of neutral faces.

Results. A systematic variation of four configuration variables – location of the mouth and eyes, nose length, and pupillary distance – not only causes weak persistent impressions of joy or sadness, but also changes ideas about individual psychological traits. The induced joy was associated with the positive poles of the scales of the Personal Differential Questionnaire; the induced sadness was associated with the negative poles of its scales. Directional transformations had different impacts on ideas about the components of the implicit structure of personality – evaluation, potency, and activity. Extraversion was more often associated with female faces, while the perceived dominance/subordination – with male faces. The observed patterns modified under the influence of facial morphotypes and the observer's self-assessment.

Discussion. The research findings confirm an overgeneralization of weak emotional states when perceiving neutral faces and indicate a close association between overgeneralization and the observer's self-concept.

In conclusion: a multidirectional variation of the configuration variables of emotionally neutral faces selectively affects the perception of personality traits. The observer's sympathy/antipathy and also his/her individual psychological features play a special role in assessing the personality characteristics through facial expressions.



Keywords

perception of facial expressions, emotional expression, individual psychological features, transformations of facial configuration, induced emotions, observer's self-perception, personal profiles, overgeneralization, communicant's image, self-concept

Highlights

- ▶ The study confirmed an overgeneralization of subtle facial expressions at a deeper level of interpersonal perception.
- ▶ Transformations of facial configuration weaken personality traits in an initial facial image, right up to the inversion of their modality.
- ▶ Directional transformations of face selectively influence the ideas about the components of the implicit structure of personality – evaluation, potency, and activity.
- ▶ The perception of personality traits through facial photographs depends on the observer's self-assessment type. The observer's positive view of his/her personality traits is congruent with his/her assessment of an individual by facial photograph gravitating towards a positive pole.

Acknowledgments

This work received funding from the Russian Foundation for Basic Research for a study on Assessing Emotional States and Individual Psychological Personality Characteristics in Communication, project no. 16-06-01101.

For citation

Barabanschikov V. A., Besprozvannaya I. I., Ananyeva K. I. Visual Assessment of Personality Traits Depending on Changes in Facial Configuration. *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal – Russian Psychological Journal*, 2017, V. 14, no. 4, pp. 49–77. (in Russian).

Original manuscript received 27.10.2017

Введение

Выполненные исследования показывают, что в роли источника информации о личности чаще всего выступают не отдельные элементы лица, а их структура, или конфигурация. Э. Брунстик на материале схематических лиц обнаружил, что меняя величину и относительное расположение носа, глаз и рта, можно сконструировать впечатления различных эмоциональных состояний и свойств личности одного и того же человека. В частности, чем выше находится рот, тем радостнее и моложе выглядит лицо, но ниже кажущийся интеллект [1]. В более раннем исследовании, посвященном верификации результатов экспериментов Э. Брунстика на материале фотопортретов, мы показали, что разнонаправленные изменения четырех параметров конфигурации лица – расположения



линий рта и глаз, длины носа и расстояния между зрачками – действительно вызывают устойчивые впечатления радости либо грусти. В их основе лежит реципрокное перераспределение интенсивности индуцированных экспрессий радости и грусти, так или иначе содержащихся в исходном изображении спокойного лица. Существенно, что наряду со слабыми признаками радости и грусти сюда включаются характеристики других базовых эмоций. В зависимости от морфотипа лица и условий его экспозиции совокупность дополнительных конфигурационных признаков формирует аффективный тон лица. Это объясняет, в частности, тот факт, что впечатления страха и вины значимо изменяются параллельно изменениям интенсивности индуцированной грусти, хотя другие экспрессии, такие как интерес, презрение или стыд к трансформациям конфигурационных паттернов, остаются индифферентными [2, 3, 4].

Наше экспериментальное исследование было посвящено изучению роли конфигурационных трансформаций лица в изменении значений оценок индивидуально-психологических особенностей натурщиков. Предполагалось, что разнонаправленные изменения конфигурации одного и того же лица закономерным образом меняют представления о личности натурщика. Согласно гипотезе сверхобобщения [5, 6], призванной объяснить механизм восприятия личностных черт человека по его внешним проявлениям, в зависимости от направления трансформации конфигурационных признаков наблюдатель склонен выделять те индивидуально-психологические особенности натурщика, которые связаны с эмоциями либо радости, либо грусти. В частности, индуцированная радость способна вызвать впечатления открытости, доброты, отзывчивости, дружелюбия, индуцированная грусть – впечатления замкнутости, молчаливости, нерешительности, неуверенности в себе. Можно предположить, что так же, как и при распознавании слабой радости или грусти, исходное мимически нейтральное выражение лица занимает промежуточное положение, при котором воспринимаемые свойства личности сбалансированы и/или представлены слабее.

В отечественных и зарубежных исследованиях оценок личности человека по выражению лица преобладает интерес к объективным детерминантам межличностного восприятия (типу лица, диагностическим признакам, возрасту, полу, форме, длительности экспозиции и т. п.) [7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14]. В ходе выполненного исследования, наряду со структурой стимулов, мы попытались установить зависимость оценок индивидуально-психологических особенностей натурщиков от самооценки наблюдателей.

Методы

В основе методики лежит сопоставительный анализ оценок индивидуально-психологических свойств натурщиков при разнонаправленных



трансформациях фотоизображений спокойного (мимически нейтрального) лица.

Стимульный материал

При подготовке стимульного материала в качестве исходных использовались фотографии трех мужских (*WF2-5*; *JJ3-4*; *PE2-4*) и четырех женских (*PF1-2*; *SW3-3*; *C2-3*; *A1-2*) лиц анфас в спокойном состоянии (рисунок 1), отобранных из базы Pictures of Facial Affect [15].

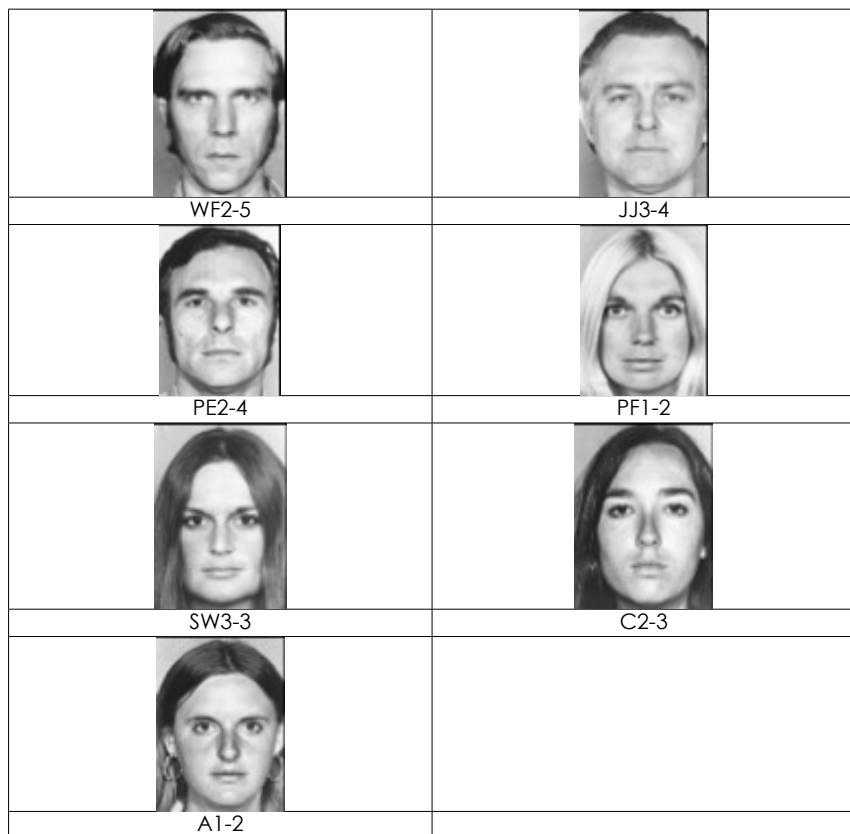


Рисунок 1. Фотопортреты мимически нейтральных лиц из набора POFA [15]

Figure 1. Photographs of emotionally neutral faces, the Pictures of Facial Affect (POFA) set [15]



Пространственные преобразования структуры лица обеспечивались компьютерной программой FantaMorf путем варпинга [16]. Линейным трансформациям (69 % варпинга) подверглись одновременно четыре конфигурационных признака: (1) высота глаз, (2) расстояние между зрачками, (3) длина носа, (4) высота рта, образующие единый конфигурационный паттерн. Последний изменялся в двух противоположных направлениях, которые в экспериментах Э. Брунсвика вели к впечатлениям радости либо грусти. На основе исходных фотографий Е. Г. Хозе (2013) были сконструированы изображения реальных лиц двух типов: *Bt* (*B* – паттерн конфигурационных признаков, использованный в эксперименте Э. Брунсвика, *t* – впечатление грусти), и *Bf* (*f* – впечатление радости). Выражение радости связывалось с (1) высоким лбом или низким расположением линии глаз, (2) большим межзрачковым расстоянием, (3) средним расположением верхнего края носа и укороченным нижним краем носа, (4) приподнятой линией рта. Выражение грусти характеризовалось противоположными признаками: (1) низким лбом, (2) небольшим межзрачковым расстоянием, (3) длинным носом, (4) низким расположением рта. Стимульный материал приведен на рисунке 2.

Испытуемые

В исследовании приняли участие 103 студента вузов г. Москвы: 80 женщин и 23 мужчины, средний возраст – $28,4 \pm 10,3$ года.

Процедура исследования

Исследование проходило в три этапа. На первом этапе проводилась фотосъемка участников исследования с помощью фотокамеры Sony NEX-5N и объектива с фокусным расстоянием 18–55 мм. Фотосъемка выполнялась на однородном фоне при одинаковых условиях освещенности на расстоянии 1,5–2 метра от натурщика с экспокоррекцией от +1 до +2. Фотографировались лица испытуемых до плечевого пояса анфас. Все фотоизображения подверглись обработке в программе Jasc Paint Shope Pro 8: убирались артефакты съемки, приводились к единому размеру (ширина 200 pxl с пропорциональной высотой), а также переводились в градации серого.

Подготовка участников исследования к процедуре эксперимента проходила следующим образом: 1) испытуемого знакомили с требованиями предстоящего исследования; 2) выполнялись фотосъемка испытуемого в стандартизированных условиях и ознакомление испытуемого с его фотоизображением; 3) в присутствии испытуемого проводилась коррекция полученного фотоизображения для согласования его параметров (размера, яркости, цветности) с тестовыми стимулами; 4) фотоизображение испытуемого помещалось в программу PXLab для предъявления стимульных изображений.

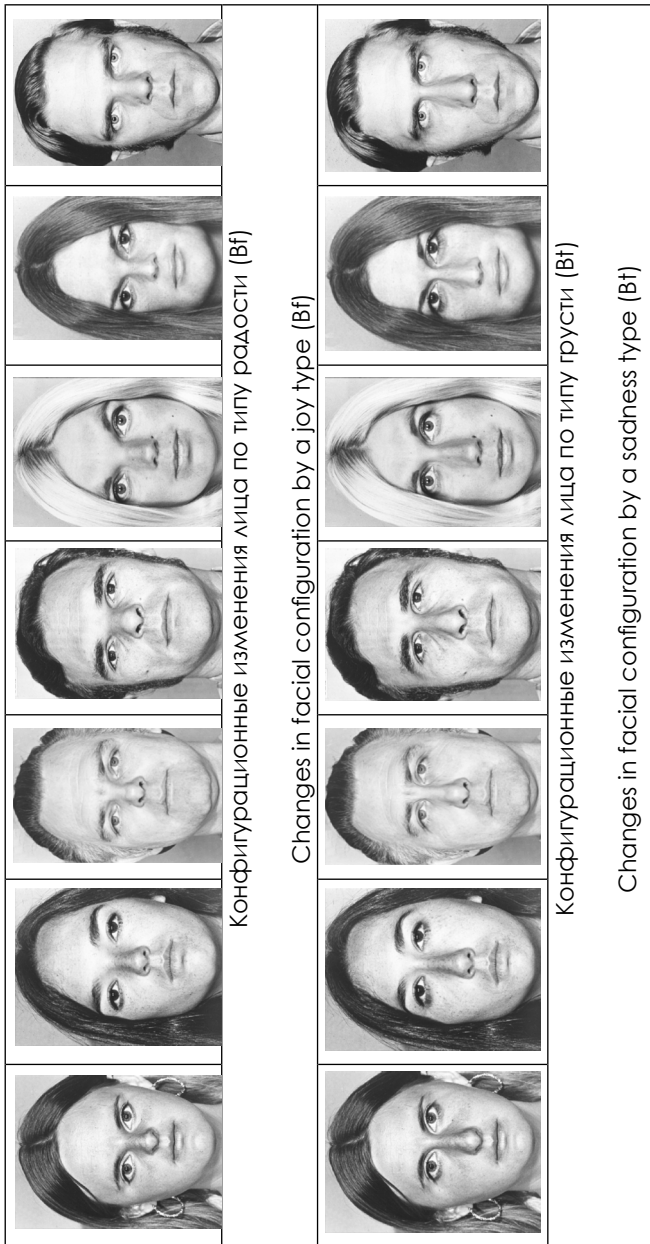


Рисунок 2. Лица с разнонаправленными конфигурационными изменениями (Е. Г. Хоже, 2013)

Figure 2. Faces with multidirectional configuration changes (E. G. Khoze, 2013)



Исследование проводилось с помощью ПК и ЛТД-монитора с разрешением 1024 x 768 pxl. Испытуемый размещался на расстоянии 60 см от экрана. Угловые размеры фотоизображений по вертикали составляли 15°, по горизонтали – пропорционально исходному изображению.

На втором этапе каждому участнику предлагалось оценить собственное фотоизображение на экране монитора по 21-й последовательно предъявляемой биполярной шкале методики «Личностный дифференциал» – ЛД [17]. Данная методика позволяет определять уровни позитивности, доминантности и экстравертированности как самого испытуемого, так и воспринимаемых им партнеров по общению – реальных или воображаемых.

На третьем этапе каждый испытуемый с помощью этой же методики оценивал 7 из 21 стимульных фотоизображений, предъявляемых в рандомизированном порядке. Фотография натурщика и каждая оценочная шкала высвечивались на экране до отметки испытуемым (с помощью клавиатуры ПК) соответствующего значения шкалы. Ответы регистрировались программой PXLab.

Время экспозиции фотопортретов не ограничивалось. На каждого испытуемого приходилось 147 предъявлений. Среднее время участия в исследовании – около 15 минут.

Обработка данных

При обработке результатов эксперимента использовался метод сравнительных оценок личностных профилей [18]. Для каждого участника исследования были построены воспринятые по фотопортрету профили индивидуально-психологических черт натурщиков, которые впоследствии сравнивались между собой.

Данные, полученные в экспериментальной серии, проходили предварительную обработку, сортировку и объединение в массив в среде Python 2.7.6. Статистическая обработка проводилась с использованием пакета статистических программ SPSS 21.0. Экспериментальный план опирался на схему сравнения 3*2*7. Тип конфигурационного изменения (3 градации – исходное «нормальное» лицо, лицо с трансформацией по типу грусти, лицо с трансформацией по типу радости), пол натурщика (2 градации – мужской/женский) и морфотип лица натурщика (7 градаций – по числу моделей) выступили в качестве независимых, оценки испытуемых – в качестве зависимых переменных.

При анализе данных с точки зрения имплицитной структуры личности результаты оценок натурщиков переводились в факторы «оценка» (O), «сила» (C) и «активность» (A), являющиеся аналогами соответствующих факторов семантического дифференциала. Фактор O интерпретировался как проявление



симпатии/антипатии к воспринимаемому человеку, его привлекательности. Фактор С указывал на волевые качества натурщика, отношения доминирования/подчинения, как они представляются наблюдателю. Фактор А отражал восприятие людьми интро/экстравертированность партнеров по коммуникации, их импульсивность и энергетичность.

Классификация типов самооценки наблюдателей опиралась на кластерный анализ с использованием метода К-средних.

Статистическая значимость эффектов фиксировалась на уровне $p < 0,01$. Поскольку распределение данных отличалось от нормального (критерий Колмогорова – Смирнова, $Z > 5$ при $p < 0,001$), в работе использовались непараметрические критерии: H Краскела – Уоллиса и U-критерий Манна – Уитни.

Результаты

Зависимость представлений об индивидуально-психологических свойствах человека от конфигурационных паттернов лица

Согласно полученным данным (рисунок 3), значимые различия оценок индивидуально-психологических черт натурщиков с измененными конфигурациями лица по всем испытуемым имеют место лишь в 11-ти шкалах (52 % всех оценок): по фактору «активность» (А) – 5 шкал (3, 6, 9, 12, 18), «сила» (С) и «оценка» (О) – по 3 (2, 11, 17 и 1, 4, 19 соответственно). Подавляющее большинство ответов не меняет модальность оцениваемых свойств. Несмотря на широкую вариативность оценок, лицо на фотографии идентифицируется как одна и та же личность.

Обобщенный (по всем испытуемым при экспозиции всех морфотипов лица) образ личности натурщика по естественному выражению спокойного лица описывается как *обаятельный* ($p < 0,001$), *сильный* ($p < 0,001$), *разговорчивый* ($p < 0,001$), *добросовестный* ($p < 0,026$), *открытый* ($p = 0,001$), *деятельный* ($p < 0,001$), *решительный* ($p = 0,004$), *энергичный* ($p < 0,001$), *уверенный в себе* ($p = 0,006$), *общительный* ($p < 0,001$) и *честный* ($p = 0,04$). Большинство оценок имеют высокие балльные значения. Исключение составляют оценки по фактору «активность», имеющие низкие и средние значения.

С введением метрически сильных (69 % варпинга) конфигурационных трансформаций обобщенный образ коммуниканта содержательно меняется не более чем на четверть (23 %), хотя средние значения оценок широко варьируют. Наиболее радикально меняется оценка привлекательности натурщиков, причем независимо от направления трансформаций лица. При конфигурационных изменениях по типу радости выраженность (балльные значения) оценок снижается, а в шкале «разговорчивый – молчаливый» меняет знак (исключение: «безответственный – добросовестный»); модальность оценок меняется на противоположную в шкалах «замкнутый – открытый»



и «нелюдимый – общительный». Последовательное снижение медиан интегральных оценок индивидуально-психологических особенностей натурщиков в зависимости от типа конфигурационных трансформаций лица статистически значимо (рисунок 4(а)).

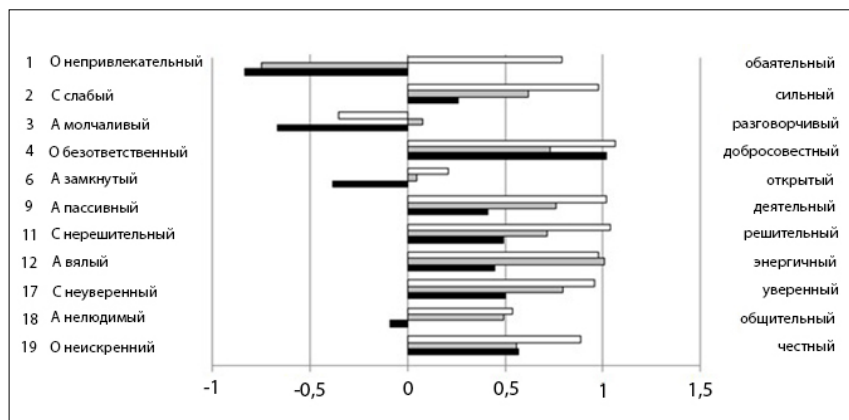


Рисунок 3. Средние оценки индивидуально-психологических особенностей натурщиков по фотоизображениям лиц с различными конфигурационными паттернами

Примечание: по вертикали – значимые биполярные шкалы методики «Личностный дифференциал». Цифры слева – номера шкал ЛД; буквы слева – принадлежность шкалы к одному из факторов. По горизонтали – значения шкал (в баллах). Белый цвет – нейтральное лицо, серый цвет – индуцированная «радость», черный – индуцированная «грусть».

Figure 3. Assessment of individual psychological characteristics by photographs of faces with various configuration patterns (mean scores)

С помощью критерия Н Краскела – Уоллиса были обнаружены значимые различия в оценках по факторам О, С, А ($\chi^2 = 21,05$ при $p < 0,001$, $\chi^2 = 10,15$ при $p = 0,006$, $\chi^2 = 33,59$ при $p < 0,001$ соответственно) (рисунок 4(б)).

Попарный анализ, выполненный с помощью U-критерия Манна – Уитни, показал, что по фактору О оценки фотоизображений натурщиков с «нормальными» лицами многократно выше оценок лиц с любой искусственной конфигурацией. По сравнению с грустными и радостными лицами ($Z = -4$ при $p < 0,001$) натурщики воспринимаются адекватно относящимися к самим себе, удовлетворенными собственным поведением и уровнем достижений. Значимых различий между оценками по фактору О лиц с конфигурационными изменениями по типу радости и грусти не обнаружено.

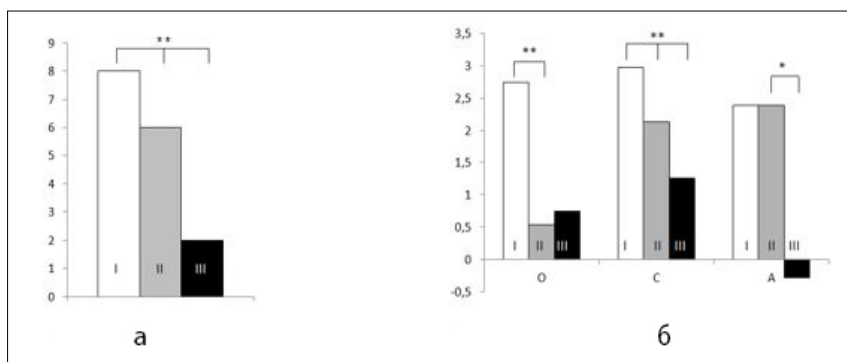


Рисунок 4. Медианы интегральных оценок индивидуально-психологических особенностей натурщиков (в баллах)

Примечание: а – по всем значимым шкалам, б – по факторам «оценка», «сила», «активность». I – исходная конфигурация лица, II – конфигурация лица по типу радости, III – конфигурация по типу грусти.

Figure 4. Medians of integral assessments of individual psychological characteristics (scores)

Note: a – by all the scales, b – by the evaluation, potency, and activity factors. I – initial facial configuration, II – facial configuration by a joy type, III – facial configuration by a sadness type.

Попарное сравнение по фактору С позволило установить значимые различия между оценками фотоизображений натурщиков с «нормальными» лицами и лицами с конфигурационными изменениями по типу грусти ($Z = -2,9$ при $p = 0,003$). Последние воспринимаются как наименее сильные, наименее решительные, не очень уверенные в себе, не всегда способные держаться принятой линии поведения. Медианное положение занимают лица с конфигурационными изменениями по типу радости, а лица людей в исходной конфигурации воспринимаются сильными, решительными, уверенными в себе и стабильными.

По фактору А значимые различия обнаружены при оценке «нормальных» и «грустных» лиц, а также «радостных» и «грустных» лиц ($Z = 4,5$ и $Z = 4,3$ соответственно при $p < 0,001$). «Нормальные» лица и лица с конфигурационными изменениями по типу радости чаще оцениваются как экстравертированные, довольно активные, импульсивные, «грустные» лица – как необщительные, более замкнутые, не очень энергичные и малодетельные. Если «нормальные» и «радостные» лица по модальности индивидуально-психологических черт воспринимаются примерно одинаково, то модальность «грустных» лиц нередко инвертируется.



Зависимость оценок индивидуально-психологических особенностей натурщика от его пола

Структуры ответов наблюдателей на экспозиции фотоизображений женщин и мужчин отличаются и количественно, и качественно (рисунок 5).

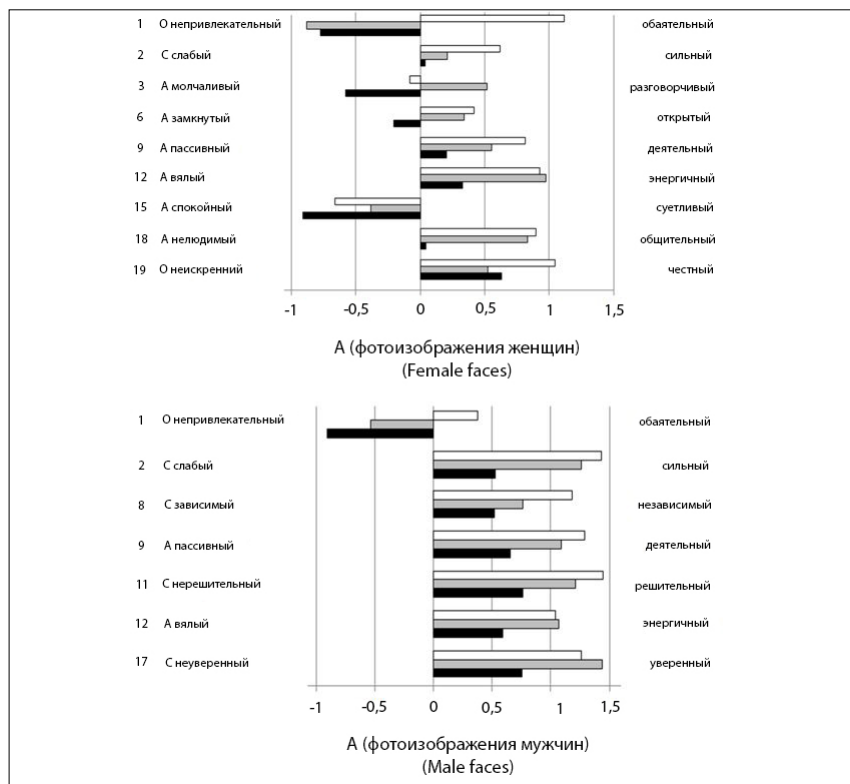


Рисунок 5. Оценки индивидуально-психологических особенностей натурщиков по фотоизображениям лиц различного пола

Примечание: ось абсцисс – средние оценки индивидуально-психологических особенностей (в баллах), ось ординат – биполярные шкалы методики «Личностный дифференциал». Белый цвет – «нормальное» лицо, серый цвет – «радость», черный – «грусть».

Figure 5. Assessment of individual psychological characteristics by photographs of faces of both genders

Note: the x-axis indicates mean scores of individual psychological characteristics; the y-axis indicates the bipolar scales of the Personal Differential Questionnaire. White color corresponds to a "normal" face; gray color corresponds to "joy"; black color corresponds to "sadness".



При экспозиции женских лиц значимыми являются 9, а не 11 шкал ЛД (43 % выполненных оценок). Исключаются шкалы: «безответственный – добросовестный», «решительный – нерешительный» и «нелюдимый – общительный», но добавляется шкала «суетливый – спокойный». В структуре факторов преобладает «активность» – 6 шкал (3, 6, 9, 12, 15, 18); «оценка» – 2 шкалы (1, 19); «сила» – 1 шкала (2). Общая тенденция ступенчатого снижения оценок («нормальное» лицо → «радость» → «грусть») сохраняется, хотя значения оценок снижаются на 2–3 балла; при трансформации лица по типу грусти усредненные ответы получают отрицательное значение (рисунок 6(а)). Попарные сравнения факторов О, С и А показывают, что несмотря на снижение балльных оценок, общее соотношение статистически значимых различий сохраняется (рисунок 6(б)).

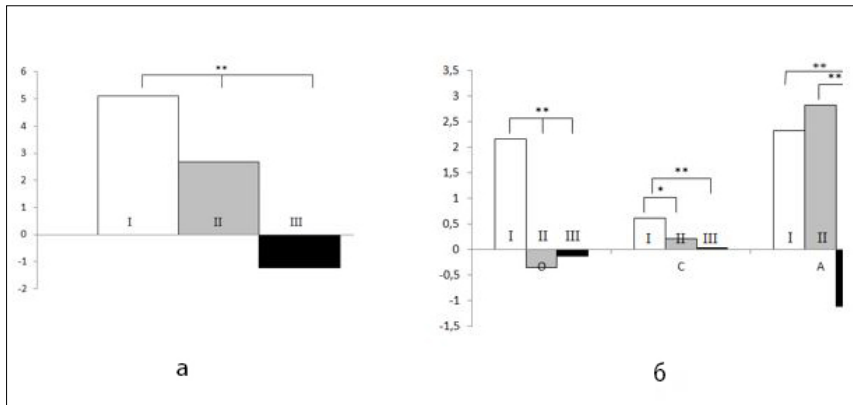


Рисунок 6. Медианы интегративных оценок индивидуально-психологических особенностей натурщиц-женщин (в баллах)

Примечание: а – по всем значимым шкалам; б – по факторам «оценка», «сила», «активность». I – исходная конфигурация лица, II – конфигурация лица по типу радости, III – конфигурация по типу грусти.

Figure 6. Medians of integrative evaluations of individual psychological characteristics of women (scores)

Note: a – by all the scales, b – by the evaluation, potency, and activity factors. I – initial facial configuration, II – facial configuration by a joy type, III – facial configuration by a sadness type.

При экспозиции мужских лиц количество значимых шкал уменьшается до 7 (33 % выполненных оценок). Исключаются шкалы: «разговорчивый – молчаливый», «добросовестный – безответственный», «открытый – замкнутый», «общительный – нелюдимый», «честный – неискренний», но добавляется

шкала «зависимый – независимый». Среди факторов имплицитной структуры личности преобладает «сила» – 4 шкалы (2, 8, 11, 17); «активность» – 2 шкалы (9, 12); «оценка» – 1 шкала (1). Тенденция ступенчатого снижения оценок в зависимости от типа конфигурационных трансформаций, а также общее соотношение значимых различий при попарном сравнении факторов сохраняются (рисунок 7).

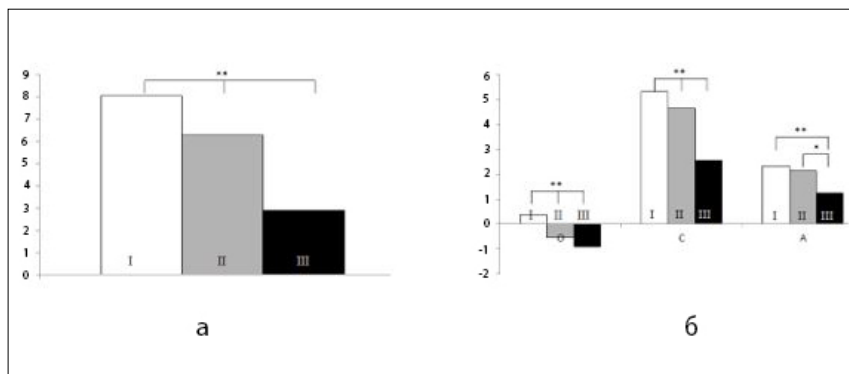


Рисунок 7. Медианы интегративных оценок индивидуально-психологических особенностей натурщиков-мужчин (в баллах)

Примечание: а – по всем значимым шкалам; б – по факторам «оценка», «сила», «активность». I – исходная конфигурация лица, II – конфигурация лица по типу радости, III – конфигурация по типу грусти.

Figure 7. Medians of integrative evaluations of individual psychological characteristics of men (scores)

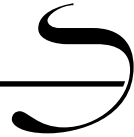
Note: a – by all the scales, b – by the evaluation, potency, and activity factors. I – initial facial configuration, II – facial configuration by a joy type, III – facial configuration by a sadness type.

Зависимость оценок индивидуально-психологических характеристик натурщика от морфотипа его лица

Представления о личности конкретных натурщиков и их особенностях при конфигурационных трансформациях лица в каждом случае складываются по-разному. Статистически значимые различия оценок обнаружены для четырех из семи моделей: AI, WF, PE и SW.

Естественное лицо девушки – натурщицы AI – воспринимается наблюдателями как обаятельное, а при конфигурационных изменениях по типу и радости, и грусти – как непривлекательное ($\chi^2 = 26,3$ при $p < 0,001$).

Достоверные различия по шкале «уверенный – неуверенный» получены по фотоизображениям мужчины-натурщика WF: наибольший средний



балл на полюсе «уверенный» имеет лицо, трансформированное по типу радости, самый низкий – лицо с конфигурационными изменениями по типу грусти ($\chi^2 = 6,38$ при $p = 0,041$). Обнаружен один из редких случаев, когда исходное лицо занимает на шкале срединное положение.

Нормальное лицо мужчины PE идентифицируется как обаятельный и открытое, а «грустное» и «радостное» – как непривлекательное и закрытое ($\chi^2 = 13,6$ при $p = 0,001$, $\chi^2 = 9,31$ при $p = 0,010$ соответственно). По шкале «слабый – сильный» более сильными оцениваются «радостные» и «нормальные» лица.

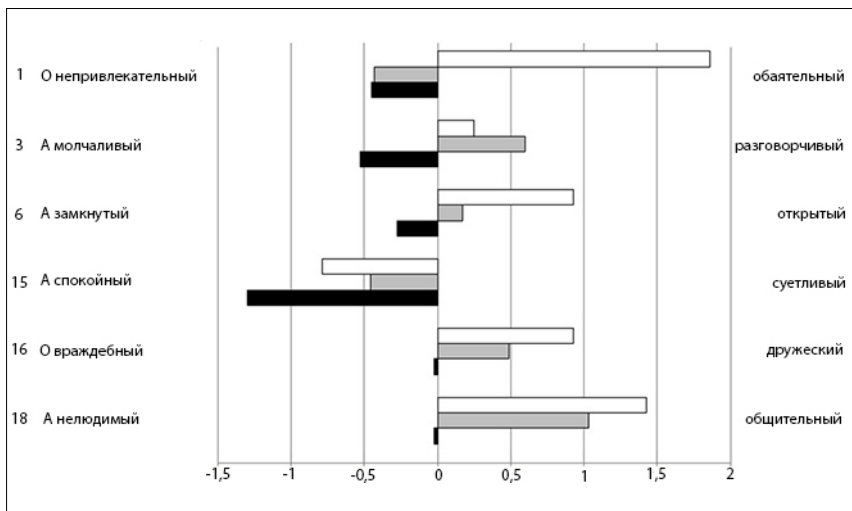


Рисунок 8. Средние оценки индивидуально-психологических особенностей натурщицы SW

Примечание: по вертикали – биполярные шкалы методики «Личностный дифференциал». По горизонтали – значение шкал (в баллах). Белый цвет прямоугольников – нейтральное лицо, серый цвет – «радость», черный – «грусть».

Figure 8. Assessment of individual psychological characteristics of a SW model (mean scores)

Note: the bipolar scales of the Personal Differential Questionnaire are vertical; the scale values (in scores) are horizontal. White color of rectangles indicates a "normal" face; gray color indicates "joy"; black color indicates "sadness".

Естественное лицо натурщицы-женщины SW выглядит обаятельным, а с любыми конфигурационными изменениями – непривлекательным ($\chi^2 = 32,5$ при $p < 0,001$) (рисунок 8). При трансформации лица по типу радости натурщик кажется разговорчивым, при трансформации по типу



грусти – молчаливым ($\chi^2 = 8,63$ при $p = 0,013$). «Нормальное» лицо данной модели по шкалам «замкнутый – открытый», «враждебный – дружелюбный» и «нелюдимый – общительный» представляется предельно открытым, дружелюбным и общительным. Менее открытым, дружелюбным и общительным воспринимается лицо с изменениями по типу радости. Лицо, выражающее грусть, оценивается как враждебное, нелюдимое и замкнутое ($\chi^2 = 7,2$ при $p = 0,027$, $\chi^2 = 7,8$ при $p = 0,02$, $\chi^2 = 13,9$ при $p = 0,001$ соответственно). По шкале «суеулыбный – спокойный» «радостное» лицо представляется подвижным, «грустное» лицо – наиболее спокойным ($\chi^2 = 7,6$ при $p = 0,022$).

Самооценка наблюдателей и оценка индивидуально-психологических свойств натурщиков

В результате кластерного анализа были выделены три группы наблюдателей со сходными самооценками по шкалам ЛД. В первый кластер вошло 55 % респондентов, оценивших себя: *обаятельными, сильными, разговорчивыми, добросовестными, открытыми, добрыми, деятельными, отзывчивыми, решительными, энергичными, справедливыми, дружелюбными, уверенными, общительными, честными и самостоятельными*. Данную совокупность показателей будем называть самооценкой первого типа (S1). Во второй кластер вошло 25 % респондентов, считавших себя *слабыми, уступчивыми, зависимыми, пассивными, нерешительными, вялыми и неуверенными*. Совокупность этих показателей образует самооценку второго типа (S2). Третий кластер образовали 23 % респондентов, оценивших себя *молчаливыми, замкнутыми, независимыми, напряженными, спокойными, нелюдимыми и невозмутимыми*. Он отражает самооценку третьего типа (S3) (рисунок 9).

Более глубокая характеристика типов самооценки может быть получена путем анализа факторов ЛД. Обобщенные факторы имплицитной структуры личности наблюдателей каждого из типов приведены на рисунке 10. Нетрудно заметить, что у представителей S1 выражены положительные черты всех трех факторов: «оценки», «силы» и «активности». У представителей S2 доминирует положительный полюс фактора «оценка» и отрицательный полюс фактора «сила», существенно снижены положительные оценки фактора «активность»; S3 имеет ярко выраженные положительные характеристики факторов «оценка» и «сила» и отрицательные значения фактора «активность».

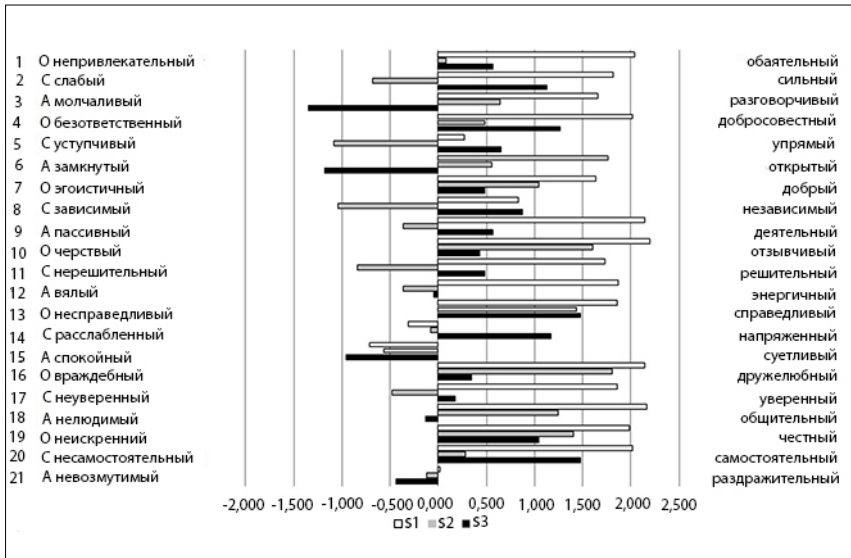


Рисунок 9. Средние значения самооценок наблюдателей по шкалам ЛД

Примечание: S1, S2, S3 – типы самооценок.

Figure 9. Observers' self-assessment by the scales of the Personal Differential Questionnaire (mean scores)

Note: S1, S2, and S3 indicate self-assessment types.

Значимые оценки натурщиков в зависимости от типа самооценки наблюдателей представлены на рисунке 11. Изменения оценок индивидуально-психологических характеристик натурщиков проявились в большей степени у наблюдателей с первым типом самооценки (S1). Значимые изменения коснулись десяти шкал: «непривлекательный – обаятельный» ($\chi^2 = 84,57$; $p < 0,001$), «слабый – сильный» ($\chi^2 = 25,15$; $p < 0,001$), «молчаливый – разговорчивый» ($\chi^2 = 13,3$; $p = 0,001$), «замкнутый – открытый» ($\chi^2 = 23,62$; $p < 0,001$), «пассивный – деятельный» ($\chi^2 = 15,46$; $p < 0,001$), «нерешительный – решительный» ($\chi^2 = 11,71$; $p = 0,003$), «вялый – энергичный» ($\chi^2 = 24,67$; $p < 0,001$), «неуверенный – уверенный» ($\chi^2 = 12,42$; $p = 0,002$), «нелюдимый – общительный» ($\chi^2 = 29,43$; $p < 0,001$) и «неискренний – честный» ($\chi^2 = 7,07$; $p = 0,029$). Наблюдатели склонны оценивать «нормальные» лица обаятельными, сильными, открытыми, деятельными, решительными, энергичными, уверенными, общительными и честными. Лица с конфигурационными измерениями по типу грусти воспринимаются непривлекательными, молчаливыми, замкнутыми и нелюдимыми на фоне слабого развития таких

черт, как деятельный, решительный, энергичный, уверенный, честный. Лица с конфигурационными изменениями по типу радости – лишены отрицательных оценок, но в меньшей степени, по сравнению с «нормальными» лицами, представляются сильными, деятельными, решительными, энергичными, уверенными, общительными и честными.

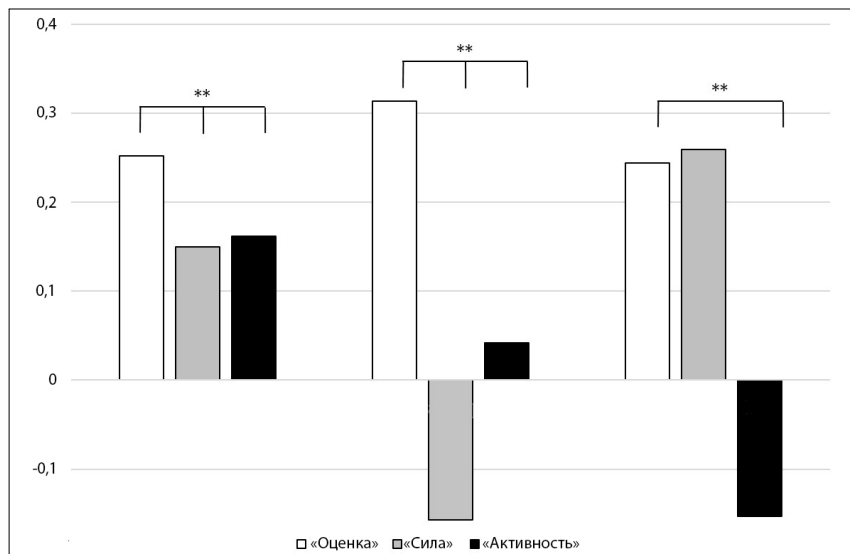


Рисунок 10. Усредненные значения по факторам «оценка», «сила» и «активность» для каждого типа самооценки наблюдателей

Figure 10. Evaluation, potency, and activity factors for each type of observers' self-assessment (mean values)

Наблюдатели второго и третьего типов самооценки менее чувствительны к изменениям конфигурационной структуры лица. Респонденты S2 дифференцируют конфигурационные трансформации лишь по двум шкалам: «непривлекательный – обаятельный» ($\chi^2 = 12,81$; $p = 0,002$) и «не-самостоятельный – самостоятельный» ($\chi^2 = 6,32$; $p = 0,042$). Представители этого типа склонны оценивать «нормальные» лица обаятельными и самостоятельными, ограничиваясь низкими и средними баллами. Лица с индуцированной грустью воспринимаются довольно непривлекательными и наиболее самостоятельными. Лица с индуцированной радостью выглядят наиболее непривлекательными и наименее (относительно других трансформаций) самостоятельными.

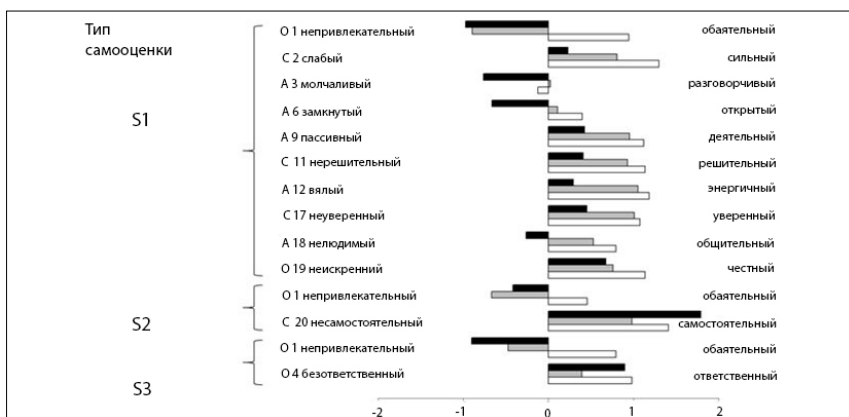


Рисунок 11. Зависимость значимых оценок лиц натурщика от конфигурационных трансформаций и типа самооценки наблюдателя

Примечание: белый цвет – «нормальные» лица, серый – лица с конфигурационными изменениями по типу радости, черный – лица с конфигурационными изменениями по типу грусти.

Figure 11. Dependency of significant evaluations of faces on configuration changes and the observer's self-assessment type

Note: white color indicates "normal" faces; gray color indicates faces with configuration changes by a joy type; black color indicates faces with configuration changes by a sadness type.

Респонденты S3 также дифференцируют трансформации лица по двум шкалам: «непривлекательный – обаятельный» ($\chi^2 = 29,93$; $p < 0,001$) и «безответственный – ответственный» ($\chi^2 = 6,41$; $p = 0,041$). «Нормальные» лица воспринимаются в одинаковой степени обаятельными и ответственными. Лица с индуцированной грустью оцениваются как наиболее непривлекательные, но столь же ответственные, как и «нормальные». Натурщики с конфигурационными изменениями по типу радости представляются непривлекательными, но в меньшей степени, чем «грустные», и наименее ответственными по сравнению с другими трансформациями лиц.

Отметим, что инверсия оценок натурщиков по шкале «непривлекательный – обаятельный» при трансформациях конфигурационной структуры лица имеет место при всех типах самооценки наблюдателей.

Расчет различий в оценках нормальных и трансформированных лиц натурщиков, выполненных респондентами каждого типа самооценки, приводит к следующим результатам (рисунок 12).

При экспозиции естественных лиц значимые различия получены по шкалам «слабый – сильный» ($\chi^2 = 10,76$; $p = 0,005$), «молчаливый – разговорчивый»



($\chi^2 = 5,92$; $p = 0,05$), «вялый – энергичный» ($\chi^2 = 6,58$; $p = 0,037$), «несправедливый – справедливый» ($\chi^2 = 7,92$; $p = 0,019$), «нелюдимый – общительный» ($\chi^2 = 8,94$; $p = 0,011$), «неискренний – честный» ($\chi^2 = 7,31$; $p = 0,026$).

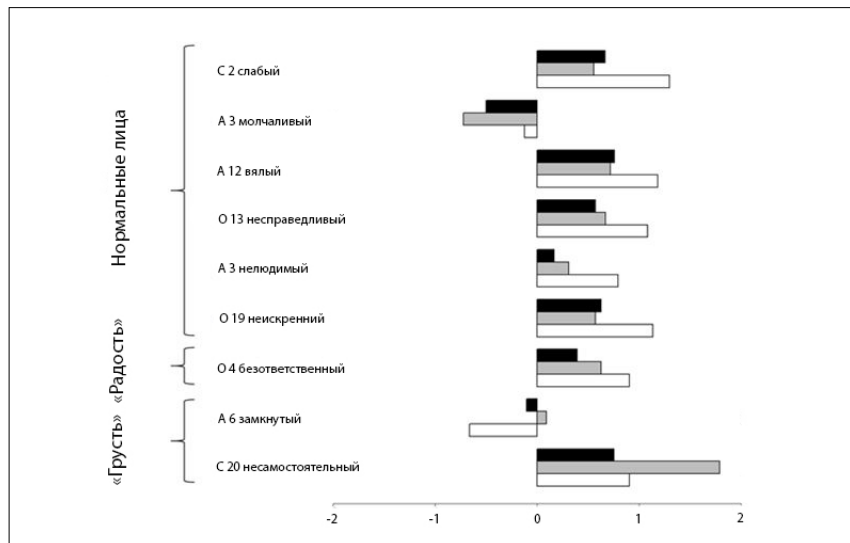


Рисунок 12. Средние оценки нормальных, «радостных» и «грустных» лиц натурщиков наблюдателями с разными типами самооценки

Примечание: белый цвет – S1, серый – S2, черный – S3.

Figure 12. Assessment of normal, "happy", and "sad" faces by observers with different self-assessment types (average values)

Note: white color indicates S1, gray – S2, black – S3.

«Нормальные» лица воспринимаются представителями S1 сильными, энергичными, справедливыми, общительными и честными. Для наблюдателей S2 те же лица видятся менее сильными, молчаливыми, а также менее энергичными, справедливыми, общительными и честными. Оценки представителей S3 сближены с оценками S2; исходные изображения натурщиков воспринимаются здесь наиболее молчаливыми, наименее справедливыми и общительными.

При экспозиции индуцированной радости значимые различия зарегистрированы только по шкале «безответственный – ответственный» ($\chi^2 = 6,15$; $p = 0,046$). Представители S1 воспринимают натурщиков более ответственными, чем представители S2 или S3.



При экспозиции индуцированной грусти выявлены различия по шкалам «замкнутый – открытый» ($\chi^2 = 7,86$; $p = 0,02$) и «несамостоятельный – самостоятельный» ($\chi^2 = 13,8$; $p = 0,001$). Представители S1 оценивают «грустные» лица слегка замкнутыми и самостоятельными, для S2 эти лица кажутся чуть открытыми и наиболее самостоятельными, а для S3 – скорее замкнутыми и наименее самостоятельными.

Обсуждение результатов

С точки зрения роли конфигурационных трансформаций лица в оценке индивидуально-психологических особенностей натурщиков существуют следующие тенденции.

Во-первых, *избирательность* влияния направленных трансформаций. Практически половина шкал оказалась нечувствительной к конфигурационным изменениям лица. Можно полагать, что частично это вызвано слабыми (околопороговыми) проявлениями ряда индуцированных экспрессий, частично – неопределенностью их связей с особенностями личности. Без соответствующей установки и коммуникативного опыта категориальное восприятие личности по выражению лица оказывается затруднительным. Наиболее чувствителен к вызванным изменениям фактор «активность».

Во-вторых, имеет место *поляризация* влияния конфигурационных трансформаций разной направленности на оценку личностных черт натурщика. Как и ожидалось, индуцированная радость чаще ассоциируется с положительными полюсами шкал (сильный, деятельный, решительный, энергичный, уверенный в себе и др.), индуцированная грусть – с отрицательными полюсами (слабый, пассивный, нерешительный, вялый и др.). Тем самым на уровне восприятия мимически нейтрального лица подтверждается возможность фиксации и проявления сверхобобщений [6] и, соответственно, устойчивой связи между слабыми впечатлениями о состоянии человека и представлениями о его личности.

В-третьих, основной способ влияния конфигурационных трансформаций: *ослабление* выраженности личностных черт, обнаруживаемых на исходном изображении лица, их своеобразное размывание – увеличение доли альтернативных ответов. В общем случае «нормальное» выражение лица не занимает, как ожидалось, промежуточного положения в оценках полярных личностных черт (подобная возможность появляется только для одной шкалы: «разговорчивый – молчаливый»). Более того, совокупные ответы носят *асимметричный* характер. Медианную позицию занимают оценки конфигурации лица по типу радости. С этим связаны выраженные различия восприятия «нормальных» лиц и лиц с конфигурационными изменениями по типу грусти, с одной стороны, и сходство оценок «нормальных» лиц и лиц



с конфигурационными изменениями по типу радости. Аналогия с восприятием индуцированных экспрессий радости и грусти не проходит. Оценка эмоционального состояния человека и оценки черт его личности отражают разные проявления межличностного восприятия.

В-четвертых, изменения конфигурационной структуры «нормального» лица по-разному влияют на представление о компонентах имплицитной структуры личности коммуниканта. Балльные оценки симпатии/антипатии (фактор О) при любых трансформациях падают более, чем в 4 раза. Идентификация волевых качеств натурщиков, доминирования/подчинения (фактор С) снижается ступенчато: меньше при конфигурации по типу радости, больше – при конфигурации по типу грусти. Экстраверсия/интроверсия (фактор А) для «нормальных» и «радостных» лиц оценивается одинаково эффективно, «грустные» сопровождаются инверсией значений.

В-пятых, наблюдатели способны отличать естественные конфигурации лица от искусственных, сгенерированных компьютером. Наиболее ярко это происходит по шкале «обаятельный – непривлекательный». Согласно выполненным измерениям, непривлекательными оказываются более 80 % морфированных изображений. Возможность дифференциации естественных и искусственных конфигураций лица при изменении его контура описана и в других исследованиях с использованием методики «Личностный дифференциал» [9, 18].

Важную роль в конкретизации выявленных тенденций играют пол и морфотип лица натурщика.

Согласно сравнительному анализу, оценки личностных качеств натурщиц-женщин имеют больше измерений и более вариативны. Если в изображении женского лица наблюдатели чаще замечают экстра/интравертированность – фактор А, то в изображении мужчин – доминирование/подчинение – фактор С. Они становятся своеобразными центрами формирования представлений о личности натурщика, активно привлекающими к оценкам социальный опыт. Динамика симпатии/антипатии («обаятельный – непривлекательный»), тесно связанная с разнонаправленными трансформациями лица, в общем случае, от пола натурщика не зависит. Учитывая, что 80 % испытуемых – женщины, полученные результаты отражают особенности преимущественно женского типа межличностного восприятия.

В каждом конкретном случае личность человека по-разному проявляется в его лице и по-разному воспринимается сторонним наблюдателем. Когда-то лицо выглядит безликим, или «никаким», когда-то – выражает яркую черту характера человека или же устойчивую констелляцию индивидуально-психологических свойств. Полученные данные согласуются с динамикой экспрессивного тона мимически нейтрального лица. Нетрудно заключить,



что оценка личности коммуниканта достаточно подвижна и в зависимости от контекста ситуации широко варьирует. При этом отнесенность воспринимаемых изменений к одной и той же индивидуальности сохраняется.

Описанная динамика обусловлена не только конфигурационными трансформациями лица натурщика, но и самооценкой наблюдателей.

В ходе исследования выделились три типа самооценки личности наблюдателей, различающиеся соотношением факторов «оценка», «сила» и «активность». Если в первом типе самооценки (S1) все факторы ориентированы в сторону положительного полюса, то во втором и третьем типах они разнонаправлены: «сила» (S2) и «активность» (S3) тяготеют к отрицательным полюсам. По объему выборки (55 %) и абсолютным значениям балльных оценок S1 превосходит другие типы самооценки, которые распределены примерно одинаково: S2 (25 %), S3 (23 %). Наблюдатели с разными типами самооценки демонстрируют разную чувствительность к чертам личности, представленным в изображениях лица. Подавляющее большинство значимых шкал (1, 2, 3, 6, 9, 11, 12, 17, 18, 19) связано с первым типом самооценок. Именно здесь наиболее ярко и устойчиво проявляются основные тенденции восприятия, описанные выше, включая ступенчатость снижения балльных оценок личностных черт в зависимости от конфигурационных трансформаций лица («нормальное» > «радостное» > «грустное»). Со вторым и третьим типами самооценки ассоциированы лишь две шкалы: S2 (1, 20) и S3 (1, 4), из которых «непривлекательный – обаятельный» присутствует и в S1. S2 представлена значимыми оценками по шкале «несамостоятельный – самостоятельный», S3 – «безответственный – ответственный». В обоих случаях соотношение оценок отличается от ступенчатого: как наиболее слабые воспринимаются черты, вызванные индуцированной радостью. В этих условиях «нормальное» выражение лица способно занять промежуточное положение между «радостью» и «грустью». Поскольку оценки «радостных» и «грустных» лиц по шкале «непривлекательный – обаятельный» локализируются в области отрицательных значений, можно заключить, что их восприятие не зависит от типа самооценки личности наблюдателя. Это прямой эффект искусственности трансформации лица.

Важный результат исследования состоит в том, что первый тип самооценки (S1) содержит те же самые черты, которые выделились во время оценки фотопортретов. Позитивное самовосприятие наблюдателя по всем факторам имплицитной структуры личности конгруэнтно оценкам натурщика, тяготеющим к положительному полюсу. Личность воспринимающего как бы проецируется на личность коммуниканта, наделяя ее своими качествами. Стремление самооценок к отрицательному полюсу факторов «сила» (S2) или «активность» (S3) снижает общий уровень позитивных оценок других



людей, хотя в отдельных случаях может приводить к высоким положительным характеристикам. Согласно полученным данным, радикальные изменения впечатлений о натурщике в силу ограниченности самооценки наблюдателя если и возможны, то в исключительных ситуациях. По существу, за выделенным типом самооценки и соответствующими распределениями оценок стороннего лица стоят альтернативные *способы* восприятия индивидуально-психологических особенностей человека. Если для одного из них (S1) характерна многомерность перцептивного пространства личности, построенная на позитивном отношении к себе и другим, то при втором способе (S2, S3) отдельные черты плохо дифференцированы (1–2 значимых измерения), а в его основе лежат меж- и внутриличностные факторы, имеющие негативную направленность (С, А).

Влияние самооценки наблюдателя на оценку личности натурщиков определяется как ее типом, так и конфигурацией воспринимаемого лица. Наибольшие различия в степени влияния получены при экспозиции естественного, или «нормального» лица. Положительное влияние S1 существенно выше влияний S2 и S3, которые, несмотря на яркие различия в структуре факторов, часто остаются неразличимыми. При экспозиции индуцированной радости значима лишь одна шкала («безответственный – ответственный»), при экспозиции индуцированной грусти – две («замкнутый – открытый», «несамостоятельный – самостоятельный»). Если в первом случае («радость») соотношение влияний носит ступенчатый характер: $S1 > S2 > S3$, что частично совпадает с восприятием «нормального» лица, то во втором случае («грусть») доминирует положительный эффект, обусловленный S2. Влияние самооценки наблюдателя на оценку личности натурщика *опосредуется* типом конфигурации лица, также как и влияние конфигурации опосредуется типом самооценки. Оценка натурщика и самооценка наблюдателя вовлечены в единый цикл межличностной коммуникации. Представление о личности партнера по общению – реального или виртуального – наряду с экспрессией лица требует «опор» в личности воспринимающего. В этом процессе оценка обеспечивает наблюдателю ориентировку и контроль социальной ситуации, а самооценка играет роль тонкого регулятора, усиливающего либо ослабляющего впечатление об отдельных индивидуально-психологических особенностях коммуниканта.

Таким образом, полученные данные не только раскрывают закономерности, связывающие конфигурационные изменения лица с оценками индивидуально-психологических характеристик натурщиков, но и показывают их сложную зависимость от личности наблюдателя, в частности от его самооценки. В общем плане фиксируется тесная взаимосвязь механизма сверхобобщения индуцированных экспрессий лица коммуниканта и Я-концепции



воспринимающей личности. Апробированная методика открывает возможность более глубокого изучения общепсихологических механизмов невербальной коммуникации.

Заключение

Разнонаправленное варьирование конфигурационных признаков эмоционально нейтрального (спокойного) лица – расположения линии рта и глаз, длины носа и расстояния между зрачками, вызывающее устойчивые впечатления радости либо грусти – избирательно влияет на представление о личности натурщиков. Около половины шкал остаются нечувствительными к конфигурационным изменениям лица.

Индукцированная радость чаще ассоциируется с положительными полюсами шкал ЛД (сильный, энергичный, уверенный в себе и др.), индукцированная грусть – с отрицательными полюсами (слабый, пассивный, вялый и др.). Подтверждается возможность сверхообобщения едва заметных экспрессий на более глубоком уровне межличностной перцепции. В отличие от индуцированных экспрессий, спокойное лицо не занимает промежуточного положения в оценках полярных черт личности, которые в общем случае асимметричны. Чаще всего медианную позицию занимают оценки конфигурации лица по типу радости.

Конфигурационные трансформации лица ослабляют выраженность личностных черт на исходном (нормальном) изображении, вплоть до инверсии их модальности. Это становится основанием дифференциации лиц с естественной и искусственной конфигурацией.

Направленные трансформации лица избирательно влияют на представления о компонентах имплицитной структуры личности – «оценке», «силе», «активности». В женских фотопортретах чаще замечается экстра/интровертированность (фактор А), в мужских – доминирование/подчинение (фактор С). Вариативность оценок расширяется за счет разнообразия морфотипов лица.

Представление о личности натурщика по фотоизображениям лица зависит от типа самооценки наблюдателя. Позитивное восприятие наблюдателями собственных черт личности конгруэнтно его оценкам натурщика, тяготеющим к положительному полюсу. Стремление самооценок к отрицательному полюсу факторов С или А снижает уровень позитивных ответов наблюдателя. Влияние типа самооценки наблюдателя на оценку личности натурщика опосредовано типом конфигурации лица, и наоборот.

Несмотря на метрически сильные изменения конфигурации лица, обобщенный образ коммуниканта сохраняет инвариантность. Изменяемые оценки становятся потенциальными центрами формирования новых представлений о личности, активно привлекающими коммуникативный опыт наблюдателя.



Особую роль в данном процессе играет отношение симпатии/антипатии к лицу натурщика.

Литература

1. *Brunswick E.* Perception and Representative Design of Psychological Experiments. – Berkeley : University of California Press Publ. ; London : C.U.P., 1956. – DOI: [10.2307/2216617](https://doi.org/10.2307/2216617)
2. *Барабанщиков В. А.* Экспрессии лица и их восприятие. – М. : Изд-во ИП РАН, 2012. – 341 с.
3. *Барабанщиков В. А.* Динамика восприятия выражений лица. – М. : Когито-Центр, 2016. – 378 с.
4. *Барабанщиков В. А., Хозе Е. Г.* Восприятие экспрессий лица, обусловленных его конфигурацией // Лицо человека в науке, искусстве и практике / под ред. К. И. Ананьевой, В. А. Барабанщикова, А. А. Демидова. – М. : Когито-Центр, 2015. – С. 159–182.
5. *Zebrowitz L.* Reading Faces: Window to the Soul? – Boulder : Westview Press, 1997. – 288 p.
6. *Zebrowitz L., Kikuchi M., Fellous J. M.* Facial Resemblance to Emotions: Group Differences, Impression Effects, and Race Stereotypes // Journal of Personality and Social Psychology. – 1998. – Vol. 98, № 2. – P. 175–189.
7. Когнитивные механизмы невербальной коммуникации / под ред. В. А. Барабанщикова. – М. : Когито-Центр, 2017. – 359 с.
8. *Демидов А. А.* Оценка индивидуально-психологических особенностей человека по выражению его лица в различных ситуациях восприятия : дисс. ... канд. психол. наук. – М. : Изд-во ИП РАН, 2009. – 135 с.
9. *Дивеев Д. А.* Роль формы лица в восприятии индивидуально-психологических характеристик человека : дисс. ... канд. психол. наук. – М. : Изд-во ИП РАН, 2009. – 144 с.
10. *Carry J. M., McCormick C. M., Mondloch C. J.* Facial Structure Is a Reliable Cue of Aggressive Behavior // Psychological Science. – 2009. – № 20. – P. 1194–1198.
11. *Lefevre C. E., Lewis G. J., Perrett D. I., Penke L.* Telling facial metrics: facial width is associated with testosterone levels in men // Evolution and Human Behavior. – 2013. – Vol. 34, № 4. – P. 273–279.
12. *Paunonen S. V., Ewan K., Earthy J., Lefave S., Goldberg H.* Facial Features as Personality Cues // Journal of Personality. – 1999. – Vol. 67, № 3. – P. 555–583.
13. *Todorov A., Oosterhof N. N.* Modeling Social Perception of Faces // IEEE Signal Processing Magazine. – 2011. – Vol. 28, № 3. – P. 117–122.
14. *Wolthechel K. M. B., Fagertun J., Jacobsen U. P., Majewski W., Hemmingsen A. S., Larsen C. L., Jarmer H.* Interpretation of Appearance: The Effect of Facial



- Features on First Impressions and Personality // PloS ONE. –2014. – Vol. 9, № 9. – e107721. – DOI: [10.1371/journal.pone.0107721](https://doi.org/10.1371/journal.pone.0107721)
15. Ekman P., Friesen W. Pictures of Facial Affect. – Palo Alto, CA : Consulting Psychologists Press, 1976.
 16. Дивеев Д. А., Хозе Е. Г. Современные технологии трансформации изображений в изучении восприятия человека по выражению его лица // Экспериментальная психология. – 2009. – Т. 2, № 4. – С. 101–110.
 17. Карелин А. Большая энциклопедия психологических тестов. – М. : Эксмо, 2007. – 416 с.
 18. Барабаншиков В. А. Восприятие выражений лица. – М. : Изд-во ИП РАН, 2009. – 448 с.

References

1. Brunswik E. *Perception and representative design of psychological experiments*. Berkeley, University of California Press Publ.; London, C.U.P., 1956. DOI: [10.2307/2216617](https://doi.org/10.2307/2216617)
2. Barabanshikov V. A. *Ekspressii litsa i ikh vospriyatie* [Facial expression and its perception]. Moscow, Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences Publ., 2012. 341 p.
3. Barabanshikov V. A. *Dinamika vospriyatiya vyrazhenii litsa* [The dynamics of the perception of facial expressions]. Moscow, Kogito-Tsentr Publ., 2016. 378 p.
4. Barabanshikov V. A., Khoze E. G. The perception of facial expressions determined by its configuration. In: K. I. Anan'eva, V. A. Barabanshikov, A. A. Demidov (eds.) *Litso cheloveka v nauke, iskusstve i praktike* [The human face in science, art, and practice]. Moscow, Kogito-Tsentr Publ., 2015, pp. 159–182.
5. Zebrowitz L. *Reading faces: Window to the soul?* Boulder, Westview Press, 1997. 288 p.
6. Zebrowitz L., Kikuchi M., Fellous J. M. Facial resemblance to emotions: Group differences, impression effects, and race stereotypes. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1998, V. 98, no. 2, pp. 175–189.
7. Barabanshikov V. A. (ed.) *Kognitivnye mekhanizmy neverbal'noi kommunikatsii* [Cognitive mechanisms of nonverbal communication]. Moscow, Kogito-Tsentr Publ., 2017. 359 p.
8. Demidov A. A. *Otsenka individual'no-psikhologicheskikh osobennostei cheloveka po vyrazheniyu ego litsa v razlichnykh situatsiyakh vospriyatiya* [Assessment of individual psychological characteristics of a person by his/her facial expression in various situations of perception]. Diss. Cand. Sci. (Psych.). Moscow, Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences Publ., 2009. 135 p.



9. Diveev D. A. *Rol' formy litsa v vospriyatii individual'no-psikhologicheskikh kharakteristik cheloveka* [Facial shapes in the perception of individual psychological characteristics]. Diss. Cand. Sci. (Psych.). Moscow, Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences Publ., 2009. 144 p.
10. Carry J. M., McCormick C. M., Mondloch C. J. Facial structure is a reliable cue of aggressive behavior. *Psychological Science*, 2009, no. 20, pp. 1194–1198.
11. Lefevre C. E., Lewis G. J., Perrett D. I., Penke L. Telling facial metrics: facial width is associated with testosterone levels in men. *Evolution and Human Behavior*, 2013, V. 34, no. 4, pp. 273–279.
12. Paunonen S. V., Ewan K., Earthy J., Lefave S., Goldberg H. Facial features as personality cues. *Journal of Personality*, 1999, V. 67, no. 3, pp. 555–583.
13. Todorov A., Oosterhof N. N. Modeling social perception of faces. *IEEE Signal Processing Magazine*, 2011, V. 28, no. 3, pp. 117–122.
14. Wolthechel K. M. B., Fagertun J., Jacobsen U. P., Majewski W., Hemmingen A. S., Larsen C. L., Jarmer H. Interpretation of appearance: The effect of facial features on first impressions and personality. *PLoS ONE*, 2014, V. 9, no. 9, e107721. DOI: [10.1371/journal.pone.0107721](https://doi.org/10.1371/journal.pone.0107721)
15. Ekman P., Friesen W. *Pictures of Facial Affect*. Palo Alto, CA, Consulting Psychologists Press, 1976.
16. Diveev D. A., Khoze E. G. Modern technologies of image transformation in studying the perception of a person by his/her facial expression. *Ekspieriment'naya psikhologiya – Experimental Psychology*, 2009, V. 2, no. 4, pp. 101–110 (in Russian).
17. Karelin A. *Bol'shaya entsiklopediya psikhologicheskikh testov* [Great encyclopedia of psychological tests]. Moscow, Eksmo Publ., 2007. 416 p.
18. Barabanshikov V. A. *Vospriyatie vyrazhenii litsa* [Perception of facial expressions]. Moscow, Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences Publ., 2009. 448 p.



УДК 159.9.072.43

DOI: [10.21702/rpj.2017.4.4](https://doi.org/10.21702/rpj.2017.4.4)

Феномен протестной активности личности: субъектно-бытийная интерпретация

Александр Ш. Гусейнов^{1*}, Зинаида И. Рябикина², Галина Ю. Фоменко²,
Виктория В. Шиповская²

¹ Кубанский государственный университет физической культуры, спорта и туризма,
г. Краснодар, Российская Федерация

² Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Российская Федерация

* E-mail: AGuseinov@yandex.ru

Аннотация

Введение. Рассматриваются положения субъектно-бытийного подхода и демонстрируются его возможности для описания феноменологии протестной активности личности. Представлен обзор теоретико-методологических моделей, созданных в рамках данного подхода. Субъектно-бытийный подход ориентирован на выявление и анализ ценностных оснований личностной бытийности, а также возникающих и разрешаемых личностью противоречий в пространствах ее бытия. Исходя из понимания протестной активности как процесса, направленного на деконструкцию микро- и макросоциума сообразно особенностям личностного самоопределения, в качестве ключевых показателей системы протестной активности рассматриваются ценностно-смысловое позиционирование и экзистенциальное самоопределение. Представлены структурно-диалектическая модель протеста, типология протестных форм и осуществлен их анализ, как модусов бытия, формирующихся в результате субъектной активности личности.

Методы. В эмпирическом исследовании ценностно-смыслового позиционирования личности в деструктивных формах протеста ($n = 2600$; $M = 21,3$ года) использован опросник «Протестная активность личности», состоящий из шкал: эмансипация, негативизм, оппозиция, эскапизм, нигилизм. Тест валиден, согласован (α -Кронбаха от 0,63 до 0,81) и структурирован, пятифакторная модель конфирматорного анализа: $SMIN/DF = 1,084$; $IFI = 0,987$; $CFI = 0,989$; $RMSEA = 0,013$. Применялись факторный и корреляционный анализ.

Результаты. Доказано, что желание выразить масштаб собственной личности на фоне выбора социально не одобряемых вариантов субъектного позиционирования составляет суть ценностно-смыслового противоречия в неконструктивных формах протеста (оппозиция, нигилизм, эскапизм, негативизм). Лица с неконструктивными типами протеста не принимают неопределенность внешнего и внутреннего мира и отказываются от экзистенциального самоопределения. В деструктивных формах протеста происходят деформация и девальвация духовных ценностей.



Обсуждение результатов. У лиц с неконструктивными типами протеста личностные противоречия связаны с проблемой отчуждения и самоидентификации, с неспособностью формировать и поддерживать аутентичное бытие. Накапливаясь, эти противоречия приобретают непреодолимый характер, обуславливая склонность к деструктивному протесту. Подчеркивается важность устранения причин деструктивной активности личности: создание условий для успешной подростковой и взрослой социализации.

Ключевые слова

протестная активность личности, субъектно-бытийный подход, экзистенциальное самоопределение, ценностно-смысловые противоречия, структурно-диалектическая модель, модус бытия, оппозиция, нигилизм, эскапизм, негативизм

Основные положения

- ▶ протестная активность рассматривается как личностная характеристика и анализируется как разновидность модусов бытия;
- ▶ протестная активность личности проявляет уровень экзистенциального развития человека, особенности субъектной позиции;
- ▶ желание распространять собственный масштаб, расширять возможности влияния на микро- и макросоциум и объектные типы позиционирования личности составляют суть ценностно-смысловых противоречий в деструктивных формах протеста.

Для цитирования

Гусейнов А. Ш., Рябикина З. И., Фоменко Г. Ю., Шиповская В. В. Феномен протестной активности личности: субъектно-бытийная интерпретация // Российский психологический журнал. – 2017. – Т. 14, № 4. – С. 78–96.

Материалы статьи получены 07.06.2017



UDC 159.9.072.43

DOI: [10.21702/rpj.2017.4.4](https://doi.org/10.21702/rpj.2017.4.4)

The Phenomenon of Protest Activity: A Subjective-Existential Interpretation

Aleksandr Sh. Guseinov^{1*}, Zinaida I. Ryabikina², Galina Yu. Fomenko²,
Viktoriya V. Shipovskaya²

¹ Kuban State University of Physical Education, Sport and Tourism, Krasnodar, Russian Federation

² Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation

* Correspondence author. E-mail: AGuseinov@yandex.ru

Abstract

Introduction. The paper (a) presents the principles of the subjective-existential approach, (b) overviews its theoretical and methodological models, and (c) describes the phenomenology of protest activity. The subjective-existential approach focuses on value foundations of personal being, and also the way the individual resolves contradictions in the spaces of his/her life. Protest activity deconstructs micro- and macro-society in accordance with personal self-determination. Value-meaning positioning and existential self-determination are key characteristics of the protest activity system. The study introduces (a) a structural dialectical model of protest, and (b) typology of protest forms. These protest forms are modes of being, resulting from individual subject activity.

Methods. The empirical study of value-meaning positioning in destructive protest forms ($n = 2600$; $M = 21.3$ years) employed the Protest Activity Questionnaire which included the following scales: emancipation, negativism, opposition, escapism, and nihilism. The test was valid, reliable (Cronbach's alpha (α) ranged from 0.63 to 0.81), and structured. Confirmatory Factor Analysis Model was as follows: CMIN/DF = 1,084; IFI = 0,987; CFI = 0,989; RMSEA = 0,013. The study employed factor and correlation analysis.

Results. A value-meaning contradiction in the destructive forms of protest (opposition, nihilism, escapism, and negativism) consisted in the respondents' desire to express their personality by choosing socially unapproved forms of subjective positioning. Individuals with non-constructive forms of protest did not accept the uncertainty of the external and inner world and refused existential self-determination. Deformation and devaluation of spiritual values were characteristic for destructive forms of protest.

Discussion. Personal contradictions depend on the problem of alienation, self-identification, and also inability to form and maintain an authentic being in individuals with non-constructive forms of protest. When accumulating, these contradictions become insuperable and cause destructive protest. Addressing the causes of the person's destructive activity – creating conditions for successful adolescent and adult socialization – is important.



Keywords

protest activity, subjective-existential approach, existential self-determination, value-meaning contradictions, structural dialectical model, mode of being, opposition, nihilism, escapism, negativism

Highlights

- ▶ Protest activity is a mode of being and personal characteristic.
- ▶ Protest activity displays the level of personal existential development and characteristics of subject stand.
- ▶ Value-meaning contradictions in the destructive forms of protest consist in object types of positioning, and also the person's desire to express his/her personality, extend his/her influence on micro- and macro-society.

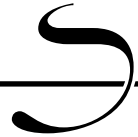
For citation

Guseinov A. Sh., Ryabikina Z. I., Fomenko G. Yu., Shipovskaya V. V. The Phenomenon of Protest Activity: A Subjective-Existential Interpretation. *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal – Russian Psychological Journal*, 2017, V. 14, no. 4, pp. 78–96 (in Russian).

Original manuscript received 07.06.2017

Введение

На современном этапе развития психологии актуализируются новые формы психологического познания, в основу которых органично включены процессы самотрансформации личности и различные способы самопорождения субъекта [1, 2, 3]. В связи с этим можно констатировать трансформацию пропорций интра- и интерактивного подходов в анализе и интерпретации психики [4, 5], опосредующих изменения в категориальном аппарате психологической науки. В фокусе внимания сложнейший синтетичный феномен – «бытие человека», представляющее собой организованную иерархию различных способов человеческого существования [6, 7, 8]. Психология человеческого бытия и рассмотрение личности как субъекта бытия, интегрирующего разнородные закономерности, приобретают особое значение, меняя точку зрения на сопутствующую психологии личности проблематику [9, 10, 11]. Заложенные в идеях С.Л. Рубинштейна [6] и А.В. Брушлинского [12] концептуальные послы реализовались в развитии субъектно-бытийного подхода к изучению личности, который позволил преодолеть ограниченность адаптивной парадигмы, дающей узкое представление о многомерных и многоуровневых феноменах, а с другой стороны, дал возможность современного объяснения полидетерминированных и мультифакторных процессов, обуславливающих бытие, в которых личность является субъектом.



В рамках данного направления личность и ее бытие предстают как взаимозависимые и взаимообуславливающие друг друга стороны неразрывного целого [13, 14, 15].

Субъектно-бытийный подход, акцентирующий внимание на различиях в субъектности человека в различных пространствах, получил развитие и конкретизацию в структурно-динамической модели личности и ее бытийных пространств (З.И. Рябикина) [13, 16], в модели экстремального и предельного существования (Г.Ю. Фоменко) [7, 17], в концепции понимания личностью собственной этнокультурной идентичности (О.Р. Тучина) и в модели события личности в браке (А.Р. Тиводар) [16], в теоретико-феноменологической модели субъектной активности личности в переговорах (Г.Г. Танасов) [14], в структурно-диалектической модели протестной активности личности (А.Ш. Гусейнов) [9], а также в рамках психологии личностной беспомощности и преодолевающей активности (В.В. Шиповская) [8, 11]. Созданные и доказавшие свою эвристичность теоретико-феноменологические модели перечисленных авторов, где осуществлен поворот от исследования отдельных особенностей объектов к изучению многомерных связей между ними, открыли возможности для системного рассмотрения и психологического анализа процессуальной природы разнообразной феноменологии.

Выполненные в рамках данного подхода исследования и оцениваемые перспективы демонстрируют возросшую роль методологического принципа единства личности и ее бытия. Субъектно-бытийный подход ориентирован на конструктивистское понимание личности и ее бытия, на исследование последствий того, что пространства бытия личности все более виртуализируются, теряя при этом естественную пространственно-временную развертку и прихотливо «сворачиваясь-разворачиваясь» по законам ментального процесса, на анализ эффектов «хаотизации», нарастающих проблем с прогнозом в изменениях бытия, из-за возрастающего количества акторов с различающимися векторами субъектной активности.

В ряду самых актуальных тем, решаемых в контексте субъектно-бытийного подхода, находится проблема ценностных оснований личностной бытийности и тема возникающих и разрешаемых личностью противоречий в различных пространствах ее бытия [7, 16, 18]. Личность, будучи субъектом, преодолевает антиномию внешней реальности и внутреннего мира таким образом, что внешняя реальность реорганизуется по законам ее внутреннего мира; тем самым личность «транслирует» себя на внешние бытийные пространства посредством самореализации, персонализации, расширяя границы своего бытия [13]. Стремясь к созданию аутентичного бытия и сохранению личностной целостности, субъект реализует в своем поведении три взаимодополняющие основные потребности: в подтверждении собственной значимости для



внешнего мира, во внутренней согласованности, в самоактуализации [14]. Неуспешность процесса самоопределения личности в противоречиях современности (макросоциальных координатах) рассматривается как общая основа социальных деструкций [7, 10, 17]. Соответственно, положения субъектно-бытийного подхода позволяют выявить противоречия, складывающиеся между суммой требований, предъявляемых к личности и особенностями ее самоопределения, переосмыслить психологическое содержание различных социальных деструкций, возможные способы и пути их преодоления. Из вышечисленных положений видно, что психологи данного направления обращаются к внутреннему миру субъекта, выявляя позицию личности по отношению к бытию.

Протестная активность личности в субъектно-бытийной интерпретации

В рамках этой статьи мы концентрируемся на проблематике протестной активности личности, тем самым демонстрируя возможности субъектно-бытийного подхода для описания той части психологической феноменологии современности, которая находится под большим влиянием социальных обстоятельств бытия личности и ее экзистенциального развития, и предполагает активную междисциплинарную включенность в со-интерпретацию феномена. Проблема протестной активности личности попадает в фокус внимания исследователей не только в связи с нарастающим глобализмом террористических акций, но также в связи с повышенной откликаемостью молодежи на воздействия вербовщиков самых различных объединений (новых религиозных движений, тоталитарных сект, экстремистских группировок и т. п.) [16, 17, 18, 19].

В психологии феномен протеста рассматривался в различных проблемных и теоретических аспектах:

- протест как проявление формирующегося жизненного стиля личности (А. Адлер);
- ненормативная протестная реакция как ответ на негативный тип привязанности (Д. В. Винникотт, Дж. Боулби, Р. А. Шпиц, Е. Т. Соколова);
- протест как один из ключевых атрибутов детских и подростковых возрастных кризисов (Л. С. Выготский, Д. Б. Эльконин, Л. И. Божович);
- протест как дезадаптивное поведение, свойственное преимущественно девиантным подросткам (А. Е. Личко, В. Д. Менделевич, С. В. Березин, С. А. Куликова);
- протест как одно из проявлений определенных типов личностных расстройств (Т. Миллон);
- протест как стремление к автономии (А. А. Реан, Н. Е. Харламенкова, Е. В. Кумыкова, А. К. Рубченко);



– протест в контексте формирования идентичности (К. Хорни, Х. Кохут, Э. Эриксон, М. Сейджман);

– протест как следствие экзистенциального вакуума и отчуждения (Э. Фромм, С. Мадди, И. Ялом, М. Чиксентмихайи, А. Лэнгле);

– протест как процесс доминирования целевого или метациелевого состояния (М. Аптер, M.R. McDermott, N.V. Barik) [9, 18, 19, 20, 21 и др.].

Существенно прояснить предикторы актуализации протеста позволяют многочисленные социологические концепции, где объясняется склонность к нормативным и ненормативным способам протеста (Г.В. Баранова [22], S.L. Blader [23], T.R. Gurr [24], B. Klandermans [25], J. Van Stekelenburg [26], M. Van Zomeren [27] и пр.). В контексте модели относительной депривации протестная активность появляется в результате сопоставления настоящего уровня жизни человека с его наилучшими достижениями в предыдущем периоде или сравнения его заработка с зарплатой наиболее эффективных и значимых для него лиц [28]. Протестная активность может быть вызвана социальным неравенством и статусной позицией, усиливающими дисбаланс между ожиданиями и возможностями их реализации [24, 29, 30]. В данном случае речь идет об особом типе социального действия, порождаемого наличием противоположных интересов, недовольством условиями жизни и перспективами их изменения [22], вызывающего раздражение и возмущение, что не исключает возможности изучения его психологических закономерностей применительно к личности как субъекту протестной активности, выражаемой в присущей личности индивидуальной форме. Следует подчеркнуть, что в условиях неопределенности и транзитивности современного мира возможности линейных традиционных моделей протестной активности заметно ограничены вследствие того, что они описывают одномерную модель активности, т. е. детерминированного человека [30, 31, 32]. Почти не затрагивается многозначность проявлений протеста, не учитывается ценностно-смысловой уровень личности, а также присущие конкретному социально-историческому контексту противоречия, в которых должна самоопределяться личность.

Этот же аспект подчеркивает T.R. Gurr. По его мнению, для того чтобы понять, каким образом в процессе коммуникации создается чувство идентичности и общности целей у людей разных национальностей и различного вероисповедания, позволяющее осуществлять их успешную мобилизацию на протест, нужно обратить внимание на общества, где живут протестующие, их религиозные предпочтения, тип культуры и на другие факторы [33]. Утверждение T.R. Gurr показывает трудность раскрытия усилителей индивидуальной протестной мотивации. Именно поэтому в исследовании феномена протестной активности нужно обращать внимание на психологические



механизмы явления, раскрывающие то, что для человека значимо, каким образом происходит изменение мировоззрения, переоценка ценностей, обеспечивающих кардинальную смену социальной позиции.

Протестная активность рассматривается нами не в социально-политическом, а в онтологическом аспекте; анализируется динамика личностного самоопределения в макросоциуме, формирующего систему личностных ценностей и смыслов и определяющего разные варианты протестной активности. В определении протестной активности личности подчеркивается ее направленность на деконструкцию микро- и макросоциума в соответствии с личностным выбором, а также динамика и неоднозначность феномена [9].

Принимая за основу методологический принцип субъекта, позволяющий преодолеть дефицитарность и упрощенность инструментальной трактовки феномена как поведенческих проявлений, а также синтезировать данные многочисленных и разрозненных исследований в целостную систему представлений, нами были выделены и операционализированы деструктивные типы протестной активности личности (негативизм, оппозиция, нигилизм, эскапизм), представлены конструктивные типы активности (высший эскапизм, эмансипация).

Выделяя различные формы протеста в концепции протестной активности, мы опирались на положения С.Л. Рубинштейна о двух принципиально разных способах существования [6] и их уточнение в концепте бытия личности в экстремальных условиях с определением двух модусов бытия личности (предельного и экстремального) [7]. Анализ этих конструктов дал возможность построить структурно-диалектическую модель протестной активности личности и содержательно переосмыслить в контексте проблем протеста представленную выше структуру модусов бытия. Данная интегрирующая теоретическая структура включает: рассмотрение типа субъектности и характера экзистенциального самоопределения в сочетании с ценностно-смысловым позиционированием; анализ способов решения многоуровневых противоречий, особенностей построения образа мира, специфики аффективно-потребностной сферы; учет организации личной активности. Избранный исследовательский путь позволил рассматривать проблему протестной активности в широком онтологическом ракурсе, не замыкаясь в рамках девиантности и адаптивной парадигмы. Протестная личность представлена в качестве субъекта разрешения противоречий. Мы смогли обратить внимание не только на внешние социокультурные признаки изучаемого феномена, но и на его внутреннее экзистенциальное содержание. В основе дифференциации форм протестной активности по параметру конструктивности лежит способ личностного позиционирования – субъектный или объектный; формы протеста различаются также по



масштабу и особенностям противоречий, по возможностям эффективного разрешения.

Методы

Масштабное исследование изучения специфики протестной активности личности было организовано нами в Краснодарском крае. Выборка была репрезентативной по основным параметрам. В исследовании приняли участие подростки, юноши и девушки, молодежь ($M = 21,3$ года). Мы применили мультишкально-полиметодический подход, предполагающий использование комплекса методов, позволяющих описать структуру ценностно-смысловой сферы личности, копинг-стратегии, картину мира, регуляторные умения, субъективное благополучие, защитные механизмы, способы самоактуализации личности, особенности аффективной и мотивационно-потребностной сфер и другие характеристики. Участникам исследования были предъявлены 24 методики, проанализировано 228 показателей. Объем выборочной совокупности варьировал от $n = 2600$ до $n = 300$. В исследовании применялся опросник «Протестная активность личности» (ПАЛ), состоящий из шкал-факторов: эмансипация, негативизм, оппозиция, эскапизм, нигилизм (выборка $n = 2600$). Тест надежен, обладает конструктивной валидностью, согласован (α -Кронбаха от 0,63 до 0,81) и структурирован, пятифакторная модель конфирматорного факторного анализа показывает хорошее соответствие данным: $CMIN = 696,698$; $P = 0,070$; $CMIN/DF = 1,084$; $NFI = 0,877$; $IFI = 0,987$; $CFI = 0,989$; $RMSEA = 0,013$. Применялись факторный, корреляционный, дисперсионный и регрессионный виды анализа.

В данной статье приводятся и обсуждаются только результаты по следующим параметрам протестной активности – особенностям экзистенциального выбора и ценностно-смыслового позиционирования у лиц, реализующих деструктивные протестные формы. Акцент на этих ключевых параметрах дает возможность детально описывать личностные противоречия в разнообразных бытийных пространствах, под знаком которых осуществляется протестная активность определенного рода. В рамках данной статьи рассмотрим корреляционные связи шкал методики «ПАЛ» со шкалами тестов, определяющих базовые ценности личности и вероятность их искажений («Тест смысложизненных ориентаций» (СЖО) в адаптации Д. А. Леонтьева, «Опросник терминальных ценностей» (ОТЕЦ) И. Г. Сенина, методика оценки ценностей С. Шварца, тест психологических защит Р. Келлермана – Г. Плутчика), а также возможности самоактуализации (САТ – адаптированный опросник Э. Шострома).

Результаты

В процессе проведенного исследования предполагалось доказать связь неконструктивных типов протестной активности личности с обесцениванием



высших духовных ценностей. Этот тезис подтверждается полученными значимыми негативными корреляциями ($p < 0,05$; $p < 0,01$) показателей опросника И. Г. Сенина со шкалой «эскапизм». У личности с эскапистскими установками нет выраженной потребности к обретению достойного статуса, власти и материально благополучной жизни; кроме того, нет стремления к самоактуализации и саморазвитию; высшие ценности и духовные потребности не актуализированы. Полученные значимые отрицательные связи эскапизма с показателями методики СЖО также свидетельствуют о слабой осмысленности жизни и ее этапов, о несформированности рефлексивных процессов. Получена значимая связь эскапизма со стремлением к стимуляции; наблюдается низкая оценка риска, игнорирование опасности.

Об атрибутивных особенностях нигилизма свидетельствуют отрицательные связи ($p < 0,01$) с безопасностью, достижениями и личной властью, согласно опроснику С. Шварца. Показатели шкалы нигилизма имеют отрицательные связи ($p < 0,01$) с показателями духовности, саморазвития и принятием человека, самоуважением (по САТ). Результаты негативных корреляций нигилизма со шкалами методики И. Г. Сенина ($p < 0,05$) достраивают общую панораму ценностей нигилиста как бездуховной личности.

Рассмотрим особенности негативизма. Отрицательные корреляции параметра «негативизм» со шкалами духовного роста, развития себя, стремления к достижениям, а также отрицательные корреляции со сферами учебы и получения профессии методики ОТеЦ говорят о примитивизме, «плоскости», бездуховности личности негативиста. Преобладают ценности стремления к новым ощущениям, переживаниям и власти. Все шкалы методики СЖО имеют значимые негативные корреляции со шкалой негативизма.

Близкая по содержанию система личностной деформации определена и у лиц с выраженными оппозиционными установками. Выявлены негативные корреляции ($p < 0,01$) показателя оппозиции со шкалами методики СЖО: «Цели», «Процесс» и «Результат», указывающие на слабую осмысленность жизни, невозможность построить временную перспективу, управлять жизнью, желание жить «одним днем». Корреляции шкалы оппозиции с ценностями достижений, духовности незначимы. Экзистенциальный вакуум, непонимание смысла жизни, несформированность интереса к жизни, неспособность к осуществлению жизненных задач приводят к неудовлетворенности. Выявлены значимые отрицательные связи шкалы «Оппозиции» со шкалой «Самоуважение» самоактуализационного теста и «темпоральными» шкалами методики СЖО ($p < 0,05$ – $p < 0,01$). Ценности власти, безопасности, стимуляции по методике С. Шварца не дали значимых корреляций со шкалой «Оппозиции» ($p < 0,1$).



Обсуждение результатов

Выявлены базовые противоречия *эскапизма*: между представлением о правильности собственного способа существования и его отрицательной оценкой со стороны общества; между индивидуальным восприятием бытия и реальностью. Из-за невозможности адекватно оценивать и преодолевать противоречия реальность воспринимается опасной, несправедливой, враждебной по контрасту с идеальной, иллюзорной жизнью, лучшей и справедливой, поэтому выбираются разнообразные формы ухода, избегания реальности, в частности, бегство в виртуальную реальность. Несформированность положительных ценностных ориентаций, размытая идентичность, неспособность управлять собой и собственной жизнью, конформизм и ведомость, избегание экзистенциальных проблем (экзистенциальное отступничество) делают личность с эскапистскими установками весьма уязвимой для манипуляции. Таким образом, наблюдаются основания для возникновения безвольной подчиненности любой идеологии.

Глубокая девальвация ценностей жизни и деградация духовных потребностей выражена и в *нигилизме*. Особенностью нигилизма является активное воспроизводство антигуманных ценностей, которое нередко связано с личной выгодой. Призывы к свободе, обосновываемые необходимостью сметания любых барьеров, запретов, условностей, устаревших норм, на самом деле выражают желание нигилиста принадлежать к группе «избранных» и поиск преференций для себя. Отстаивая «право силы» или призывая к моральному релятивизму, вседозволенности, нигилист заранее создает самооправдание для любых своих действий. Всепроникающая деструктивность, девальвация духовных ценностей, ненависть к жизни, экзистенциальное отступничество тесно связаны с дефензивными механизмами, среди которых преобладают вытеснение, замещение и интеллектуализация. Анализ ценностей нигилиста указывает на примитивность личности, отчужденность от мира и самого себя, неразвитость рефлексии и отсутствие возможности отслеживать противоречия и продуктивно их решать вследствие нравственной отсталости. Профиль нигилистической личности представлен глубоким провалом в сфере духовности наряду с искаженной целевой доминантой, когда смыслом существования нигилиста становится тотальность отрицания всего развивающегося, жизненного, позитивного. В силу тотальной деструктивности нигилиста и его неспособности разрешать противоречия формируется особый способ существования, свободный от норм, морали и традиционных ценностей. Базовое ценностно-смысловое противоречие нигилизма – несоответствие между бытием и долженствованием. Характер экзистенциального самоопределения при нигилизме связан с экзистенциальным отступничеством и обусловлен



желанием эксплуатировать людей, заставляя их быть орудиями для воплощения антисоциальных замыслов [20].

Определены основные противоречия *негативиста*, осуществляемые на уровне ценностей: склонность к новым ощущениям не базируется на развитии самоконтроле, нонконформизм не связан с принятием традиционных ценностей, а стремление к доминированию не соответствует персональным достижениям. Отвержение всего позитивного, доброты поддерживает негативное примитивное мироощущение, основанное на эгоцентризме. Неудовлетворенность прошлым, отвержение настоящего и будущего свидетельствуют о непринятии ценностей жизни. Наблюдаются примитивность потребностей и ценностей, безынициативность, низкая оценка своих возможностей и ресурсов, слабая воля. Представители данной типологии, обладая косным и шаблонным мышлением, ригидны, не готовы к инновациям, их картина мира основана на жестких схемах, далеких от толерантности. Базовое ценностно-смысловое противоречие – между потребностью самовозвышения и низким личностным потенциалом. Ценностно-смысловая структура негативиста имеет свою специфику: непринятие жизни, чувство несправедливости, ощущение неудовлетворенности и обделенности сочетаются с иллюзией своей исключительности и стремлением к компенсаторной активности. Через призму сложных, антагонистических личностных противоречий высвечиваются проблемы негативной личностной идентичности и отчужденной активности, создающей преграды на пути к самореализации и поиску собственной подлинной сущности.

У лиц с *оппозиционными* установками, по сравнению с негативистами, не выражено стремление к власти. Субъекта с оппозиционными установками можно характеризовать как примитивную личность с невыраженными духовными потребностями и стертым стремлением к личностному росту. Главное ценностно-смысловое противоречие наблюдается между потребностью в получении материальных благ и отсутствием желания прилагать усилия. Большой интерес представляет вопрос: каким образом такие субъекты, являющиеся носителями всевозможных деструкций и противоречий, неспособные к самореализации, обладают возможностью пробуждать протестную мотивацию и настраивать на протест других? Вероятно, это достигается посредством манипулятивности, креативности, лживости и хитрости. Отметим, что лица с оппозиционными установками не стремятся к активному отстаиванию идеалов и ценностей; более существенна в структуре личности готовность к обвинению, подстрекательству и использованию других в своих интересах. Неустойчивость субъектной позиции, низкая значимость ценностей в структуре личности, вероятно, могут свидетельствовать о возможности быстрой смены ценностей и идеалов, в зависимости от обстоятельств.



Заключение

Результаты исследования позволяют сделать следующие выводы:

1. Как показало исследование, при системном анализе феномена протеста значимым является не только учет макросоциальных детерминант, основных социокультурных факторов исторического процесса, но и исследование микроконтекстов, в сфере которых возникает индивидуальная протестная активность.

2. Протестная активность может рассматриваться как личностная характеристика и анализироваться как разновидность модусов бытия.

3. Протестная активность ярко проявляет уровень экзистенциального развития человека, личностную позицию по отношению к миру.

4. Эмпирически доказано, что именно несоответствие между бытием и долженствованием, желание распространять собственный масштаб, расширять возможности влияния на микро- и макросоциум и несоответствующие, объектные типы позиционирования личности – составляют суть ценностно-смысловых противоречий в деструктивных формах протеста. Эти противоречия весьма рельефно акцентируют сложности, связанные с несформированностью идентичности и отчужденной активностью, затрудняющей реализацию аутентичного бытия. Причем причины этого феномена могут быть объяснены выявленным во всех без исключения деструктивных формах режимом внешней детерминации личностной активности, который не позволяет личности выдерживать неопределенность внутреннего и внешнего мира. Характер такого бытия не позволяет понимать границы своей активности и максимально реализовывать бытийные возможности.

5. Чрезмерная фиксация на препятствиях, субъективно воспринимаемых как фрустрирующие факторы, не позволяет полноценно удовлетворять основные потребности. Невозможность управлять жизнью и отслеживать важные события, слабая мотивация к конструктивному самоосуществлению и творческому самовыражению, отказ от рефлексии экзистенциальных вопросов формируют отрицательное, враждебное отношение к миру. Постоянно накапливаясь и приобретая все новые нюансы, эти противоречия указывают на высокую потенциальную готовность представителей деструктивных форм к протестным действиям в самых разных ситуациях, представляя угрозу самой личности и социуму.

6. Комплекс выделенных и описанных противоречий протестной активности в преломлении к конкретным и типичным жизненным реалиям заостряет проблему отсутствия интереса к конструктивному сотрудничеству. Для предупреждения нарастаний деструктивной протестной активности личности важно обратить особое внимание на динамику и содержание социализации, в процессе которой происходит формирование ценностей



и личностных качеств субъекта: ответственности, самостоятельности, включенности в социальную жизнь. Субъектному позиционированию личности способствует ощущение востребованности, а также появление возможности реально влиять на социальные процессы.

Таким образом, в контексте субъектно-бытийного подхода протестная активность личности предстает как системный и процессуальный феномен и понимается не как неудовлетворенность и дезадаптация, а как формирование способности личности действовать в динамично изменяющихся условиях, разрешая противоречия современности. В зависимости от того, каким образом личность преодолевает внутренние и внешние разноуровневые противоречия, содержательно изменяются специфичные составляющие протестных форм, проясняя позицию личности по отношению к бытию.

Литература

1. *Абакумова И. В., Рядинская Е. Н., Голубова В. М.* Системно-структурный анализ теорий психологических трансформаций личности // *Российский психологический журнал*. – 2017. – Т. 14, № 1. – С. 10–24.
2. *Леонтьев Д. А.* Личностный потенциал: структура и диагностика. – М.: Смысл, 2011. – 680 с.
3. *Магомед-Эминов М. Ш.* Позитивная психология человека. От психологии субъекта к психологии бытия : в 2-х т. – М. : Психоаналитическая Ассоциация Российской Федерации, 2007. – Т. 1. – 560 с.
4. *Знаков В. В.* XXI век: Изменения в мире человека и новый этап развития психологии субъекта // *Личность и бытие: человек как субъект социокультурной реальности : материалы Всероссийской научно-практической конференции / под ред. З. И. Рябикиной и В. В. Знакова*. – Краснодар : Изд-во КубГУ, 2016. – С. 5–14.
5. *Тулчинский Г. Л.* Сдвиг гуманитарной парадигмы, трансцендентальный субъект и постчеловеческая персонология // *Методология и история психологии*. – 2010. – Т. 5, Вып. 1. – С. 32–51.
6. *Рубинштейн С. Л.* Бытие и сознание. Человек и мир. – М.: Питер, 2003. – 512 с.
7. *Фоменко Г. Ю.* Модусы бытия личности в контексте субъектно-бытийного подхода // *Психология субъекта и психология человеческого бытия / под ред. В. В. Знакова, З. И. Рябикиной, Е. А. Сергиенко*. – Краснодар : Изд-во КубГУ, 2010. – С. 158–174.
8. *Шиповская В. В.* Взаимосвязь беспомощности и личностных свойств в старшем подростковом возрасте // *Российский психологический журнал*. – 2008. – Т. 5, № 2. – С. 76–78.



9. Гусейнов А. Ш., Фоменко Г. Ю., Рябикина З. И. Протестная активность личности в контексте субъектно-бытийного подхода // Человек. Сообщество. Управление. – 2015. – № 3 (16). – С. 6–21.
10. Фоменко Г. Ю. Самоопределение личности: актуальные направления исследовательского поиска в контексте субъектно-бытийного подхода // Личностная идентичность: вызовы современности : материалы Всероссийской психологической научно-практической конференции (с иностранным участием) / под ред. З. И. Рябикиной и В. В. Знакова. – Краснодар : Изд-во КубГУ ; Майкоп : Изд-во Адыгейского гос. ун-та ; М. : Изд-во ИП РАН, 2014. – С. 37–39.
11. Шиповская В. В. Модусы преодолевающей активности личности в контексте субъектно-бытийного подхода // Известия Сочинского государственного университета. – 2013. – № 4–2 (28). – С. 89–93.
12. Брушлинский А. В. Психология субъекта. – М. ; СПб. : Алетей, 2003. – 272 с.
13. Рябикина З. И. Субъектно-бытийный подход к изучению развивающихся личность противоречий // Психологический журнал. – 2008. – Т. 29, № 2. – С. 78–87.
14. Рябикина З. И., Танасов Г. Г. Субъектно-бытийный подход к личности и анализу ее со-бытия с другими (конструктивная версия постмодернистских «настроений») // Человек. Сообщество. Управление. – 2010. – № 2. – С. 4–19.
15. Рябикина З. И. Особенности современности: изменчивая реальность и гибкая личностная идентичность // Личность и бытие: человек как субъект социокультурной реальности : материалы Всероссийской научно-практической конференции / под ред. З. И. Рябикиной и В. В. Знакова. – Краснодар : Изд-во КубГУ, 2016. – С. 15–20.
16. Знаков В. В., Рябикина З. И. Психология человеческого бытия. – М. : Смысл, 2017. – 416 с.
17. Фоменко Г. Ю. Современная социокультурная реальность и психология безопасности личности в контексте субъектно-бытийного подхода // Личность и бытие: человек как субъект социокультурной реальности : материалы Всероссийской научно-практической конференции / под ред. З. И. Рябикиной и В. В. Знакова. – Краснодар : Изд-во КубГУ, 2016. – С. 21–29.
18. Гусейнов А. Ш. Протест как фактор деструктивного поведения подростков и молодежи // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. Социология. Педагогика. Серия 12. – 2011. – Вып. 2. – С. 116–121.
19. Гусейнов А. Ш. Негативный потенциал протеста: психологический анализ // Армия и общество. – 2013. – № 1. – С. 169–175.
20. Гусейнов А. Ш. Психологический анализ систем противоречий, характерных для субъекта, включенного в спортивную деятельность // Физическая культура, спорт – наука и практика. – 2015. – № 1. – С. 43–51.



21. *McDermott M. R., Barik N. B.* Developmental Antecedents of Proactive and Reactive // *Journal of Motivation, Emotion, and Personality*. – 2014. – Vol. 2, Issue 1. – P. 22–31.
22. *Баранова Г. В.* Методика анализа протестной активности населения России // *Социологические исследования*. – 2012. – № 10. – С. 143–152.
23. *Blader S. L.* What leads organizational members to collectivize? Injustice and identification as precursors of union certification // *Organization Science*. – 2007. – Vol. 18. – P. 108–126.
24. *Gurr T. R.* Peoples versus States: Minorities at risk in the new century. – Washington, DC : US Institute of Peace Press, 2000.
25. *Klandermans B., Van der Toorn J., Van Stekelenburg J.* Embeddedness and identity: How immigrants turn grievances action // *American Sociological Review*. – 2008. – Vol. 73. – P. 992–1012.
26. *Van Stekelenburg J., Klandermans B.* The social psychology of protest // *Current Sociology*. – 2013. – Vol. 61 – P. 886–905.
27. *Van Zomeren M., Leach C. W., Spears R.* Protesters as 'passionate economists': A dynamic dual pathway model of approach coping with collective disadvantage // *Personality and Social Psychology Review*. – 2012. – Vol. 16, Issue 2. – P. 180–199.
28. *Folger R.* Rethinking equity theory: A referent cognitions model // *Justice in Social Relations* / H. W. Bierhoff, R. L. Cohen, J. Greenberg (eds.). – N. Y. : Plenum, 1986. – P. 145–162.
29. *Foster M. D., Matheson K.* Perceiving and responding to the personal group discrimination discrepancy // *Personality and Social Psychology Bulletin*. – 1999. – Vol. 25, № 10. – P. 1319–1329.
30. *McCarthy J. D., Zald M. N.* Resource mobilization and social movements: A partial theory // *American Journal of Sociology*. – 1977. – Vol. 82. – P. 1212–1241.
31. *Drury J., Reicher S.* Collective psychological empowerment as a model of social change: Researching crowds and power // *Journal of Social Issues*. – 2009. – Vol. 65, № 4. – P. 707–725.
32. *Hogg M. A., Graham M. V.* Social psychology. – London : Person Education Limited, 2011. – 6th ed. – 763 p.
33. *Gurr T. R.* «Why Men Rebel Redux: How Valid Are Its Arguments 40 Years On?» E-International Relations. – URL: <http://www.e-ir.info/2011/11/17/> (дата обращения: 02.06.2017).

References

1. *Abakumova I. V., Ryadinskaya E. N., Golubova V. M.* System and structural analysis of theories of psychological transformation of personality. *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal – Russian Psychological Journal*, 2017, V. 14, no. 1, pp. 10–24 (in Russian).



2. Leont'ev D. A. *Lichnostnyi potentsial: struktura i diagnostika* [Personal potential: structure and diagnostics]. Moscow, Smysl Publ., 2011. 680 p.
3. Magomed-Eminov M. Sh. *Pozitivnaya psikhologiya cheloveka. Ot psikhologii sub"ekta k psikhologii bytiya: v 2-kh t.* [Positive psychology of the person. From the psychology of subject to the psychology of being: in 2 volumes]. Moscow, Russian Psychoanalytic Association Publ., 2007, V. 1. 560 p.
4. Znakov V. V. XXI vek: Izmeneniya v mire cheloveka i novyi etap razvitiya psikhologii sub"ekta [21st century: changes in a man's world and a new stage in the psychology of the subject]. *Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii "Lichnost' i bytie: chelovek kak sub"ekt sotsiokul'turnoi real'nosti"* [Proc. the All-Russian Theoretical and Practical Conference "Personality and being: A man as the subject of sociocultural reality"]. Krasnodar, Kuban State University Publ., 2016, pp. 5–14.
5. Tul'chinskii G. L. A shift in the humanitarian paradigm, the transcendental subject and post-human personology. *Metodologiya i istoriya psikhologii – Methodology and History of Psychology*, 2010, V. 5, no. 1, pp. 32–51 (in Russian).
6. Rubinshtein S. L. *Bytie i soznanie. Chelovek i mir* [Being and consciousness. A man and the world]. Moscow, Piter Publ., 2003. 512 p.
7. Fomenko G. Yu. Personal modes of being in the context of the subjective-existential approach. In: Znakov V. V., Ryabikina Z. I., Sergienko E. A. *Psikhologiya sub"ekta i psikhologiya chelovecheskogo bytiya* [The subject's psychology and the psychology of human being]. Krasnodar, Kuban State University Publ., 2010, pp. 158–174.
8. Shipovskaya V. V. Relationship among helplessness and personal characteristics in adolescents in a senior high school. *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal – Russian Psychological Journal*, 2008, V. 5, no. 2, pp. 76–78 (in Russian).
9. Guseinov A. Sh., Fomenko G. Yu., Ryabikina Z. I. Protest activity in the context of the subjective-existential approach. *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie – Human. Community. Management*, 2015, no. 3 (16), pp. 6–21 (in Russian).
10. Fomenko G. Yu. Samoopredelenie lichnosti: aktual'nye napravleniya issledovatel'skogo poiska v kontekste sub"ektno-bytiinogo podkhoda [Self-identity: Current trends in research in the context of the subjective-existential approach]. *Materialy Vserossiiskoi psikhologicheskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (s inostrannym uchastiem) "Lichnostnaya identichnost': vyzovy sovremennosti"* [Proc. the All-Russian Psychological Theoretical and Practical Conference (with foreign participation) "Personal identity: modern challenges"]. Krasnodar, Kuban State University Publ., 2014, pp. 37–39.
11. Shypovskaya V. V. Modes of the person's overcoming activity in the context of the subjective-existential approach. *Izvestiya Sochinskogo gosudarstvennogo*



- universiteta – Izvestiya Sochi State University*, 2013, no. 4–2 (28), pp. 89–93 (in Russian).
12. Brushlinskii A. V. *Psikhologiya sub"ekta* [The subject's psychology]. Moscow, Aleteiya Publ., 2003. 272 p.
 13. Ryabikina Z. I. The subjective-existential approach to studying conflicts developing personality. *Psikhologicheskii zhurnal*, 2008, V. 29, no. 2, pp. 78–87 (in Russian).
 14. Ryabikina Z. I., Tanasov G. G. The subjective-existential approach to the person and the analysis of his/her co-existence with others (a constructive version of post-modern sentiments). *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie – Human. Community. Management*, 2010, no. 2, pp. 4–19 (in Russian).
 15. Ryabikina Z. I. Osobennosti sovremennosti: izmenchivaya real'nost' i gibkaya lichnostnaya identichnost' [Features of modernity: The changing reality and a flexible personal identity]. *Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii "Lichnost' i bytie: chelovek kak sub"ekt sotsiokul'turnoi real'nosti"* [Proc. the All-Russian Theoretical and Practical Conference "Personality and being: A man as the subject of sociocultural reality"]. Krasnodar, Kuban State University Publ., 2016, pp. 15–20.
 16. Znakov V. V., Ryabikina Z. I. *Psikhologiya chelovecheskogo bytiya* [Psychology of human existence]. Moscow, Smysl Publ., 2017. 416 p.
 17. Fomenko G. Yu. Sovremennaya sotsiokul'turnaya real'nost' i psikhologiya bezopasnosti lichnosti v kontekste sub"ektno-bytiinogo podkhoda [Modern socio-cultural reality and the psychology of human security in the context of the subjective-existential approach]. *Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii "Lichnost' i bytie: chelovek kak sub"ekt sotsiokul'turnoi real'nosti"* [Proc. the All-Russian Theoretical and Practical Conference "Personality and being: A man as the subject of sociocultural reality"]. Krasnodar, Kuban State University Publ., 2016, pp. 21–29.
 18. Guseinov A. Sh. Protest as a factor in the destructive behavior among adolescents and young people. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Psikhologiya. Sotsiologiya. Pedagogika – Vestnik of Saint Petersburg University. Series 12. Psychology. Sociology. Pedagogy*, 2011, V. 2, pp. 116–121 (in Russian).
 19. Guseinov A. Sh. The negative potential of protest: A psychological analysis. *Armiya i obshchestvo – Army and Society*, 2013, no. 1, pp. 169–175 (in Russian).
 20. Guseinov A. Sh. The psychological analysis of contradiction systems in subjects engaged in sports activities. *Fizicheskaya kul'tura, sport – nauka i praktika – Physical Education, Sports – Science and Practice*, 2015, no. 1, pp. 43–51 (in Russian).
 21. McDermott M. R., Barik N. B. Developmental antecedents of proactive and reactive. *Journal of Motivation, Emotion, and Personality*, 2014, V. 2, Issue 1, pp. 22–31.



22. Baranova G. V. A technique for analyzing protest activity in Russians. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*, 2012, no. 10, pp. 143–152 (in Russian).
23. Blader S. L. What leads organizational members to collectivize? Injustice and identification as precursors of union certification. *Organization Science*, 2007, V. 18, pp. 108–126.
24. Gurr T. R. *Peoples versus States: Minorities at risk in the new century*. Washington, DC, US Institute of Peace Press, 2000.
25. Klandermans B., Van der Toorn J., Van Stekelenburg J. Embeddedness and identity: How immigrants turn grievances action. *American Sociological Review*, 2008, V. 73, pp. 992–1012.
26. Van Stekelenburg J., Klandermans B. The social psychology of protest. *Current Sociology*, 2013, V. 61, pp. 886–905.
27. Van Zomeren M., Leach C. W., Spears R. Protesters as ‘passionate economists’: A dynamic dual pathway model of approach coping with collective disadvantage. *Personality and Social Psychology Review*, 2012, V. 16, Issue 2, pp. 180–199.
28. Folger R. Rethinking equity theory: A referent cognitions model. In: H. W. Bierhoff, R. L. Cohen, J. Greenberg (eds.) *Justice in Social Relations*. N. Y., Plenum, 1986, pp. 145–162.
29. Foster M. D., Matheson K. Perceiving and responding to the personal group discrimination discrepancy. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 1999, V. 25, no. 10, pp. 1319–1329.
30. McCarthy J. D., Zald M. N. Resource mobilization and social movements: A partial theory. *American Journal of Sociology*, 1977, V. 82, pp. 1212–1241.
31. Drury J., Reicher S. Collective psychological empowerment as a model of social change: Researching crowds and power. *Journal of Social Issues*, 2009, V. 65, no. 4, pp. 707–725.
32. Hogg M. A., Graham M. V. *Social psychology*. London, Person Education Limited, 2011, 6th ed. 763 p.
33. Gurr T. R. “Why Men Rebel Redux: How Valid Are Its Arguments 40 Years On?” [On-line] E-International Relations. Available at: <http://www.e-ir.info/2011/11/17/> (Accessed 02 June 2017).



УДК 159.91

DOI: [10.21702/rpj.2017.4.5](https://doi.org/10.21702/rpj.2017.4.5)

Исследование с помощью вызванных потенциалов функциональной эквивалентности механизмов восприятия и генерации эмоций

Дарья С. Алексеева*, Павел Н. Ермаков, Виталий В. Бабенко, Денис В. Явна

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

* E-mail: alexeeva_ds@mail.ru

Аннотация

Введение. Отмечается, что гипотеза функциональной эквивалентности находит подтверждение во многих функциональных системах мозга. Однако этот вопрос остается открытым в отношении механизмов, участвующих в восприятии и воспроизведении эмоций. Ставится цель определить и сопоставить динамику активности мозговых структур при восприятии и генерации эмоций. Новизна исследования определяется тем, что впервые сравнивается динамика вызванной активности при восприятии и генерации эмоций у одних и тех же испытуемых в условиях одного эксперимента.

Методы. Испытуемым предъявлялись фотографии лиц с разным эмоциональным выражением и объекты, вызывающие разные эмоциональные реакции. Испытуемые должны были сообщить, какую эмоцию выражает предъявляемое лицо и какую эмоцию вызывает у них показываемый объект. Ответы служили основой для дальнейшего группирования и усреднения фрагментов электроэнцефалограммы с целью выделения вызванных потенциалов (на нейтральные, позитивные и негативные лица и объекты). Электроэнцефалограмма регистрировалась в 128 отведениях, что позволило определить траектории фокусов максимальной активности с помощью sLORETA. Сравнивались реакции на лица и объекты одинаковой эмоциональной валентности.

Результаты. Впервые в рамках одного эксперимента регистрировались и сравнивались реакции на зрительные стимулы, отображающие и вызывающие эмоции. Различия между вызванными потенциалами на лица с разной эмоциональной экспрессией и объекты с разной эмоциональной валентностью обнаружены на волне N170. Анализ траекторий фокусов максимальной активности при развитии реакций на лица и объекты не выявил их пересечения.

Обсуждение результатов. Указывается, что экспериментальные задачи были организованы таким образом, чтобы максимально развести динамику сравниваемых реакций. В этих условиях совпадение процессов возможно только на определенном этапе в случае существования механизма «отзеркаливания». Анализ полученных результатов показал отсутствие пересечения сравниваемых процессов.



Заключение. Полученные результаты не выявили признаков функциональной эквивалентности механизмов, распознающих и генерирующих эмоции.

Ключевые слова

лица, восприятие эмоций, отзеркаливание, объекты, эмоциональная реакция, генерация эмоций, эмоциональная экспрессия, эмоциональная валентность, вызванные потенциалы, фокусы максимальной активности

Основные положения

- ▶ вызванные потенциалы на лица с определенной эмоциональной экспрессией и объекты с той же эмоциональной валентностью существенно различаются;
- ▶ траектории фокусов максимальной корковой активности в реакциях на лица и объекты с одной и той же эмоциональной валентностью не пересекаются;
- ▶ не обнаружено перекрытия механизмов восприятия и генерации эмоций.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке Минобрнауки РФ (проект № 25/3336.2017/ПЧ).

Для цитирования

Алексеева Д.С., Ермаков П.Н., Бабенко В.В., Явна Д.В. Исследование с помощью вызванных потенциалов функциональной эквивалентности механизмов восприятия и генерации эмоций // Российский психологический журнал. – 2017. – Т. 14, № 4. – С. 97–120.

Материалы статьи получены 09.06.2017

UDC 159.91

DOI: [10.21702/rpj.2017.4.5](https://doi.org/10.21702/rpj.2017.4.5)

Studying the Functional Equivalence of Mechanisms for Emotion Perception and Emotion Generation by Means of Evoked Potentials

Dar'ya S. Alekseeva*, Pavel N. Ermakov, Vitalii V. Babenko, Denis V. Yavna

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

* Correspondence author. E-mail: alexeeva_ds@mail.ru

Abstract

Introduction. Many functional systems of the brain confirm the hypothesis of functional equivalence. However, the mechanisms involved in emotion perception and reproduction still remain an open question. This study attempts to define and compare



the dynamics of the activity of brain structures when perceiving and generating emotions. The novelty of the research lies in comparing the dynamics of evoked activity when the same respondents perceive and generate emotions within a single experiment.

Methods. The respondents were shown photographs of various facial expressions and also objects generating various emotions. The respondents had to detect emotions from photographs of facial expressions, and also recognize emotions which the objects generated. The answers made it possible to group and average EEG fragments to distinguish evoked potentials (neutral, positive, and negative faces and objects). EEG was recorded from 128 derivations, which allowed determining the trajectories of the foci of maximal activity using sLORETA. The responses to faces and objects of the same emotional valence were compared.

Results. For the first time the responses to the visual stimuli expressing and generating emotion were recorded and compared within a single experiment. The N170 wave activity displayed the differences between evoked responses to different facial expressions and objects with different emotional valence. The analysis of the trajectories of the foci of maximal activity when developing reactions to faces and objects showed no crossing.

Discussion. The experiment should have parted the dynamics of the compared responses. Assuming the existence of a mirror mechanism, the coincidence of the processes is possible only at a certain stage in this case. The analysis of the results demonstrated no crossing for the compared processes.

Conclusion. The findings showed no signs of the functional equivalence of the mechanisms for emotion recognition and emotion generation.

Keywords

faces, emotion perception, mirroring, objects, emotional reaction, emotion generation, emotional expression, emotional valence, evoked potentials, foci of maximal activity

Highlights

- ▶ Evoked responses to various facial expressions and objects with the same emotional valence differ significantly.
- ▶ When reacting to faces and objects with the same emotional valence the trajectories of the foci of maximal cortical activity do not cross.
- ▶ The mechanisms for emotion perception and emotion generation do not overlap.

Acknowledgments

The study was supported by the Ministry of Education and Science of the Russian Federation (project no. 25/3336.2017/ПЧ).

**For citation**

Alekseeva D.S., Ermakov P.N., Babenko V.V., Yavna D.V. Studying the Functional Equivalence of Mechanisms for Emotion Perception and Emotion Generation by Means of Evoked Potentials. *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal – Russian Psychological Journal*, 2017, V. 14, no. 4, pp. 97–120 (in Russian).

Original manuscript received 09.06.2017

Введение

Одна из замечательных способностей нашего мозга – способность имитировать ощущения, движения и другие виды опыта. Благодаря такому когнитивному моделированию мы имеем возможность представлять перцептивную информацию в нашем сознании и в отсутствие соответствующего сенсорного ввода.

Работы Р.Н. Шепарда и С. М. Косслина [1, 2] положили начало формированию представлений о сходстве форматов восприятия и воображения. Оказалось, что мысленное воспроизведение пространственных трансформаций объектов пропорционально времени их реальных трансформаций при наблюдении.

Позднее были обнаружены сходные эффекты при восприятии движения другого человека и при мысленном воспроизведении этого движения (напр., [3, 4]). Было показано, что двигательные образы приводят к активации тех же областей мозга, что и фактическое движение. Эти и прочие аналогичные результаты [5] интерпретировались авторами в качестве подтверждения гипотезы функциональной эквивалентности как одного из базовых принципов функциональной организации мозга человека.

Вполне естественно, что был поставлен и вопрос о том, распространяется ли принцип функциональной эквивалентности на механизмы восприятия и генерации эмоций. Действительно, система копирования чужих эмоций должна обеспечивать лучшее понимание собственных ощущений. Однако, с другой стороны, не менее важная задача – разделение репрезентаций своих эмоций и эмоций другого [6].

Таким образом, ответ на этот вопрос изначально не выглядел очевидным. И все же к началу 2000-х гг. сформировалось мнение, что восприятие эмоций и их генерация задействуют одни и те же механизмы (см. обзор [7]). Однако не все были согласны с этой точкой зрения, подчеркивая лишь частичное перекрытие механизмов восприятия и генерации эмоций [8]. Увеличение разрешающей способности томографов лишь укрепило эти сомнения. В итоге Т. Зингер и К. Ламм приходят к выводу, что активация мозга в процессе переживания и наблюдения эмоции пересекается, но не так сильно, как



представлялось ранее [9]. А Ж. Десети, в свою очередь, констатирует, что на сегодня нет убедительных доказательств вовлечения зеркальных нейронов в восприятие эмоций [10].

Обратимся к работам, в которых говорится о сходстве рассматриваемых механизмов. Анализ этих исследований показывает, что результаты были получены главным образом в условиях, когда восприятие и генерация эмоций происходили у испытуемых практически одновременно. Например, наблюдатель видит яркие эмоции другого человека и сопереживает ему [11, 12]. Или же испытуемые должны наблюдать и воспроизводить эмоциональные выражения лиц (причем в отсутствие собственных эмоциональных переживаний) [13]. Как справедливо отмечают Б. Викар с соавторами, вполне возможно, что в этом случае в основе совпадения механизмов может лежать бессознательная имитация [14]. На это же указывают и недавние результаты А. Геллера с соавторами [15]. Но в любом случае речь здесь идет об одновременном развитии процессов восприятия и воспроизведения эмоций. И сложно представить, что в этих условиях можно было получить какой-либо иной результат, кроме совпадения механизмов.

Если же мы вспомним классическую работу Р. Н. Шепарда и Ж. Метцлер, в которой впервые была сформулирована гипотеза функциональной эквивалентности [1], то обратим внимание, что задачи восприятия и воспроизведения были разнесены во времени и исследовались независимо друг от друга.

Поскольку в работах с механизмами восприятия и генерации эмоций такого разделения сделано не было (в рамках одного исследования), мы предприняли попытку сопоставить результаты, полученные разными авторами, когда одни использовали задачу восприятия эмоциональных выражений лиц, в то время как другие демонстрировали сцены, способные вызвать эмоциональные переживания. Действительно, можно отметить существенное совпадение активируемых структур при восприятии эмоциональных лиц и эмоциональных сцен. Речь идет о миндалине, гиппокампе, префронтальной и зрительной коре, верхневисочной извилине, островке, передней поясной извилине... Такое сопоставление полезно, но, конечно, не отвечает на вопрос о функциональной эквивалентности в эмоциональной сфере. Ведь речь идет о результатах, полученных на разных испытуемых в разных экспериментальных условиях.

Еще одна проблема при сопоставлении реакций на лица и сцены состоит в том, что сцены – это группы объектов, которые часто (для усиления эмоциональности) включают людей. И именно выражение их лиц придает сцене ту или иную эмоциональную окраску. Другими словами, мы вновь сталкиваемся с перекрытием процессов восприятия и генерации эмоций.



И вполне естественно, что в своем недавнем обзоре К. Ламм и Ж. Майданджич вынуждены констатировать, что вопрос о функциональной эквивалентности механизмов восприятия и генерации эмоций остается открытым [16].

Цель нашего исследования – определить и сопоставить динамику вызванной мозговой активности при восприятии и генерации эмоций.

Для достижения поставленной цели и получения принципиально новых результатов, позволяющих судить о совпадении или несовпадении механизмов оценки и генерации эмоций, следовало соблюсти несколько важных экспериментальных условий:

1. Мы осознанно сделали выбор в пользу использования вызванных потенциалов (128 отведений), поскольку, в отличие от томографии, они способны дать более точную информацию о динамике интересующего нас процесса.

2. В качестве стимулов, не выражающих, но вызывающих эмоции, мы использовали отдельные объекты (в отличие от традиционно используемых зрительных сцен).

3. Для классификации объектов по эмоциональной валентности мы применяли не априорное деление стимулов на группы (как это сделано в базах зрительных сцен), а ориентировались на оценку самих испытуемых. Например, чайник для большинства является нейтральным объектом. Однако у некоторых он может вызывать положительные эмоции, если связан с воспоминаниями о встречах с близкими людьми. Или, напротив, отрицательные эмоции, если он когда-то послужил причиной сильного ожога. Очевидно, что именно индивидуальный жизненный опыт формирует эмоциональную валентность объекта.

4. Мы регистрировали реакции на лица и объекты в одном эксперименте, что позволяло корректно сопоставлять динамику активности при восприятии и генерации эмоций.

5. Мы привлекли к экспериментам в качестве испытуемых представителей одного пола, поскольку эмоциональные реакции мужчин и женщин отличаются [17].

Методы

Испытуемые. В эксперименте на добровольной основе с соблюдением всех этических норм приняли участие 44 женщины в возрасте 18–20 лет, обладающие нормальным либо корригируемым до нормы зрением.

Стимулы. В эксперименте использовались два класса стимулов: черно-белые фотографии лиц и объектов.

Изображения лиц отбирались из следующих баз данных: Warsaw Set of Emotional Facial Expression Pictures (WSEFEP) [18], MMI Facial Expression



Database [19] и Karolinska Directed Emotional Faces (KDEF) [20]. Было отобрано 175 моделей. При этом каждое лицо было представлено в трех вариантах: нейтральное, улыбающееся и грустное. Таким образом, всего в эксперименте использовалось 525 изображений лиц.

Было также подобрано 447 фотографий объектов, из которых 147 были условно маркированы нами как нейтральные, 154 – как способные вызвать у наблюдателя негативные эмоции и 146 – как способные вызвать позитивные эмоции.

Все изображения (и лица и объекты) были приведены к единому размеру. Для этого они вписывались в условную окружность диаметром 880 пикселей (около 14 угл. град.). Также они были выровнены по яркости и контрасту и помещены на равномерно серый фон, яркость которого равнялась средней яркости изображения (30 кд/м^2).

На рисунке 1 представлены примеры стимульных изображений.

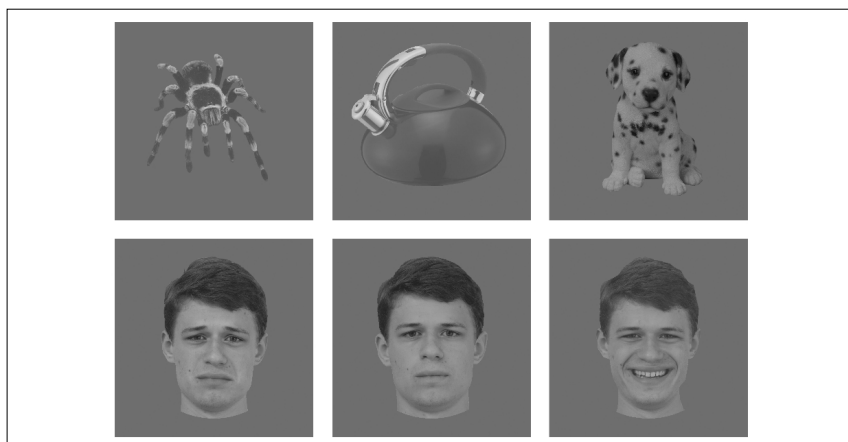


Рисунок 1. Примеры стимульных изображений

Примечание: верхний ряд – объекты с разной эмоциональной валентностью. Нижний ряд – лица с разным эмоциональным выражением.

Figure 1. Stimulus images

Note: the top row contains objects with different emotional valence. The bottom row represents various facial expressions.

Процедура. Эксперимент проводился в условиях искусственного освещения порядка 105 лк. Испытуемый располагался на расстоянии 90 см от монитора, на котором в течение 500 мс показывались подготовленные изображения.



В одной части эксперимента стимулами служили лица, в другой – объекты. Последовательность предъявления изображений была случайной.

Когда в качестве стимулов выступали лица, задачей испытуемого было определить их выражение (радостное, грустное или нейтральное) и сообщить о своем решении нажатием соответствующей клавиши на компьютерной клавиатуре. Когда стимулами служили объекты, испытуемый должен был сообщить, какие эмоции вызывает у него предъявленный объект (позитивные, негативные, либо не вызывает никаких эмоций). Цифровые клавиши «1», «2» и «3» были промаркированы обозначениями «Negative», «Neutral» и «Positive». Введение ответа запускало демонстрацию следующего изображения после межстимульного интервала случайной длительности от 500 до 1500 мс.

Регистрация ЭЭГ. Регистрация ЭЭГ осуществлялась с помощью энцефалографа «Нейровизор 136» (ООО «Медицинские компьютерные системы», г. Москва, а. о. Зеленоград) в 128 монополярных отведениях с использованием шлема с комплектом съемных Ag-Cl электродов MCScap-AC128. Электроды располагались по системе «10–5». Оцифровывание ЭЭГ осуществлялось с частотой 1000 Гц.

Обработка. Конвертация меток событий (момент предъявления стимулов) выполнялась в программе EDFBrowser (разработчик – Teunis van Beelen). Для дальнейшей обработки использовались отрезки ЭЭГ, включающие 100 мс перед подачей стимула и 500 мс после начала предъявления. Анализ ограничивался первыми 500 мс, поскольку далее следовали колебания, связанные с моторным ответом испытуемого и активными глазными движениями.

Записи ЭЭГ сортировались в соответствии с ответами испытуемых относительно эмоциональной валентности стимулов. В результате для лиц и объектов было сформировано по 3 набора записей: реакции на нейтральные, позитивные и негативные лица, реакции на нейтральные, позитивные и негативные объекты. После выбора безартефактных записей они усреднялись в пределах каждого сформированного набора с целью выделения вызванных потенциалов (ВП). В результате для каждого испытуемого в каждом из 128 отведений было получено по 6 ВП: на нейтральные, позитивные и негативные лица; на нейтральные, позитивные и негативные объекты.

Для усреднения полученных ВП по всей выборке (grandaverage), построения карт распределения потенциалов и статистического сравнения реакций применялись средства пакета программ EEGLAB [21] для вычислительной среды Matlab. Локализация фокусов корковой активности определялась с помощью программы sLORETA [22].

Сопоставление ВП на лица и объекты с одинаковой эмоциональной валентностью осуществлялось путем помиллисекундного сравнения амплитуд с использованием критерия Стьюдента с поправкой Холма ($p < 0,01$).

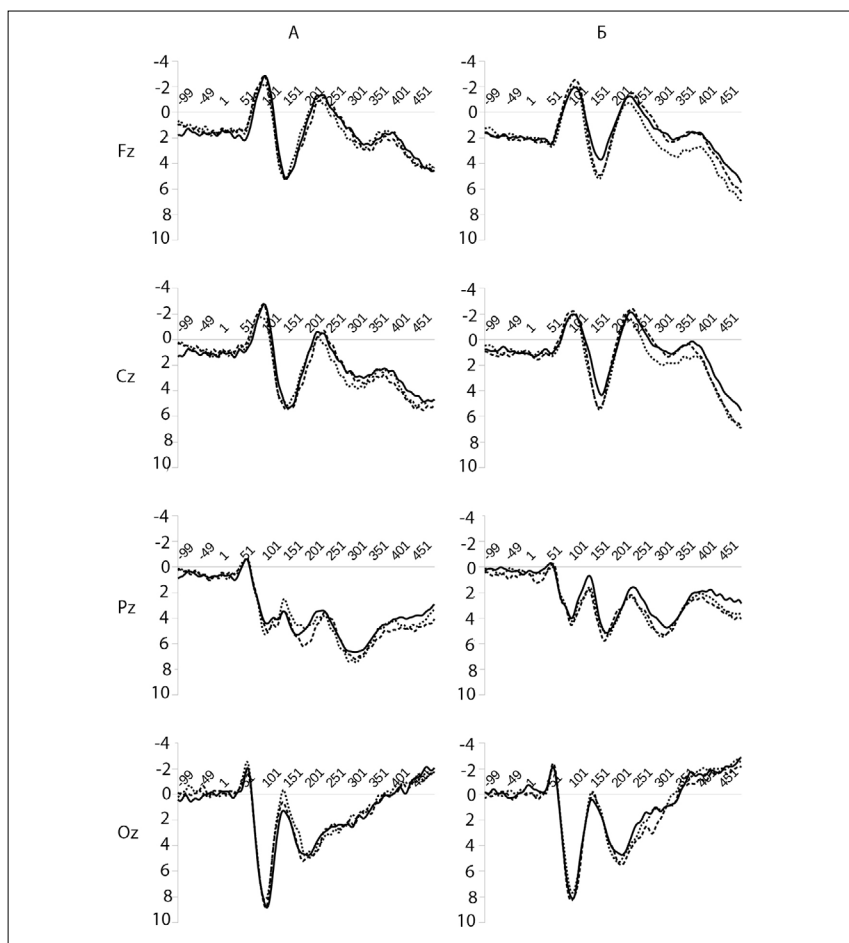


Рисунок 2. Усредненные ВП в лобном (Fz), центральном (Cz), теменном (Pz) и затылочном (Oz) отведениях в ответ на стимулы разных типов

Примечание: сплошной линией обозначены ВП на нейтральные стимулы, пунктиром – на негативные, точечным пунктиром – на позитивные. Ось абсцисс – время относительно предъявления стимула (мс). Ось ординат – амплитуда ВП (мкВ).

Figure 2. Averaged evoked responses to stimuli of different types recorded from frontal (Fz), central (Cz), parietal (Pz), and occipital (Oz) derivations

Note: The solid line represents evoked responses to neutral stimuli. The dashed line represents evoked responses to negative stimuli. The dotted line represents evoked responses to positive stimuli. The x-axis shows the time relative to the stimulus presentation (msec). The y-axis shows the evoked response amplitude (μV).



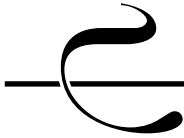
Результаты

После усреднения ВП по 44 испытуемым мы получили в каждом из 128 отведений по 6 кривых, отражающих реакции мозга на предъявление нейтральных, позитивных и негативных лиц, а также нейтральных, позитивных и негативных объектов. На рисунке 2 представлены примеры усредненных ВП для каждого типа стимулов в лобном (Fz), центральном (Cz), теменном (Pz) и затылочном (Oz) отведениях. Рисунок иллюстрирует типичное инвертирование компонентов ВП на лобно-затылочной оси.

После получения усредненных ВП мы приступили к их сравнению в парах: нейтральное лицо – нейтральный объект, негативное лицо – негативный объект, позитивное лицо – позитивный объект. Помиллисекундное сравнение амплитуд ВП показало, что статистически значимые отличия возникают во множестве отведений и наблюдаются главным образом со 120-й по 170-ю мс. На рисунке 3 приведены топографические карты распределения потенциалов в указанном временном интервале с шагом 10 мс. Различия в сравниваемых картах (лица vs объекты одинакового эмоционального содержания) оценивались с помощью Т-критерия Стьюдента ($p < 0,01$). Множественность сравнений корректировалась поправкой Холма. Точками показаны локализации, в которых различия потенциалов статистически значимы. Видно, что значимые отличия сравниваемых реакций сосредоточены главным образом в лобно-центральных и височных отведениях.

На анализируемом временном интервале фокус позитивности смещается из затылочных областей в лобные. Для стимулов-лиц, выражающих негативную эмоцию, скорость этого смещения выше, чем для объектов, которые оценивались испытуемыми как негативные. В паре сравнения нейтральных лиц и объектов динамика реакций примерно одинакова. Ответы на объекты, воспринимаемые как позитивные, заметно опережают реакции на лица, выражающие положительную эмоцию. Значимые отличия в реакциях на эмоционально окрашенные стимулы возникают раньше, чем на нейтральные. Эти отличия нарастают быстрее при анализе изображений, оцениваемых как негативные.

Рисунок 4 позволяет лучше понять характер различий в реакциях, вызываемых лицами и объектами. На этом рисунке в качестве примера представлены кривые сравниваемых ВП в одном из отведений. Видно, что во всех трех парах сравнений отличия обусловлены существенным приростом позитивности в реакциях на объекты по сравнению с реакциями на лица. И хотя этот прирост охватывал все основные компоненты ВП, статистически значимыми они были лишь на коротком временном интервале, приходящемся на восходящую часть волны N170. Сами же ответы сильнее всего отличались в паре «нейтральное лицо – нейтральный объект». Во всех трех парах отличия



возникали примерно с одинаковой латентностью (125–130 мс), но завершались в разное время: быстрее всего для позитивных стимулов (133 мс), позднее всего – для нейтральных (152 мс).

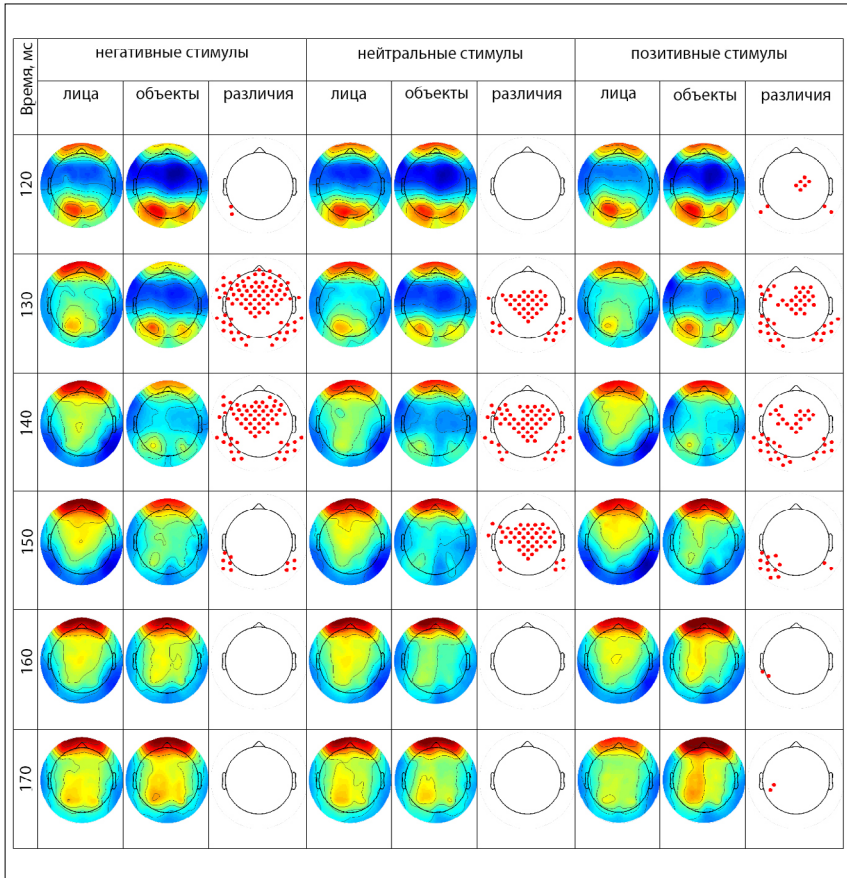


Рисунок 3. Карты потенциалов во временном интервале 120–170 мс (с шагом в 10 мс) от начала предъявления стимула

Примечание: красным цветом обозначена позитивность, синим – негативность. Точками указаны отведения, в которых отличия сравниваемых карт статистически значимы ($p < 0,01$).

Figure 3. Maps of potentials in the time interval between 120–170 msec (in 10 msec increments) since the stimulus presentation

Note: Red color indicates positivity, Blue color indicates negativity. Dots indicate derivations where the compared differences are statistically significant ($p < 0.01$).

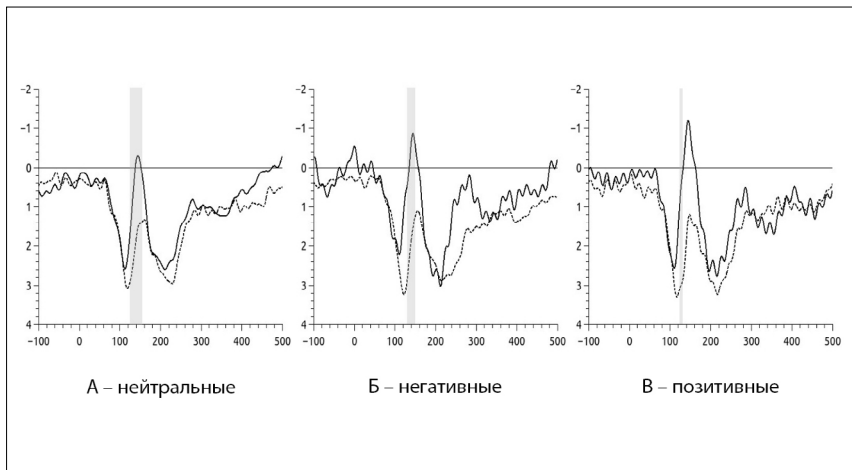


Рисунок 4. Усредненные ВП в отведении Трр9h на стимулы разной эмоциональной валентности

Примечание: сплошной линией обозначены ВП на лица, пунктирной – на объекты. Временные интервалы, в которых отмечены статистически значимые отличия (сравнение амплитуд по Т-критерию Стьюдента с поправкой Холма, $p < 0,01$), отмечены серым фоном. Значения Т-критерия, соответствующие максимальным различиям амплитуд в указанных временных диапазонах, составили для нейтральных стимулов 6,814, для негативных – 7,411, для позитивных – 7,996. По осям абсцисс указано время относительно подачи стимулов (мс), по осям ординат – амплитуды ВП (мкВ).

Figure 4. Averaged evoked responses to the stimuli of different emotional valence from the Трр9h derivation

Полученные результаты указывают на то, что основные отличия сравниваемых ответов приходятся на компонент N170. Считается, что именно в этом компоненте отображаются процессы, связанные с обработкой лиц [23, 24], в том числе и реакции на эмоциональную экспрессию [25, 26]. А значит, именно на этом временном интервале следует искать возможное «пересечение» реакций на лица и объекты, как отражение работы зеркальных нейронов, участвующих в отображении как чужих, так и собственных эмоций.

Чтобы определить динамику активности мозговых структур во время формирования волны N170, мы воспользовались методом sLORETA. Программа, реализующая этот метод, графически отображает распределение в коре текущей активности и позволяет с заданным временным шагом определять координаты максимальной активности с точностью ± 5 мм [27]. Это дало нам возможность сравнить траектории фокусов активности во время развития реакций при предъявлении лиц (восприятие эмоций) и объектов (генерация



эмоций). Именно пересечение сравниваемых траекторий может указывать на наличие механизмов «отзеркаливания». Результаты приведены в таблицах 1 и 2.

Таблица 1. Расстояние между фокусами активности при восприятии лиц, выражающих отрицательные эмоции, и при восприятии объектов, вызывающих отрицательные эмоции

Table 1. Distance between the foci of activity when perceiving negative facial expressions and also objects generating negative emotions

Латентность (мс) Latency (msec)	Лица Faces	Расстояние между координатами максимальной активности (мм) Distance between coordinates of peak activity (mm)	Объекты Objects
	Локализация фокуса активности Localization of the focus of activity		Локализация фокуса активности Localization of the focus of activity
120	веретенообразная извилина (П) lateral occipitotemporal gyrus (R)	97,7	постцентральная извилина (П) postcentral gyrus (R)
125	веретенообразная извилина (Л) lateral occipitotemporal gyrus (L)	106,5	постцентральная извилина (П) postcentral gyrus (R)
130	постцентральная извилина (П) postcentral gyrus (R)	15,8	постцентральная извилина (П) postcentral gyrus (R)
135	постцентральная извилина (П) postcentral gyrus (R)	11,2	постцентральная извилина (П) postcentral gyrus (R)
140	постцентральная извилина (П) postcentral gyrus (R)	15,8	постцентральная извилина (П) postcentral gyrus (R)



Латентность (мс) Latency (msec)	Лица Faces	Расстояние между координатами максимальной активности (мм) Distance between coordinates of peak activity (mm)	Объекты Objects
	Локализация фокуса активности Localization of the focus of activity		Локализация фокуса активности Localization of the focus of activity
145	верхняя височная извилина (Л) superior temporal gyrus (L)	129,6	предклинье (Л) precuneus (L)
150	постцентральная извилина (Л) postcentral gyrus (L)	133,2	верхняя височная извилина (П) superior temporal gyrus (R)
155	орбитальная извилина (Л) orbital gyrus (L)	132,1	верхняя затылочная извилина (Л) superior occipital gyrus (L)
160	нижняя височная извилина (Л) inferior temporal gyrus (L)	125,8	нижняя затылочная извилина (П) inferior occipital gyrus (R)
165	верхняя височная извилина (Л) superior temporal gyrus (L)	60,2	верхняя височная извилина (П) superior temporal gyrus (R)
170	верхняя височная извилина (Л) superior temporal gyrus (L)	60,2	верхняя височная извилина (П) superior temporal gyrus (R)



Таблица 2. Расстояние между фокусами активности при восприятии лиц, выражающих положительные эмоции, и при восприятии объектов, вызывающих положительные эмоции

Table 2. Distance between the foci of activity when perceiving positive facial expressions and also objects generating positive emotions

Латентность (мс) <i>Latency (msec)</i>	Лица <i>Faces</i>	Расстояние между координатами максимальной активности (мм) <i>Distance between coordinates of peak activity (mm)</i>	Объекты <i>Objects</i>
	Локализация фокуса активности <i>Localization of the focus of activity</i>		Локализация фокуса активности <i>Localization of the focus of activity</i>
120	веретенообразная извилина (П) lateral occipitotemporal gyrus (R)	96,1	верхняя теменная доля (Л) superior parietal lobule (L)
125	средняя височная извилина (П) middle temporal gyrus (R)	140,7	предклинье (Л) precuneus (L)
130	средняя височная извилина (П) middle temporal gyrus (R)	140,7	предклинье (Л) precuneus (L)
135	веретенообразная извилина (Л) lateral occipitotemporal gyrus (L)	78,4	предклинье (Л) precuneus (L)
140	постцентральная извилина (Л) postcentral gyrus (L)	49,2	предклинье (Л) precuneus (L)
145	постцентральная извилина (Л) postcentral gyrus (L)	49,2	предклинье (Л) precuneus (L)



150	веретенообразная извилина (Λ) lateral occipitotemporal gyrus (L)	78,4	предклинье (Λ) precuneus (L)
155	нижняя затылочная извилина (Λ) inferior occipital gyrus (L)	100,8	постцентральная извилина (Λ) postcentral gyrus (L)
160	срединная фронтальная извилина (Λ) middle frontal gyrus (L)	123,9	постцентральная извилина (Λ) postcentral gyrus (L)
165	срединная фронтальная извилина (Λ) middle frontal gyrus (L)	124,7	постцентральная извилина (Λ) postcentral gyrus (L)
170	срединная фронтальная извилина (Λ) middle frontal gyrus (L)	145,2	предклинье (Λ) precuneus (L)

Примечание: в обеих таблицах Л – левое полушарие, П – правое полушарие.

Note: in both tables L indicates left hemisphere; R indicates right hemisphere.

Анализ табличных данных показывает, что фокусы максимальной активности в наибольшей степени сближаются на временном интервале 130–140 мс при использовании негативных стимулов. Но даже это сравнительно небольшое расстояние (11,2–15,8 мм) не позволяет сделать вывод о перекрытии механизмов восприятия и генерации эмоций, поскольку превышает допустимую погрешность измерения (± 5 мм) при использовании данного метода.

Таким образом, полученные нами результаты не выявили пересечения процессов, связанных с восприятием и воспроизведением эмоций.

Обсуждение результатов

Целью нашего исследования был поиск общих механизмов для восприятия и отображения эмоций. Для этого было необходимо определить и сравнить динамику вызванной активности при восприятии лиц с разной эмоциональной экспрессией и объектов с разной эмоциональной валентностью. Каждая такая динамика отражает целый комплекс процессов, связанных с различными этапами обработки. И нужно было подобрать стимулы и экспериментальные задачи таким образом, чтобы динамика активности при решении этих задач заведомо отличалась. Именно поэтому мы отказались от использования в качестве эмоциогенных стимулов зрительных сцен,



поскольку наличие в них лиц, выражающих определенные эмоции, неизбежно привело бы к пересечению ответов с реакциями на стимулы-лица. В условиях же нашего эксперимента процессы обработки были предельно разведены, поскольку при восприятии лиц и объектов задействуются разные механизмы [28, 29]. В этих условиях пересечение сравниваемых процессов возможно лишь в том случае, если существуют механизмы, общие для восприятия и воспроизведения эмоций.

Сравнение полученных реакций на лица и объекты убеждает в том, что мы действительно смогли добиться разделения сопоставляемых процессов. Сначала, естественно, фокус активности в обоих случаях располагается в зрительной коре. При этом мы не наблюдаем разницы в параметрах волны P100. Но затем в обработку лиц и объектов вовлекаются разные корковые области [30, 31]. В это время начинают проявляться и значимые различия сравниваемых ВП.

Но прежде чем приступать к поиску пересечения механизмов восприятия и генерации эмоций, следует ответить на вопрос: как искать такое пересечение, если в каждый момент времени активируются весьма обширные, часто далеко отстоящие друг от друга области мозга? На наш взгляд, возможным решением является предположение, что именно те процессы, которые разворачиваются в фокусе максимальной корковой активности, приоритетны для актуализации. Несомненно, что оценивая эмоциональную валентность стимула, испытуемый принимает осознанное решение. Если в принятии этих решений относительно и лиц и объектов задействуются общие механизмы, то мы должны обнаружить пересечение траекторий фокусов максимальной активности.

Еще один вопрос: на каком временном отрезке следует искать пересечение сравниваемых процессов? Литературные данные указывают на то, что операции, связанные с определением эмоциональных выражений лиц, реализуются во время формирования волны N170 [32, 33, 34]. М. Эймер и А. Холмс еще более точно указывают на интересующий нас временной интервал: со 120-й по 180-ю мс [35]. Правда, именно на этот временной диапазон приходится наиболее выраженные из обнаруженных нами различий сравниваемых ВП.

Результаты сопоставления траекторий фокусов максимальной активности на этом временном интервале также указывают на отсутствие пересечения сравниваемых процессов.

Но правильно ли ожидать, что сама операция «отзеркаливания» при генерации эмоций должна происходить в то же самое время, в которое эти механизмы активируются при восприятии эмоций? На самом деле, это может происходить в разное время. Главное, чтобы активация затрагивала одни и те



же структуры. Для ответа на этот вопрос мы сравнили полные траектории фокусов активности при реализации сравниваемых процессов. Мы искали любые их пересечения, даже если одни и те же участки коры активируются лицами и объектами в разное время. Однако не обнаружили их ни в левом, ни в правом полушарии.

Конечно, было бы неправильно утверждать, что мы, наконец, получили ответ на вопрос, который дебатруется уже десятки лет. Но обнаруженные нами новые факты позволяют сделать очередной шаг в решении проблемы функциональной эквивалентности в эмоциональной сфере. Это стало возможным благодаря двум принципиальным методическим приемам: мы разделили задачи восприятия и генерации эмоций не только во времени, но и с помощью «непересекающихся» стимулов; мы сравнили реакции, полученные на одних и тех же испытуемых в ходе одного эксперимента.

Заключение

Анализ и сопоставление динамики активности мозговых структур не выявили пересечения процессов, реализуемых в задаче распознавания эмоционального выражения лиц и в задаче определения эмоциональной валентности объектов. Это может указывать на отсутствие механизмов, общих для восприятия и генерации эмоций.

Литература

1. *Shepard R. N., Metzler J.* Mental rotation of three-dimensional objects // *Science*. – 1971. – Vol. 171, № 3972. – P. 701–703.
2. *Kosslyn S. M., Ball T. M., Reiser B. J.* Visual images preserve metric spatial information: evidence from studies of image scanning // *Journal of experimental psychology: Human perception and performance*. – 1978. – Vol. 4, № 1. – P. 47–60.
3. *Holmes P. S., Cumming J., Edwards M. G.* Motor imagery in learning processes: Motor imagery and observation in skill learning / *Guillot A., Collet C.* (eds.) *The neurophysiological foundations of mental and motor imagery*. – Oxford, UK: Oxford University Press, 2010. – P. 253–269.
4. *Moran A., Guillot A., Macintyre T., Collet C.* Re-imagining motor imagery: Building bridges between cognitive neuroscience and sport psychology // *British Journal of Psychology*. – 2012. – Vol. 103, № 2. – P. 224–247. – DOI: [10.1111/j.2044-8295.2011.02068.x](https://doi.org/10.1111/j.2044-8295.2011.02068.x)
5. *Bastiaansen J. A. C. J., Thioux M., Keysers C.* Evidence for mirror systems in emotions // *Philosophical Transactions of the Royal Society of London B: Biological Sciences*. – 2009. – Vol. 364, № 1528. – P. 2391–2404. – DOI: [10.1098/rstb.2009.0058](https://doi.org/10.1098/rstb.2009.0058)



6. *Lamm C., Bukowski H., Silani G.* From shared to distinct self-other representations in empathy: evidence from neurotypical function and socio-cognitive disorders // *Philosophical Transactions of the Royal Society B.* – 2016. – Vol. 371, Issue 1686. – 20150083. – DOI: [10.1098/rstb.2015.0083](https://doi.org/10.1098/rstb.2015.0083)
7. *Decety J., Grèzes J.* The power of simulation: imagining one's own and other's behavior // *Brain Research.* – 2006. – Vol. 1079, № 1. – P. 4–14. – DOI: [10.1016/j.brainres.2005.12.115](https://doi.org/10.1016/j.brainres.2005.12.115)
8. *Leslie K. R., Johnson-Frey S. H., Grafton S. T.* Functional imaging of face and hand imitation: towards a motor theory of empathy // *Neuroimage.* – 2004. – Vol. 21, № 2. – P. 601–607. – DOI: [10.1016/j.neuroimage.2003.09.038](https://doi.org/10.1016/j.neuroimage.2003.09.038)
9. *Singer T., Lamm C.* The social neuroscience of empathy // *Annals of the New York Academy of Sciences.* – 2009. – Vol. 1156, № 1. – P. 81–96. – DOI: [10.1111/j.1749-6632.2009.04418.x](https://doi.org/10.1111/j.1749-6632.2009.04418.x)
10. *Decety J.* To what extent is the experience of empathy mediated by shared neural circuits? // *Emotion Review.* – 2010. – Vol. 2, № 3. – P. 204–207. – DOI: [10.1177/1754073910361981](https://doi.org/10.1177/1754073910361981)
11. *Rütgen M., Seidel E.-M., Silani G., Rieccansky I., Hummer A., Windischberger C., Petrovic P., Lamm C.* Placebo analgesia and its opioidergic regulation suggest that empathy for pain is grounded in self pain // *Proceedings of the National Academy of Sciences.* – 2015. – Vol. 112, № 41. – P. E5638–E5646. – DOI: [10.1073/pnas.1511269112](https://doi.org/10.1073/pnas.1511269112)
12. *Han X., He K., Wu B., Shi Z., Liu Y., Luo S., Wei K., Wu X., Han S.* Empathy for pain motivates actions without altruistic effects: evidence of motor dynamics and brain activity // *Social Cognitive and Affective Neuroscience.* – 2017. – Vol. 12, № 6. – P. 893–901. – DOI: [10.1093/scan/nsx016](https://doi.org/10.1093/scan/nsx016)
13. *Carr L., Iacoboni M., Dubeau M.-C., Mazziotta J. C., Lenzi G. L.* Neural mechanisms of empathy in humans: a relay from neural systems for imitation to limbic areas // *Proceedings of the national Academy of Sciences.* – 2003. – Vol. 100, № 9. – P. 5497–5502. – DOI: [10.1073/pnas.0935845100](https://doi.org/10.1073/pnas.0935845100)
14. *Wicker B., Keyser C., Plailly J., Royet J. P., Gallese V., Rizzolatti G.* Both of us disgusted in my insula: the common neural basis of seeing and feeling disgust // *Neuron.* – 2003. – Vol. 40, № 3. – P. 655–664. – DOI: [10.1016/S0896-6273\(03\)00679-2](https://doi.org/10.1016/S0896-6273(03)00679-2)
15. *Heller A. S., Lapate R. C., Mayer K. E., Davidson R. J.* The face of negative affect: trial-by-trial corrugator responses to negative pictures are positively associated with amygdala and negatively associated with ventromedial prefrontal cortex activity // *Journal of Cognitive Neuroscience.* – 2014. – Vol. 26, № 9. – P. 2102–2110. – DOI: [10.1162/jocn_a_00622](https://doi.org/10.1162/jocn_a_00622)
16. *Lamm C., Majdandžić J.* The role of shared neural activations, mirror neurons, and morality in empathy – A critical comment // *Neuroscience Research.* – 2015. – Vol. 90. – P. 15–24. – DOI: [10.1016/j.neures.2014.10.008](https://doi.org/10.1016/j.neures.2014.10.008)



17. Britton J. C., Britton C., Taylor S. F., Sudheimer K. D., Liberzon I. Facial expressions and complex IAPS pictures: common and differential networks // *Neuroimage*. – 2006. – Vol. 31, № 2. – P. 906–919. – DOI: [10.1016/j.neuroimage.2005.12.050](https://doi.org/10.1016/j.neuroimage.2005.12.050)
18. Olszanowski M., Pochwatko G., Kuklinski K., Scibor-Rylski M., Lewinski P., Ohme R. K. Warsaw set of emotional facial expression pictures: a validation study of facial display photographs // *Frontiers in psychology*. – 2014. – Vol. 5. – 1516. – DOI: [10.3389/fpsyg.2014.01516](https://doi.org/10.3389/fpsyg.2014.01516)
19. Pantic M., Valstar M., Rademaker R., Maat L. Web-based database for facial expression analysis // *IEEE International Conference on Multimedia and Expo (ICME, 2005)*. – DOI: [10.1109/ICME.2005.1521424](https://doi.org/10.1109/ICME.2005.1521424)
20. Lundqvist D., Flykt A., Öhman A. The Karolinska directed emotional faces (KDEF). – Stockholm, Sweden: Karolinska Institute, Department of Clinical Neuroscience, Psychology Section, 1998.
21. Delorme A., Makeig S. EEGLAB: an open source toolbox for analysis of single-trial EEG dynamics // *Journal of Neuroscience Methods*. – 2004. – Vol. 134, № 1. – P. 9–21. – DOI: [10.1016/j.jneumeth.2003.10.009](https://doi.org/10.1016/j.jneumeth.2003.10.009)
22. Pascual-Marqui R. D. Standardized low-resolution brain electromagnetic tomography (sLORETA): Technical details // *Methods and Findings in Experimental and Clinical Pharmacology*. – 2002. – Vol. 24. – P. 5–12.
23. Maratos F. A., Garner M., Karl A., Hogan A. M. When is a face a face? Schematic faces, emotion, attention and the N170 // *AIMS Neuroscience*. – 2015. – Vol. 2, № 3. – P. 172–182. – DOI: [10.3934/Neuroscience.2015.3.172](https://doi.org/10.3934/Neuroscience.2015.3.172)
24. Almeida P. R., Ferreira-Santos F., Chaves P. L., Paiva T. O., Barbosa F., Marques-Teixeira J. Perceived arousal of facial expressions of emotion modulates the N170, regardless of emotional category: Time domain and time–frequency dynamics // *International Journal of Psychophysiology*. – 2016. – Vol. 99. – P. 48–56. – DOI: [10.1016/j.ijpsycho.2015.11.017](https://doi.org/10.1016/j.ijpsycho.2015.11.017)
25. Almeida P. R., Ferreira-Santos F., Vieira J. B., Moreira P. S., Barbosa F., Marques-Teixeira J. Dissociable effects of psychopathic traits on cortical and subcortical visual pathways during facial emotion processing: an ERP study on the N170 // *Psychophysiology*. – 2014. – Vol. 51, № 7. – P. 645–657. – DOI: [10.1111/psyp.12209](https://doi.org/10.1111/psyp.12209)
26. Lin H., Schulz C., Straube T. Contextual effects of surprised expressions on the encoding and recognition of emotional target faces: An event-related potential (ERP) study // *Biological Psychology*. – 2017. – Vol. 129. – P. 273–281. – DOI: [10.1016/j.biopsycho.2017.09.011](https://doi.org/10.1016/j.biopsycho.2017.09.011)
27. Cacioppo J. T., Tassinary L. G., Berntson G. *Handbook of Psychophysiology*. 3rd Edition. – Cambridge: Cambridge University Press, 2007. – 908 p.
28. Rice G. E., Watson D. M., Hartley T., Andrews T. J. Low-Level Image Properties of Visual Objects Predict Patterns of Neural Response across Category-Selective



- Regions of the Ventral Visual Pathway // *Journal of Neuroscience*. – 2014. – Vol. 34, № 26. – P. 8837–8844. – DOI: [10.1523/JNEUROSCI.5265-13.2014](https://doi.org/10.1523/JNEUROSCI.5265-13.2014)
29. Zhen Z., Yang Z., Huang L., Kong X.-Z., Wang X., Dang X., Huang Y., Song Y., Liu J. Quantifying interindividual variability and asymmetry of face-selective regions: A probabilistic functional atlas // *NeuroImage*. – 2015. – Vol. 113. – P. 13–25. – DOI: [10.1016/j.neuroimage.2015.03.010](https://doi.org/10.1016/j.neuroimage.2015.03.010)
30. Goffaux V., Peters J., Haubrechts J., Schiltz C., Jansma B., Goebel R. From coarse to fine? Spatial and temporal dynamics of cortical face processing // *Cerebral Cortex*. – 2010. – Vol. 21, № 2. – P. 467–476. – DOI: [10.1093/cercor/bhq112](https://doi.org/10.1093/cercor/bhq112)
31. Grill-Spector K., Weiner K. S. The functional architecture of the ventral temporal cortex and its role in categorization // *Nature Reviews Neuroscience*. – 2014. – Vol. 15, № 8. – P. 536–548. – DOI: [10.1038/nrn3747](https://doi.org/10.1038/nrn3747)
32. Hietanen J. K., Astikainen P. N170 response to facial expressions is modulated by the affective congruency between the emotional expression and preceding affective picture // *Biological psychology*. – 2013. – Vol. 92, № 2. – P. 114–124. – DOI: [10.1016/j.biopsycho.2012.10.005](https://doi.org/10.1016/j.biopsycho.2012.10.005)
33. Hinojosa J. A., Mercado F., Carretié L. N170 sensitivity to facial expression: a meta-analysis // *Neuroscience & Biobehavioral Reviews*. – 2015. – Vol. 55. – P. 498–509. – DOI: [10.1016/j.neubiorev.2015.06.002](https://doi.org/10.1016/j.neubiorev.2015.06.002)
34. Wang X., Jin J., Liu Z., Yin T. Study on Differences of Early-Mid ERPs Induced by Emotional Face and Scene Images // *International Symposium on Neural Networks*. – Springer, Cham, 2017. – P. 550–558. – DOI: [10.1007/978-3-319-59081-3](https://doi.org/10.1007/978-3-319-59081-3)
35. Eimer M., Holmes A. Event-related brain potential correlates of emotional face processing // *Neuropsychologia*. – 2007. – Vol. 45, № 1. – P. 15–31. – DOI: [10.1016/j.neuropsychologia.2006.04.022](https://doi.org/10.1016/j.neuropsychologia.2006.04.022)

References

1. Shepard R. N., Metzler J. Mental rotation of three-dimensional objects. *Science*, 1971, V. 171, no. 3972, pp. 701–703.
2. Kosslyn S. M., Ball T. M., Reiser B. J. Visual images preserve metric spatial information: evidence from studies of image scanning. *Journal of experimental psychology: Human perception and performance*, 1978, V. 4, no. 1, pp. 47–60.
3. Holmes P. S., Cumming J., Edwards M. G. Motor imagery in learning processes: Motor imagery and observation in skill learning. In: Guillot A., Collet C. (eds.) *The neurophysiological foundations of mental and motor imagery*. Oxford, UK, Oxford University Press, 2010, pp. 253–269.
4. Moran A., Guillot A., Macintyre T., Collet C. Re-imagining motor imagery: Building bridges between cognitive neuroscience and sport psychology. *British Journal of Psychology*, 2012, V. 103, no. 2, pp. 224–247. DOI: [10.1111/j.2044-8295.2011.02068.x](https://doi.org/10.1111/j.2044-8295.2011.02068.x)



5. Bastiaansen J. A. C. J., Thioux M., Keysers C. Evidence for mirror systems in emotions. *Philosophical Transactions of the Royal Society of London B: Biological Sciences*, 2009, V. 364, no. 1528, pp. 2391–2404. DOI: [10.1098/rstb.2009.0058](https://doi.org/10.1098/rstb.2009.0058)
6. Lamm C., Bukowski H., Silani G. From shared to distinct self-other representations in empathy: evidence from neurotypical function and socio-cognitive disorders. *Philosophical Transactions of the Royal Society B*, 2016, V. 371, Issue 1686, 20150083. DOI: [10.1098/rstb.2015.0083](https://doi.org/10.1098/rstb.2015.0083)
7. Decety J., Grèzes J. The power of simulation: imagining one's own and other's behavior. *Brain Research*, 2006, V. 1079, no. 1, pp. 4–14. DOI: [10.1016/j.brainres.2005.12.115](https://doi.org/10.1016/j.brainres.2005.12.115)
8. Leslie K. R., Johnson-Frey S. H., Grafton S. T. Functional imaging of face and hand imitation: towards a motor theory of empathy. *Neuroimage*, 2004, V. 21, no. 2, pp. 601–607. DOI: [10.1016/j.neuroimage.2003.09.038](https://doi.org/10.1016/j.neuroimage.2003.09.038)
9. Singer T., Lamm C. The social neuroscience of empathy. *Annals of the New York Academy of Sciences*, 2009, V. 1156, no. 1, pp. 81–96. DOI: [10.1111/j.1749-6632.2009.04418.x](https://doi.org/10.1111/j.1749-6632.2009.04418.x)
10. Decety J. To what extent is the experience of empathy mediated by shared neural circuits? *Emotion Review*, 2010, V. 2, no. 3, pp. 204–207. DOI: [10.1177/1754073910361981](https://doi.org/10.1177/1754073910361981)
11. Rütgen M., Seidel E.-M., Silani G., Rieccansky I., Hummer A., Windischberger C., Petrovic P., Lamm C. Placebo analgesia and its opioidergic regulation suggest that empathy for pain is grounded in self pain. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 2015, V. 112, no. 41, pp. E5638–E5646. DOI: [10.1073/pnas.1511269112](https://doi.org/10.1073/pnas.1511269112)
12. Han X., He K., Wu B., Shi Z., Liu Y., Luo S., Wei K., Wu X., Han S. Empathy for pain motivates actions without altruistic effects: evidence of motor dynamics and brain activity. *Social Cognitive and Affective Neuroscience*, 2017, V. 12, no. 6, pp. 893–901. DOI: [10.1093/scan/nsx016](https://doi.org/10.1093/scan/nsx016)
13. Carr L., Iacoboni M., Dubeau M.-C., Mazziotta J. C., Lenzi G. L. Neural mechanisms of empathy in humans: a relay from neural systems for imitation to limbic areas. *Proceedings of the national Academy of Sciences*, 2003, V. 100, no. 9, pp. 5497–5502. DOI: [10.1073/pnas.0935845100](https://doi.org/10.1073/pnas.0935845100)
14. Wicker B., Keyser C., Plailly J., Royet J. P., Gallese V., Rizzolatti G. Both of us disgusted in my insula: the common neural basis of seeing and feeling disgust. *Neuron*, 2003, V. 40, no. 3, pp. 655–664. DOI: [10.1016/S0896-6273\(03\)00679-2](https://doi.org/10.1016/S0896-6273(03)00679-2)
15. Heller A. S., Lapate R. C., Mayer K. E., Davidson R. J. The face of negative affect: trial-by-trial corrugator responses to negative pictures are positively associated with amygdala and negatively associated with ventromedial prefrontal cortex activity. *Journal of Cognitive Neuroscience*, 2014, V. 26, no. 9, pp. 2102–2110. DOI: [10.1162/jocn_a_00622](https://doi.org/10.1162/jocn_a_00622)



16. Lamm C., Majdandžić J. The role of shared neural activations, mirror neurons, and morality in empathy – A critical comment. *Neuroscience Research*, 2015, V. 90, pp. 15–24. DOI: [10.1016/j.neures.2014.10.008](https://doi.org/10.1016/j.neures.2014.10.008)
17. Britton J. C., Britton C., Taylor S. F., Sudheimer K. D., Liberzon I. Facial expressions and complex IAPS pictures: common and differential networks. *Neuroimage*, 2006, V. 31, no. 2, pp. 906–919. DOI: [10.1016/j.neuroimage.2005.12.050](https://doi.org/10.1016/j.neuroimage.2005.12.050)
18. Olszanowski M., Pochwatko G., Kuklinski K., Scibor-Rylski M., Lewinski P., Ohme R. K. Warsaw set of emotional facial expression pictures: a validation study of facial display photographs. *Frontiers in psychology*. 2014, V. 5, 1516. DOI: [10.3389/fpsyg.2014.01516](https://doi.org/10.3389/fpsyg.2014.01516)
19. Pantic M., Valstar M., Rademaker R., Maat L. Web-based database for facial expression analysis. *IEEE International Conference on Multimedia and Expo (ICME, 2005)*. DOI: [10.1109/ICME.2005.1521424](https://doi.org/10.1109/ICME.2005.1521424)
20. Lundqvist D., Flykt A., Öhman A. The *Karolinska directed emotional faces (KDEF)*. Stockholm, Sweden, Karolinska Institute, Department of Clinical Neuroscience, Psychology Section, 1998.
21. Delorme A., Makeig S. EEGLAB: an open source toolbox for analysis of single-trial EEG dynamics. *Journal of Neuroscience Methods*, 2004, V. 134, no. 1, pp. 9–21. DOI: [10.1016/j.jneumeth.2003.10.009](https://doi.org/10.1016/j.jneumeth.2003.10.009)
22. Pascual-Marqui R. D. Standardized low-resolution brain electromagnetic tomography (sLORETA): Technical details. *Methods and Findings in Experimental and Clinical Pharmacology*, 2002, V. 24, pp. 5–12.
23. Maratos F. A., Garner M., Karl A., Hogan A. M. When is a face a face? Schematic faces, emotion, attention and the N170. *AIMS Neuroscience*, 2015, V. 2, no. 3, pp. 172–182. DOI: [10.3934/Neuroscience.2015.3.172](https://doi.org/10.3934/Neuroscience.2015.3.172)
24. Almeida P. R., Ferreira-Santos F., Chaves P. L., Paiva T. O., Barbosa F., Marques-Teixeira J. Perceived arousal of facial expressions of emotion modulates the N170, regardless of emotional category: Time domain and time–frequency dynamics. *International Journal of Psychophysiology*, 2016, V. 99, pp. 48–56. DOI: [10.1016/j.ijpsycho.2015.11.017](https://doi.org/10.1016/j.ijpsycho.2015.11.017)
25. Almeida P. R., Ferreira-Santos F., Vieira J. B., Moreira P. S., Barbosa F., Marques-Teixeira J. Dissociable effects of psychopathic traits on cortical and subcortical visual pathways during facial emotion processing: an ERP study on the N170. *Psychophysiology*, 2014, V. 51, no. 7, pp. 645–657. DOI: [10.1111/psyp.12209](https://doi.org/10.1111/psyp.12209)
26. Lin H., Schulz C., Straube T. Contextual effects of surprised expressions on the encoding and recognition of emotional target faces: An event-related potential (ERP) study. *Biological Psychology*, 2017, V. 129, pp. 273–281. DOI: [10.1016/j.biopsycho.2017.09.011](https://doi.org/10.1016/j.biopsycho.2017.09.011)
27. Cacioppo J. T., Tassinary L. G., Berntson G. *Handbook of psychophysiology. 3rd Edition*. Cambridge, Cambridge University Press, 2007. 908 p.



28. Rice G. E., Watson D. M., Hartley T., Andrews T. J. Low-level image properties of visual objects predict patterns of neural response across category-selective regions of the ventral visual pathway. *Journal of Neuroscience*, 2014, V. 34, no. 26, pp. 8837–8844. DOI: [10.1523/JNEUROSCI.5265-13.2014](https://doi.org/10.1523/JNEUROSCI.5265-13.2014)
29. Zhen Z., Yang Z., Huang L., Kong X.-Z., Wang X., Dang X., Huang Y., Song Y., Liu J. Quantifying interindividual variability and asymmetry of face-selective regions: A probabilistic functional atlas. *NeuroImage*, 2015, V. 113, pp. 13–25. DOI: [10.1016/j.neuroimage.2015.03.010](https://doi.org/10.1016/j.neuroimage.2015.03.010)
30. Goffaux V., Peters J., Haubrechts J., Schiltz C., Jansma B., Goebel R. From coarse to fine? Spatial and temporal dynamics of cortical face processing. *Cerebral Cortex*, 2010, V. 21, no. 2, pp. 467–476. DOI: [10.1093/cercor/bhq112](https://doi.org/10.1093/cercor/bhq112)
31. Grill-Spector K., Weiner K. S. The functional architecture of the ventral temporal cortex and its role in categorization. *Nature Reviews Neuroscience*, 2014, V. 15, no. 8, pp. 536–548. DOI: [10.1038/nrn3747](https://doi.org/10.1038/nrn3747)
32. Hietanen J. K., Astikainen P. N170 response to facial expressions is modulated by the affective congruency between the emotional expression and preceding affective picture. *Biological Psychology*, 2013, V. 92, no. 2, pp. 114–124. DOI: [10.1016/j.biopsycho.2012.10.005](https://doi.org/10.1016/j.biopsycho.2012.10.005)
33. Hinojosa J. A., Mercado F., Carretié L. N170 sensitivity to facial expression: a meta-analysis. *Neuroscience & Biobehavioral Reviews*, 2015, V. 55, pp. 498–509. DOI: [10.1016/j.neubiorev.2015.06.002](https://doi.org/10.1016/j.neubiorev.2015.06.002)
34. Wang X., Jin J., Liu Z., Yin T. Study on differences of early-mid ERPs induced by emotional face and scene images. *International Symposium on Neural Networks*. Springer, Cham, 2017, pp. 550–558. DOI: [10.1007/978-3-319-59081-3](https://doi.org/10.1007/978-3-319-59081-3)
35. Eimer M., Holmes A. Event-related brain potential correlates of emotional face processing. *Neuropsychologia*, 2007, V. 45, no. 1, pp. 15–31. DOI: [10.1016/j.neuropsychologia.2006.04.022](https://doi.org/10.1016/j.neuropsychologia.2006.04.022)



УДК 612.821:618.173:612.67

DOI: [10.21702/rpj.2017.4.6](https://doi.org/10.21702/rpj.2017.4.6)

Особенности психологического статуса женщин перименопаузального возраста с признаками климактерического синдрома

Дмитрий А. Лебедев^{1*}, Александр В. Черноситов^{1,2}, Татьяна Л. Боташева²

¹ Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

² ФГБОУ ВО РостГМУ Минздрава России, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

* E-mail: hunterld@ya.ru

Аннотация

Введение. Здоровье женщины – важная цель современных медицинских, психологических, социальных исследований. Актуальность данной проблемы вызвана, с одной стороны, увеличением средней продолжительности жизни, а с другой, совокупностью неблагоприятных внешних и внутренних негативных факторов, приводящих к ухудшению психоэмоционального статуса, и сопровождающихся признаками психофизиологической дезадаптации. В особую зону риска попадают женщины перименопаузального возраста с так называемым климактерическим синдромом. Новизна предпринятого исследования заключается в обнаружении психологических особенностей перименопаузы, осложненной климактерическим синдромом.

Методы. У 143 женщин менопаузального возраста (45–55 лет) с помощью комплекса взаимно дополняющих методик (опросник «Ваше самочувствие») (О. С. Копина, Л. Ридер), методика «Оценка нервно-психического напряжения») (Т. А. Немчин), экспресс-диагностика склонности к немотивированной тревожности (В. В. Бойко), методика диагностики самооценки уровня тревожности (Ч. Д. Спилберг, Ю. А. Ханин), индивидуально-типологический опросник (ИТО) (Л. Н. Собчик), методика САН (диагностика самочувствия, активности и настроения; В. А. Доскин и соавторы)) выявлены психологические особенности женщин с клиническими признаками климактерического синдрома, по сравнению с женщинами менопаузального возраста без климактерического синдрома.

Результаты. По результатам проводимого исследования, авторам удалось выявить недостаточно изученные особенности личностных свойств менопаузальных женщин с наличием и отсутствием климактерического синдрома. Была отмечена достоверная связь между показателем личностной тревожности и наличием климактерического синдрома у женщин менопаузального периода.

Обсуждение результатов. Результаты, полученные авторами, способны расширить представления о психологии женского климактерия, т. к. могут помочь в улучшении способов диагностики и психокоррекции климактерического синдрома. В дальнейшем полученные данные будут использованы для продолжения исследования



в плане обнаружения биоэлектрических и биоэнергетических процессов, которые являются фундаментом личностных особенностей, обнаруженных при климактерическом синдроме.

Ключевые слова

перименопауза, репродуктивный возраст, климактерический синдром, объективные проявления климакса, субъективные проявления климакса, психоэмоциональный статус, личностная тревожность, ситуативная тревожность, латеральный поведенческий профиль, декстральная латерализация

Основные положения

- ▶ у женщин с климактерическим синдромом, в отличие от женщин без признаков климактерического синдрома, выявлено доминирование личностной тревожности;
- ▶ личностная тревожность может быть рассмотрена не только как важнейший маркер, но и как прогностический признак появления климактерического синдрома в период предменопаузы;
- ▶ у женщин без климактерического синдрома общий показатель «сензитивность» имеет достоверную связь с «тревожностью» и «активностью» (САН), что существенно отличает их от женщин с наличием климактерического синдрома.

Для цитирования

Лебедев Д. А., Черноситов А. В., Боташева Т. Л. Особенности психологического статуса женщин перименопаузального возраста с признаками климактерического синдрома // Российский психологический журнал. – 2017. – Т. 14, № 4. – С. 121–137.

Материалы статьи получены 24.05.2017

UDC 612.821:618.173:612.67

DOI: [10.21702/rpj.2017.4.6](https://doi.org/10.21702/rpj.2017.4.6)

Psychological Status of Perimenopausal Women with Climacteric Syndrome

Dmitrii A. Lebedev^{1*}, Aleksandr V. Chernositov^{1,2}, Tat'yana L. Botasheva²

¹ Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

² Rostov State Medical University, Rostov-on-Don, Russian Federation

* Correspondence author. E-mail: hunterld@ya.ru

Abstract

Introduction. Women's health is an important goal of modern medical, psychological, and social research. Unfavorable external and internal negative factors, which worsen



psychoemotional status and lead to psychophysiological disadaptation, and also the increase in life expectancy determine the importance of the issue. Perimenopausal women with the so-called climacteric syndrome are at special risk. The novelty of the research lies in studying psychological characteristics of perimenopause complicated with climacteric syndrome.

Methods. The study used the following techniques: (a) "Your Health", a questionnaire developed by O. S. Kopina and L. Reader; (b) "Assessing Neuropsychic Stress", a technique by T. A. Nemchin; (c) the Rapid Diagnosis of Predisposition to Unwarranted Anxiety by V. V. Boyko; (d) the State-Trait Anxiety Inventory (STAI) by Ch. D. Spielberg and Yu. L. Khanin; (e) the Individual Typological Questionnaire (ITQ) by L. N. Sobchik; (f) and a technique for diagnosing health, activity, and mood – HAM test – developed by V. A. Doskin and co-authors. The participants comprised 143 menopausal women aged 45–55 years.

Results. The study revealed the insufficiently explored personality characteristics in menopausal women with and without climacteric syndrome. Personal anxiety and climacteric syndrome had a statistically significant relationship in perimenopausal women.

Discussion. The findings contribute to a better understanding of the psychology of menopause and help in improving methods for diagnosis and psychocorrection of climacteric syndrome. Further research will concentrate on the bioelectric and bioenergetic processes forming the basis for personality characteristics in women with climacteric syndrome.

Keywords

perimenopause, reproductive age, climacteric syndrome, objective manifestations of menopause, subjective manifestations of menopause, psychoemotional status, personal anxiety, situational anxiety, lateral behavioral profile, dextral laterization

Highlights

- ▶ Compared to women without symptoms of menopause, women with climacteric syndrome have a prominent personal anxiety.
- ▶ Personal anxiety may be the most important marker and also a prognostic factor for climacteric syndrome in premenopause.
- ▶ Unlike the women with climacteric syndrome, the overall index of sensitivity has a statistically significant relationship with anxiety and activity in women without climacteric syndrome (by the HAM test).

For citation

Lebedev D. A., Chernositov A. V., Botasheva T. L. Psychological Status of Perimenopausal Women with Climacteric Syndrome. *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal – Russian Psychological Journal*, 2017, V. 14, no. 4, pp. 121–137 (in Russian).

Original manuscript received 24.05.2017



Введение

Сохранение здоровья женщин на различных этапах онтогенеза, минимизация заболеваемости, снижение темпов старения, сохранение профессионального долголетия занимают важное место в современных медико-биологических исследованиях [1, 2, 3, 4].

Психологическое развитие тесно связано с физиологическим созреванием организма. Из-за стремительных изменений среды обитания, темпов жизни женский организм все больше становится мишенью влияния внешних стрессовых факторов, приводящих к изменению психоэмоционального статуса, что сопровождается у многих признаками психофизиологической дезадаптации [5, 6, 7].

Особо уязвимыми к таким факторам женщины становятся в период менопаузы на фоне постепенного угасания репродуктивных функций, общего снижения уровня здоровья и исчезновения сексуальной привлекательности, что связано с изменениями в эндокринной системе [8, 9, 10, 11].

Перименопауза характеризуется инволюционными процессами в яичниках с обязательным ослаблением их гормонопродукции. Показано, что эстрогендефицитное состояние у 60–80% женщин сопровождается существенными нервными, вегетативными, обменными и психоэмоциональными нарушениями [12, 13, 14, 15].

Наибольшее акцентирование этих нарушений имеет место при так называемом климактерическом синдроме (КС), отмечаемом у 65–70% женщин [16, 17, 18, 19].

Менопауза является одним из самых драматичных периодов в жизни женщины, сопровождающимся психопатологическими нарушениями. Закономерной компонентой менопаузальных психических отклонений является преобладающее доминирование негативных эмоций – тревоги, страха, гнева, тоски [20, 21, 22].

Клинические проявления тревожно-депрессивных расстройств при КС указывают на атипичную депрессию (по классификации DSM-IV R) [23].

Несмотря на значительное количество работ в этом плане [24, 25, 26, 27, 28, 29], четких отличий психологического статуса при неосложненной, так называемой физиологической, менопаузе и менопаузе с явными признаками КС в доступной литературе найти не удалось.

Цель исследования: сравнительный анализ индивидуально-личностных особенностей у женщин менопаузального возраста с отсутствием и наличием КС.

Методы

Исследование было проведено на 143 женщинах – сотрудницах Ростовского НИИ акушерства и педиатрии, которые давали информированное



согласие на проведение психологического обследования с использованием методик [30]:

1. Опросник «Ваше самочувствие» (О. С. Копина, Л. Ридер).
2. Методика «Оценка нервно-психического напряжения» (Т. А. Немчин).
3. Экспресс-диагностика склонности к немотивированной тревожности (В. В. Бойко).
4. Методика диагностики самооценки уровня тревожности (Ч. Д. Спилберг, Ю. Л. Ханин).
5. Индивидуально-типологический опросник (ИТО) (Л. Н. Собчик).
6. Методика САН (методика диагностики самочувствия, активности и настроения) (В. А. Доскин и соавторы).

Были соблюдены строгие условия времени проведения, последовательности и кратности исследований.

Включение женщин в группы менопаузальных с отсутствием признаков климактерического синдрома (МПБКС) и менопаузальных с признаками климактерического синдрома (МПСКС) проводили на основании заключений акушеров-гинекологов РНИИАП. Из выборки исключали женщин с хроническими неврологическими, гинекологическими и соматическими заболеваниями. Для унификации данных в исследовании принимали участие женщины только с декстральным латеральным поведенческим профилем, определяемым по методике М. Annett.

Группу сравнения составляли 33 женщины репродуктивного возраста (30–45 лет) с нормальным менструальным циклом, у которых исследование проводили в 1-й фазе менструального цикла.

Все обследованные женщины регулярно проходили плановую диспансеризацию, имеют высшее и среднее специальное медицинское образование со стажем работы от 10 лет, состоят в браке, не имеют вредных привычек. Таким образом, они составляли единообразную социальную группу, что способствовало чистоте и достоверности результатов.

Полученные результаты были подвержены статистической обработке данных с целью определения значимости межгрупповых различий (ранговый критерий Крускала – Уоллиса) и средних значений по группам (t-критерий Стьюдента) в программе SPSS22.

Результаты

При использовании опросника «Ваше самочувствие» (О. С. Копина, Л. Ридер) у женщин МПБКС отмечен наивысший уровень самооценки здоровья, который даже превышает таковой для женщин репродуктивного возраста.

По шкале «психосоциальный стресс» женщины МПСКС опережают женщин МПБКС и находятся в зоне риска нуждающихся в психологической помощи.



По остальным шкалам данной методики – «удовлетворенность жизнью» и «удовлетворенность потребностями» – существенного различия между женщинами МПБКС и МПсКС, а также в сравнении этих двух групп с женщинами репродуктивного возраста, отмечено не было (рисунок 1).

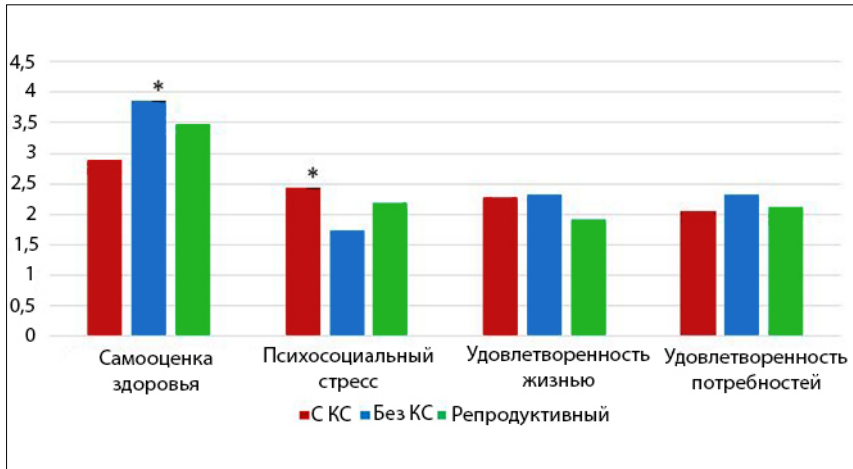


Рисунок 1. Результаты опросника «Ваше самочувствие» (в условных единицах, среднее отклонение)

* – статистическая значимость при $p = 0,02$ между женщинами МПБКС и МПсКС.

Figure 1. Your Health questionnaire (arbitrary units, mean deviation)

* at the 0.02 level of significance (between menopausal women with and without climacteric syndrome).

Значительно более выраженными были отличия между женщинами с менопаузой, осложненной КС, менопаузальными женщинами без признаков КС и женщинами репродуктивного возраста, которые были выявлены при оценке показателей по методике «Оценка нервно-психического напряжения» (рисунок 2).

Высокий уровень нервно-психического напряжения у женщин с КС сочетался с показаниями экспресс-диагностики склонности к немотивированной тревожности (рисунок 3).

Факт наличия повышенной тревожности у женщин МПсКС можно было также наблюдать и по результатам диагностики самооценки уровня тревожности (рисунок 4). В свою очередь, женщинам с МПБКС и женщинам в репродуктивном возрасте присуща умеренная тревожность, что соответствует общепринятым нормам.

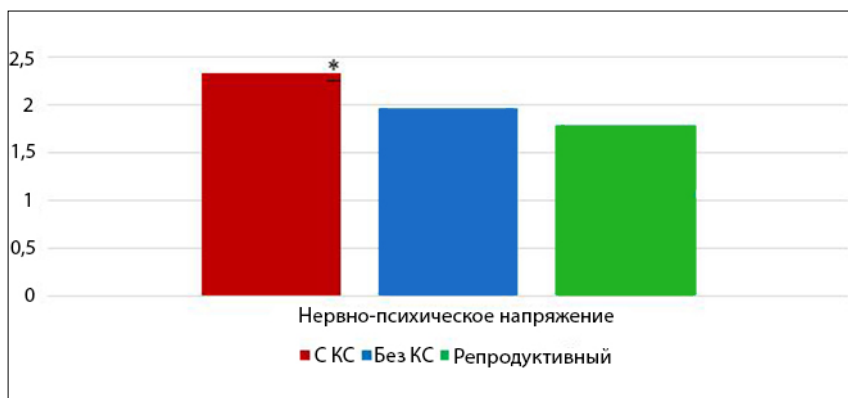


Рисунок 2. Результаты по методике «Оценка нервно-психического напряжения» (в условных единицах, среднее отклонение)

* – статистическая значимость при $p = 0,02$ между женщинами МПБКС и МПтКС.

Figure 2. Assessing Neuropsychic Stress technique (arbitrary units, mean deviation)

* at the 0.02 level of significance (between menopausal women with and without climacteric syndrome).

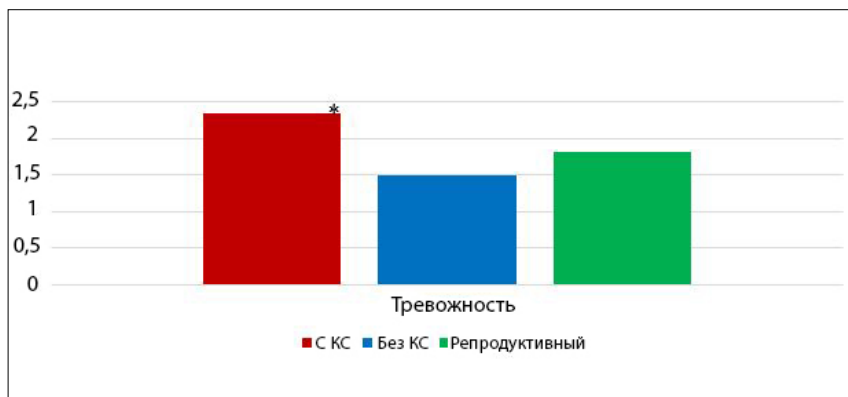


Рисунок 3. Результаты экспресс-диагностики склонности к немотивированной тревожности (В.В. Бойко) (в условных единицах, среднее отклонение)

* – статистическая значимость при $p = 0,02$ между женщинами МПБКС и МПтКС.

Figure 3. Rapid Diagnosis of Predisposition to Unwarranted Anxiety (arbitrary units, mean deviation)

* at the 0.02 level of significance (between menopausal women with and without climacteric syndrome).

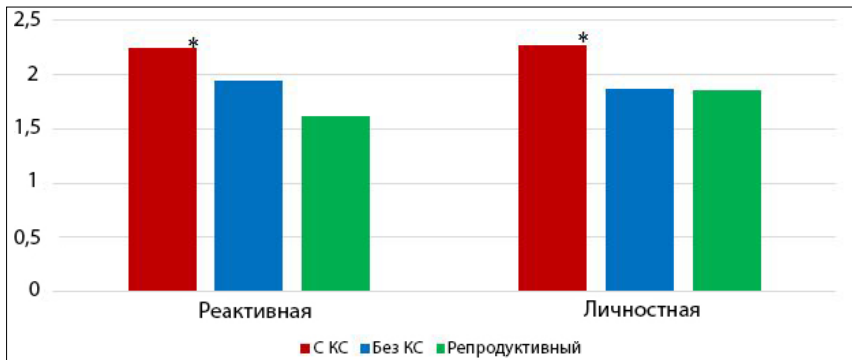


Рисунок 4. Результаты диагностики самооценки уровня тревожности (Ч.Д. Спилберга, Ю.Л. Ханина) (в условных единицах, среднее отклонение)

* – статистическая значимость при $p = 0,02$ между женщинами МПБК и МПсКС.

Figure 4. State-Trait Anxiety Inventory (arbitrary units, mean deviation)

* at the 0.02 level of significance (between menopausal women with and without climacteric syndrome).

По результатам методики САН (самочувствие, активность и настроение) можно отметить снижение активности у женщин МПБК и МПсКС, по сравнению с женщинами репродуктивного возраста, и плавное ухудшение самочувствия с преобладанием плохого настроения (рисунок 5).

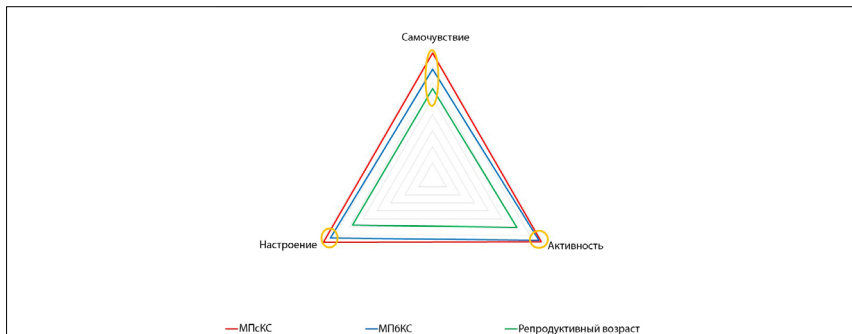


Рисунок 5. Результаты обследования по методике САН (самочувствие, активность и настроение) (в условных единицах, среднее отклонение)

* – статистическая значимость при $p = 0,02$ между женщинами МПБК и МПсКС.

Figure 5. HAM test (arbitrary units, mean deviation)

* at the 0.02 level of significance (between menopausal women with and without climacteric syndrome).



Так, для женщин группы МПсКС был характерен высокий уровень показателей «тревожности» в сочетании с «сензитивностью», что демонстрировало повышенную озабоченность собственными трудностями, проблемами родных и близких, а также повышенную впечатлительность по отношению к окружающим событиям и пессимистический взгляд на будущее.

У менопаузальных женщин без признаков КС, в отличие от женщин с КС, были акцентированы шкалы «интроверсия» и «сензитивность», что свидетельствует о стремлении у таких женщин к обособленной деятельности и невысокой общительности.

Согласно методике ИТО, женщины репродуктивного возраста в большинстве своем характеризовались экстравертированностью, повышенной активностью, обильными социальными контактами, нескрываемыми желаниями в достижении производственных успехов (рисунок 6).

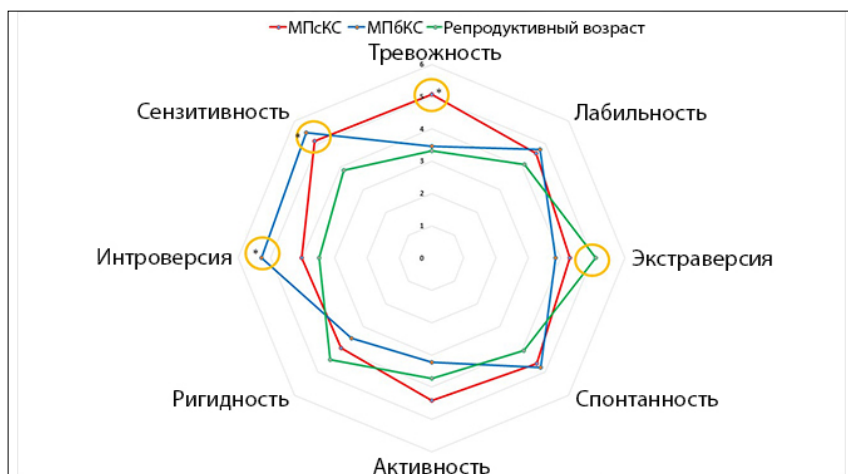


Рисунок 6. Результаты индивидуально-типологического опросника (ИТО) в условных баллах

* – статистическая значимость при $p = 0,02$ между женщинами МПбКС и МПсКС.

Figure 6. Individual Typological Questionnaire (arbitrary units)

* at the 0.02 level of significance (between menopausal women with and without climacteric syndrome).

Для понимания взаимосвязи психологических факторов между собой и возможности интеграции результатов в психосоциальный вектор развития женщин нами был проведен корреляционный анализ шкал всех методик для женщин МПсКС и женщин МПбКС (рисунок 7 и 8).

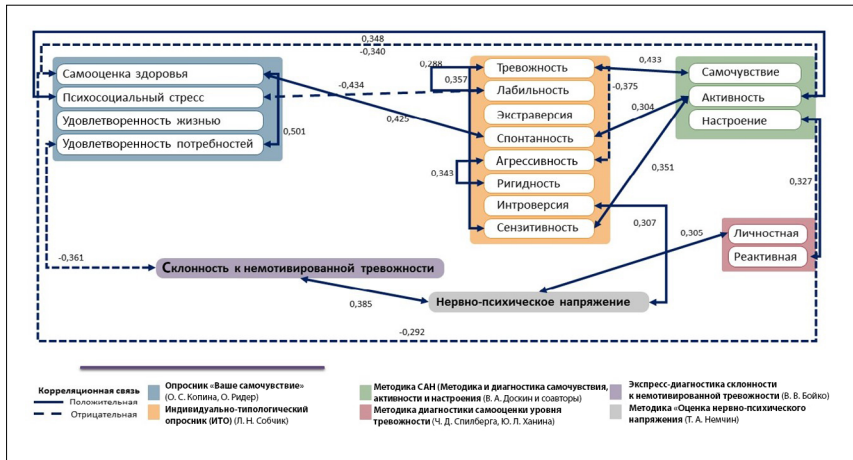


Рисунок 7. Корреляционная зависимость результатов всех использованных методик для женщин МПКС

Figure 7. Correlation among the variables by all the techniques for menopausal women with climacteric syndrome

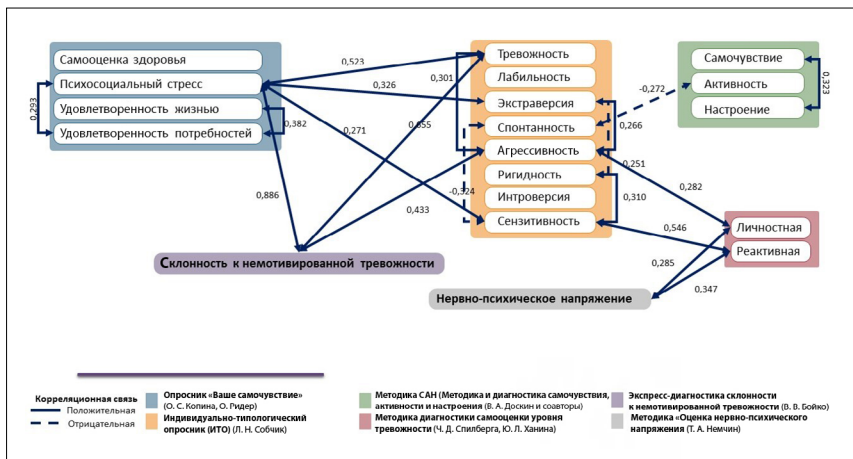


Рисунок 8. Корреляционная зависимость результатов всех использованных методик для женщин МПКС

Figure 8. Correlation among the variables by all the techniques for menopausal women without climacteric syndrome



В результате у женщин МПсКС мы получили достоверную сильную положительную связь (0,886 при $p = 0,05$) между уровнями немотивированной тревожности (по методике В. В. Бойко) и психосоциального стресса (методика «Ваше самочувствие» (О. С. Копина, Л. Ридер)). Также показатель немотивированной тревожности имеет средние корреляционные связи с уровнем тревожности (шкала ИТО) (0,655 при $p = 0,05$) и умеренные – с «агрессивностью» (шкала ИТО) (0,433 при $p = 0,05$). Проявление немотивируемой тревожности на фоне психосоциального стресса и агрессивности указывает на взаимное увеличение этих показателей, вызванных психологическим состоянием, в котором находятся женщины с КС.

В свою очередь «тревожность», которая проявлялась как акцентуированное свойство (5,08 баллов по ИТО), имеет такие же значимые корреляционные связи, как показатель «немотивируемая тревожность» по методике В. В. Бойко, а именно – среднюю с психосоциальным стрессом (0,523 при $p = 0,05$) и умеренную с агрессивностью (0,301 при $p = 0,05$), что также подтверждает наличие тревожности у женщин с КС.

У показателя «сензитивность», акцентуированного в методике ИТО (5,13), можно наблюдать среднюю взаимосвязь с «реактивной тревожностью» (по методике диагностики самооценки уровня тревожности; 0,546 при $p = 0,05$). Умеренную – между такими показателями, как «психосоциальный стресс» (0,271 при $p = 0,05$) и «ригидность» (0,310 при $p = 0,05$). И отрицательную – с показателями шкалы «спонтанность» (по ИТО). Проявления чувствительности и впечатлительности у таких женщин напрямую зависят от переживаемого психоэмоционального стресса и непреходящей тревоги из-за сложившихся ситуаций. Это, в свою очередь, приводит к неспособности адекватного реагирования на происходящие события, следованию уже имеющихся установок и отсутствию инициативности в своем поведении.

Что касается женщин МПбКС, то преобладание показателя «интроверсия» (5,28; методика ИТО) отличает их от женщин МПсКС, т. к. «сензитивность» преобладает в обеих группах (5,49 и 5,13 соответственно; методика ИТО). По результатам корреляционного анализа у показателя «интроверсия» есть умеренная связь с показателем нервно-психического напряжения (Т. А. Немчин) (0,301 при $p = 0,05$). Это можно интерпретировать как психологическую возможность этих женщин замыкаться в себе и ограничивать свои социальные контакты при возникновении нервно-психического давления. Общий показатель «сензитивность» имеет достоверную связь с «тревожностью» (0,357 при $p = 0,05$) (ИТО) и «активностью» (0,351 при $p = 0,05$) (САН), что существенно отличается от показателей женщин с КС.



Обсуждение результатов

Использование комплекса взаимодополняющих диагностических методик, репрезентативность выборки и результаты статистической обработки позволили обнаружить ранее недостаточно изученные особенности личностных свойств менопаузальных женщин с наличием и отсутствием признаков климактерического синдрома.

Несмотря на определенную схожесть некоторых акцентуированных черт, для женщин с климактерическим синдромом характерно доминирование личностной тревожности, сочетающейся с высоким уровнем нервно-психического напряжения, сензитивностью и результатами самооценки. Их можно рассматривать как значимый психологический симптомокомплекс климактерического синдрома.

У женщин без признаков климактерического синдрома в качестве акцентуированных личностных особенностей представлена интроверсия в сочетании с ригидностью и отсутствием инициативности. Эти качества можно рассматривать как защитную форму поведения, минимизирующую влияние стрессорных факторов.

Полученные результаты способны дополнить представления о психологии женского климактерия. Они могут быть полезны в совершенствовании способов прогнозирования диагностики и психокоррекции климактерического синдрома, а также стать основой для продолжения исследования в плане обнаружения биоэлектрических, в частности биоэнергетических процессов, лежащих в основе обнаруженных при климактерическом синдроме личностных особенностей.

Литература

1. Агаджанян Н. А. Нормальная физиология. Учебник. – М.: МИА, 2009. – 520 с.
2. Барбараш Н. А., Чичиленко М. В., Тарасенко Н. П., Барбараш Л. С. Экстрагенитальные особенности биологии и физиологии женского организма (обзор) // Сибирский научный медицинский журнал (Бюллетень СО РАМН). – 2003. – № 3. – С. 53–58.
3. Заводнов О. П. Влияние частичной световой депривации на вегетативный, сомнологический, эндокринный и психоэмоциональный статус женщин климактерического возраста : дисс. ... канд. мед. наук. – Ростов н/Д, 2013. – 150 с.
4. Манухин И. Б., Тактаров В. Г., Шмелева С. В. Здоровье женщины в климактерии : руководство. – М.: Литтерра, 2010. – 256 с.
5. Барденштейн Л. М., Торчинов А. М. и др. Клиническая типология депрессивных расстройств у женщин в перименопаузальном периоде // Аллергология и иммунология. – 2005. – Т. 6, № 2. – С. 269–272.



6. *Moron F. J., Ruiz A., Galan J. J.* Genetic and genomic insights into age at natural menopause // *Genome Medicine*. – 2009. – Vol. 1, Issue 76. – P. 76–78. – DOI: [10.1186/gm76](https://doi.org/10.1186/gm76)
7. *Soares C. N., Arsenio H., Joffe H., et al.* Escitalopram versus ethinyl estradiol and norethindrone acetate for symptomatic peri- and postmenopausal women: impact on depression, vasomotor symptoms, sleep, and quality of life // *Menopause*. – 2006. – Vol. 13. – P. 780–786.
8. *Bromberger J. T., Harlow S., Avis N., et al.* Racial/ethnic differences in the prevalence of depressive symptoms among middle-aged women: The Study of Women's Health Across the Nation (SWAN) // *American Journal of Public Health*. – 2004. – Vol. 94, Issue 8. – P. 1378–1385. – DOI: [10.2105/AJPH.94.8.1378](https://doi.org/10.2105/AJPH.94.8.1378)
9. *Haines C. J., Yim S. F., Chung T. K., et al.* A prospective, randomized, placebo-controlled study of the dose effect of oral oestradiol on menopausal symptoms, psychological well being, and quality of life in postmenopausal Chinese women // *Maturitas*. – 2003. – Vol. 44, Issue 3. – P. 207–216.
10. *Prior J. C., Hitchcock C. L.* The endocrinology of perimenopause: need for a paradigm shift // *Frontiers in Bioscience*. – 2011. – № 3. – P. 474–486.
11. *Yang Y. S., Hur M. H. et al.* Correlation between sonographic and endocrine markers of ovarian aging as predictors for late menopausal transition // *Menopause*. – 2011. – Vol. 18, Issue 2. – P. 138–145.
12. *Антонова А. А., Бачило Е. В., Барыльник Ю. Б.* Современный взгляд на проблему развития психических расстройств у женщин в перименопаузе // *Саратовский научно-медицинский журнал*. – 2012. – № 2. – С. 379–383.
13. *Ельчанинов Д. В.* Климактерический синдром в ранней постменопаузе: системные метаболические изменения и их негормональная коррекция : дисс. ... канд. мед. наук. – Омск, 2012. – 138 с.
14. *Hickey M., Schoenaker D. A., Joffe H., et al.* Depressive symptoms across the menopause transition: findings from a large population-based cohort study // *Menopause*. – 2016. – Vol. 23, Issue 12. – P. 1287–1293. – DOI: [10.1097/GME.0000000000000712](https://doi.org/10.1097/GME.0000000000000712)
15. *Maki P. M., Freeman E. W., Greendale G. A., et al.* Summary of the National Institute on Aging-sponsored conference on depressive symptoms and cognitive complaints in the menopausal transition // *Menopause*. – 2010. – Vol. 17, Issue 4. – P. 815–822. – DOI: [10.1097/gme.0b013e3181d763d2](https://doi.org/10.1097/gme.0b013e3181d763d2)
16. *Дзугаева И. О., Абдуллаева С. С., Шипиевский Б. М.* Профилактика и лечение климактерического синдрома в постменопаузе // *Вестник РУДН. Сер. «Медицина»*. – 2008. – № 5. – С. 220–227.
17. *Дюкова Г. М., Сметник В. П., Назаров Н. А.* Состояние психовегетативной и сексуальной сфер у женщин в перименопаузе. Руководство по климак-



- су : Руководство для врачей / под ред. В. И. Кулакова, В. П. Сметник. – М. : МИА, 2001. – 592 с.
18. *Танкиева З. М.* Влияние антигипертензивной терапии на течение климактерического синдрома : дисс. ... канд. мед. наук. – М., 2010. – 128 с.
 19. *Mirza F. S., Ong P., Collins P. et al.* Effects of estradiol and the angiotensin II receptor blocker irbesartan on vascular function in postmenopausal women // *Menopause*. – 2008. – Vol. 15. – P. 44–50.
 20. *Дмитриева Т. Б., Качаева М. А.* Лечение реактивных депрессий у женщин в период климакса // *Российский психиатрический журнал. Приложение «Депрессия у женщин»*. – 2001. – № 4. – С. 7–11.
 21. Психиатрия. Национальное руководство. Краткое издание / под ред. Т. Д. Дмитриевой, В. Н. Краснова, Н. Г. Незнанова. – М. : ГЭОТАР-Медиа, 2015. – 622 с.
 22. *Bromberger J. T., Schott L., Kravitz H. M., et al.* Risk factors for major depression during midlife among a community sample of women with and without prior major depression: are they the same or different? // *Psychological Medicine*. – 2015. – Vol. 45, Issue 8. – P. 1653–1664. – DOI: [10.1017/s0033291714002773](https://doi.org/10.1017/s0033291714002773)
 23. Дороженок И. Ю. Тревожные и болевые расстройства в общемедицинской практике (аспекты коморбидности и терапии) // *Медицинский совет*. – 2012. – № 4. – С. 98–104.
 24. *Джебашвили М. М.* Значение личностных особенностей при климактерическом синдроме // *Российский медицинский журнал*. – 2001. – № 3. – С. 159–163.
 25. *Пахомов А. А.* Прогнозирование и коррекция патологии психогенного регистра у женщин среднего и пожилого возраста : дисс. ... канд. мед. наук. – СПб., 2011. – 139 с.
 26. *Тювина Н. А.* Дифференциальная диагностика и лечение депрессивных расстройств у женщин в период климактерия // *Неврология, нейропсихиатрия, психосоматика*. – 2011. – № 1. – С. 66–71.
 27. *Moustafa Ahmed A., Tindle R., Frydecka D., Misiak B.* Impulsivity and its relationship with anxiety, depression and stress // *Comprehensive Psychiatry*. – Vol. 74. – P. 173–179. – DOI: [10.1016/j.comppsy.2017.01.013](https://doi.org/10.1016/j.comppsy.2017.01.013)
 28. *Freeman E. W., Sammel M. D., Lin H., et al.* Associations of hormones and menopausal status with depressed mood in women with no history of depression // *Archives of General Psychiatry* – 2006. – Vol. 63, Issue 4. – P. 375–382. – DOI: [10.1001/archpsyc.63.4.375](https://doi.org/10.1001/archpsyc.63.4.375)
 29. *Srivastava D. P., Woolfrey K. M., Evans P. D.* Mechanisms underlying the interactions between rapid estrogenic and BDNF control of synaptic connectivity // *Neuroscience*. – 2013. – Vol. 3, Issue 239. – P. 17–33. – DOI: [10.1016/J.NEUROSCIENCE.2012.12.004](https://doi.org/10.1016/J.NEUROSCIENCE.2012.12.004)



30. Диагностика здоровья. Психологический практикум / под ред. Г. С. Никифорова. – СПб. : Речь, 2013. – 950 с.

References

1. Agadzhanian N. A. *Normal'naya fiziologiya* [Normal physiology]. Moscow, MIA Publ., 2009. 520 p.
2. Barbarash N. A., Chichilenko M. V., Tarasenko N. P., Barbarash L. S. Extra-genital features of the biology and physiology of the female organism: an overview. *Sibirskii nauchnyi meditsinskii zhurnal (Byulleten' SO RAMN) – The Siberian Scientific Medical Journal (The Bulletin of Siberian Branch of Russian Academy of Medical Sciences)*, 2003, no. 3, pp. 53–58 (in Russian).
3. Zavodnov O. P. *Vliyaniye chastichnoi svetovoi deprivatsii na vegetativnyi, somnologicheskii, endokrinnyi i psikhoemotsional'nyi status zhenshchin klimaktericheskogo vozrasta* [Impact of partial light deprivation on the vegetative, somnological, endocrine, and psychoemotional status of climacteric women]. Diss. Cand. Sci. (Med.). Rostov-on-Don, 2013. 150 p.
4. Manukhin I. B., Taktarov V. G., Shmeleva S. V. *Zdorov'e zhenshchiny v klimakterii* [Women's health in menopause]. Moscow, Litterra Publ., 2010. 256 p.
5. Bardenshtein L. M., Torchinov A. M. Clinical typology of depressive disorders in perimenopausal women. *Allergologiya i immunologiya – Allergology and Immunology*, 2005, V. 6, no. 2, pp. 269–272 (in Russian).
6. Moron F. J., Ruiz A., Galan J. J. Genetic and genomic insights into age at natural menopause. *Genome Medicine*, 2009, V. 1, Issue 76, pp. 76–78. DOI: [10.1186/gm76](https://doi.org/10.1186/gm76)
7. Soares C. N., Arsenio H., Joffe H., et al. Escitalopram versus ethinyl estradiol and norethindrone acetate for symptomatic peri- and postmenopausal women: impact on depression, vasomotor symptoms, sleep, and quality of life. *Menopause*, 2006, V. 13, pp. 780–786.
8. Bromberger J. T., Harlow S., Avis N., et al. Racial/ethnic differences in the prevalence of depressive symptoms among middle-aged women: The Study of Women's Health Across the Nation (SWAN). *American Journal of Public Health*, 2004, V. 94, Issue 8, pp. 1378–1385. DOI: [10.2105/AJPH.94.8.1378](https://doi.org/10.2105/AJPH.94.8.1378)
9. Haines C. J., Yim S. F., Chung T. K., et al. A prospective, randomized, placebo-controlled study of the dose effect of oral oestradiol on menopausal symptoms, psychological well being, and quality of life in postmenopausal Chinese women. *Maturitas*, 2003, V. 44, Issue 3, pp. 207–216.
10. Prior J. C., Hitchcock C. L. The endocrinology of perimenopause: need for a paradigm shift. *Frontiers in Bioscience*, 2011, no. 3, pp. 474–486.
11. Yang Y. S., Hur M. H. et al. Correlation between sonographic and endocrine markers of ovarian aging as predictors for late menopausal transition. *Menopause*, 2011, V. 18, Issue 2, pp. 138–145.



12. Antonova A. A., Bachilo E. V., Baryl'nik Yu. B. A modern view on mental disorders in perimenopausal women. *Saratovskiy Nauchno-meditsinskiy Zhurnal – Saratov Journal of Medical Scientific Research*, 2012, no. 2, pp. 379–383 (in Russian).
13. El'chaninov D. V. *Klimaktericheskii sindrom v rannei postmenopauze: sistemnye metabolicheskie izmeneniya i ikh negormonal'naya korrektsiya* [Climacteric syndrome in early postmenopause: System metabolic changes and their non-hormonal correction]. Diss. Cand. Sci. (Med.). Omsk, 2012. 138 p.
14. Hickey M., Schoenaker D. A., Joffe H., et al. Depressive symptoms across the menopause transition: findings from a large population-based cohort study. *Menopause*, 2016, V. 23, Issue 12, pp. 1287–1293. DOI: [10.1097/GME.0000000000000712](https://doi.org/10.1097/GME.0000000000000712)
15. Maki P. M., Freeman E. W., Greendale G. A., et al. Summary of the National Institute on Aging-sponsored conference on depressive symptoms and cognitive complaints in the menopausal transition. *Menopause*, 2010, V. 17, Issue 4, pp. 815–822. DOI: [10.1097/gme.0b013e3181d763d2](https://doi.org/10.1097/gme.0b013e3181d763d2)
16. Dzugavaeva I. O., Abdullaeva S. S., Shipievskii B. M. The prophylaxis and treatment of climacteric syndrome in postmenopause. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Meditsina – RUDN Journal of Medicine*, 2008, no. 5, pp. 220–227 (in Russian).
17. Dyukova G. M., Smetnik V. P., Nazarov N. A. Psychovegetative and sexual spheres in perimenopausal women. In: V. I. Kulakov, V. P. Smetnik (eds.) *Rukovodstvo po klimaksu: Rukovodstvo dlya vrachei* [Menopause: A guide for physicians]. Moscow, MIA Publ., 2001. 592 p.
18. Tankieva Z. M. *Vliyaniye antigipertenzivnoi terapii na techeniye klimaktericheskogo sindroma* [Impact of antihypertensive therapy on climacteric syndrome]. Diss. Cand. Sci. (Med.). Moscow, 2010. 128 p.
19. Mirza F. S., Ong P., Collins P. et al. Effects of estradiol and the angiotensin II receptor blocker irbesartan on vascular function in postmenopausal women. *Menopause*, 2008, V. 15, pp. 44–50.
20. Dmitrieva T. B., Kachaeva M. A. Treatment for reactive depression in menopausal women. *Rossiiskii psikhiatricheskii zhurnal. Prilozhenie "Depressiya u zhenshchin" – Russian Journal of Psychiatry. "Depression in Women" Supplement*, 2001, no. 4, pp. 7–11 (in Russian).
21. Dmitrieva T. D., Krasnov V. N., Neznanov N. G. *Psikhiatriya. Natsional'noe rukovodstvo. Kratkoe izdanie* [Psychiatry: National guide]. Moscow, GEOTAR-Media Publ., 2015. 622 p.
22. Bromberger J. T., Schott L., Kravitz H. M., et al. Risk factors for major depression during midlife among a community sample of women with and without prior major depression: are they the same or different? *Psychological Medicine*, 2015, V. 45, Issue 8, pp. 1653–1664. DOI: [10.1017/s0033291714002773](https://doi.org/10.1017/s0033291714002773)



23. Dorozhenok I. Yu. Anxiety and pain disorders in medical practice (comorbidity and therapy aspects). *Meditsinskiy Sovet – Medical Council*, 2012, no. 4, pp. 98–104 (in Russian).
24. Dzhebashvili M. M. Personality characteristics in climacteric syndrome. *Rossiiskii meditsinskii zhurnal – Medical Journal of the Russian Federation*, 2001, no. 3, pp. 159–163 (in Russian).
25. Pakhomov A. A. *Prognozirovaniye i korrektsiya patologii psikhogennogo registra u zhenshchin srednego i pozhilogo vozrasta* [Prediction and correction of psychogenic register pathology in middle-aged and elderly women]. Diss. Cand. Sci. (Med.). St. Petersburg, 2011. 139 p.
26. Tyuvina N. A. Differential diagnosis and treatment of depressive disorders in menopausal women. *Nevrologiya, Neiropsikhiatriya, Psikhosomatika – Neurology, Neuropsychiatry, Psychosomatics*, 2011, no. 1, pp. 66–71 (in Russian).
27. Moustafa Ahmed A., Tindle R., Frydecka D., Misiak B. Impulsivity and its relationship with anxiety, depression and stress. *Comprehensive Psychiatry*, V. 74, pp. 173–179. DOI: [10.1016/j.comppsy.2017.01.013](https://doi.org/10.1016/j.comppsy.2017.01.013)
28. Freeman E. W., Sammel M. D., Lin H., et al. Associations of hormones and menopausal status with depressed mood in women with no history of depression. *Archives of General Psychiatry*, 2006, V. 63, Issue 4, pp. 375–382. DOI: [10.1001/archpsyc.63.4.375](https://doi.org/10.1001/archpsyc.63.4.375)
29. Srivastava D. P., Woolfrey K. M., Evans P. D. Mechanisms underlying the interactions between rapid estrogenic and BDNF control of synaptic connectivity. *Neuroscience*, 2013, V. 3, Issue 239, pp. 17–33. DOI: [10.1016/J.NEUROSCIENCE.2012.12.004](https://doi.org/10.1016/J.NEUROSCIENCE.2012.12.004)
30. Nikiforov G. S. (ed.) *Diagnostika zdorov'ya. Psikhologicheskii praktikum* [Health diagnostics: Psychological practical guide]. St. Petersburg, Rech' Publ., 2013. 950 p.



УДК 159.97

DOI: [10.21702/rpj.2017.4.7](https://doi.org/10.21702/rpj.2017.4.7)

Категоричность в оценках себя, других и ситуации у старшеклассников, употребляющих наркотические вещества

Елена И. Рассказова^{1,2*}, Александр Ш. Тхостов¹, Марина И. Лукомская³, Евгений А. Брюн⁴, Елена Г. Деменко⁴, Виктория В. Аршинова⁴

¹ Московский государственный университет, г. Москва, Российская Федерация

² Научный центр психического здоровья, г. Москва, Российская Федерация

³ Центр психического здоровья 13 округа (ASM-13), г. Париж, Франция

⁴ Московский научно-практический центр наркологии Департамента здравоохранения города Москвы, г. Москва, Российская Федерация

* E-mail: e.i.rasskazova@gmail.com

Аннотация

Введение. Несмотря на успехи психологии в понимании факторов и механизмов развития зависимостей от психоактивных веществ, а также в применении психологических методов их профилактики и лечения, на сегодняшний день актуальным остается вопрос о ранней психодиагностике и профилактике развития зависимостей от психоактивных веществ у школьников. В работе представлены результаты исследования категоричности в оценках себя, других и ситуации у подростков, вовлеченных в употребление наркотических веществ, и ее связи с другими психологическими факторами риска такого вовлечения. Склонность к категоричным ответам рассматривается как проявление особенностей мышления, при которых человек уверенно делает умозаключения до рассмотрения всех возможных альтернатив, сопряженное с трудностями произвольной регуляции по принципу недостаточного учета возможных решений и будущих перспектив. Впервые исследуются связи категоричности с психологическими факторами риска вовлечения в употребление наркотических средств.

Методы. 108 старшеклассников, вовлеченных в употребление наркотических веществ, 637 старшеклассников различных регионов России, а также 540 учеников средних классов отвечали на вопросы методического комплекса психологической диагностики факторов риска вовлечения подростков в употребление наркотических веществ.

Результаты. Было показано, что у старшеклассников (но не в средних классах) склонность к категоричным оценкам является индикатором риска употребления наркотических веществ, и в клинической группе связана с трудностями произвольной регуляции по типу нежелания планировать будущее и рассматривать альтернативы. При «защитной» стратегии ответов категоричность в оценках связана



с переоценкой своих возможностей произвольной регуляции и отрицанием проблем. Напротив, «открытая» стратегия ответов при употреблении наркотических веществ проявляется в связи категоричности и признания трудностей. У старшеклассников контрольных групп таких связей нет.

Обсуждение результатов. Обсуждаются возможности использования категоричности в ответах в качестве неспецифического критерия, свидетельствующего о риске вовлечения в злоупотребление наркотическими веществами у старшеклассников.

Ключевые слова

употребление наркотических веществ, психологические факторы риска, подростковый возраст, категоричность в оценках, амбивалентность, психодиагностика, копинг-стратегии, контроль эмоций, поиск новизны, рискованное поведение

Основные положения

- ▶ употребление наркотических веществ в старшем подростковом возрасте сопряжено с нарастанием категоричных ответов, что может объясняться первичным или вторичным дефицитом произвольной регуляции, отказом от анализа альтернатив и быстрым переходом к выбору единственной точки зрения;
- ▶ можно рекомендовать применение шкалы категоричных ответов в диагностических и исследовательских целях в качестве неспецифического индикатора риска вовлечения в употребление наркотических веществ у старшеклассников;
- ▶ у старшеклассников, вовлеченных в употребление наркотических веществ, категоричность по-разному связана с признанием или отрицанием трудностей произвольной регуляции в зависимости от общей стратегии ответов: у лиц с «защитной» стратегией риск вовлечения проявляется в сочетании категоричности с отрицанием рискованного поведения и проблем, в том числе типичных для подростков; тогда как у лиц с «открытой» стратегией паттерн связей противоположен.

Благодарности

Исследование поддержано Российским фондом фундаментальных исследований, проект 17-06-00271 «Методы исследования соотношения аффективной дифференцированности и когерентности в норме и патологии».

Для цитирования

Рассказова Е. И., Тхостов А. Ш., Лукомская М. И., Брюн Е. А., Деменко Е. Г., Аршинова В. В. Категоричность в оценках себя, других и ситуации у старшеклассников, употребляющих наркотические вещества // Российский психологический журнал. – 2017. – Т. 14, № 4. – С. 138–161.

Материалы статьи получены 12.07.2017



UDC 159.97

DOI: [10.21702/rpj.2017.4.7](https://doi.org/10.21702/rpj.2017.4.7)

Categoricity in Self-Estimation and Estimation of Other People and Situations in High School Students Involved in Drug Use

Elena I. Rasskazova^{1,2*}, Aleksandr Sh. Tkhostov¹, Marina I. Lukomskaya³, Evgenii A. Bryun⁴, Elena G. Demenko⁴, Viktoriya V. Arshinova⁴

¹ Moscow State University, Moscow, Russian Federation

² Mental Health Research Center, Moscow, Russian Federation

³ Mental Health Center, District 13 (ASM 13), Paris, France

⁴ Moscow Research and Practical Center for Narcology, Moscow Department of Health, Moscow, Russian Federation

* Correspondence author. E-mail: e.i.rasskazova@gmail.com

Abstract

Introduction. Mechanisms and factors for psychoactive substance dependence and also psychological methods for its treatment and prevention have been widely researched. However, early diagnostics and prevention of psychoactive substance dependence among schoolchildren remain important today. The paper presents the results of the study of (a) categoricity in self-estimation and estimation of other people and situations in adolescents using drugs and (b) its relationship with other psychological risk factors for involvement in drug use. Categorical answers indicate the way of thinking when a person makes conclusions before considering all the possible alternatives. Such a way of thinking derives from difficulties in voluntary regulation with insufficient regard for possible solutions and future prospects. The present study is the first attempt to reveal associations among categoricity and psychological risk factors for involvement in drug use.

Methods. The participants comprised 108 high school students using drugs, 637 high school students from various regions of Russia, and 540 middle school students. A methodical complex of psychological diagnostics of risk factors for adolescent involvement in drug use was employed in the study.

Results. High school students' categorical estimates indicated the risk of drug use and were associated with difficulties in voluntary regulation with unwillingness to plan the future and consider the alternatives in the clinical group. A defensive strategy of answers manifested itself in the association among categoricalness, overestimation of voluntary self-regulation, and denial of problems. On the contrary, the association between categoricity and accepting difficulties characterized an open strategy of answers when using drugs. High school students in the control groups had no such associations.



Discussion. Categorical answers can be a nonspecific criterion for assessing the risk of drug involvement among high school students.

Keywords

drug use, psychological risk factors, adolescence, categoricity in estimation, ambivalence, psychodiagnostics, coping strategies, emotional control, searching novelty, risk behavior

Highlights

- ▶ Adolescent drug use is associated with increase in categorical answers; primary or secondary deficit of voluntary regulation, refusal to analyze alternatives, and rapid choice of a single point of view may explain these findings.
- ▶ The categorical answers scale may be recommended as a non-specific indicator of the risk of drug use among high school students.
- ▶ Categoricity depends on denying or accepting difficulties in voluntary regulation in the group of high school students involved in drug use. The risk of drug involvement manifests itself in associations between categoricity and denying risk behaviour and problems among individuals with a defensive strategy. The association pattern is opposite in individuals with an open strategy.

Acknowledgments

This research received funding from the Russian Foundation for Basic Research for the Methods for Studying the Relationship Between Affective Differentiation and Coherence in Norm and Pathology program (17-06-00271).

For citation

Rasskazova E.I., Tkhostov A. Sh., Lukomskaya M.I., Bryun E.A., Demenko E.G., Arshinova V.V. Categoricity in Self-Estimation and Estimation of Other People and Situations in High School Students Involved in Drug Use. *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal – Russian Psychological Journal*, 2017, V. 14, no. 4, pp. 138–161 (in Russian).

Original manuscript received 12.07.2017

Введение

Несмотря на успехи психологии в понимании факторов и механизмов развития зависимостей от психоактивных веществ, а также в применении психологических методов их профилактики и лечения [1, 2, 3, 4], вопрос о ранней психодиагностике, особенно в условиях школьного обучения, остается крайне актуальным. Распространенность вовлечения подростков в употребление наркотических веществ остается относительно высокой во



многих странах мира [5], в том числе в России [6], риск прерывания лечения высок [7, 8], а средства массовой информации могут невольно способствовать ее поддержанию [9]. При этом именно в этой возрастной группе, претерпевающей активное нейрокогнитивное и социального развитие [10], прием наркотических веществ становится особенно разрушительным. На школу все чаще возлагаются задачи как можно более раннего выявления факторов риска и помощи таким подросткам.

Одно из ключевых диагностических ограничений связано с нежеланием самих подростков признавать свои трудности и получать соответствующую помощь. Использование объективных диагностических методов в рамках школы сопряжено с этическими ограничениями и финансовыми затратами, тогда как результаты субъективных инструментов нередко искажены. Так, по нашим данным [11] подростки с «защитной» стратегией ответов часто отрицают существующие трудности произвольной регуляции и контроля [12, 13, 14], импульсивность и агрессивные проявления [15, 16], трудности во взаимодействии с близкими [1, 17]. Применение же таких диагностических критериев, как стремление к рискованному поведению и поиску новизны [18, 19], затруднено в силу возрастных особенностей – поскольку такие стремления распространены среди старшеклассников в целом.

В этом контексте актуальной становится задача поиска косвенных, неявных эмпирических индикаторов риска [20]. Данная работа посвящена одному из возможных индикаторов – категоричности в ответах и его психологическому осмыслению. Категоричность в оценках, без рассмотрения альтернатив и сомнений, описана в когнитивном подходе в психологии как специфическая особенность мышления, тесно связанная с когнитивными ошибками по типу «черно-белого» мышления и сопряженная с целым рядом психических расстройств [21, 22]. Особенно активно роль категоричных и импульсивных умозаключений исследуется на модели бредовых построений при психозах [23], где такое проявление как «мгновенный вывод» (“jump into conclusion”) рассматривается как одна из ключевых особенностей бреда. Учитывая важнейшую роль импульсивности и других нарушений произвольной регуляции при употреблении наркотических веществ [12, 13], можно ожидать, что проявления категоричности в оценках типичны для этой группы и могут выступить в качестве диагностического признака риска вовлечения в употребление ПАВ. Косвенно в пользу этой гипотезы свидетельствуют данные клинико-психологического исследования инкогерентности оценок в норме и патологии [24], позволяющие предполагать, что для пациентов с зависимостями от ПАВ характерна сверхпоследовательность (т. е. категоричность) ответов, по сравнению с нормой.



Предварительное сравнение частот ответов старшеклассников, употребляющих наркотические вещества, с ответами старшеклассников контрольной группы на пункты методического комплекса психологической диагностики факторов риска вовлечения подростков в употребление наркотических веществ [25] подтверждает, что на серию пунктов подростки, употребляющие наркотические вещества, склонны чаще давать крайние ответы («Полностью совпадает» и «Полностью не совпадает» с «моим мнением»). С одной стороны, этот результат означает, что степень категоричности в оценках может быть использована в диагностических целях. С другой стороны, важным остается вопрос о психологической квалификации категоричных ответов. В психологии развития принятие амбивалентности рассматривается как достаточно поздно формирующийся в онтогенезе феномен [26]. Если категоричность в определенном возрасте является нормативным проявлением [27], то каковы возрастные ограничения данного диагностического критерия и свидетельствует ли он у старшеклассников, употребляющих наркотические вещества, о недоразвитии, регрессе или новом специфическом нарушении?

Целью данной работы является исследование категоричности в оценках у подростков, вовлеченных в употребление наркотических веществ, и ее связи с другими психологическими факторами риска такого вовлечения. Выдвигались следующие **гипотезы**:

Для старшеклассников, вовлеченных в употребление наркотических веществ, характерна систематическая категоричность в ответах, которая проявляется независимо от желания подростка презентировать себя в более выгодном свете или рассказать о своих трудностях (т. е. независимо от стратегии ответов).

Категоричность в ответах у старшеклассников, вовлеченных в употребление наркотических веществ, сопряжена с трудностями произвольной регуляции по типу нежелания рассматривать альтернативы и планировать на будущее, в отличие от школьников младшего и среднего подросткового возраста, где категоричность является специфическим для возраста и несистематическим проявлением и с трудностями произвольной регуляции не связана.

У старшеклассников, вовлеченных в употребление наркотических веществ, с «защитной» стратегией ответов, категоричность сопряжена с отрицанием трудностей и переоценкой своих возможностей произвольной регуляции; при «открытой» стратегии ответов – наоборот, с признанием трудностей. У старшеклассников контрольных групп таких связей нет.

Методы

Исследование проводилось на базе Московского научно-практического центра наркологии Департамента здравоохранения г. Москвы



(директор – Е. А. Брюн). В клиническую группу вошли 108 старшеклассников от 12 до 19 лет различных школ г. Москвы, вовлеченных в потребление наркотических веществ. Из них 62 мальчика (57,4%) и 46 (42,6%) девочек.

Для сравнения были использованы данные трех контрольных групп:

- 214 старшеклассников г. Москвы от 12 до 18 лет, из них 58 (27,1%) – мальчики, 144 (67,3%) – девочки, 12 подростков не указали свой пол (5,6%);
- 423 старшеклассника общеобразовательных школ в возрасте от 12 до 18 лет из различных субъектов Российской Федерации (Адыгея, Дагестан, Краснодарский край, Красноярский край, Ленинградская область, Московская область, Омская область, Ростовская область, Татарстан, Челябинская область, Якутия). Из них 199 (47,0%) – мальчики и 224 (53,0%) – девочки;
- 540 учеников средних классов общеобразовательных школ всех перечисленных регионов (254 мальчика – 47,0%; 273 девочки – 50,6%; 13 не указали пол – 2,4%) в возрасте от 9 до 14 лет. Данная группа была включена в исследование для проверки гипотезы о том, что категоричность является информативным критерием риска лишь в старшем подростковом возрасте, а в среднем и младшем подростковом возрасте является распространенным феноменом, отражающим несформированность амбивалентных отношений и переживаний на определенном этапе развития личности [26].

Все респонденты отвечали на вопросы *методического комплекса психологической диагностики факторов риска вовлечения подростков в употребление наркотических веществ* [25], созданного и апробированного ранее на основе существующих инструментов диагностики дефицита произвольной регуляции [12, 13, 15, 18, 19], трудностей детско-родительских отношений [28] и совладающего поведения [2]. Методический комплекс для старшеклассников включает 78 вопросов с ответами по шкале Лайкерта от 1 до 4; для среднего подросткового возраста по этическим и временным соображениям комплекс сокращен до 54 вопросов. Пункты объединяются в следующие шкалы: склонности к технологическим зависимостям, анти-социальных тенденций, возможностей произвольной регуляции, контроля эмоций, поиска новизны, рискованного поведения, взаимопонимания в детско-родительских отношениях, копинг-стратегий разрешения проблем, социальной поддержки и избегания, а также дополнительные показатели социально желательных и случайных ответов. Поскольку в ходе апробации методического комплекса было показано, что факторы риска зависят от стратегии ответов респондентов, было предложено разделять подростков с оценкой своих возможностей контроля эмоций выше среднего («защитная» стратегия ответов) и ниже среднего («открытая» стратегия ответов).



Результаты

Разработка и психометрические характеристики шкалы категоричных ответов

С целью проверки предположения о предпочтении категоричных ответов как особой стратегии старшеклассников, употребляющих наркотические вещества, были отобраны 10 пунктов, при ответе на которые старшеклассники, вовлеченные в употребление наркотических веществ, были более склонны к категоричным (крайним) ответам, чем старшеклассники г. Москвы и других регионов. Ответы на эти 10 пунктов были пересчитаны: в случае, если подросток выбирал один из категоричных ответов, ему присваивался один балл; если нет – ноль баллов. Затем по каждому пункту было проведено повторное сравнение частот ответов подростков, употребляющих наркотические вещества, и старшеклассников выборки апробации. Если в качестве контрольной использовалась группа московских старшеклассников, различия достигали уровня значимости ($p < 0,05$) для 7 из 10 пунктов; если выборка старшеклассников других регионов (кроме г. Москвы) – 5 из 10 пунктов. Три пункта, по которым в обоих сравнениях не было значимых различий, были исключены из шкалы, а затем проводился анализ надежности-согласованности оставшихся 7 пунктов.

Альфа Кронбаха в группе старшеклассников, вовлеченных в употребление наркотических веществ, составила 0,63 (0,65 у мальчиков и 0,60 у девочек), что является невысоким, но допустимым для исследовательских целей показателем, и оптимальна с точки зрения набора пунктов (удаление любого из пунктов приводит к снижению надежности шкалы). Допустимый показатель надежности-согласованности косвенно подтверждает исходное предположение: у старшеклассников, употребляющих наркотические вещества, выбор категоричных ответов на некоторые пункты опросника является не случайным, а отражает систематическую стратегию. В общей выборке старшеклассников показатель альфа Кронбаха неприемлемо низок (0,41 для старшеклассников г. Москвы и 0,43 для старшеклассников других регионов) – что, однако, вполне закономерно, если предположить, что у них за категоричными ответами не стоит общей стратегии. Иными словами, выбор категоричного ответа на один пункт в норме не сопряжен с категоричными ответами на другие пункты.

В итоговую шкалу вошло 7 пунктов: «Представления о вреде алкоголя чаще всего преувеличены», «Мне сложно доводить начатое дело до конца (учебу, домашние обязанности)», «Я всегда смогу себя контролировать», «Если что-то не клеится, у меня появляется желание бросить это дело», «Ради азарта можно и рискнуть», «Если у меня долго нет доступа в Интернет, то меня это раздражает», «Если не рисковать, то ничего не получишь». Заметим,



что содержательно объединить эти пункты трудно – однако в отношении них стратегия категоричных ответов у старшеклассников, употребляющих наркотические вещества, проявляется особенно ярко.

Общий балл по шкале категоричных ответов в группе школьников, употребляющих наркотические вещества, выше (таблица 1, $F = 13,25$, $p < 0,01$, $\eta^2 = 0,04$), нежели в группе старшеклассников г. Москвы и других регионов, хотя статистический эффект и невелик. Post hoc попарные сравнения групп по критерию Шеффе показывают, что склонность к категоричным ответам в клинической группе выше, по сравнению как с московскими школьниками, так и со школьниками других регионов (средние различия 0,97, $p < 0,01$ и 0,45, $p < 0,05$ соответственно). Следует, однако, учитывать, что московские старшеклассники в целом менее категоричны, нежели старшеклассники других регионов (среднее различие 0,53, $p < 0,01$).

Двухфакторный дисперсионный анализ 3 (группа) \times 2 (пол) указывает, что склонность к категоричным ответам не зависит от пола. Не отмечается также эффекта взаимодействия группы и пола. Иными словами, как юноши, так и девушки, употребляющие наркотические вещества, более склонны к категоричным ответам, по сравнению со своими сверстниками.

Таблица 1. Средние значения и стандартные отклонения по шкале крайних ответов в разных группах

Table 1. Mean score and standard deviation by the scale of extreme answers in different groups

Группы Groups	Мальчики Boys		Девочки Girls		Всего Total	
	Среднее Mean score	Ст. откл. Standard deviation	Среднее Mean score	Ст. откл. Standard deviation	Среднее Mean score	Ст. откл. Standard deviation
Старшеклассники, употребляющие наркотические вещества High school students using drugs	3,31	1,98	2,90	1,87	3,14	1,93



Группы Groups	Мальчики Boys		Девочки Girls		Всего Total	
	Среднее Mean score	Ст. откл. Standard deviation	Среднее Mean score	Ст. откл. Standard deviation	Среднее Mean score	Ст. откл. Standard deviation
Старшеклассники г. Москвы High school students of Moscow	2,28	1,53	2,16	1,51	2,19	1,51
Старшеклассники других регионов High school students from other regions	2,75	1,74	2,64	1,57	2,62	1,65

Ни в клинической, ни в контрольных группах склонность к категоричным ответам не связана практически ни с одной из шкал методического комплекса психологической диагностики факторов риска вовлечения подростков в употребление наркотических веществ, что косвенно свидетельствует в пользу того, что речь идет об отдельной характеристике.

Единственный коэффициент корреляции, превышающий по модулю 0,20, получен в отношении связи категоричности в ответах с возможностями произвольной регуляции: в клинической группе категоричность сопряжена с трудностями произвольной регуляции, в первую очередь – нежеланием рассматривать альтернативы и планировать на будущее ($r = -0,21$, $p < 0,05$). В контрольных группах такой связи нет ($r = -0,07$ и $r = 0,04$ соответственно). Если сравнивать эти коэффициенты корреляции между собой, то различия между корреляцией в клинической группе и в выборке старшеклассников из разных регионов достигают принятого уровня значимости ($Z = 2,25$, $p < 0,05$). Иными словами, данные свидетельствуют в пользу того, что связь категоричности в ответах с трудностями произвольной регуляции специфична для старшеклассников, употребляющих наркотические вещества.

Склонность к категоричным ответам как возрастной феномен

По этическим и временным ограничениям ученики средних классов отвечали не на все вопросы методического комплекса – в том числе, лишь на 4 пункта из 7 по шкале категоричных ответов. Однако высокая корреляция между полной и сокращенной шкалами категоричных ответов ($r = 0,88$



в клинической группе, $r = 0,83-0,84$ в контрольных группах старшеклас-ников) позволяет использовать сокращенную шкалу при анализе данных учеников средних классов.

Как и в случае полной шкалы у старшекласников, в норме категоричные ответы учеников средних классов не согласованы (альфа Кронбаха 0,44), т. е. не отражают единой стратегии ответов. Однако средний уровень категоричности в ответах у учеников средних классов выше, чем у старшекласников – скорее, он соответствует ответам клинической группы ($F = 38,46$, $p < 0,01$, $\eta^2 = 0,09$). Post hoc сравнение по критерию Шеффе показывает, что ученики средних классов более склонны к категоричным ответам, по сравнению со старшекласниками Москвы и других регионов (средние различия 0,82 и 0,67 соответственно, $p < 0,01$), и не отличаются по категоричности от старшекласников, употребляющих наркотические вещества (среднее различие 0,26, $p > 0,20$).

В целом, если объединить все контрольные группы, склонность к категоричным ответам снижается с возрастом ($r = -0,29$, $p < 0,01$), но, как и у старшекласников, в выборке учеников средних классов она практически не связана с трудностями произвольной регуляции ($r = 0,11$).

Склонность к категоричным оценкам при разных стратегиях ответов

Дизайн данного исследования не позволяет полно ответить на вопрос о том, является ли склонность к категоричным ответам проявлением особой «защитной» стратегии (презентации своего мнения как однозначного) или когнитивного стиля подростков, употребляющих наркотические вещества (склонности к однозначным выводам). Однако предварительные данные свидетельствуют в пользу того, что эффекты стратегии ответов и употребления психоактивных веществ независимы друг от друга (рисунок 1).

Так, по результатам двухфакторного дисперсионного анализа 3 (группа) \times 2 (оценка контроля эмоций) выявлены основные эффекты группы ($F = 13,33$, $p < 0,01$, $\eta^2 = 0,04$) и оценки контроля эмоций ($F = 5,8$, $p < 0,05$, $\eta^2 = 0,01$), но не эффект их взаимодействия. В целом, склонность к категоричным ответам несколько выше у тех, кто оценивает свои возможности контроля эмоций невысоко (т. е. для старшекласников с «открытой» стратегией ответов) – хотя статистический эффект мал.

Таким образом, старшекласники, употребляющие наркотические вещества, склонны давать категоричные ответы чаще, чем другие старшекласники, независимо от их стратегии ответов. Однако, если проводить анализ отдельно в двух группах с разными стратегиями ответов, эта закономерность проявляется более ярко у школьников с «открытой» стратегией и менее ярко – при «защитной» стратегии.

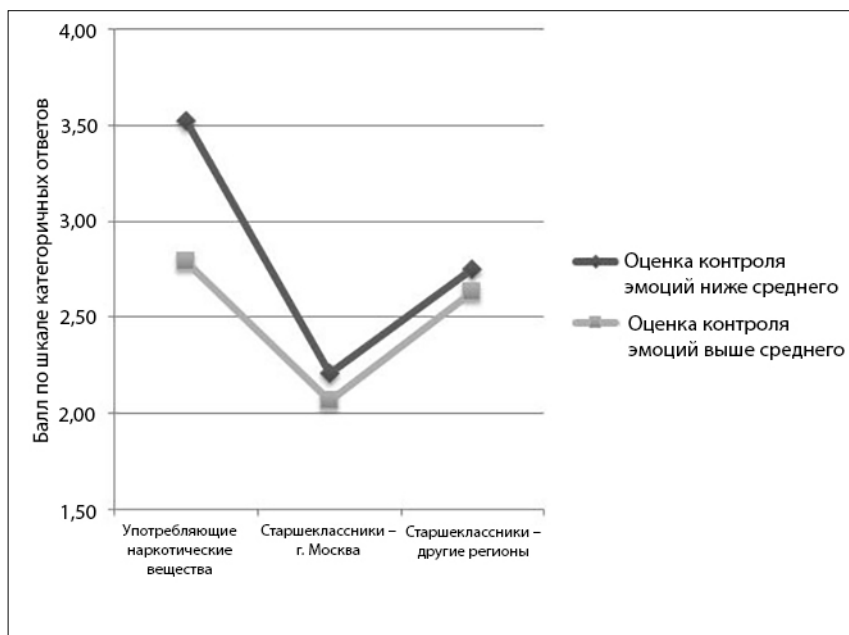


Рисунок 1. Средние баллы по шкале категоричных ответов в клинической и контрольных группах у старшеклассников с разной оценкой своих возможностей контроля эмоций

Figure 1. Average score by the categorical answers scale in the clinical group and the control group among students with different estimates of their own ability to control emotions

При этом учет стратегии ответов старшеклассников (их оценки контроля своих эмоций) позволяет уточнить вопрос о связи шкалы категоричных ответов с другими шкалами (таблица 2).

У старшеклассников, употребляющих наркотические вещества, с «открытой» стратегией ответов (оценка своих возможностей контроля эмоций ниже среднего) склонность к категоричным ответам сопряжена с признанием склонности к технологическим зависимостям, антисоциальных тенденций, трудностей произвольной регуляции и контроля эмоций, взаимопонимания в детско-родительских отношениях. Говоря метафорически, категоричность идет «рука об руку» с другими признаками дефицита в этой подгруппе [11]. При этом в контрольных группах с «открытой» стратегией ответов связи категоричности в ответах с дефицитом произвольной



регуляции и контроля не отмечается, за исключением отрицательной корреляции с оценкой своих возможностей контроля эмоций. Иными словами, в норме при «открытой» стратегии ответов более категоричные подростки склонны еще более критично оценивать свой контроль эмоций, нежели некатегоричные.

Таблица 2. Корреляции шкалы категоричных ответов с другими шкалами методического комплекса в клинической и контрольных группах – сравнение связей при высокой и низкой оценках своих возможностей контроля эмоций

Table 2. Correlations among the categorical answers scale and other scales of the methodical complex in the clinical group and the control group. Comparing the associations in high and low estimates of their own ability to control emotions

Корреляции шкалы категори- чных ответов со шкалами Correlations among the categorical answers scale and other scales	Употребляющие наркотические вещества High school students using drugs			Старшеклассники г. Москвы High school students of Moscow			Старшеклассники других регионов РФ High school students from other Russian regions		
	Контроль эмоций ниже среднего Below average emotional control	Контроль эмоций выше среднего Above average emotional control	Различия между корреляциями Z Correlation difference Z	Контроль эмоций ниже среднего Below average emotional control	Контроль эмоций выше среднего Above average emotional control	Различия между корреляциями Z Correlation difference Z	Контроль эмоций ниже среднего Below average emotional control	Контроль эмоций выше среднего Above average emotional control	Различия между корреляциями Z Correlation difference Z
Социальная желательность Social desirability	-0,09	0,26		-0,08	-0,05		0,09	0,16*	
Склонность к тех- нологическим зависимостям Inclination to technological addiction	0,24	-0,22	2,28*	0,07	-0,21		0,02	-0,38**	4,24**



Склонность к технологическим зависимостям – краткая Inclination to technological addiction (brief)	0,15	-0,12		0,02	-0,07		-0,02	-0,28**	2,70**
Антисоциальные тенденции Antisocial tendencies	0,45**	-0,35**	4,14**	0,07	-0,25	2,06*	-0,08	-0,08	
Возможности произвольной регуляции Voluntary regulation	-0,53**	0,26	-4,17**	-0,12	0,12		-0,01	0,12	
Контроль эмоций Emotional control	-0,41**	0,46**	-4,54**	-0,25**	0,06	-2,00*	-0,26**	0,20**	-4,74**
Контроль эмоций – краткая Emotional control (brief)	-0,43**	0,46**	-4,66**	-0,17*	0,09		-0,31**	0,05	-3,74**
Поиск новизны Searching novelty	0,19	0,02		0,02	-0,19		0,12	0,15*	
Рискованное поведение Risk behaviour	0,19	-0,35**	2,71**	-0,02	-0,03		0,09	0,05	
Взаимопонимание в детско-родительских отношениях Child-parent mutual understanding	-0,33*	0,18	-2,55*	-0,08	-0,19		0,07	0,17*	



Копинг-стратегии – Разрешение проблем Coping strategies – solving problems	0,13	-0,14		0,05	-0,10		0,09	0,07	
Копинг-стратегии – Социальная поддержка Coping strategies – social support	0,03	-0,17		-0,04	0,15		0,07	-0,21**	2,86**
Копинг-стратегии – Избегание Coping strategies – avoidance	0,07	0,11		-0,04	0,21		0,12	0,16*	

Примечания: приведены только значения Z, достигающие уровня значимости $p < 0,05$.

* – значимость на уровне $p < 0,05$, ** – значимость на уровне $p < 0,01$.

Notes: the table only includes the Z-values significant at the 0.05 level.

* significant at the 0.05 level, ** significant at the 0.01 level.

При «защитной» стратегии ответов (оценке своих возможностей контроля эмоций выше среднего) в клинической группе корреляционные паттерны меняются: большая категоричность у таких подростков сопряжена с наиболее социально желательными ответами, отрицанием склонности к технологическим зависимостям, антисоциальных тенденций, трудностей произвольной регуляции, рискованного поведения, а также переоценкой своих возможностей контроля эмоций. Как и в прошлом случае – это те признаки, которые отличают старшеклассников с «защитной» стратегией ответов, употребляющих наркотические вещества, от контрольных подгрупп старшеклассников с той же стратегией.

В контрольных группах при оценке своего контроля выше среднего корреляционные паттерны не столь яркие, как в клинической группе, и различия между корреляциями в зависимости от стратегии ответов достигают принятого уровня значимости во многом лишь в большой выборке старшеклассников разных регионов РФ. Категоричность в ответах у старшеклассников с высокой оценкой своих возможностей контроля эмоций



сопряжена с отрицанием склонности к технологическим зависимостям, а у москвичей – еще и антисоциальных тенденций. Связь категоричности и отрицания социальной поддержки, характерная для старшеклассников других регионов РФ, требует дальнейших исследований, поскольку не воспроизводится в других выборках и в целом относительно слабая.

Обсуждение результатов

Склонность к категоричным ответам у подростков, вовлеченных в употребление наркотических веществ, – эмпирически выявленный феномен. Хотя такой подход «эмпирической настройки» является одним из признанных в клиничко-психологической диагностике [20], этот феномен требует психологической квалификации. Является ли он специфическим для младшего и среднего подросткового возраста, отражая у употребляющих наркотические вещества старшеклассников задержку развития или вторичную инфантилизацию? Вызваны ли категоричные ответы особой «защитной» стратегией, желанием презентировать себя как более успешного, знающего, с однозначным мнением? Приводят ли к категоричным ответам трудности произвольной регуляции (первичные или вторично формирующиеся при употреблении наркотических веществ)?

Склонность к категоричным ответам как специфические трудности произвольной регуляции

С нашей точки зрения, склонность к категоричным ответам можно рассматривать как одно из проявлений особенностей мышления, при которых человек уверенно делает умозаключения до рассмотрения всех возможных альтернатив (“jumping to conclusion”). Иными словами, речь идет о специфических трудностях произвольной регуляции, которые являются фактором риска или развиваются по мере употребления наркотических веществ. В пользу этого предположения свидетельствует тот результат, что пункты, вошедшие в шкалу категоричных ответов, не имеют общего содержания, их объединяет лишь единая стратегия ответов на них в клинической группе. При этом ответы подростков, употребляющих наркотические вещества, на эти вопросы достаточно согласованны (категоричны или не категоричны), чего не наблюдается в норме.

Более того, именно в клинической группе склонность к категоричным ответам связана с трудностями произвольной регуляции по типу нежелания планировать будущее и рассматривать альтернативы. Следует отметить, что трудности произвольной регуляции по типу нежелания планирования будущего и рассмотрения альтернатив – одни из немногих, которые можно выявить у подростков клинической группы даже при защитной стратегии



ответов [11]. Для сравнения, в ответ на другие вопросы о произвольной регуляции – например, о своих возможностях эмоциональной регуляции – подростки, употребляющие наркотические вещества, дают завышенные ответы, презентуя себя как успешных и контролирующих свое состояние и ситуацию.

Данное исследование не позволяет ответить на вопрос, является ли склонность к категоричным ответам фактором риска вовлечения в употребление наркотических веществ, развивается по мере их употребления или является лишь удачным диагностическим индикатором. С одной стороны, высокий уровень категоричных ответов у учеников средних классов и его снижение с возрастом в норме открывают поле для интерпретации этой стратегии как возрастного феномена, характерного для младшего и среднего подросткового возраста. Тогда тот же феномен у подростков, употребляющих наркотические вещества, можно рассматривать как проявление задержки развития произвольной регуляции или инфантилизации. «Против» такой интерпретации выступает то, что лишь у употребляющих наркотические вещества подростков категоричные ответы согласованны, т. е. выступают единой стратегией, и связаны с другими трудностями произвольной регуляции по типу нежелания планирования будущего и рассмотрения альтернатив.

С другой стороны, само употребление наркотических веществ сказывается на возможностях произвольного контроля как по физиологическим, так и по психологическим механизмам. Так, М. Гриффитс предлагает рассматривать как потенциально вызывающую зависимость любую деятельность, обеспечивающую немедленную краткосрочную награду при долгосрочных негативных последствиях [29]. Одно из прямых следствий такого рассмотрения: зависимости должны быть более подвержены подростки с менее развернутой временной перспективой, реже думающие о будущем и взвешивающие разные альтернативы, т. е. реже замечающие долгосрочные негативные последствия. Другое следствие – само развитие зависимости сопряжено с компенсаторной переоценкой немедленной краткосрочной выгоды и недооценкой долгосрочных последствий, что ярко проявляется на примерах онлайн-деятельности (например, [30]).

По нашему мнению, хотя категоричность в ответах является в целом возрастным феноменом, более характерным для младшего и среднего подросткового возраста, в этом возрасте такая стратегия не вызвана трудностями произвольной регуляции. Скорее она отражает недостаточную сформированность возможности критичного, амбивалентного отношения к себе и событиям, когда подросток ищет «правильный» ответ на все вопросы [27] – возможности, формирующейся в онтогенезе достаточно поздно [26].



При употреблении наркотических веществ нарастание категоричности, по-видимому, обеспечивается другими механизмами – как трудностями произвольной регуляции (исходным или вызванным употреблением наркотических веществ), так и компенсаторным нежеланием думать о будущем и планировать в ситуации зависимости.

Склонность к категоричности при «открытой» и «защитной» стратегиях ответов

При «открытой» стратегии ответов категоричность старшеклассников, употребляющих наркотические вещества, более очевидна, чем при «защитной» – однако, в отличие от других факторов риска, этот феномен сохраняется при обеих стратегиях. Иными словами, по всей видимости, категоричность *не является проявлением особой стратегии ответов*; и хотя подростки могут частично скрыть эту особенность (от других или от себя), если находятся в защитной позиции, они не могут скрыть ее столь же хорошо, как стремление к риску или антисоциальные тенденции. Это делает категоричность многообещающим для диагностики проявлением.

В этом случае закономерно ожидать, что категоричность, как трудно скрываемое, неочевидное проявление риска вовлечения в употребление наркотических веществ у старшеклассников, при «открытой» стратегии ответов будет связана с другими факторами риска и проявлениями дефицитарности произвольной регуляции и контроля, а при «защитной» стратегии – с их сокрытием и переоценкой контроля эмоций. В полном соответствии с этой гипотезой, при «открытой» стратегии ответов у старшеклассников, употребляющих наркотические вещества, категоричность не только проявляется ярче, но и связана с другими психологическими факторами риска в этой группе – признанием склонности к технологическим зависимостям и антисоциальным тенденциям, трудностей произвольной регуляции и контроля эмоций, нарушений взаимопонимания в детско-родительских отношениях. Напротив, при «защитной» стратегии ответов у старшеклассников, употребляющих наркотические вещества, категоричность связана с переоценкой своих возможностей контроля эмоций и отрицанием склонности к зависимостям, антисоциальных тенденций и рискованного поведения. Возможно, в зависимости от целей и/или его критичности к своей ситуации категоричность способствует или препятствует предъявлению (а в некоторых случаях, вероятно, и осознанию) трудностей. Говоря метафорически, подросткам, вовлеченным в употребление наркотических веществ, но отрицающим свои трудности, категоричность «помогает» их отрицать, а у признающих трудности связана с большим риском. Это позволяет использовать критичность в ответах в качестве общего диагностического критерия трудностей – подросткам



сложнее скрыть свою критичность даже при «защитной» стратегии ответов, нежели отрицать антисоциальные тенденции или склонность к технологическим зависимостям. При «открытой» стратегии критичность проявляется на фоне других факторов риска, при «защитной» – на фоне их отрицания.

Стоит ли за категоричностью в норме и патологии единый феномен, или она имеет разные механизмы? В пользу того, что категоричность у подростков, употребляющих наркотические вещества, не только не объясняется стратегией ответов, но и имеет в этой группе иную природу, нежели в контрольной группе (например, у учеников средних классов, где это возрастной феномен), свидетельствует тот результат, что все эти связи практически отсутствуют в контрольных группах. Так, в норме при «открытой» стратегии ответов категоричность связана лишь с признанием трудностей контроля эмоций, а при «защитной» стратегии сопряжена с отрицанием трудностей произвольной регуляции и риска зависимости, но только в выборке старшекласников разных регионов России.

Таким образом, употребление наркотических веществ в старшем подростковом возрасте сопряжено с нарастанием категоричных ответов – что, по всей видимости, объясняется не желанием скрыть имеющиеся трудности или продемонстрировать свою успешность, а первичным или вторичным дефицитом произвольной регуляции, отказом от анализа альтернатив и быстрым переходом к выбору единственной точки зрения. Следует, однако, понимать, что склонность к категоричным ответам является неспецифическим признаком, характерным, в том числе, в норме для младшего и среднего подросткового возраста – и потенциально связанная с широким кругом феноменов, а не только с трудностями произвольной регуляции. Иными словами, шкала категоричных ответов не может рассматриваться как специфичная по отношению к употреблению наркотических веществ. Это подтверждается результатами анализа ее специфичности и сензитивности (ROC-кривых): несмотря на то, что показатели по шкале значимо различаются в клинической и контрольных группах, сензитивность и специфичность ее невысока.

Однако шкала категоричности в ответах указывает на возможный риск – даже в тех случаях, когда старшекласник предпочел бы его скрыть. В диагностических и исследовательских целях можно рекомендовать сопоставлять результаты по шкале категоричных ответов с другими психологическими факторами риска: при «открытой» стратегии ответов о риске вовлечения в употребление наркотических веществ свидетельствует сочетание категоричности и признания других трудностей произвольной регуляции и в отношениях. При «защитной» стратегии о риске свидетельствует сочетание категоричности с отрицанием трудностей и рискованного поведения – даже тех, которые вполне распространены в норме.



Литература

1. *Сирота Н. А., Ялтонский В. М.* Профилактика наркомании и алкоголизма. – М. : Издательский центр «Академия», 2009. – 176 с.
2. *Ялтонский В. М.* Копинг-поведение здоровых и больных наркоманией : автореф. дисс. ... д. мед. н. – СПб., 1995. – 48 с.
3. *McIntosh J., McKeganey N.* Identity and recovery from dependent drug use: the addict's perspective // *Drugs: Education, Prevention and Policy*. – 2001. – Vol. 8, Issue 1. – P. 47–59. – DOI: [10.1080/09687630124064](https://doi.org/10.1080/09687630124064)
4. *Best D., Lubman D.* The recovery paradigm: A model of hope and change for alcohol and drug addiction // *Australian Family Physician*. – 2012. – Vol. 41. – P. 593–597.
5. *Burrow-Sanchez J. J.* Understanding adolescent substance abuse: Prevalence, risks factors, and clinical implications // *Journal of Consulting Development*. – 2006. – Vol. 84. – P. 283–290. – DOI: [10.1002/j.1556-6678.2006.tb00407.x](https://doi.org/10.1002/j.1556-6678.2006.tb00407.x)
6. *Литвинова О. С., Калиновская М. В.* Анализ заболеваемости подростков хроническим алкоголизмом и наркоманией в Российской Федерации в 2011–2015 гг. (по данным социально-гигиенического мониторинга) // *Токсикологический вестник*. – 2017. – Т. 146, № 5. – P. 8–13.
7. *Foster M., Nathan S., Ferry M.* The experience of drug-dependent adolescents in a therapeutic community // *Drug and Alcohol Review*. – 2010. – Vol. 29. – P. 531–539. – DOI: [10.1111/j.1465-3362.2010.00169.x](https://doi.org/10.1111/j.1465-3362.2010.00169.x)
8. *Hser Y. I., Grella C. E., Hubbard R. L., Hsieh S. C., Fletcher B. W., Brown B. S., Anglin M. D.* An evaluation of drug treatments for adolescents in 4 US cities // *Archives of General Psychiatry*. – 2001. – Vol. 58. – P. 689–695. – DOI: [10.1001/archpsyc.58.7.689](https://doi.org/10.1001/archpsyc.58.7.689)
9. *Pienaar K., Fraser S., Kokanovic R., Moore D., Treloar C., Dunlop A.* New narratives, new selves: Complicating addiction in online alcohol and other drug resources // *Addiction Research and Theory*. – 2015. – Vol. 23, Issue 6. – P. 499–509. – DOI: [10.3109/16066359.2015.1040002](https://doi.org/10.3109/16066359.2015.1040002)
10. *Patton G. C., Viner R.* Adolescent health 1: Pubertal transitions in health // *Lancet*. – 2007. – Vol. 369. – P. 1130–1139. – DOI: [10.1016/s0140-6736\(07\)60366-3](https://doi.org/10.1016/s0140-6736(07)60366-3)
11. *Деменко Е. Г., Рассказова Е. И., Тхостов А. Ш.* Психологическая диагностика факторов риска вовлечения подростков в употребление наркотических веществ: разработка методического комплекса. Часть 2. Критериальная валидность шкал и анализ профилей // *Обозрение психиатрии и медицинской психологии имени В. М. Бехтерева*. – 2018 (в печати).
12. *Shin S. H., Chung Y., Jeon S.-M.* Impulsivity and Substance Use in Young Adulthood // *The American Journal on Addictions*. – 2013. – Vol. 22. – P. 39–45. – DOI: [10.1111/j.1521-0391.2013.00324.x](https://doi.org/10.1111/j.1521-0391.2013.00324.x)



13. Verdejo-García A., Bechara A., Recknor E. C., et al. Negative emotion-driven impulsivity predicts substance dependence problems // *Drug Alcohol Dependence*. – 2007. – Vol. 91. – P. 213–219.
14. Shah F. S., Shah M., Ghouri S. Personality profile of psychoactive substance use presenting to a tertiary care hospital // *Journal of Postgraduate Medical Institute*. – 2016. – Vol. 30, Issue 2. – P. 155–159.
15. Jesús Gázquez J., del Carmen Pérez-Fuentes M., del Mar Molero M., Barragán Martín A. B., Marios Martínez A., Sánchez-Marchán C. Drug use in adolescents in relation to social support and reactive and proactive aggressive behavior // *Psicothema*. – 2016. – Vol. 28, Issue 3. – P. 318–322. – DOI: [10.7334/psicothema2015.327](https://doi.org/10.7334/psicothema2015.327)
16. Chuang C.-W. I., Sussman S., Stone M. D., Pang R. D., Chou C.-P., Leventhal A. M., Kirkpatrick M. G. Impulsivity and history of behavioral addictions are associated with drug use in adolescents // *Addictive Behaviors*. – 2017. – Vol. 74. – P. 41–47. – DOI: [10.1016/j.addbeh.2017.05.021](https://doi.org/10.1016/j.addbeh.2017.05.021)
17. Reiter M. D. *Substance Abuse and the Family*. – London, UK : Routledge, 2014. – 274 p.
18. Bidwell L. C., Knopik V. S., Audrain-McGovern J., Glynn T. R., Spillane N. S., Ray L. A., Riggs N. R., Guillot C. R., Pang R. D., Leventhal A. M. Novelty seeking as a phenotypic marker of adolescent substance use // *Substance Abuse: Research & Treatment*. – 2015. – Vol. 9, Suppl. 1. – P. 1–10. – DOI: [10.4137/SART.S22440](https://doi.org/10.4137/SART.S22440)
19. Kong G., Smith A. E., McMahon T. J., Cavallo D. A., Schepis T. S., Desai R. A., Potenza M. N., Krishnan-Sarin S. Pubertal status, sensation-seeking, impulsivity, and substance use in high school-aged boys and girls // *Journal of Addiction Medicine*. – 2013. – Vol. 7, Issue 2. – P. 116–121. – DOI: [10.1097/ADM.0b013e31828230ca](https://doi.org/10.1097/ADM.0b013e31828230ca)
20. Tellegen A., Ben-Porath Y. S., McNulty J. L., Arbisi P. A., Graham J. R., & Kaemmer B. *The MMPI-2 Restructured Clinical scales: Development, validation, and interpretation*. – Minneapolis : University of Minnesota Press, 2008. – 116 p.
21. Бек А., Раш А., Шо Б., Эмери Г. Когнитивная терапия депрессии. – СПб. : Питер, 2003. – 304 с.
22. Beck J. S. *Cognitive therapy for challenging problems: what to do when basics don't work*. – New York : Guilford Press, 2005. – 324 p.
23. Garety P. A., Freeman D., Jolley S., Ross K., Waller H., Dunn G. Jumping to conclusions: the psychology of delusional reasoning // *Advances in Psychiatric Treatment*. – 2011. – Vol. 17. – P. 332–339. – DOI: [10.1037/0021-843X.114.3.373](https://doi.org/10.1037/0021-843X.114.3.373)
24. Рассказова Е. И., Тхостов А. Ш., Ениколопов С. Н., Ковров Г. В., Палатов С. Ю., Лебедев М. А., Изотова Е. А. Инкогерентность оценок себя, других людей и событий в норме и патологии // *Психологический журнал*. – 2017. – Т. 38, № 2. – С. 75–85.
25. Демченко Е. Г., Рассказова Е. И., Тхостов А. Ш. Психологическая диагностика факторов риска вовлечения подростков в употребление наркотических



- вещств: разработка методического комплекса. Часть 1. Структура шкал и психометрические характеристики // Обзорение психиатрии и медицинской психологии имени В. М. Бехтерева. – 2018 (в печати).
26. *Loevinger J.* Measuring ego development. – San-Francisco : Jossey-Bass, 1996. – 504 p.
27. *Harter S.* The self // Handbook of child psychology: Vol. 3. Social, emotional, and personality development / N. Eisenberg, W. Damon, & R. M. Lerner (eds.). – Hoboken, NJ : Wiley, 2006. – P. 505–570.
28. *Трояновская П.* Методика «Детско-родительские отношения в подростковом возрасте» – родитель глазами подростка // Семейная психология и семейная терапия. – 2003. – № 3. – С. 17–21.
29. *Griffiths M.* A “components” model of addiction within biopsychosocial framework // Journal of Substance Use. – 2005. – Vol. 10, Issue 4. – P. 191–197. – DOI: [10.1080/14659890500114359](https://doi.org/10.1080/14659890500114359)
30. *King D., Delfabbro P., Griffiths M.* The Psychological Study of Video Game Players: Methodological Challenges and Practical Advice // International Journal of Mental Health and Addiction. – 2009. – Vol. 7. – P. 555–562. – DOI: [10.1007/s11469-009-9198-0](https://doi.org/10.1007/s11469-009-9198-0)

References

1. *Sirota N. A., Yaltonskii V. M.* *Profilaktika narkomanii i alkogolizma* [Preventing drug addiction and alcoholism]. Moscow, Akademiya Publ., 2009. 176 p.
2. *Yaltonskii V. M.* *Koping-povedenie zdorovykh i bol'nykh narkomaniei* [Coping behavior in drug addicts and healthy persons]. Diss. Dr. Sci. (Med.). St. Petersburg, 1995.
3. *McIntosh J., McKeganey N.* Identity and recovery from dependent drug use: the addict's perspective. *Drugs: Education, Prevention and Policy*, 2001, V. 8, Issue 1, pp. 47–59. DOI: [10.1080/09687630124064](https://doi.org/10.1080/09687630124064)
4. *Best D., Lubman D.* The recovery paradigm: A model of hope and change for alcohol and drug addiction. *Australian Family Physician*, 2012, V. 41, pp. 593–597.
5. *Burrow-Sanchez J. J.* Understanding adolescent substance abuse: Prevalence, risks factors, and clinical implications. *Journal of Consulting Development*, 2006, V. 84, pp. 283–290. DOI: [10.1002/j.1556-6678.2006.tb00407.x](https://doi.org/10.1002/j.1556-6678.2006.tb00407.x)
6. *Litvinova O. S., Kalinovskaya M. V.* Adolescent drug addiction and chronic alcoholism in the Russian Federation in 2011–2015 (socio-hygienic monitoring). *Toksikologicheskii vestnik – Toxicological Review*, 2017, V. 146, Issue 5, pp. 8–13 (in Russian).
7. *Foster M., Nathan S., Ferry M.* The experience of drug-dependent adolescents in a therapeutic community. *Drug and Alcohol Review*, 2010, V. 29, pp. 531–539. DOI: [10.1111/j.1465-3362.2010.00169.x](https://doi.org/10.1111/j.1465-3362.2010.00169.x)



8. Hser Y. I., Grella C. E., Hubbard R. L., Hsieh S. C., Fletcher B. W., Brown B. S., Anglin M. D. An evaluation of drug treatments for adolescents in 4 US cities. *Archives of General Psychiatry*, 2001, V. 58, pp. 689–695. DOI: [10.1001/archpsyc.58.7.689](https://doi.org/10.1001/archpsyc.58.7.689)
9. Pienaar K., Fraser S., Kokanovic R., Moore D., Treloar C., Dunlop A. New narratives, new selves: Complicating addiction in online alcohol and other drug resources. *Addiction Research and Theory*, 2015, V. 23, Issue 6, pp. 499–509. DOI: [10.3109/16066359.2015.1040002](https://doi.org/10.3109/16066359.2015.1040002)
10. Patton G. C., Viner R. Adolescent health 1: Pubertal transitions in health. *Lancet*, 2007, V. 369, pp. 1130–1139. DOI: [10.1016/s0140-6736\(07\)60366-3](https://doi.org/10.1016/s0140-6736(07)60366-3)
11. Demenko E. G., Rasskazova E. I., Tkhostov A. Sh. Psychological diagnostics of risk factors for adolescent involvement in drug use: a methodological complex. Part 2: Criterion validity of the scales and profile analysis. *Obozrenie psikhiatrii i meditsinskoj psikhologii imeni V. M. Bekhtereva – Bekhterev Review of Psychiatry and Medical Psychology*, 2018 (in press).
12. Shin S. H., Chung Y., Jeon S.-M. Impulsivity and substance use in young adulthood. *The American Journal on Addictions*, 2013, V. 22, pp. 39–45. DOI: [10.1111/j.1521-0391.2013.00324.x](https://doi.org/10.1111/j.1521-0391.2013.00324.x)
13. Verdejo-García A., Bechara A., Recknor E. C., et al. Negative emotion-driven impulsivity predicts substance dependence problems. *Drug Alcohol Dependence*, 2007, V. 91, pp. 213–219.
14. Shah F. S., Shah M., Ghouri S. Personality profile of psychoactive substance use presenting to a tertiary care hospital. *Journal of Postgraduate Medical Institute*, 2016, V. 30, Issue 2, pp. 155–159.
15. Jesús Gázquez J., del Carmen Pérez-Fuentes M., del Mar Molero M., Baragán Martín A. B., Marios Martínez A., Sánchez-Marchán C. Drug use in adolescents in relation to social support and reactive and proactive aggressive behavior. *Psicothema*, 2016, V. 28, Issue 3, pp. 318–322. DOI: [10.7334/psicothema2015.327](https://doi.org/10.7334/psicothema2015.327)
16. Chuang C.-W. I., Sussman S., Stone M. D., Pang R. D., Chou C.-P., Leventhal A. M., Kirkpatrick M. G. Impulsivity and history of behavioral addictions are associated with drug use in adolescents. *Addictive Behaviors*, 2017, V. 74, pp. 41–47. DOI: [10.1016/j.addbeh.2017.05.021](https://doi.org/10.1016/j.addbeh.2017.05.021)
17. Reiter M. D. *Substance abuse and the family*. London, Routledge, 2014. 274 p.
18. Bidwell L. C., Knopik V. S., Audrain-McGovern J., Glynn T. R., Spillane N. S., Ray L. A., Riggs N. R., Guillot C. R., Pang R. D., Leventhal A. M. Novelty seeking as a phenotypic marker of adolescent substance use. *Substance Abuse: Research & Treatment*, 2015, V. 9, Suppl. 1, pp. 1–10. DOI: [10.4137/SART.S22440](https://doi.org/10.4137/SART.S22440)



19. Kong G., Smith A. E., McMahon T. J., Cavallo D. A., Schepis T. S., Desai R. A., Potenza M. N., Krishnan-Sarin S. Pubertal status, sensation-seeking, impulsivity, and substance use in high school-aged boys and girls. *Journal of Addiction Medicine*, 2013, V. 7, Issue 2, pp. 116–121. DOI: [10.1097/ADM.0b013e31828230ca](https://doi.org/10.1097/ADM.0b013e31828230ca)
20. Tellegen A., Ben-Porath Y. S., McNulty J. L., Arbisi P. A., Graham J. R., & Kaemmer B. *The MMPI-2 Restructured Clinical scales: Development, validation, and interpretation*. Minneapolis, University of Minnesota Press, 2008. 116 p.
21. Beck A., Rush A., Show B., Emery G. *Cognitive therapy of depression* (Russ. ed.: Bek A., Rash A., Sho B., Emeri G. *Kognitivnaya terapiya depressii*. St. Petersburg, Piter Publ., 2003. 304 p.).
22. Beck J. S. *Cognitive therapy for challenging problems: what to do when basics don't work*. New York, Guilford Press, 2005. 324 p.
23. Garety P. A., Freeman D., Jolley S., Ross K., Waller H., Dunn G. Jumping to conclusions: the psychology of delusional reasoning. *Advances in Psychiatric Treatment*, 2011, V. 17, pp. 332–339. DOI: [10.1037/0021-843X.114.3.373](https://doi.org/10.1037/0021-843X.114.3.373)
24. Rasskazova E. I., Tkhostov A. Sh., Enikolopov S. N., Kovrov G. V., Palatov S. Yu., Lebedev M. A., Izotova E. A. Incoherence in assessing other people, events, and self-assessment in health and disease. *Psikhologicheskii zhurnal*, 2017, V. 38, no. 2, pp. 75–85 (in Russian).
25. Demenko E. G., Rasskazova E. I., Tkhostov A. Sh. Psychological diagnostics of risk factors for adolescent involvement in drug use: elaborating methodological complex. Part 1. The structure of scales and psychometric characteristics. *Obozrenie psikiatrii i meditsinskoi psikhologii imeni V. M. Bekhtereva – Bekhterev Review of Psychiatry and Medical Psychology*, 2018 (in press).
26. Loevinger J. *Measuring ego development*. San-Francisco, Jossey-Bass, 1996. 504 p.
27. Harter S. The self. In: N. Eisenberg, W. Damon, & R. M. Lerner (eds.) *Handbook of child psychology: Vol. 3. Social, emotional, and personality development*. Hoboken, Wiley, 2006, pp. 505–570.
28. Troyanovskaya P. A Parent-Child Relationship in Adolescence technique: a parent through a teenager's. *Semeinaya psikhologiya i semeinaya terapiya – Family Psychology and Family Therapy*, 2003, no. 3, pp. 17–21 (in Russian).
29. Griffiths M. A “components” model of addiction within biopsychosocial framework. *Journal of Substance Use*, 2005, V. 10, Issue 4, pp. 191–197. DOI: [10.1080/14659890500114359](https://doi.org/10.1080/14659890500114359)
30. King D., Delfabbro P., Griffiths M. The Psychological Study of Video Game Players: Methodological Challenges and Practical Advice // *International Journal of Mental Health and Addiction*. – 2009. – Vol. 7. – P. 555–562. – DOI: [10.1007/s11469-009-9198-0](https://doi.org/10.1007/s11469-009-9198-0)



УДК 615.851:159.99

DOI: [10.21702/rpj.2017.4.8](https://doi.org/10.21702/rpj.2017.4.8)

Диагностический и лечебный процесс в психиатрии и психотерапии – единый процесс или разные модальности работы?

Максим С. Чистяков

Городской психоневрологический диспансер № 7 (со стационаром), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

E-mail: m_chistyakov@inbox.ru

Аннотация

Введение. В статье обращается внимание на различия между психиатрическим и психотерапевтическим подходами к диагностике и лечению психических расстройств. Подчеркивается, что эти подходы имеют различающиеся представления о норме, разные цели и методы лечения. Этому часто не уделяется достаточного внимания в литературе и в клинической практике, что подчеркивает оригинальность статьи.

Теоретическое обоснование. Новым и оригинальным в статье является то, что при рассмотрении психиатрического подхода и психотерапии в качестве разных и относительно независимых, но в то же время дополняющих друг друга, модальностей работы с пациентами, автор статьи обращается к принципу дополнительности, сформулированному когда-то Н. Бором в квантовой физике для упорядочивания противоречивых данных, получаемых при разных условиях наблюдения и разных установках наблюдателя.

В статье приводится предлагаемая автором обобщенная схема психотерапевтического диагностического и лечебного процесса.

Обсуждение и выводы. Опираясь на приведенную в предыдущем разделе обобщенную схему психотерапевтического диагностического и лечебного процесса, автор показывает специфические различия между диагностическим и лечебным процессом в психотерапии и психиатрии, что обычно недоучитывается в клинической практике. Также в статье предлагается при осуществлении психотерапии и при подготовке молодых психотерапевтов рассматривать три основных направления психотерапии (психодинамическое, гуманистическое, когнитивно-бихевиоральное) как дополняющие друг друга, но в то же время как относительно независимые друг от друга целостные модели. Оригинальность статьи заключается также в утверждении, что в клинической практике, с точки зрения эффективности лечения, полезно рассматривать каждого пациента в рамках и психиатрического подхода, и психотерапевтического подхода независимо и отдельно, периодически переключаясь от одной перспективы видения к другой.



Заключение. Делается вывод, что представленный в статье новый подход может сделать более логичной и ясной, свободной от противоречий и психиатрическую, медицинскую, и психотерапевтическую, сфокусированную на отношениях, модель. Он также может способствовать развитию каждой из этих моделей.

Ключевые слова

психотерапия, психиатрия, нарушения функционирования психики, диагностическая система, нозологический подход, паттерны отношений, модификация параметров отношений, модель процесса психотерапии, направления психотерапии, принцип дополнительности

Основные положения

► психиатрический медицинский и психотерапевтический подходы к лечению и диагностике психических расстройств качественно отличаются друг от друга с точки зрения понятия нормы, критериев диагностики, целей, методов и организации самого процесса лечения, а также с точки зрения терапевтической позиции помогающего специалиста;

► полезно для плодотворного развития каждой из этих моделей, а также для большей эффективности лечения, с точки зрения клинической практики рассматривать эти две модели (психиатрическую медицинскую и психотерапевтическую, сфокусированную на паттернах отношений) как две относительно независимые, однако дополняющие друг друга, в соответствии с когда-то сформулированным Н. Бором принципом дополнительности;

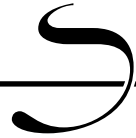
► в процессе лечения пациентов и при подготовке молодых специалистов целесообразно рассматривать основные направления психотерапии (психодинамическое, когнитивно-поведенческое и гуманистическое) как относительно независимые, замкнутые, хотя и дополняющие друг друга теоретические модели, в соответствии с тем же принципом дополнительности Н. Бора, не смешивая их в «единую эклектическую» модель;

► для большей эффективности лечения в клинической практике, в соответствии с принципом дополнительности Н. Бора, целесообразно каждого отдельного пациента рассматривать в двух отдельных, хотя и дополняющих друг друга, системах координат (с точки зрения психиатрического подхода и с точки зрения психотерапевтического подхода), не смешивая эти перспективы видения друг с другом.

Для цитирования

Чистяков М. С. Диагностический и лечебный процесс в психиатрии и психотерапии – единый процесс или разные модальности работы? // Российский психологический журнал. – 2017. – Т. 14, № 4. – С. 162–179.

Материалы статьи получены 07.03.2017



UDC 615.851:159.99

DOI: [10.21702/rpj.2017.4.8](https://doi.org/10.21702/rpj.2017.4.8)

Diagnosis and Treatment in Psychiatry and Psychotherapy: A Unitary Process or Different Modes of Work?

Maksim S. Chistyakov

City Psychoneurological Dispensary no. 7 (with in-patient department), Saint-Petersburg, Russian Federation

E-mail: m_chistyakov@inbox.ru

Abstract

Introduction. The article draws attention to the difference between psychiatric and psychotherapeutic approaches to treating and diagnosing mental disorders. These approaches rely on different definitions of norm and also treatment goals and methods. Given the lack of critical attention paid to such a difference in the literature and clinical practice, this issue merits special attention. The paper presents a generalized model for the process of psychotherapeutic diagnosis and treatment.

Theoretical Basis. The study rested upon the principle of complementarity formulated by the physicist N. Bohr in quantum mechanics for systematization of the data received in different circumstances of observation by the observers with different attitudes. Thus, the psychiatric approach and psychotherapy were considered not only as different and relatively independent but also as complementary modes of working with patients.

Discussion. The generalized model for the process of psychotherapeutic diagnosis and treatment demonstrated differences between diagnosis and treatment in psychotherapy and psychiatry. When practicing psychotherapy and training young psychotherapists, the three main kinds of psychotherapy (psychodynamic, humanistic, and cognitive behavioural) should be considered as complementary and also independent integral models. For effective treatment, clinicians must consider each patient separately within the psychiatric and psychotherapeutic approaches, switching from one perspective to another.

Conclusion. The new approach (a) can be readily used in practice to make the psychiatric and psychotherapeutic models more logical, clear, free from contradictions, and focused on the relationship and (b) contributes to the development of these models.

Keywords

psychotherapy, psychiatry, disorders of mental functioning, diagnostic system, nosological approach, relationship patterns, modification of relationship parameters, model of psychotherapy process, directions of psychotherapy, principle of complementarity



Highlights

- ▶ The psychiatric medical and psychotherapeutic approaches to treating and diagnosing mental disorders rely on qualitatively different definitions of norm, diagnosis criteria, goals and methods for the treatment process. They also differ in a specialist's therapeutic positioning.
- ▶ Following Niels Bohr's complementarity principle, the two models – psychiatric medical and psychotherapeutic (focused on relationship patterns) – should be considered as relatively independent but complementary. This is important for productive development of each of these models and for improving treatment efficiency.
- ▶ When treating patients and training young psychotherapists, the three main kinds of psychotherapy (psychodynamic, humanistic, and cognitive behavioural) should be considered as relatively independent, though complementary theoretical models. One should not mix them into a single eclectic model.
- ▶ For improving treatment efficiency, a clinician should consider each patient in independent and complementary coordinate systems – psychiatric and psychotherapeutic – not mixing these approaches.

For citation

Chistyakov M. S. Diagnosis and Treatment in Psychiatry and Psychotherapy: A Unitary Process or Different Modes of Work? *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal – Russian Psychological Journal*, 2017, V. 14, no. 4, pp. 162–179 (in Russian).

Original manuscript received 07.03.2017

Введение

Различия между психиатрическим и психотерапевтическим подходами к психическим расстройствам

Психиатрия и психотерапия смотрят на нарушения психического функционирования с разных позиций, имеют разные подходы, формируют разные классы понятий и используют разную терминологию, по-разному формулируют задачи диагностики и лечения, имеют несколько различающиеся представления о норме и патологии, опираются на разные концепции функционирования психики.

Под психотерапией автор статьи подразумевает, в соответствии с формулировкой, приведенной в «Психотерапевтической энциклопедии» под редакцией Б. Д. Карвасарского, «систему лечебного воздействия на психику и через психику на организм больного» [1, с. 448]. В нашей стране, в соответствии с действующим законодательством, к проведению психотерапии в полном объеме допускаются только врачи-психотерапевты, психологам разрешено «психологическое консультирование». Во многих других странах



к проведению психотерапии в полном объеме помимо врачей допущены и психологи и социальные работники.

Психиатрия, как область медицины, опирается на биологическую, естественнонаучную основу. В медицине традиционно используется нозологический подход, подразумевающий представление о патологических процессах в человеческом организме, включая психику, как об определенных болезнях, имеющих определенные этиологию, патогенез, течение и исход. При этом специфичность клинической картины определенной болезни связана со специфическим сочетанием определенных синдромов, состоящих из отдельных симптомов [2, 3]. Психотерапия и психологические концепции, на которые она опирается, используют совсем другой язык, имеют другое, чем психиатрия, представление о норме, имеют другие методы лечения и по-другому сформулированные цели лечения, и т. д. [4]. Хотя каждое из основных направлений психотерапии – психодинамическое, гуманистическое, когнитивно-бихевиоральное – использует свой собственный язык, по-своему формулирует цели лечения, использует разные методы в лечении [3, 4], основным инструментом лечения и осуществления изменений в психотерапии является определенным образом организованный процесс взаимодействия между пациентом и психотерапевтом. Какие бы методы психотерапевт ни использовал, в значительной степени [3], а по мнению ряда авторов – в основном [5, 6, 7, 8], агентом изменений в психотерапии являются отношения, которые устанавливаются между психотерапевтом и пациентом. Для ориентирования в процессе психотерапии в клинической практике необходима такая диагностическая система, которая описывает характеристики процесса взаимодействия между психотерапевтом и пациентом, увязывая их с характеристиками взаимоотношений пациента с другими людьми [9, 10], а не просто описывающая набор внутренних характеристик (в частности, симптомов, их сочетания в определенных синдромах) пациента как «вещи в себе», в качестве независимого от наблюдателя объекта наблюдения.

Теоретическое обоснование

Принцип дополнительности

Обратившись к истории науки, можно вспомнить когда-то введенный Нильсом Бором в квантовую физику принцип дополнительности, который был призван разрешить противоречия, связанные с разными картинками поведения объектов наблюдения этой науки (микрообъектов) в зависимости от условий наблюдения и установок наблюдателя [11]. Н. Бор, формулируя принцип дополнительности, просто предложил рассматривать разные теоретические модели, описывающие поведение этих объектов в разных условиях и при разных установках наблюдателя, как внутренне целостные,



независимые друга от друга, и в то же время дополняющие друг друга в создании целостного представления о реальности [11, 12]. Формулировка принципа дополнительности напоминает о том, что перспективы видения одного объекта с разных сторон не противоречат, а дополняют друг друга в понимании того, что представляет из себя объект.

Принцип дополнительности и разные языки описания функционирования психики в норме и патологии

Возможно, можно было бы построить более связанное и логичное понимание нормальных и патологических процессов в психике, если применить к различным формам и языкам описания функционирования психики в норме и патологии (в первую очередь, к психотерапевтическому (психоаналитическому) и психиатрическому подходам, но, кроме этого, и к подходам разных направлений психотерапии по отношению друг к другу) принцип дополнительности Н. Бора. Если бы мы рассматривали психотерапию (особенно психодинамическую психотерапию, как наиболее разработанную теоретическую модель) и психиатрию как имеющие свою внутреннюю логику, дополняющие друг друга, но в то же время отдельные, не перекрывающиеся друг с другом теоретические модели описания функционирования психики в норме и патологии, подобно тому, как в квантовой механике, например, концепция поведения электрона как волны дополняется концепцией поведения электрона как частицы, то не стало ли бы это таким же толчком в развитии нашего научного понимания психических явлений, каким послужило когда-то введение принципа дополнительности Н. Бора для понимания квантово-механических явлений? И если использовать психотерапевтическую (психодинамическую) и психиатрическую медицинскую модели как две независимые оси координат, через которые мы оцениваем каждого пациента, не обеспечило ли бы нам это большие ясность и понимание, чем попытки смешать психотерапию и психиатрию в одной модели? Психотерапия заинтересована в такой диагностической системе, в таких языке и формулировках, которые отражают типичные паттерны отношений, устанавливаемых пациентом с окружающими, включая врача, отражают возможную динамику разворачивающихся отношений с врачом. И для этих целей язык психиатрии порой слишком статичен, не отражает необходимую для психотерапии глубину понимания переживания пациентом его отношений с собой и другими [13].

В процессе практической работы для психотерапевта в плане диагностики важнее определить, является ли уровень организации личности (и, соответственно, уровень организации психологических защит) его пациента невротическим, пограничным или психотическим [14], чем точно



сформулировать психиатрический диагноз в соответствии с МКБ-10. И если уровень организации личности пациента не психотический, то дальнейшие уточняющие диагностические формулировки, полезные для психотерапевтической работы, в психодинамической психотерапии, например, связаны не столько с уточнением психиатрического диагноза, с опорой на МКБ-10, сколько с определением привычных психологических защит пациента, наличия или отсутствия структурного дефекта эго (в случае нарциссических или пограничных пациентов) [15, 16], с определением основного внутриличностного бессознательного конфликта [17], с определением форм проявления всего вышеперечисленного в типичных паттернах взаимоотношений пациента с окружающими, с опорой на «треугольник Малана» (отношения со значимыми фигурами в прошлом – отношения с психотерапевтом в настоящем – отношения в настоящее время с другими людьми вне психотерапевтического кабинета) [18]. В когнитивно-бихевиоральной психотерапии, в свою очередь, такие уточняющие формулировки подразумевают выявление совокупности основных запускающих и подкрепляющих стимулов для проблемного поведения (паттернов поведения), определение основных когнитивных искажений, дисфункциональных интерпретативных схем, соотносящихся с проблемой пациента [4, 19]. В гуманистической психотерапии уточняющие формулировки связаны с выявлением инконгруэнтности, отсутствия подлинности, уходов от контакта во взаимоотношениях между клиентом (пациентом) и психотерапевтом [4, 5, 20, 21] (с выявлением способов прерывания контакта пациентом на границе «организм – окружающая среда» – в гештальттерапии [22, 23]).

Общая модель процесса психотерапии

Если в общем виде описать процесс психотерапии, то задачи психотерапевта любого направления – это, в соответствующей последовательности:

1. Превратить внутренний диалог пациента во внешний, с психотерапевтом [21], или прямо, как в психоанализе, экзистенциальной, когнитивной психотерапии, или опосредованно, в виде диалога пациента с воображаемыми образами внутренних объектов. В последнем случае такой диалог все равно отражает отщепленные аспекты диалога между пациентом и психотерапевтом, а образы внутренних объектов фактически являются переходными объектами в этом диалоге.

2. Создать безопасные условия для вовлечения пациента в этот развернутый вовне диалог, для развития отношений в этом диалоге с мобилизацией всех возникающих в его ходе чувств, при одновременном сохранении психотерапевтом баланса между эмпатически вовлеченной и наблюдающей (научной) позицией.



3. Опираясь на наблюдение состояния определенных параметров этих развивающихся в диалоге отношений (между пациентом и психотерапевтом) в подходящие моменты, в соответствии с состоянием этих параметров в эти моменты, психотерапевт осуществляет интервенции с целью влияния на эти параметры и их модификации, отслеживая результаты интервенций по изменению состояния этих параметров. Те параметры отношений, на которых фокусируется внимание психотерапевта, будут отличаться в зависимости от направления психотерапии. В психоанализе этими параметрами будут сопротивление/психологические защиты [24], динамика отношений переноса/контрпереноса [9, 10, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32]; в гуманистическом направлении – это способы ухода пациента от подлинного контакта с терапевтом в ситуации здесь-и-сейчас [5, 20] (способы прерывания цикла контакта – в гештальттерапии [22, 23]), конгруэнтность/инконгруэнтность [5, 20]; в когнитивно-бихевиоральной психотерапии – это проявляющиеся в виде автоматических мыслей когнитивные ошибки, иррациональные когнитивные убеждения, а также совокупность запускающих и подкрепляющих стимулов для проблемного поведения пациента [3, 4, 19]. Под влиянием интервенций психотерапевта и модификации этих параметров (в случае успешной психотерапии) отношения в диалоге развиваются и меняются в более конструктивную сторону [21].

4. Психотерапевт способствует сепарации в отношениях пациента с ним (с точки зрения психоанализа, происходит разрешение «невроза переноса» [25, 27]). Одновременно происходит интернализация этих модифицированных в диалоге с психотерапевтом отношений (трансмутация интернализация, Х. Кохут [6]), в результате чего изменяются в более конструктивную сторону отношения пациента с самим собой (с точки зрения психоанализа, меняются психические структуры эго, производные от объектных отношений – внутренние репрезентации самости (self) и объекта, модифицируется супер-эго) [30], меняется ощущение своего Я (происходят изменения в ощущении своей идентичности, с точки зрения Э. Эриксона [33], изменяется ощущение, переживание самости (self), с точки зрения Х. Кохута [6], меняются отношения пациента с другими людьми и окружающим миром. Это то, что в стратегической психотерапии называется изменениями второго порядка [34]. Происходит завершение психотерапии.

Эта схема работает в том числе и в когнитивно-бихевиоральной психотерапии, что подтверждается исследованиями, продемонстрировавшими, что наиболее действенными интервенциями психотерапевтов в вызывании положительных изменений у пациентов в когнитивно-бихевиоральной психотерапии оказались те, которые были связаны с фокусом на происходившем в отношениях между пациентом и психотерапевтом [35, 36, 37].



Обсуждение и выводы

Различия между психотерапевтическим и психиатрическим диагностическим и лечебным процессами

Если обратиться к вышеприведенной схеме, то можно заметить, что на первом этапе взаимодействия с пациентом в беседе и для психиатра и для психотерапевта важно создать условия для того, чтобы пациент раскрыл свои переживания, вовлечь пациента во внешний диалог. И здесь могут быть некоторые сходства в работе. Но уже со следующего этапа появляются существенные различия. Для психиатра стоит задача вычленив из переживаний пациента, проявляющихся во взаимодействии с ним, информацию, значимую для отнесения пациента как объекта и носителя определенных симптомов к какой-то определенной диагностической категории классификации заболеваний с целью подбора биологического лечения. При этом он отбрасывает все (определенные жалобы, переживания, установки, особенности поведения, речи), что не соответствует этой цели. И здесь для психиатра важно максимально сохранить позицию научного наблюдателя для обеспечения максимальной объективности. Слишком большая эмоциональная вовлеченность в беседу, как со стороны пациента, так и со стороны психиатра, может помешать выполнению этой задачи. Соответственно, беседу важно выстраивать так, чтобы эта вовлеченность была на минимально необходимом (для раскрытия пациентом своих переживаний) уровне.

Для психотерапевта стоит задача создать безопасные условия для максимального (в том числе эмоционального) вовлечения пациента во внешний диалог. Только таким образом психотерапевт может наиболее эффективно выполнить следующие задачи. А именно: определив для целей диагностики уровень организации личности пациента (невротический, пограничный или психотический), выявлять, отслеживать и оценивать определенные параметры развивающегося во всей полноте переживаний внешнего диалога, модифицировать эти параметры с помощью определенных интервенций и отслеживать изменения. И для психотерапевта для выполнения этих задач важно постоянно сохранять баланс между эмпатической позицией (позицией эмоционального вовлечения) и позицией научного наблюдателя. Как видно из всего этого, после первого этапа во взаимодействии с пациентом задачи, организация процесса, необходимый фокус внимания, сам язык описания процесса и даже необходимая позиция в диалоге с пациентом (баланс между эмпатической эмоциональной вовлеченностью и научной наблюдающей позицией) для психотерапевта и психиатра сильно различаются. И для психотерапевта важны очень специфические навыки, которыми он отчасти овладевает в том числе и через свою личную психотерапию, чтобы он мог эффективно выполнять свои задачи. Из этого следует неоправданность



иногда встречающихся среди психиатров, не получивших достаточной специальной подготовки в области психотерапии, утверждений, что они в своей психиатрической работе «тоже осуществляют психотерапию». Все это означает, что психотерапия подразумевает особую модальность процесса, качественно отличающуюся от модальности работы психиатра.

Принцип дополнительности и использование подходов разных направлений психотерапии

Если обратиться к применению принципа дополнительности внутри области психотерапии к теоретическим моделям и подходам разных направлений психотерапии и их отношениям друг с другом, то можно вспомнить, что в нашей стране является достаточно принятым, особенно в области государственной подготовки психотерапевтов, использование так называемого эклектического подхода в психотерапии. Под этим подразумевается, что психотерапевт осваивает самые разные методы психотерапии и применяет те или иные из этих методов в зависимости от того, где и когда это подходит тому или другому пациенту. Однако при таком подходе могут возникнуть некоторые сложности. Опять же, из вышеприведенной схемы психотерапевтического процесса видно, что на этапе модификации отношений в диалоге и отслеживания соответствующих изменений каждое направление психотерапии фокусируется на своих параметрах, использует свои, особые, интервенции для изменения этих параметров, по-разному организует этот процесс модификации (изменения), использует свой особый язык для описания этого процесса. Каждое направление, готовя психотерапевтов, обучает их не только теоретически, но и на их собственном опыте, при прохождении ими личной психотерапии в определенном объеме, отслеживать эти параметры и находить способы, влияющие на них. И личная психотерапия помогает психотерапевту не только не путать свой личный жизненный опыт с опытом его пациентов в процессе работы с ними, с точки зрения отслеживания определенных параметров отношений, но и помогает научиться лучше использовать свою интуицию в этом модифицирующем процессе при работе с его пациентами.

Возвращаясь к упомянутой выше эклектической модели, во всяком случае в таком виде, в каком она рассматривается в отечественной психотерапии, представляется сомнительным, что психотерапевт может на самом главном, модифицирующем этапе психотерапии быть достаточно эффективным, пытаясь одновременно отслеживать самые разные параметры отношений, специфичные для каждого направления психотерапии, будет одновременно соблюдать все, разные для разных направлений, условия организации этого процесса модификации, способствующие выявлению и изменению специфических



параметров, будет осуществлять все возможные в разных направлениях психотерапии интервенции, без создания и соблюдения условий (создания почвы), специфичных для каждого направления, являющихся необходимой основой для того, чтобы данная интервенция была возможна и эффективна. Вместо этого, при таком понимании эклектичности, скорее всего представлениям психотерапевта будет не хватать связности и структурированности, его действия будут хаотичными, психотерапия – поверхностной, и психотерапевт будет часто прибегать к помощи медикаментов. Поэтому автору представляется, что более эффективным является подход, рассматривающий разные направления и формы психотерапии как дополнительные друг к другу, но при этом отдельные, внутренне замкнутые и структурированные модели (системы), в соответствии с тем, как это сформулировано в принципе дополненности Н. Бора [11, 12].

Соответственно, более эффективной представляется подготовка психотерапевтов, осуществляемая по каждому направлению психотерапии (по психодинамическому, гуманистическому, когнитивно-бихевиоральному) отдельно, как это происходит за рубежом. Тогда это будут специалисты в определенном направлении психотерапии, со специфическим мышлением, но и с хорошо отработанными навыками в этом направлении. Безусловно, узкие специалисты в данном направлении должны неплохо знать и другие направления психотерапии, при необходимости заимствовать какие-то интервенции и техники из других направлений. Но у них должна быть определенная система взглядов, связанная с данным определенным направлением психотерапии, определяющая стратегию и организацию работы с пациентами. Только воспринятые через призму такой системы взглядов, эти заимствованные из других направлений техники и могут быть интегрированы в работу психотерапевта наиболее эффективным образом.

Модальности психотерапевтической работы и работы психиатра в клинической практике

Для автора остается открытым вопрос, влияет ли на качество, глубину психотерапевтического процесса осуществление и психотерапевтической и психиатрической помощи пациенту одним, подготовленным в обеих этих областях, специалистом [38, 39], хотя и у автора и у некоторых его коллег имеется положительный опыт такой работы, с неплохими результатами. Однако, в любом случае, если и ту и другую помощь пациенту оказывает один специалист, по мнению и опыту автора, полезнее для качества лечебного процесса, чтобы специалист работал, рассматривая пациента в каждой из двух этих модальностей (психиатрической и психотерапевтической) независимо и отдельно, при необходимости периодически переключаясь



от одной перспективы видения к другой, а не смешивал психиатрическую и психотерапевтическую модели в один конгломерат. Либо в качестве психиатра и психотерапевта для пациента могут выступать два разных специалиста. По мнению автора, при использовании любой формы психотерапии в комплексном лечении больных, у которых периодически повторяются психотические состояния, участие в лечении двух разных специалистов, психиатра и психотерапевта (вне зависимости от наличия у последнего психиатрической подготовки), является обязательным условием (в силу разной модальности работы психиатра и психотерапевта).

Заключение

Таким образом, введенный Н. Бором в начале XX в. принцип дополнительности, который был призван вернуть внутреннюю логику противоречивой картине, возникающей при наблюдении квантово-механического мира, может помочь и в попытках прояснить, сделать более внутренне логичным и связным наше видение психических процессов с разных перспектив, в норме и патологии. Рассмотрение психотерапевтической (особенно психодинамической психотерапевтической) модели, сфокусированной на отношениях, как отдельной и дополнительной к психиатрической, медицинской модели, сфокусированной на пациенте как на объекте, обладающем определенными свойствами (симптомами), может помочь очистить от противоречий, сделать более внутренне логичной, ясной каждую из этих моделей. В то же время, такой взгляд может облегчить и восприятие каждой из этих моделей как дополняющих друг друга, а не конкурирующих друг с другом, равнозначных, а не находящихся в отношениях подчинения [38, 39]. По мнению автора, такой взгляд может способствовать как развитию каждой из этих моделей, так и их обогащающему влиянию друг на друга. Также принцип дополнительности может быть полезен и внутри области психотерапии. В частности, разные направления психотерапии с их разным языком, разным фокусом в психотерапевтической работе тоже полезно рассматривать как дополнительные друг к другу, и в то же время отдельные, проводя подготовку молодых специалистов по каждому направлению психотерапии отдельно.

Также, с точки зрения клинической практики, может быть полезно, используя принцип дополнительности, рассматривать каждый случай психического расстройства одновременно и в то же время отдельно в двух параллельных плоскостях (в двух системах координат), с точки зрения медицинской, психиатрической модели, и с точки зрения психотерапевтической (в частности, психодинамической) модели.



Литература

1. Психотерапевтическая энциклопедия / под ред. Б. Д. Карвасарского. – СПб. : Питер, 2006. – 3-е изд. – 946 с.
2. Психиатрия. Руководство для врачей в двух томах / под ред. акад. РАМН А. С. Тиганова. – М. : Медицина, 2012. – Т. 1. – 807 с.
3. *Wampold B. E., Imel Z. E.* The Great Psychotherapy Debate: The Evidence for What Makes Psychotherapy Work. – New York, London : Routledge, 2015. – 334 p.
4. *Прохазка Дж., Норкросс Дж.* Системы психотерапии. – СПб. : Прайм-Еврознак, 2007. – 384 с.
5. *Бьюдженталь Д.* Искусство психотерапевта. – СПб. : Корвет, 2011. – 316 с.
6. *Кохут Х.* Восстановление самости. – М. : Когито-Центр, 2017. – 320 с.
7. *Столорю Р., Брандшафт Б., Атвуд Д.* Клинический психоанализ. Интерсубъективный подход. – М. : Когито-Центр, 2011. – 256 с.
8. *Ялом И.* Теория и практика групповой психотерапии. – СПб. : Питер, 2000. – 640 с.
9. *Caligor E., Kernberg O. F., Clarkin J.* Handbook of Dynamic Psychotherapy for Higher Level Personality Pathology. – Arlington : American Psychiatric Publishing, 2007. – 284 p.
10. *Clarkin J. F., Yeomans F. E., Kernberg O. F.* Transference-Focused Psychotherapy for Borderline Personality Disorder: A Clinical Guide. – Arlington : American Psychiatric Publishing, 2015. – 427 p.
11. *Бор Н.* Квант действия и описание природы // Избранные труды : в 2 томах. – М. : Наука, 1971. – Т. 2. – С. 56–61.
12. *Бор Н.* Квантовая физика и философия // Избранные научные труды : в 2 томах. – М. : Наука, 1971. – Т. 2. – С. 526–532. – DOI: [10.3367/UFNr.0067.195901c.0037](https://doi.org/10.3367/UFNr.0067.195901c.0037)
13. *Решетников М. М.* Современная психотерапия: медицинская и психологическая модели // Вестник психотерапии. – 2016. – № 60 (65). – С. 7–16.
14. *Мак-Вильямс Н.* Психоаналитическая диагностика: понимание структуры личности в клиническом процессе. – М. : Класс, 2015. – 592 с.
15. *Kernberg O. F.* Borderline Conditions and Pathological Narcissism. – New York : Jason Aronson, 1975. – 376 p.
16. *Kernberg O.* Borderline Personality Organization // Essential papers on borderline disorders / M. H. Stone (ed.). – New York : New York University Press, 1986. – P. 279–320. – DOI: [10.1177/000306516701500309](https://doi.org/10.1177/000306516701500309)
17. *Фрейд З.* Введение в психоанализ : Лекции. – М. : Наука, 1989. – 456 с.
18. *Malan D. H.* Toward the Validation of Dynamic Psychotherapy: A Replication. – New York : Plenum Medical Books, 1976. – 298 p.



19. Бек Д. Когнитивная терапия. Полное руководство. – М. : Диалектика-Вильямс, 2017. – 400 с.
20. Роджерс К. Клиент-центрированная психотерапия: теория, практика и применение. – М. : Психотерапия, 2007. – 560 с.
21. Сименс Х. Практическое руководство для Гештальттерапевтов. – СПб. : Издательство Пирожкова, 2008. – 168 с.
22. Перлз Ф., Хефферлин Р., Гудмэн П. Опыты психологии самопознания (практикум по гештальттерапии). – М. : Гиль-Эстель, 1993. – 240 с.
23. Зинкер Д. В поисках хорошей формы. Гештальт-терапия с супружескими парами и семьями. – Санкт-Петербург : Корвет, 2015. – 272 с.
24. Strean H. S. Resolving resistances in psychotherapy. – New York : Brunner Mazel, 1990. – 316 p.
25. Гринсон Р. Техника и практика психоанализа. – М. : Когито-Центр, 2010. – 480 с.
26. Bird B. Notes on transference: universal phenomenon and hardest part of analysis // Essential papers on transference / A. H. Esman (ed.). – New York : New York University Press, 1990. – P. 331–361. – DOI: [10.1177/000306517202000203](https://doi.org/10.1177/000306517202000203)
27. Freud S. The Dynamics of transference // Essential papers on transference / A. H. Esman (ed.). – New York : New York University Press, 1990. – P. 28–36.
28. Greenacre P. The role of transference: practical considerations in relation to psychoanalytic therapy // Essential papers on transference / A. H. Esman (ed.). – New York : New York University Press, 1990. – P. 124–135. – DOI: [10.1177/000306515400200406](https://doi.org/10.1177/000306515400200406)
29. Kernberg O. An ego-psychology-object relations theory approach to the transference // Essential papers on transference / A. H. Esman (ed.). – New York : New York University Press, 1990. – P. 492–510.
30. Kernberg O. Structural derivatives of object relations // Essential papers on object relations / P. J. Buckley (ed.). – New York : New York University Press, 1986. – P. 309–342.
31. Stone L. The transference-countertransference complex // Essential papers on transference / B. Wolstein (ed.). – New York : New York University Press, 1988. – P. 270–281.
32. Winnicott D. W. Counter-transference // Essential papers on transference / B. Wolstein (ed.). – New York : New York University Press, 1988. – P. 262–269. – DOI: [10.1111/j.2044-8341.1960.tb01220.x](https://doi.org/10.1111/j.2044-8341.1960.tb01220.x)
33. Эриксон Э. Детство и общество. – СПб. : Ленато, АСТ, Фонд «Университетская книга», 1996. – 592 с.
34. Нардонэ Д., Вацлавик П. Искусство быстрых изменений. Краткосрочная стратегическая терапия. – М. : Изд-во Института психотерапии, 2006. – 195 с.



35. Jones E. E., Pulos S. M. Comparing the Process in Psychodynamic and Cognitive-Behavioral Therapies // *Journal of Consulting and Clinical Psychology*. – 1993. – Vol. 61, № 2. – P. 306–316. – DOI: [10.1037//0022-006X.61.2.306](https://doi.org/10.1037//0022-006X.61.2.306)
36. Milton J. Psychoanalysis and cognitive behaviour therapy – rival paradigms or common ground? // *The International Journal of Psychoanalysis*. – 2001. – Vol. 82, Issue 3. – P. 431–447. – DOI: [10.1516/DVLN-RK5E-C1YV-ME4V](https://doi.org/10.1516/DVLN-RK5E-C1YV-ME4V)
37. Wiser S., Goldfried M. Verbal interventions in significant psychodynamic-interpersonal and cognitive-behavioral therapy sessions // *Psychotherapy Research*. – 1996. – № 6. – P. 309–319.
38. Бобров А. Е. Методологические аспекты изучения психосоматических соотношений и перспективы интегративной медицины // *Психосоматическая медицина – 2016 : труды XI международного конгресса*. – СПб. : Человек, 2016. – С. 6–9.
39. Курпатов В. И., Гладышенко А. В. Кризис или коллапс российской психотерапии? // *Психосоматическая медицина – 2016 : труды XI международного конгресса*. – СПб. : Человек, 2016. – С. 33–37.

References

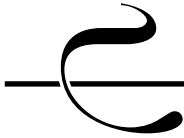
1. Karvasarskiy B. D. (ed.) *Psikhoterapevticheskaya entsiklopediya* [Psychotherapeutic encyclopedia]. St. Petersburg, Piter Publ., 2006. 946 p.
2. Tiganov A. S. (ed.) *Psikhiatriya. Rukovodstvo dlya vrachei v dvukh tomakh* [Psychiatry: A guide for physicians in two volumes]. Moscow, Meditsina Publ., 2012, V. 1. 807 p.
3. Wampold B. E., Imel Z. E. *The great psychotherapy debate: The evidence for what makes psychotherapy work*. New York, London, Routledge, 2015. 334 p.
4. Prokhazka Dzh., Norkross Dzh. *Sistemy psikhoterapii* [Psychotherapy systems]. St. Petersburg, Praim-Evroznak Publ., 2007. 384 p.
5. Bugental, J. F. T. *The art of the psychotherapist* (Russ. ed.: B'yudzhental' D. *Iskusstvo psikhoterapevta*). St. Petersburg, Korvet Publ., 2011. 316 p.).
6. Kohut H. *The restoration of the self* (Russ. ed.: Kokhut Kh. *Vosstanovlenie samosti*). Moscow, Kogito-Tsentr Publ., 2017. 320 p.).
7. Stolorow, R. D., Brandchaft, B., & Atwood, G. E. *Psychoanalytic treatment: An intersubjective approach* (Russ. ed.: Stolorou R., Brandshaft B., Atvud D. *Klinicheskii psikhoanaliz. Intersub"ektivnyi podkhod*). Moscow, Kogito-Tsentr Publ., 2011. 256 p.).
8. Yalom I. D. *The theory and practice of group psychotherapy* (Russ. ed.: Yalom I. *Teoriya i praktika gruppovoi psikhoterapii*). St. Petersburg, Piter Publ., 2000. 640 p.).
9. Caligor E., Kernberg O. F., Clarkin J. *Handbook of dynamic psychotherapy for higher level personality pathology*. Arlington, American Psychiatric Publishing, 2007. 284 p.



10. Clarkin J. F., Yeomans F. E., Kernberg O. F. *Transference-focused psychotherapy for borderline personality disorder: A clinical guide*. Arlington, American Psychiatric Publishing, 2015. 427 p.
11. Bohr N. *The quantum of action and the description of nature* (Russ. ed.: Bor N. *Kvant deistviya i opisaniye prirody. Izbrannyye trudy: v 2 tomakh*. Moscow, Nauka Publ., 1971, V. 2, pp. 56–61).
12. Bohr N. *Quantum physics and philosophy* (Russ. ed.: Bor N. *Kvantovaya fizika i filosofiya. Izbrannyye nauchnyye trudy: v 2 tomakh*. Moscow, Nauka Publ., 1971. V. 2, pp. 526–532. DOI: [10.3367/UFNr.0067.195901c.0037](https://doi.org/10.3367/UFNr.0067.195901c.0037)).
13. Reshetnikov M. M. Contemporary psychotherapy: Medical and psychological model. *Vestnik psikhoterapii – Bulletin of Psychotherapy*, 2016, no. 60 (65), pp. 7–16 (in Russian).
14. Mack-Williams N. *Psychoanalytic diagnosis: understanding personality structure in the clinical process* (Russ. ed.: Mak-Vil'yams N. *Psikhoanaliticheskaya diagnostika: ponimaniye struktury lichnosti v klinicheskom protsesse*. Moscow, Klass Publ., 2015. 592 p.).
15. Kernberg O. F. *Borderline conditions and pathological narcissism*. New York, Jason Aronson, 1975. 376 p.
16. Kernberg O. Borderline personality organization. In: M. H. Stone (ed.) *Essential papers on borderline disorders*. New York, New York University Press, 1986, pp. 279–320. DOI: [10.1177/000306516701500309](https://doi.org/10.1177/000306516701500309)
17. Freud Z. *Introductory lectures on psychoanalysis* (Russ. ed.: Freid Z. *Vvedeniye v psikhoanaliz: Lektsii*. Moscow, Nauka Publ., 1989. 456 p.).
18. Malan D. H. *Toward the validation of dynamic psychotherapy: a replication*. New York, Plenum Medical Books, 1976. 298 p.
19. Beck J. *Cognitive therapy: Basics and beyond* (Russ. ed.: *Kognitivnaya terapiya. Polnoe rukovodstvo*. Moscow, Dialektika-Vil'yams Publ., 2017. 400 p.).
20. Rogers C. R. *Client-centered therapy: Its current practice, implications and theory* (Russ. ed.: *Klient-tsentrirovannaya psikhoterapiya: teoriya, praktika i primeneniye*. Moscow, Psikhoterapiya Publ., 2007. 560 p.).
21. Siemens H. *Guidance for Gestalt therapists* (Russ. ed.: *Prakticheskoe rukovodstvo dlya Geshtal'tterapevtov*. St.Petersburg, Izdatel'stvo Pirozhkova Publ., 2008. 168 p.).
22. Perls F., Hefferline R., Goodman P. *Gestalt therapy: Excitement and growth in the human personality* (Russ. ed.: Perlz F., Khefferlin R., Gudmen P. *Opyty psikhologii samopoznaniya (praktikum po geshtal'tterapii)*. Moscow, Gil'-Estel' Publ., 1993. 240 p.).
23. Zinker, J. (1994). *In search of good form: Gestalt therapy with couples and families* (Russ. ed.: Zinker D. *V poiskakh khoroshei formy. Geshtal't-terapiya s supruzheskimi parami i sem'yami*. St. Petersburg, Korvet Publ., 2015. 272 p.).



24. Strean H. S. *Resolving resistances in psychotherapy*. New York, Brunner Mazel, 1990. 316 p.
25. Greenson R. *The techniques and practice of psychoanalysis* (Russ. ed.: Grinson R. *Tekhnika i praktika psikhoanaliza*. Moscow, Kogito-Tsentr Publ., 2010. 480 p.).
26. Bird B. Notes on transference: universal phenomenon and hardest part of analysis. In: A. H. Esman (ed.) *Essential papers on transference*. New York, New York University Press, 1990, pp. 331–361. DOI: [10.1177/000306517202000203](https://doi.org/10.1177/000306517202000203)
27. Freud S. The Dynamics of transference. In: A. H. Esman (ed.) *Essential papers on transference*. New York, New York University Press, 1990, pp. 28–36.
28. Greenacre P. The role of transference: practical considerations in relation to psychoanalytic therapy. In: A. H. Esman (ed.) *Essential papers on transference*. New York. New York University Press, 1990, pp. 124–135. DOI: [10.1177/000306515400200406](https://doi.org/10.1177/000306515400200406)
29. Kernberg O. An ego-psychology-object relations theory approach to the transference. In: A. H. Esman (ed.) *Essential papers on transference*. New York, New York University Press, 1990, pp. 492–510.
30. Kernberg O. Structural derivatives of object relations. In: P. J. Buckley (ed.) *Essential papers on object relations*. New York, New York University Press, 1986, pp. 309–342.
31. Stone L. The transference-countertransference complex. In: B. Wolstein (ed.) *Essential papers on transference*. New York, New York University Press, 1988, pp. 270–281.
32. Winnicott D. W. Counter-transference. In: B. Wolstein (ed.) *Essential papers on transference*. New York, New York University Press, 1988, pp. 262–269. DOI: [10.1111/j.2044-8341.1960.tb01220.x](https://doi.org/10.1111/j.2044-8341.1960.tb01220.x)
33. Erikson E. *Childhood and society* (Russ. ed.: Erikson E. *Detstvo i obshchestvo*. St. Petersburg, Universitetskaya kniga Publ., 1996. 592 p.).
34. Nardone, D., Waclawik P. *The art of rapid change. Short-term strategic therapy* (Russ. ed.: Nardone D., Vatslavik P. *Iskusstvo bystrykh izmenenii. Kratkosrochnaya strategicheskaya terapiya*. Moscow, Institute of Psychotherapy Publ., 2006. 195 p.).
35. Jones E. E., Pulos S. M. Comparing the process in psychodynamic and cognitive-behavioral therapies. *Journal of Consulting and Clinical Psychology*, 1993, V. 61, no. 2, pp. 306–316. DOI: [10.1037//0022-006X.61.2.306](https://doi.org/10.1037//0022-006X.61.2.306)
36. Milton J. Psychoanalysis and cognitive behaviour therapy – rival paradigms or common ground? *The International Journal of Psychoanalysis*, 2001, V. 82, Issue 3, pp. 431–447. DOI: [10.1516/DVLN-RK5E-C1YV-ME4V](https://doi.org/10.1516/DVLN-RK5E-C1YV-ME4V)
37. Wiser S., Goldfried M. Verbal interventions in significant psychodynamic-interpersonal and cognitive-behavioral therapy sessions. *Psychotherapy Research*, 1996, no. 6, pp. 309–319.



38. Bobrov A. E. Metodologicheskie aspekty izucheniya psikhosomaticheskikh sootnoshenii i perspektivy integrativnoi meditsiny [Methodological aspects of studying psychosomatic interrelations and the future of integrative medicine]. *Trudy XI mezhdunarodnogo kongressa: Psikhosomaticheskaya meditsina – 2016* [Proc. the 11th International Congress “Psychosomatic medicine 2016”]. St. Petersburg, Chelovek Publ., 2016, pp. 6–9.
39. Kurpatov V. I., Gladysenko A. V. Krizis ili kollaps rossiiskoi psikhoterapii? [Russian psychotherapy: crisis vs. collapse]. *Trudy XI mezhdunarodnogo kongressa: Psikhosomaticheskaya meditsina – 2016* [Proc. the 11th International Congress “Psychosomatic medicine 2016”]. St. Petersburg, Chelovek Publ., 2016, pp. 33–37.



УДК 159.923

DOI: [10.21702/rpj.2017.4.9](https://doi.org/10.21702/rpj.2017.4.9)

Особенности социально-психологической адаптации у лиц с разными стратегиями совладающего поведения

Анна А. Безуглова, Ольга С. Васильева, Лида Р. Правдина*

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

* E-mail: lprlis7@gmail.com

Аннотация

Введение. Авторы показывают необходимость исследования системных характеристик личности, позволяющих ей быть эффективной и работоспособной – социально-психологической адаптации и стратегий поведения; описывают сущность и предназначение совладания как способа эффективной адаптации человека к требованиям ситуации. Новизна исследования заключается в том, что впервые выраженность социально-психологической адаптации сравнивается для групп с разными индексами конструктивности поведения.

Методы. Для изучения особенностей адаптации у лиц с разной выраженностью стратегий совладания применялись: методика социально-психологической адаптации К. Роджерса и Р. Даймонда, методика «Анкета оценки нервно-психической устойчивости "Прогноз-2"» В. Ю. Рыбникова; методика «Шкала SACS С. Хобфолла» в адаптации Н. Е. Водопьяновой и Е. С. Старченковой.

Результаты. На выборке (51 человек – сотрудники производственного предприятия) последовательно был проведен анализ различий в группах, выделенных по величине индекса конструктивности. Основные результаты: показаны отсутствие в выборке респондентов с высокой устойчивостью, преобладание среди женщин лиц с высокой конструктивностью поведения, а среди мужчин – с низкой. Показана связь высокой конструктивности поведения с более высоким уровнем адаптации и высокой нервно-психической устойчивостью. Выделен фактор ресурсов психологического здоровья, в который вошли: индекс конструктивности поведения, адаптация и адаптивность, принятие других и стрессоустойчивость.

Обсуждение результатов. В части взаимосвязи адаптации со стрессоустойчивостью и конструктивными стратегиями поведения результаты подтверждают исследования других авторов. Выделение фактора ресурсов психологического здоровья демонстрирует статистическую обусловленность взаимосвязи позитивных факторов психологического здоровья. Описанный авторами относительно общий низкий уровень адаптации и нервно-психической устойчивости, а также конструктивности поведения у трудоустроенных людей, дает основание предполагать детерминацию социально-психологической адаптивности не только



переживаниями удовлетворенности жизнью, трудом, семейными отношениями, но и иными факторами.

Ключевые слова

социально-психологическая адаптация, дезадаптация, нервно-психическая устойчивость, стрессоустойчивость, конструктивные стратегии поведения, психологическое здоровье, преодоление, совладание, копинг, ресурсы

Основные положения

- ▶ социально-психологическая адаптация – целостный системный процесс, сопровождающий взаимодействие человека со средой, одним из базовых элементов успешности которого являются конструктивные стратегии совладания с трудными ситуациями;
- ▶ лица с выраженной конструктивностью поведения и развитой стрессоустойчивостью отличаются высоким уровнем адаптивности, а лица с низким и средним уровнями конструктивности поведения, также как и лица с низкой стрессоустойчивостью, характеризуются сниженными адаптационными возможностями;
- ▶ выделяется единый фактор психологического здоровья личности, в который с высокими корреляционными показателями входят компоненты стрессоустойчивости, адаптивности, принятия других и конструктивности поведения совладания.

Для цитирования

Безуглова А. А., Васильева О. С., Правдина Л. Р. Особенности социально-психологической адаптации у лиц с разными стратегиями совладающего поведения // Российский психологический журнал. – 2017. – Т. 14, № 4. – С. 180–204.

Материалы статьи получены 03.04.2017

UDC 159.923

DOI: [10.21702/rpj.2017.4.9](https://doi.org/10.21702/rpj.2017.4.9)

Socio-Psychological Adaptation in Individuals with Different Coping Strategies

Anna A. Bezuglova, Ol'ga S. Vasil'eva, Lida R. Pravdina*

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

* Correspondence author. E-mail: ljprlis7@gmail.com

Abstract

Introduction. Psychological adaptation and behaviour strategies are system characteristics of the individual making him/her effective and able to work. The



paper deals with coping as a way of effective adaptation to various situations. The present study introduces a comparison of socio-psychological adaptation in groups with different indices of constructive behaviour.

Methods. Adaptation characteristics in individuals with different coping strategies were measured using (a) the socio-psychological adaptation technique by K. Rogers and R. Diamond, (b) the Prognoz-2 Questionnaire for Mental Stability Assessment by V. Yu. Rybnikov, (c) and the Strategic Approach to Coping Scale (SACS) developed by S. Hobfoll (adapted by N.E. Vodop'yanova and E.S. Starchenkova). The study involved 51 production enterprise employees.

Results. A consistent analysis of differences took place in the sample groups with different constructiveness indices. The study results showed (a) no high stability among the respondents, (b) predominance of high scores of constructive behaviour among women, (c) predominance of low scores of constructive behaviour among men, (d) the relationship among high scores of constructive behaviour, a higher adaptation level, and high mental stability. The study revealed a factor for psychological health resources, which included: (a) the index of constructive behaviour, (b) adaptation and adaptability, (c) acceptance of others and stress tolerance.

Discussion. The findings confirm the results in other studies of the relationship among adaptation, stress tolerance, and constructive strategies of behaviour. The factor for psychological health resources demonstrates the statistical dependence of the relationship among positive factors of psychological health. A low general level of adaptation, mental tolerance, and also constructive behaviour among the respondents suggests that socio-psychological adaptation is determined not only by the feelings of satisfaction with life, work, and family relations, but also other factors.

Keywords

socio-psychological adaptation, disadaptation, mental stability, stress tolerance, constructive strategies of behaviour, psychological health, overcoming, coping, resources

Highlights

- ▶ Socio-psychological adaptation is an integral system process which accompanies human interaction with the environment; constructive strategies of coping with difficult situations are its basic elements.
- ▶ Individuals with a prominent constructive behaviour and stress tolerance have a high level of adaptability; individuals with low and medium levels of constructive behaviour, and also individuals with a low stress tolerance level have lower adaptation ability.
- ▶ A unified factor for psychological health includes high correlation indices of the following components: stress tolerance, adaptability, acceptance of others, and constructive coping behaviour.

**For citation**

Bezuglova A. A., Vasil'eva O. S., Pravdina L. R. Socio-Psychological Adaptation in Individuals with Different Coping Strategies. *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal – Russian Psychological Journal*, 2017, V. 14, no. 4, pp. 180–204 (in Russian).

Original manuscript received 03.04.2017

Введение

В условиях современной действительности одной из важнейших составляющих благополучия личности становится способность к быстрой и эффективной социально-психологической адаптации. В настоящее время состояние российского общества, с одной стороны, характеризуется расширением возможностей людей, а с другой – проявлениями системного кризиса, охватившего большинство сфер экономической, социальной, культурной и духовной жизни нашего общества. В итоге у многих растет общая неуверенность в завтрашнем дне, а жизненная ситуация оценивается как наполненная стресс-факторами, что, безусловно, отражается на самочувствии, настроении, состоянии личностных адаптационных ресурсов членов нашего общества. В то же время, общество всегда заинтересовано в существовании жизнеспособных людей, выражающих себя конструктивно в любых условиях, поэтому для нас представляет исследовательский интерес изучение системных связей адаптивных возможностей личности с ее стратегиями совладающего поведения.

В связи с этим вопросы социально-психологической адаптации, стрессоустойчивости и конструктивности поведения не перестают быть актуальными; более того, профессиональным долгом психологов является их мониторинг у различных групп населения. Как утверждает Н. Е. Водопьянова, «интенсивное изучение факторов, способствующих успешной профессиональной адаптации, выступает одним из доминирующих направлений прикладных психологических исследований» [1, с. 73].

При проведении исследования мы опирались на следующие представления, положения и выявленные закономерности: 1) представления о социально-психологической адаптации и личностном адаптационном потенциале, развиваемые в работах R. S. Lazarus и S. Folkman [2], К. А. Абульхановой-Славской [3], Л. И. Анцыферовой [4], А. А. Налчаджян [5] и А. А. Реана [6], А. А. Куприна [7], И. А. Красильникова и В. В. Константинова [8], А. Г. Маклакова [9]; 2) работы по исследованию стрессоустойчивости, эмоциональной устойчивости Л. Г. Дикой [10]; 3) работы Т. Л. Крюковой [11], С. К. Нартовой-Бочавер [12] по проблемам преодолевающего поведения и мотивации совладающего поведения; работы В. А. Бодрова [13], С. А. Шапкина [14] по механизмам преодоления трудностей.



Обобщая современный уровень развития социально-психологических концепций адаптации, И. А. Красильников и В. В. Константинов пишут, что «адаптация – это целостный, системный процесс, характеризующий взаимодействие человека с природной и социальной средой; особенности процесса адаптации определяются психологическими свойствами человека, уровнем его личностного развития, характеризующегося совершенством механизмов личностной регуляции поведения и деятельности; критериями адаптированности можно считать не только выживаемость человека и нахождение места в социальной структуре, но и общий уровень психологического здоровья, способность развиваться в соответствии со своим жизненным потенциалом, субъективное чувство самоуважения и осмысленность жизни» [8, с. 937].

С. А. Шапкин и Л. Г. Дикая представляют адаптацию как процесс формирования стратегий совладания с трудной ситуацией с задействованием разных уровней регуляции, в котором системообразующим фактором адаптации являются мотивационно-волевые стратегии. Эти стратегии как раз и определяют силу и направленность процессов обеспечения деятельности – энергетических, эмоциональных и когнитивных [14]. А. А. Куприн отмечает, что социально-психологическую адаптацию можно рассматривать и как процесс, и как состояние, являющееся итогом взаимодействия субъекта адаптации с внешней средой [7]. И. А. Красильников и В. В. Константинов указывают на существование таких видов адаптации, как профессиональная, социально-экономическая, экономико-психологическая, социально-психологическая [8].

Успешность социально-психологической адаптации личности и сопряженных с ней внутриличностных конфликтов определяется способностью осуществлять конструктивные стратегии поведения в затрудненных и трудных жизненных ситуациях. А. А. Налчаджян описывает следующие признаки дезадаптированной личности: переживание ею длительных внутренних и внешних конфликтов без нахождения психических механизмов и форм поведения, необходимых для их развития [5]. Косвенно социально-психологическая адаптация отражается в состоянии субъективного благополучия, о чем упоминает Р. М. Шамионов [15], связывая субъективное благополучие с адаптацией, выделяя в нем регулятивную (адаптивную) функцию, участвующую в регуляции самоотношения, самочувствия и отношений с окружающими.

Важнейшим компонентом, лежащим в основе процессов успешной адаптации, является стрессоустойчивость – фактор, позволяющий личности противостоять стрессам. В. А. Бодров [13] отмечает, что в настоящее время большинство авторов в качестве синонима стрессоустойчивости употребляет термин «эмоциональная устойчивость», механизмы и сущность которой изучены лучше. Стрессоустойчивость есть свойство личности, способствующее высокой продуктивности деятельности в экстремальном пространстве.



Сегодня термин «стрессоустойчивость» объединяет такие частные составляющие, как эмоциональная устойчивость, психологическая устойчивость к стрессу, стресс-резистентность, фрустрационная толерантность, – подобное смешение понятий является достаточно распространенным явлением для многих авторов [16].

При нормально протекающей социально-психологической адаптации формируется свойство адаптивности (наличие множества разноуровневых ресурсов), которое субъективно переживается как состояние благополучия. Ему угрожает стресс, поэтому личность формирует особый комплекс различных способностей, называемый стрессоустойчивостью. Одним из важнейших элементов стрессоустойчивости является владение личностью поведенческими стратегиями, позволяющими успешно преодолевать стресс, снижающими риск возникновения дезадаптации или полностью адаптирующими личность. Еще R. S. Lazarus и S. Folkman связывали адаптированность с отсутствием переживания угрозы, выделяя в адаптационном процессе две стратегии совладающего поведения: а) проблемно-ориентированное поведение; б) поведение, ориентированное на изменение собственных установок в отношении к ситуации [2]. Среди российских психологов Л. И. Анцыферова, опираясь на работы Н. Thomaе, рассматривает процессы адаптации в контексте преодоления личностью трудной жизненной ситуации [4]. И. А. Красильников и В. В. Константинов полагают, что процесс преодоления проблемных ситуаций можно считать процессом социально-психической адаптации личности, в ходе которого открываются новые способы поведения, новые программы и планы внутриличностных процессов [8]. И. Г. Малкина-Пых отмечает, что совладающее поведение реализуется посредством применения разных копинг-стратегий на основе ресурсов личности и среды [17]. Ю. В. Обухова указывает, что особенности совладающего поведения студентов различных направлений подготовки сказываются на их Я-концепции [18].

Сам термин «преодолевающее поведение» («coping behavior») происходит от английского «cope» – преодолевать; на русский язык его переводят как адаптивное, совладающее поведение, или психологическое преодоление; он включает все виды взаимодействия субъекта с задачами внешнего или внутреннего характера. Современные исследователи выделяют большое разнообразие способов совладания с трудными ситуациями, или coping-механизмов, начиная от механизмов психологической защиты и индивидуальных реакций до жизненных стратегий, однако исчерпывающе решить проблему определения единого признака успешного coping-поведения как критерия психологической адаптации личности в настоящее время пока не удастся. Таким образом, копинг-поведение, преодолевающее, совладающее поведение – это деятельность личности по поддержанию или сохранению



баланса между требованиями среды и ресурсами, удовлетворяющими эти требования. Оно лучше адаптирует человека в ситуации, помогая ему овладеть ею, ослабить или смягчить ее требования, поддержать его благополучие, физическое и психическое здоровье и удовлетворенность социальными отношениями. Поведение преодоления инициируется ситуацией, в которой человек ощущает стресс, и завершается, когда ситуация для субъекта утрачивает свою значимость.

При изучении эффективности преодоления выявляется его связь с психическим благополучием, т. к. основным критерием эффективности становится снижение уровня невротизации, которое можно оценить по уменьшению проявлений депрессии, тревожности, раздражительности и психосоматических симптомов, ослаблению чувства «уязвимости» к стрессам. Эффективными стратегиями преодоления считаются преобразование ситуации или ее переосмысление, наименее эффективными – избегание и самообвинение [19]. Эффективность защитных форм преодоления оценивается неоднозначно: например, искаженное понимание ситуации N. Haan [20] считает дезадаптивным, а P. Becker [21] уверен, что за счет такого поведения достигается ослабление воспринимаемого стресса, позволяющее субъекту лучше мобилизовать энергию для активного преодоления сложностей. Также неоднозначно оцениваются эмоционально-экспрессивные формы копинга. С одной стороны, выражение чувств считается конструктивным способом преодоления стресса, а с другой, по данным психосоматических исследований, сдерживание негативных чувств является фактором риска нарушения психологического здоровья человека [19].

На выбор той или иной формы противостояния жизненным трудностям влияет принадлежность человека к определенной социальной группе, его социальный опыт и полоролевые стереотипы. Так, женщины, в основном, склонны к эмоциональному совладанию и психологическим защитам, а мужчины предпочитают путь преобразования внешней ситуации [22]. Сопоставляя поведение студентов-афроамериканцев и белых американских студентов в условиях учебных стрессов, J. Jung и H. Khalsa [23] показали, что студенты-афроамериканцы чаще ожидают их наступление, выбирают активные действия в трудных ситуациях, рассчитывая при этом на поддержку семьи. Для белых студентов характерна ориентация на поддержку друзей, и их копинг, в целом, менее эффективен. D. Shek [24] на примере работающих мужчин и женщин в Китае показал, что в различных сферах отношений при стрессах для женщин характерен поиск социальной поддержки, а для мужчин – попытки устранить неприятную ситуацию. В исследовании наиболее распространенных объектов конфликтного поведения M. Jerusalem и R. Schwarzer [25] обнаружили, что выбор стратегии преодоления конфликта



зависит от статуса оппонента. E. Wells-Parker [26] показал ролевую специфику преодоления трудных ситуаций повседневности у женщин в контексте их четырех основных ролей: профессионала, жены, матери и управляющего финансами. Женские стратегии оказались более активными, инструментальными в семье, что показывает обусловленность копинг-стратегии историческим (при разделении на традиционно мужские и женские сферы занятий) или социальным опытом. Таким образом, предпочтение стратегий преодоления отчасти детерминировано достаточно глубокими культурно-историческими корнями, гендерными и социальными стереотипами.

Сегодня авторы наиболее адаптивными (конструктивными) копинг-стратегиями считают те, которые направлены на разрешение проблемной ситуации (активные действия по устранению источника стресса, планирование своих действий в отношении проблемной ситуации, поиск помощи или совета у своего социального окружения, признание реальности ситуации и т. д.). Деадаптивными (неконструктивными) являются стратегии, связанные с эмоциональным реагированием в проблемной ситуации, отрицанием стрессовой ситуации или отказом от разрешения проблемы [17].

Таким образом, стратегии совладания являются важным адаптационным ресурсом личности, и от степени их конструктивности зависят успешность преодоления стрессов, сохранение здоровья субъекта общения и труда [5]. Работы по исследованию связи социально-психологической адаптации с поведением в трудных жизненных ситуациях единичны. Адаптацию непосредственно в связи с копинг-стратегиями изучали Н.Е. Водопьянова [27], Н.А. Шмакова [28] и И.В. Малышев [29]. В этих работах представлено, что специалисты с высокими показателями личностного адаптационного потенциала чаще используют конструктивные модели преодолевающего поведения, обладают более высоким уровнем нервно-психической устойчивости и удовлетворенности качеством жизни, а также что уровень социально-психологической адаптации респондентов отчасти зависит от межкультурных, возрастных и гендерных особенностей.

В то же время респондентами в проведенных исследованиях являются менеджеры, студенты, специалисты, работающие в офисах, а для работников производственной сферы подобных исследований не проводилось.

Методы

Цель работы – исследование особенностей социально-психологической адаптации у лиц с разной выраженностью стратегий совладания. **Основная выборка** исследования была представлена сотрудниками ООО «N-металлобаза» (всего 51 человек, из них 34 мужчины и 17 женщин в возрасте от 25 до 50 лет, различных специальностей: менеджеры, водители,



бухгалтеры и помощники бухгалтеров, кладовщики, грузчики, крановщики).

Общая гипотеза исследования: выраженность адаптации и стрессоустойчивость личности взаимосвязаны с особенностями ее стратегий совладающего поведения.

Частные гипотезы: 1) особенности социально-психологической адаптации и стрессоустойчивость взаимосвязаны с конструктивностью/неконструктивностью совладающего поведения личности; 2) статистически можно выделить психологические детерминанты, объединяющие стрессоустойчивость, социально-психологическую адаптацию и особенности совладающего поведения.

Методики исследования: методика социально-психологической адаптации К. Роджерса и Р. Даймонда, методика «Анкета оценки нервно-психической устойчивости "Прогноз-2"» В. Ю. Рыбникова, методика «Шкала SACS С. Хобфолла» в адаптации Н. Е. Водопьяновой и Е. С. Старченковой. Достоверность полученных результатов обеспечена расчетом необходимых статистических показателей и критериев с использованием статистической системы SPSS-17 для Windows.

Результаты

Независимая переменная нашего исследования – стратегии совладающего поведения (измеренные по методике SACS). Интегральной характеристикой индивидуального паттерна этих стратегий, на наш взгляд, может служить обобщенный показатель для 6-ти шкал методики SACS – индекс конструктивности, который рассчитывается как частное для сумм шкал «ассертивные действия», «вступление в социальный контакт» и «поиск социальной поддержки», с одной стороны, и «избегание», «асоциальные действия» и «агрессивные действия» – с другой стороны. Как указывает Н. Е. Водопьянова, «значения индекса конструктивности до 0,85 свидетельствуют о низкой конструктивности, интервал 0,86–1,1 – о средней конструктивности, выше 1,1 – о высокой конструктивности» [27, с. 259].

Для полного обоснования выбора индекса конструктивности в качестве независимой переменной нами был произведен анализ корреляционных связей по r -критерию Пирсона внутри методики SACS, включая интегративный показатель «индекс конструктивности». Оказалось, в методике SACS больше всего связей имеет именно индекс конструктивности (прямые связи для «ассертивных действий», «вступления в социальный контакт», «поиска социальной поддержки», «осторожных действий»; обратные – для «избегания», «асоциальных действий», «агрессивных» и «манипулятивных» действий). Неохваченным индексом конструктивности оказался только показатель «импульсивные действия». Далее с помощью частотного анализа



мы исследовали представленность в выборке лиц с различным индексом конструктивности (см. таблицу 1).

Таблица 1. Процентная представленность лиц с различной выраженностью индекса конструктивности (к соответствующим выборкам)

Table 1. Percentage of the individuals with different constructiveness indices (in relevant samples)

Выраженность индекса конструктивности Constructiveness index	Выборка Sample	Процентная представленность лиц для соответствующей выборки Percentage of the individuals in the relevant sample
Высокая выраженность индекса конструктивности High constructiveness index	Мужчины Men	8,8
	Женщины Women	23,5
	Совокупная выборка Total	13,7
Средняя выраженность индекса конструктивности Average constructiveness index	Мужчины Men	64,7
	Женщины Women	64,7
	Совокупная выборка Total	64,7
Низкая выраженность индекса конструктивности Low constructiveness index	Мужчины Men	26,5
	Женщины Women	11,8
	Совокупная выборка Total	21,6

У мужчин и женщин численность в процентном отношении лиц со средней выраженностью индекса конструктивности одинакова, но среди женщин по сравнению с мужчинами почти на 15% больше лиц с высокой конструктивностью, а среди мужчин – на столько же больше лиц с низкой конструктивностью. В выборке около 65% респондентов имеет баланс конструктивных и неконструктивных стратегий, 14% – конструктивных и 22% – неконструктивных, однако показатели «ухудшают» мужчины (рисунок 1).

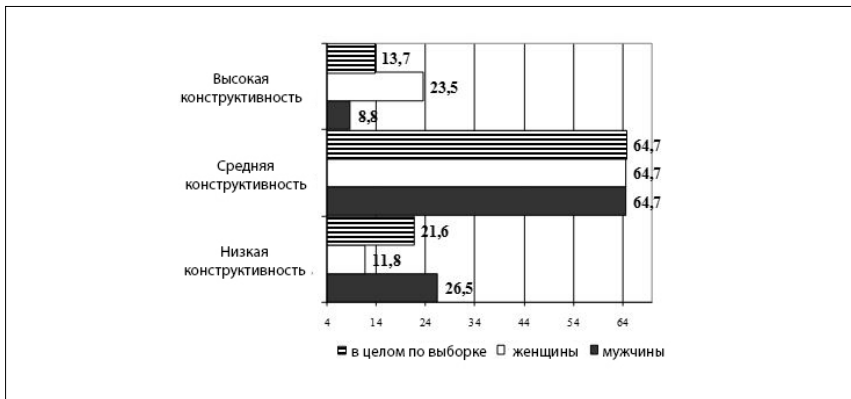


Рисунок 1. Процентное соотношение лиц мужской, женской и совокупных выборок с различной выраженностью индекса конструктивности

Figure 1. Percentage of male, female, and total samples with different constructiveness indices

Для исследования показателей социально-психологической адаптации у лиц с разной выраженностью индекса конструктивности использовался U-критерий Манна – Уитни (см. таблицу 2).

При сравнении групп с высоким и средним индексами конструктивности выявлены значимые различия в следующих частных показателях методики Роджерса – Даймонда: адаптивности, принятия других, эмоционального комфорта, эмоционального дискомфорта. Также можно говорить о тенденции различий в показателе «ведомость» в сравниваемых выборках.

При сравнении групп с высоким и низким индексами конструктивности выявлены значимые различия в частных показателях методики Роджерса – Даймонда: адаптивности, дезадаптивности, принятия других, эмоционального комфорта и эмоционального дискомфорта.

При сравнении групп со средним и низким индексами конструктивности выявлены слабо выраженные различия в частных показателях методики Роджерса – Даймонда: адаптивности, дезадаптивности и непринятия себя, а также – тенденции слабых различий для показателя непринятия других. Из таблицы 3 видно, что лица с высокой конструктивностью преодолевающего поведения отличаются самым высоким уровнем адаптивности (самый низкий – у лиц с низкой конструктивностью), более высоким уровнем принятия других, более высоким уровнем эмоционального комфорта, меньшим, чем у остальных, эмоциональным дискомфортом и меньшей ведомостью. Лица с низкой конструктивностью совладающего поведения, помимо самой низкой



адаптивности, отличаются более высокой дезадаптивностью, а также – более выраженным принятием себя и других.

Таблица 2. Значимость различий для показателей адаптации (частные показатели методики Роджерса – Даймонда) у лиц с разным уровнем индекса конструктивности (ИК)

Table 2. Differences for adaptation indices (particular indices by the Rogers–Diamond technique) in individuals with different constructiveness indices (CI)

Частные показатели методики Роджерса – Даймонда <i>Particular indices by the Rogers–Diamond technique</i>	Сравняемые выборки и статистические показатели для них <i>Compared samples with statistical indices</i>					
	высокий – средний ИК		высокий – низкий ИК		средний – низкий ИК	
	High – Average (CI)		High – Low (CI)		Average – Low (CI)	
	U	p	U	p	U	p
Адаптивность Adaptability	0,500	0,000	1,500	0,000	103,500	0,033
Дезадаптивность Disadaptability	108,500	0,807	14,000	0,027	69,500	0,002
Принятие себя Self-acceptance	107,500	0,781	30,000	0,479	155,000	0,487
Непринятие себя Self-rejection	110,000	0,862	23,500	0,179	104,500	0,036
Принятие других Acceptance of others	32,000	0,002	8,500	0,004	170,000	0,769
Непринятие других Rejection of others	86,500	0,309	32,500	0,596	121,000	0,105
Эмоциональный комфорт Emotional comfort	34,000	0,002	8,500	0,004	153,000	0,453
Эмоциональный дискомфорт Emotional discomfort	52,000	0,022	14,500	0,027	165,500	0,669
Внутренний контроль Internal control	111,500	0,889	37,000	0,930	162,000	0,612
Внешний контроль External control	110,500	0,862	33,500	0,659	155,000	0,487
Доминирование Dominance	98,500	0,553	29,500	0,425	162,000	0,612
Ведомость Following	68,500	0,095	24,000	0,211	157,000	0,521
Эскапизм Escapism	110,000	0,862	35,500	0,791	159,000	0,556



Таблица 3. Значения внутригрупповых средних для частных показателей адаптации, обнаруживающих различия в выборках лиц с разными уровнями индекса конструктивности

Table 3. Intragroup mean scores for particular adaptation indices in the samples of individuals with different constructiveness indices

Частные показатели методики Роджерса – Даймонда <i>Particular indices by the Rogers–Diamond technique</i>	Анализируемые выборки и статистические показатели для них <i>Analyzed samples with statistical indices</i>					
	Высокий индекс конструктивности <i>High constructiveness index</i>		Средний индекс конструктивности <i>Average constructiveness index</i>		Низкий индекс конструктивности <i>Low constructiveness index</i>	
	М	σ	М	σ	М	σ
Адаптивность <i>Adaptability</i>	139,3	11,3	122,8	5,6	115,9	10,0
Дезадаптивность <i>Disadaptability</i>	117,4	17,8	121,6	8,9	132,1	7,7
Непринятие себя <i>Self-rejection</i>	22,6	8,4	24,3	4,1	27,2	3,1
Принятие других <i>Acceptance of others</i>	26,0	2,2	21,1	4,3	20,6	4,3
Непринятие других <i>Rejection of others</i>	24,4	7,6	24,7	3,3	27,7	4,1
Эмоциональный комфорт <i>Emotional comfort</i>	31,7	3,2	26,3	4,8	25,1	4,3
Эмоциональный дискомфорт <i>Emotional discomfort</i>	22,0	4,2	26,4	3,8	27,2	4,6
Ведомость <i>Following</i>	20,4	4,2	22,8	3,3	23,3	3,5

Мы отобрали графически внутригрупповые средние для частных показателей методики Роджерса – Даймонда, имеющих различия в выборках лиц с разными уровнями индекса конструктивности (см. рисунки 2 и 3). Из рисунков видно, что наибольшая адаптивность присуща лицам с высоким индексом конструктивности поведения.

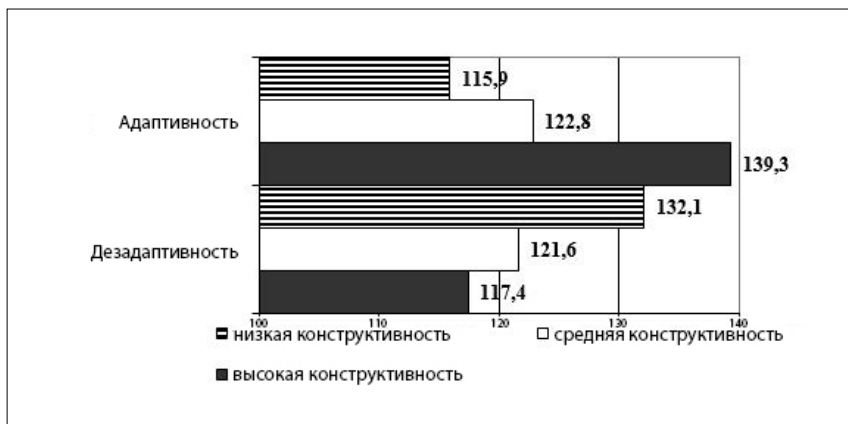


Рисунок 2. Показатели адаптивности/деадаптивности у лиц с различной выраженностью преодолевающего поведения

Figure 2. Adaptability/disadaptability indices in individuals with different levels of coping behaviour

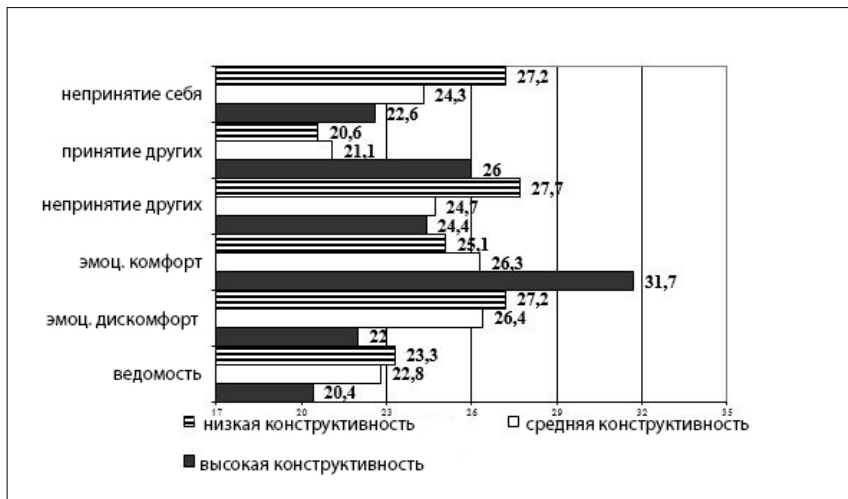


Рисунок 3. Выраженность частных показателей адаптации у лиц с различной выраженностью индекса конструктивности преодолевающего поведения

Figure 3. Particular adaptation indices in individuals with different constructiveness indices of coping behaviour



Анализ различий средних в этих группах, проведенный с помощью критерия Манна – Уитни, подтвердил выявленные закономерности. Оказалось, что по большинству интегративных показателей социально-психологической адаптации лица с низким и средним индексами конструктивности близки. Отличительными особенностями лиц с низкой конструктивностью являются более низкая адаптация и меньшее самопринятие. Лица с высокой конструктивностью отличаются более высокой адаптацией, самопринятием, эмоциональной комфортностью и стремлением к доминированию.

Итак, особенности адаптации у лиц с высоким индексом конструктивности поведения заключаются в том, что у них более высокие частные показатели адаптивности, принятия других, эмоционального комфорта и более низкие частные показатели эмоционального дискомфорта и ведомости, а в отношении интегративных показателей – более высокая адаптация, более высокое принятие себя и других, более высокий уровень эмоциональной комфортности, большая интернальность. Особенности адаптации у лиц с низким индексом конструктивности поведения заключаются в том, что у них присутствуют низкая адаптивность, более высокая дезадаптивность, повышенные уровни непринятия себя и других, менее выражено самопринятие, и присутствует низкий уровень адаптации. При этом отмечается пониженный уровень адаптивных возможностей в целом для исследованной выборки, как у лиц с высокой конструктивностью поведения (в среднем 57%), так и у лиц с низкой конструктивностью (в среднем 48%).

Для исследования особенностей стрессоустойчивости у лиц с разной выраженностью индекса конструктивности был произведен расчет U-критерия Манна – Уитни и величин внутригрупповых средних для показателя нервно-психической устойчивости выборок респондентов с высокой, средней и низкой выраженностью индекса конструктивности (см. таблицу 4).

Как видно из таблицы 4, во всех случаях имеются значимые различия для показателя НПУ попарно сравниваемых выборок респондентов с различной выраженностью индекса конструктивности, однако для сравниваемых выборок лиц со средней и низкой конструктивностью различия выражены слабее, хотя их внутригрупповые средние значимо отличаются. Это обусловлено достаточно высокими стандартными отклонениями в выборках, отражающими то, насколько отличаются реальные значения отдельных членов выборок от внутригрупповых средних (U-критерий как бы накладывает одну выборку на другую). Лица с высокой конструктивностью имеют высокий внутригрупповой уровень НПУ (стрессоустойчивости), а лица с низкой конструктивностью – самые низкие значения НПУ.

Результаты расчета частот показателей НПУ для лиц каждой выборки представлены в таблице 5.



Таблица 4. Значимость различий показателя стрессоустойчивости (методика НПУ «Прогноз») для респондентов с различной выраженностью индекса конструктивности

Table 4. Differences in stress tolerance indices (by the Prognoz-2 technique) for respondents with different constructiveness indices

Сравниваемые выборки / выборка Compare samples / sample	Статистика Statistics	Показатель Index
Высокий – средний индекс конструктивности High – average constructiveness index	U	7,000
	p	0,000
Высокий – низкий индекс конструктивности High – low constructiveness index	U	0,000
	p	0,000
Средний – низкий индекс конструктивности Average – low constructiveness index	U	30,000
	p	0,000
Лица с высокой конструктивностью Individuals with high constructiveness	M	3,9
	σ	0,4
Лица со средней конструктивностью Individuals with average constructiveness	M	2,4
	σ	0,6
Лица с низкой конструктивностью Individuals with low constructiveness	M	1,2
	σ	0,4

Таблица 5. Процентное соотношение лиц с разным уровнем НПУ (нервно-психической устойчивости) в связи с выраженностью индекса конструктивности

Table 5. Percentage of individuals with different levels of mental stability (MS) and the constructiveness index

НПУ в сте- нах MS in stems	Комментарии по НПУ Comments by MS	Процентная представленность лиц с различной конструктивностью Percentage of individuals with different constructiveness		
		Высокая High	Средняя Average	Низкая Low
1	Неудовлетворительная НПУ	0	6,1	81,8
2	Unsatisfactory MS	0	51,5	18,2
3	Удовлетворительная НПУ	14,3	42,4	0
4	Satisfactory MS	85,7	0	0



Видно, что неудовлетворительного уровня НПУ в выборке лиц с высокой конструктивностью не обнаруживается, и вся эта выборка находится в диапазоне удовлетворительной НПУ. Что касается лиц с низкой конструктивностью, то вся их выборка находится в диапазоне неудовлетворительной НПУ. При этом 42 % лиц со средней конструктивностью находится в диапазоне удовлетворительной НПУ, остальные – в диапазоне неудовлетворительной НПУ. Обращает на себя внимание, что подуровня «хорошая НПУ» (выше 6 стенов) не достигает ни один обследованный нами респондент. Таким образом, первая частная гипотеза подтверждена: могут быть выделены особенности адаптации и стрессоустойчивости в связи с конструктивностью/неконструктивностью преодолевающего поведения личности.

С целью выявления связей показателей субъективного благополучия, стрессоустойчивости и стратегии преодолевающего поведения, была проведена факторизация данных (без вращения). Для подтверждения возможности факторного анализа определялась нормальность распределения (критерий Колмогорова – Смирнова) показателей переменных, включенных в факторном анализе. Значение величины разности $d = 0,277$ критерия Колмогорова – Смирнова, $p < 0,01$. По результатам факторного анализа (таблица 6) нами было получено 9 факторов; только в факторе 1 показатели преодолевающего поведения, адаптации и стрессоустойчивости имеют значимые факторные нагрузки (в основном, сильные и средние). Процент дисперсии, объясняющей 9-факторное решение – 27,34 %.

Фактор 1 объединяет показатели адаптации, выраженной стрессоустойчивости, конструктивности и принятия других (показатели с наиболее сильной факторной нагрузкой) и назван нами фактором «ресурсов психологического здоровья» – РПЗ. Неконструктивные стратегии преодоления и показатели дезадаптации в этом факторе имеют отрицательные веса; т. е. с первыми они несовместимы. Изучение компонентов фактора РПЗ показывает, что стрессоустойчивость напрямую и сильно связана с конструктивными стратегиями преодолевающего поведения и позитивными параметрами адаптации. Вторая частная гипотеза исследования подтверждена: статистически можно выделить психологические детерминанты, объединяющие стрессоустойчивость, высокую адаптивность и особенности преодолевающего поведения.

Обсуждение результатов

Полученные в целом в работе результаты удовлетворяют нашу общую гипотезу, согласно которой выраженность адаптации и стрессоустойчивость личности взаимосвязаны с особенностями ее стратегий преодолевающего поведения.



Таблица 6. Факторные связи стратегий преодолевающего поведения, показателей адаптации и стрессоустойчивости

Table 6. Factorial relations among coping strategies, adaptation, and stress tolerance

Показатели Indices	Факторная нагрузка Factor loading
Преодолевающее поведение Coping behaviour	
<u>Индекс конструктивности*</u> <i>Constructiveness index*</i>	0,906
Асоциальные действия Asocial behaviour	-0,619
Манипулятивные действия Manipulative behaviour	-0,600
Вступление в социальный контакт Making social contacts	0,598
Поиск социальной поддержки Search for social support	0,568
Ассертивные действия Assertive behaviour	0,433
Осторожные действия Careful behaviour	0,390
Адаптация Adaptation	
<u>Адаптация</u> <i>Adaptation</i>	0,945
Адаптивность Adaptability	0,709
Дезадаптивность Disadaptability	-0,761
<u>Самопринятие</u> <i>Self-acceptance</i>	0,600
Непринятие себя Self-rejection	-0,562
<u>Принятие других</u> <i>Acceptance of others</i>	0,706
Принятие других Acceptance of others	0,417
Непринятие других Rejection of others	-0,553
<u>Эмоциональная комфортность</u> <i>Emotional wellbeing</i>	0,495



Показатели Indices	Факторная нагрузка Factor loading
Эмоциональный комфорт Emotional comfort	0,302
Эмоциональный дискомфорт Emotional discomfort	-0,453
<u>Интернальность</u> <i>Internality</i>	0,406
Внешний контроль External control	-0,340
<u>Стремление к доминированию</u> <i>Desire to dominate</i>	0,343
Стрессоустойчивость Stress tolerance	
Нервно-психическая устойчивость Mental stability	0,799

Примечание: интегративные показатели (ИП) выделены курсивом и подчеркиванием.

Note: integrative indices (II) are shown in italics and underlined.

Итоги исследования совпадают с результатами похожих по проблематике работ Н. А. Шмаковой [28] и Н. А. Краюшкиной [30], в частности, для выводов о взаимосвязи адаптации с конструктивным копингом и о различиях взаимосвязей адаптационных и копинговых характеристик у разных профессиональных, гендерных и возрастных групп. Однако в части преобладания конструктивных стратегий у женщин наши результаты противоречат данным Н. А. Шмаковой [28], указывающей, что менеджеры-мужчины используют активные и прямые стратегии, а менеджеры-женщины – просоциальные и непрямые. Это можно объяснить различиями в образовательном и культурном уровнях исследуемых выборок: описанные в нашем исследовании рабочие, видимо, отличаются более маргинальными личностными характеристиками, чем офисные менеджеры, ставшие респондентами Н. А. Шмаковой. Кроме того, из-за малого количества человек в выявленных группах с высокой и низкой конструктивностью поведения следует скорее говорить о возможной тенденции в существовании различий, чем о явной закономерности.

Обращает на себя внимание выявленный нами относительно общий низкий уровень адаптации, конструктивности и нервно-психической устойчивости у трудоустроенных людей. Это дает основание предполагать, что не только трудовая занятость населения обуславливает его уровень адаптивности и ставит вопросы о связи социально-психологической адаптивности



с переживаниями удовлетворенности жизнью, трудом, удовлетворенностью семейными отношениями, с экзистенциальной исполненностью жизни и способами реализации свободного времени, что может представлять перспективу дальнейших исследований.

Проведенное эмпирическое исследование иллюстрирует системную связанность социально-психологической адаптации как со стрессоустойчивостью, так и со стратегиями преодолевающего поведения. Выявлены прямые связи позитивных предикторов адаптации с конструктивными стратегиями совладания. Из результатов работы следует, что ни путем проявления агрессивности, ни манипуляциями нельзя достичь достаточного уровня адаптации к социальной среде, самопонимания, принятия других, ресурсных уровней психологического здоровья. В то же время, повышая индекс конструктивности своего поведения, можно развивать свои адаптивные возможности и стрессоустойчивость.

Проведенное исследование позволило сделать следующие выводы:

1. В выборке преобладают респонденты со средней выраженностью конструктивного поведения преодоления и большинства показателей социально-психологической адаптации, а также с удовлетворительными показателями стрессоустойчивости (при полном отсутствии в выборке респондентов с высокой устойчивостью).

2. Мужская и женская подгруппы различаются по признаку использования конструктивных и низкоконструктивных стратегий преодоления: в женской выборке больше лиц с высококонструктивными стратегиями (преобладание ассертивности, вступления в социальный контакт и поиска социальной поддержки), а в мужской больше лиц с низкоконструктивными стратегиями (превалирование избегания, асоциальных и агрессивных действий).

3. Лица с высокой конструктивностью преодолевающего поведения отличаются самым высоким уровнем адаптивности (самый низкий – у лиц с низкой конструктивностью), более высоким уровнем принятия других, более высоким уровнем эмоционального комфорта, меньшим, чем у остальных, эмоциональным дискомфортом и меньшей ведомостью. Лица с низкой конструктивностью совладающего поведения, помимо самой низкой адаптивности, отличаются более высокой дезадаптивностью, а также – более выраженным непринятием себя и других.

4. По большинству интегративных показателей социально-психологической адаптации лица с низким и средним индексами конструктивности близки; их отличительными особенностями являются более низкая адаптация и меньшее самопринятие.

5. Лица с высокой конструктивностью поведения обладают удовлетворительным уровнем нервно-психической устойчивости; лица с низкой



конструктивностью поведения характеризуются неудовлетворительной нервно-психической устойчивостью.

6. Выделен фактор ресурсов психологического здоровья, показывающий статистическую обусловленность взаимосвязи позитивных факторов социально-психологической адаптации, конструктивного поведения и стрессоустойчивости. В него вошли показатели с сильной факторной нагрузкой (индекс конструктивности поведения, адаптация и адаптивность, принятие других и стрессоустойчивость). Противоположными основным для этого фактора показателям (входят в него с отрицательным знаком) являются асоциальные действия, дезадаптивность и непринятие себя.

Литература

1. *Водопьянова Н. Е., Капустина А. Н.* Копинг-стратегии как фактор профессиональной адаптации // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. – 2015. – Т. 5, № 1. – С. 73–85.
2. *Lazarus R. S., Folkman S.* Stress, appraisal, and coping. – N. Y. : Springer Publishing Company, 1984. – 218 p.
3. *Абульханова-Славская К. А.* Стратегия жизни. – М. : Мысль, 1991. – 299 с.
4. *Анцыферова Л. И.* Личность в трудных жизненных условиях: переосмысление, преобразование ситуаций и психологическая защита // Психологический журнал. – 1994. – Т. 15, № 1. – С. 3–15.
5. *Налчаджян А. А.* Социально-психическая адаптация личности: (Формы, механизмы и стратегии). – Ереван : Изд-во АН Армянской ССР, 1988. – 69 с.
6. *Реан А. А., Кудашев А. Р., Баранов А. А.* Психология адаптации личности : Учебно-научное издание. – СПб. : ПРАЙМ-ЕВРОЗНАК, 2006. – 479 с.
7. *Куприн А. А.* Специфика понимания адаптации в современной социальной психологии // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2009. – № 1. – С. 189–194.
8. *Красильников И. А., Константинов В. В.* Социально-психологическая адаптация личности и стратегии разрешения внутренних конфликтов // Известия Самарского научного центра РАН. – 2009. – № 4–4. – С. 937.
9. *Маклаков А. Г.* Личностный адаптивный потенциал: его мобилизация и прогнозирование в экстремальных условиях // Психологический журнал. – 2001. – Т. 22, № 1. – С. 16–24.
10. *Дикая Л. Г.* Итоги и перспективные направления исследований в психологии труда в XXI веке // Психологический журнал. – 2002. – Т. 23, № 6. – С. 18–37.
11. *Крюкова Т. Л.* Психология совладающего поведения: современное состояние, проблемы и перспективы // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. – 2008. – № 4. – С. 147–153.



12. *Нартова-Бочавер С. К.* «COPING BEHAVIOR» в системе понятий психологии личности // Психологический журнал. – 1997. – Т. 18, № 5. – С. 20–30.
13. *Бодров В. А.* Информационный стресс : Учебное пособие для вузов. – М. : Пер Сэ, 2000. – 352 с.
14. *Шапкин С. А., Дикая Л. Г.* Деятельность в особых условиях: компонентный анализ структуры и стратегий адаптации // Психологический журнал. – 1996. – Т. 17, № 1. – С. 19–34.
15. *Шамионов Р. М.* Субъективное благополучие личности: психологическая картина и факторы. Монография. – Саратов : Научная книга, 2008. – 296 с.
16. *Церковский А. Л.* Современные взгляды на проблему стрессоустойчивости // Вестник Витебского государственного медицинского университета. – 2011. – Т. 10, № 1. – С. 6.
17. *Малкина-Пых И. Г.* Стратегии поведения при стрессе // Московский психологический журнал. – 2007. – № 12. – С. 15–25.
18. *Обухова Ю. В.* Особенности совладающего поведения студентов несоциально-педагогических специальностей в связи с особенностями их Я-концепции // Теоретические и практические аспекты психологии и педагогики : коллективная монография / под ред. И. В. Андулян. – Уфа : Аэтерна, 2015. – С. 138–155.
19. *Nakano K.* Coping strategies and psychological symptoms in a Japanese sample // Journal of Clinical Psychology. – 1991. – Vol. 47, № 3. – P. 346–350. – DOI: [10.1002/1097-4679\(199105\)47:3<346::AID-JCLP2270470304>3.0.CO;2-H](https://doi.org/10.1002/1097-4679(199105)47:3<346::AID-JCLP2270470304>3.0.CO;2-H)
20. *Haan N.* Coping and defense mechanisms related to personality inventories // Journal of Consulting Psychology. – 1965. – Vol. 29, № 4. – P. 373–378.
21. *Becker P.* Der Trierer Persoenlichkeitsfragebogen (TPF). Gottingen : Hogrefe, 1989. – 389 p.
22. *Blanchard-Fields F., Sulsky L., Robinson-Whelen S.* Moderating Effects of Age and Context on the Relationship Between Gender, Sex Role Differences, and Coping // Sex Roles. – 1991. – Vol. 25, Issue 11–12. – P. 645–660. – DOI: [10.1007/BF00289569](https://doi.org/10.1007/BF00289569)
23. *Jung J., Khalsa H. K.* The Relationship of Daily Hassles, Social Support, and Coping to Depression in Black and White Students // Journal of General Psychology – 1989. – Vol. 116, Issue 4. – P. 407–417.
24. *Shek D. T. L.* Reliance On Self or Seeking Help From Others: Gender Differences in the Locus of Coping in Cinese Working Parents // The Journal of Psychology. – 1992. – Vol. 126, Issue 6. – P. 671–678.
25. *Jerusalem M., Schwarzer R.* Selbstkonzept und Ängstlichkeit als Einflußgrößen für Streßerleben und Bewältigungstendenzen // Zeitschrift für Entwicklungspsychologie und Pädagogische Psychologie. – 1989. – Vol. 21, № 4. – P. 307–324.



26. Wells-Parker E. et al. Development of Control-of-Outcome Scales and Self-Efficacy Scales for Women in Four Life Roles // *Journal of Personality Assessment*. – 1990. – Vol. 54, Issue 3–4. – P. 564–575. – DOI: [10.1080/00223891.1990.9674020](https://doi.org/10.1080/00223891.1990.9674020)
27. Водопьянова Н. Е. Психодиагностика стресса. – СПб.: Питер, 2009. – 336 с.
28. Шмакова Н. А. Взаимосвязь социально-психологической адаптации и копинг-стратегии у менеджеров // *Вестник МГЛУ*. – 2013. – № 16 (676). – С. 193–202.
29. Малышев И. В. Характеристика социально-психологической адаптации и копинг-стратегий личности в разных условиях социализации // *Современные исследования социальных проблем*. – 2012. – № 12. – С. 23.
30. Краюшкина Н. А. Социально-психологическая адаптация к менеджерской деятельности и копинг-стратегии у студентов в период прохождения практики // *Вестник МГЛУ*. – 2014. – № 16 (702). – С. 88–96.

References

1. Vodop'yanova N. E., Kapustina A. N. Coping strategies as a factor for professional adaptation. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina – Vestnik of Pushkin Leningrad State University*, 2015, V. 5, no. 1, pp. 73–85 (in Russian).
2. Lazarus R. S., Folkman S. *Stress, appraisal, and coping*. N. Y., Springer Publishing Company, 1984. 218 p.
3. Abul'khanova-Slavskaya K. A. *Strategiya zhizni* [A life strategy]. Moscow, Mysl' Publ., 1991. 299 p.
4. Antsyferova L. I. An individual in difficult living conditions: rethinking, transformation of situations, and psychological defense. *Psikhologicheskii zhurnal*, 1994, V. 15, no. 1, pp. 3–15 (in Russian).
5. Nalchadzhyan A. A. *Sotsial'no-psikhicheskaya adaptatsiya lichnosti: (Formy, mekhanizmy i strategii)* [The person's socio-psychological adaptation: Forms, mechanisms, and strategies]. Yerevan, Academy of Sciences, Armenian SSR Publ., 1988. 69 p.
6. Rean A. A., Kudashv A. P., Baranov A. A. *Psikhologiya adaptatsii lichnosti* [The psychology of the person's adaptation]. St. Petersburg, PRAIM-EVROZNAK Publ., 2006. 479 p.
7. Kuprin A. A. Understanding adaptation in modern social psychology. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii – Vestnik of the Saint-Petersburg University of the MIA of Russia*, 2009, no. 1, pp. 189–194 (in Russian).
8. Krasil'nikov I. A., Konstantinov V. V. Socio-psychological adaptation of the individual and strategies for resolving internal conflicts. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN – Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, 2009, no. 4–4, p. 937 (in Russian).



9. Maklakov A. G. Personal adaptive potential: its mobilization, and forecasting in extreme conditions. *Psikhologicheskii zhurnal*, 2001, V. 22, no. 1, pp. 16–24 (in Russian).
10. Dikaya L. G. Results and promising directions in the psychology of labor in the 21st century. *Psikhologicheskii zhurnal*, 2002, V. 23, no. 6, pp. 18–37 (in Russian).
11. Kryukova T. L. The psychology of coping behaviour: the current state, problems and prospects. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsiokinetika – Vestnik of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology*, 2008, no. 4, pp. 147–153 (in Russian).
12. Nartova-Bochaver S. K. Coping behaviour in the conceptual system of personality psychology. *Psikhologicheskii zhurnal*, 1997, V. 18, no. 5, pp. 20–30 (in Russian).
13. Bodrov V. A. *Informatsionnyi stress: Uchebnoe posobie dlya vuzov* [Information stress]. Moscow, Per Se Publ., 2000. 352 p.
14. Shapkin S. A., Dikaya L. G. Activities in special conditions: A component analysis of the adaptation structure and strategies. *Psikhologicheskii zhurnal*, 1996, V. 17, no. 1, pp. 19–34 (in Russian).
15. Shamionov R. M. *Sub"ektivnoe blagopoluchie lichnosti: psikhologicheskaya kartina i faktory. Monografiya* [Subjective well-being of the person: A psychological pattern and factors]. Saratov, Nauchnaya kniga Publ., 2008. 296 p.
16. Tserkovskii A. L. Modern views of stress tolerance. *Vestnik Vitebskogo gosudarstvennogo meditsinskogo universiteta – Vestnik of Vitebsk State Medical University*, 2011, V. 10, no. 1, p. 6 (in Russian).
17. Malkina-Pykh I. G. Strategies of stress behaviour. *Moskovskii psikhologicheskii zhurnal – Moscow Psychological Journal*, 2007, no. 12, pp. 15–25 (in Russian).
18. Obukhova Yu. V. Coping behaviour among students of non-socioeconomic profile and their self-concept. In: Andulyan I. V. (ed.). *Teoreticheskie i prakticheskie aspekty psikhologii i pedagogiki: kollektivnaya monografiya* [Theoretical and practical aspects of psychology and pedagogy]. Ufa, Aeterna Publ., 2015, pp. 138–155.
19. Nakano K. Coping strategies and psychological symptoms in a Japanese sample. *Journal of Clinical Psychology*, 1991, V. 47, no. 3, pp. 346–350. DOI: [10.1002/1097-4679\(199105\)47:3<346::AID-JCLP2270470304>3.0.CO;2-H](https://doi.org/10.1002/1097-4679(199105)47:3<346::AID-JCLP2270470304>3.0.CO;2-H)
20. Haan N. Coping and defense mechanisms related to personality inventories. *Journal of Consulting Psychology*, 1965, V. 29, no. 4, pp. 373–378.
21. Becker P. *Der Trierer Persoenlichkeitsfragebogen (TPF)*. Gottingen, Hogrefe, 1989. 389 p.
22. Blanchard-Fields F., Sulsky L., Robinson-Whelen S. Moderating effects of age and context on the relationship between gender, sex role differences,



- and coping. *Sex Roles*, 1991, V. 25, Issue 11–12, pp. 645–660. DOI: [10.1007/BF00289569](https://doi.org/10.1007/BF00289569)
23. Jung J., Khalsa H. K. The relationship of daily hassles, social support, and coping to depression in black and white students. *Journal of General Psychology*, 1989, V. 116, Issue 4, pp. 407–417.
 24. Shek D. T. L. Reliance on self or seeking help from others: Gender differences in the locus of coping in Chinese working parents. *The Journal of Psychology*, 1992, V. 126, Issue 6, pp. 671–678.
 25. Jerusalem M., Schwarzer R. Selbstkonzept und Ängstlichkeit als Einflußgrößen für Streßerleben und Bewältigungstendenzen. *Zeitschrift für Entwicklungspsychologie und Pädagogische Psychologie*, 1989, V. 21, no. 4, pp. 307–324.
 26. Wells-Parker E. et al. Development of control-of-outcome scales and self-efficacy scales for women in four life roles. *Journal of Personality Assessment*, 1990, V. 54, Issue 3–4, pp. 564–575. DOI: [10.1080/00223891.1990.9674020](https://doi.org/10.1080/00223891.1990.9674020)
 27. Vodop'yanova N. E. *Psikhodiagnostika stressa* [Psychodiagnostics of stress]. St. Petersburg, Piter Publ., 2009. 336 p.
 28. Shmakova N. A. The relationship between socio-psychological adaptation and coping strategies in managers. *Vestnik MGLU – Vestnik of Moscow State Linguistic University*, 2013, no. 16 (676), pp. 193–202 (in Russian).
 29. Malyshev I. V. Socio-psychological adaptation and coping strategies in various socialization conditions. *Sovremennye issledovaniya sotsialnykh problem – Modern Research of Social Problems*, 2012, no. 12, p. 23 (in Russian).
 30. Krayushkina N. A. Socio-psychological adaptation of managerial activities and coping strategies in students during the internship period. *Vestnik MGLU – Vestnik of Moscow State Linguistic University*, 2014, no. 16 (702), pp. 88–96 (in Russian).



УДК 159.9.072.432:316.6

DOI: [10.21702/rpj.2017.4.10](https://doi.org/10.21702/rpj.2017.4.10)

Социально-психологическая модель ценностей различных поколений современного российского общества

Александр М. Рикель^{1*}, Светлана В. Доренская²

¹ Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация

² Психологический институт Российской академии образования, г. Москва, Российская Федерация

* E-mail: a.m.rikel@gmail.com

Аннотация

Введение. Статья описывает исследование, целью которого выступило изучение особенностей ценностной иерархии различных поколений современной России. Акцентируется внимание на восприятии поколениями других групп людей и на их мнении о своей возрастной когорте. Объектом исследования явились различные поколения современной России, а предметом – особенности их ценностей. Анализируются различные подходы к пониманию термина «поколение». Целью исследования выступило изучение ценностей различных поколений современной России. В этом смысле исследование являлось поисковым, его новизна – в построении моделей самовосприятия и взаимовосприятия современными российскими поколениями, основанных на ценностных диспозициях.

Методы. Методическим аппаратом эмпирического исследования выступили опросник «Ценностные ориентации» М. Рокича, авторская анкета на выявление представлений поколений о других поколениях и авторский опросник на выявление ценностей, которые декларируются культурой. В исследовании приняло участие 100 человек (40 мужчин и 60 женщин, рожденных в промежутке между 1948 и 1997 годами).

Результаты. В результате статистического анализа была выявлена иерархия ценностей для каждого из трех исследуемых поколений. Выявлены значимые различия в иерархиях и особенности взаимовосприятия поколений в зависимости от ценностных ориентаций. Обнаружено, что поколения, сформировавшиеся в более отдаленные друг от друга промежутки, отличаются друг от друга в большей степени, а восприятие поколений друг друга смежно с теми ценностями у каждой из групп респондентов, которые были продиктованы социумом.

Обсуждение результатов. Результаты интерпретировались в рамках культурологической и социально-психологической основ становления поколенческих групп, описывающих «разрыв» трансмиссии ценностей между поколениями. Результаты



подтверждают логику К. Маннгейма, М. Мид и Э. Тоффлера и последние исследования: ценностный межпоколенческий разрыв позволяет сделать прогноз об уменьшении возрастных рамок в рамках одной поколенческой когорты до 10–15 лет. Ценностный разрыв базируется на взаимовосприятии поколений сквозь призму различий в базовых ценностях, отношении к семье, работе, материальным и общегражданским ценностям. Эти ценности выступают основанием для восприятия поколенческими группами друг друга.

Ключевые слова

общие ценности, ценностные ориентации, ценности поколений, поколение, социализация, инкультурация, типология поколений, иерархия ценностей, восприятие поколениями поколений

Основные положения

- ▶ в статье показано наличие значимого ценностного «разрыва» между представителями трех поколений, проживающих в современной России, что подтверждает как предыдущие исследования, так и данные, получаемые в западных странах;
- ▶ различия в ценностных ориентациях вкупе с представлениями о ценностях других поколений обуславливают перцептивные особенности, позволяющие говорить о восприятии поколениями друг друга;
- ▶ на основании анализа восприятия поколениями ценностей иных поколенческих групп предлагаются пять перцептивных моделей, позволяющих выявить ценности, оказывающиеся знаковыми с точки зрения межпоколенческой коммуникации.

Благодарности

Статья выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект No 17-06-00980) «Историко-политические факторы трансформации коллективной памяти и идентичности российского общества».

Для цитирования

Рикель А. М., Доренская С. В. Социально-психологическая модель ценностей различных поколений современного российского общества // Российский психологический журнал. – 2017. – Т. 14, № 4. – С. 205–225.

Материалы статьи получены 17.04.2017



UDC 159.9.072.432:316.6

DOI: [10.21702/rpj.2017.4.10](https://doi.org/10.21702/rpj.2017.4.10)

A Socio-Psychological Model of Values Among Different Generations in Modern Russian Society

Aleksandr M. Rikel^{1*}, Svetlana V. Dorenskaya²

¹ Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

² Psychological Institute, Russian Academy of Education, Moscow, Russian Federation

* Correspondence author. E-mail: a.m.rikel@gmail.com

Abstract

Introduction. The study (a) addresses value hierarchy among different generations in modern Russia and (b) concentrates on how different generations perceive other groups of people and also people of their own age cohort. Different generations of modern Russia were the object of the study; their values became the subject of the study. The paper provides an analysis of various approaches to understanding the "generation" term. The novelty of the research lies in constructing models of how modern Russian generations perceive themselves and each other on the basis of value dispositions.

Methods. These were M. Rokich's "Value Orientation" technique, the author's questionnaire for identifying how generations perceive each other, and the author's questionnaire for revealing values declared by culture. The study involved 100 people (40 men and 60 women born between 1948 and 1997).

Results. The statistical analysis revealed a hierarchy of values for each of the three studied generations. Significant differences in the hierarchies and mutual perception of generations depend on value orientations. Respondents with greater age difference differed the most. Generations perceived each other according to values declared by culture in each group of respondents.

Discussion. Cultural and socio-psychological fundamentals for the formation of generational groups, describing a generational "gap" in transmission of values, helped to interpret the results. The results confirmed the logic of K. Mannheim, M. Mead, E. Toffler, and also recent studies. The value intergenerational gap predicts reduction in age limits to 10–15 years within a single generational cohort. Differences in basic values, attitude to family, work, material and civic values determine how generations perceive each other and also the value gap. Generational groups perceive each other being guided by these values.

Keywords

common values, value orientations, values of generation, generation, socialization, inculturation, typology of generations, hierarchy of values, perception of generations



Highlights

- ▶ The study revealed a significant value gap between the three generations living in modern Russia. Previous studies and the data obtained from Western countries confirm these findings.
- ▶ Differences in value orientations along with ideas about values among other generations determine perceptual features of how generations perceive each other.
- ▶ Five perceptual models help to reveal values important in terms of intergenerational communication.

Acknowledgments

This work was supported by a grant from the Russian Foundation for Basic Research “Historical and Political Factors for the Transformation of Collective Memory and Identity in Russian Society” (project no. 17-06-00980).

For citation

Rikel' A. M., Dorenskaya S.V. A Socio-Psychological Model of Values Among Different Generations in Modern Russian Society. *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal – Russian Psychological Journal*, 2017, V. 14, no. 4, pp. 205–225 (in Russian).

Original manuscript received 17.04.2017

Введение

Термин «поколение» имеет междисциплинарную природу и может быть рассмотрен сквозь призму различных научных теорий. Данное понятие используется и анализируется в истории [1, 2], генетике [3, 4], социологии [5, 6], культурологии [7, 8] и других науках. Однако большинство авторов отличающихся подходов выделяет такие критерии, как (а) возрастные границы поколений и (б) их особенное социально-экономическое, культурное и ценностное психологическое пространство. В контексте нашего подхода *термин «поколение» используется как общность людей, которые родились в определенный промежуток времени и социализировались в период одинаковых социально-экономических, политических и демографических условий, повлиявших на их глубинные представления, убеждения о мире. Схожая социальная среда их становления сформировала некую общую ценностную канву с повсеместной выраженностью некоторых ценностей и объединила индивидов в большую группу поколения естественным путем.*

Так, *именно социализация* через процесс *инкультурации* выступает в качестве основного механизма формирования поколений, т. к. изменяющийся мир воздействует на становление личности человека и преломляет его психологическое пространство для синергии с окружающей социальной



действительностью. Важное значение в социализации играет *историческое развитие государства*: в переломные моменты происходит сдвиг ценностно-смысловых установок общества [9, 10], которые, по мнению А. Н. Леонтьева [11], могут быть обозначены следующими основными признаками: общее число ценностей сравнительно невелико, все люди обладают одними и теми же ценностями, ценности организованы в системы, истоки человеческих ценностей прослеживаются в культуре, влияние ценностей прослеживается практически во всех социальных феноменах [12, 13, 14, 15, 16, 17]. Новейшие исследования, связанные с быстротой изменений, происходящих в современном обществе, охватывают как изучение ценностных ориентаций отдельных молодежных групп [18, 19, 20, 21], так и профессиональных общностей, например, в диаде взаимодействия «преподаватель – студент» [22] или «предприниматель – клиент» [23], или в контексте влияния СМИ и массовой культуры [24].

Для целей исследования, описываемого в данной статье, представляется крайне необходимым упомянуть взаимосвязи между возрастом и принадлежностью к тому или иному поколению. Причем поколение здесь рассматривается как та большая социальная группа, которая выступает значимым фактором формирования ценностных ориентаций. Как известно, социализация продолжительна, но протекает различно у детей, подростков и взрослых, причем у последних связана с изменением их поведения, что помогает им лучше адаптироваться в новых ситуациях и группах. В то же время, подростковая социализация – это во многом ассимиляция общих базовых ценностей и «духа времени», что делает ее роль более весомой в контексте нашего исследования.

Следует упомянуть о выделяемых в статье временных промежутках поколений: поколение 1943–1965 годов рождения, поколение 1965–1984 годов рождения и поколение 1984–2003 годов рождения. Стоит отметить, что данное разделение соответствует крупным этапам в истории СССР и России: переходу от социализма к стадии «застоя» и последующей научно-технической революции, изменению устоев жизни общества. Данные промежутки были выделены в статье отечественного социолога М. И. Исаевой [25]. При этом одним из исходных постулатов исследования было признание факта, что история является непрерывным процессом, и говорить о точных границах изменения социальных установок и представлений нет возможности; более того, ценности людей могут изменяться в более короткие временные интервалы, но, в свою очередь, выделение данных границ позволяет нам выявить различия в ценностях тех людей, которые уже лично сформировались и составляют наиболее крупные возрастные когорты в современной России.



В дополнение к этому, ценности семьи, профессионального успеха и другие, так называемые общие ценности, могут быть связаны с некоторыми возрастными аспектами развития и не отражать поколенческую специфику. В то же время нельзя не признать наличие ценностей (так называемых поколенческих), которые отражают тесную связь культуры и группы людей, рожденных в определенный исторический период.

С целью развести возрастные и поколенческие различия был проведен двухфазный анализ. Сначала было проведено теоретическое исследование ценностей, приписываемых определенному поколению, а после этого этапа была проведена экспертиза специалистами по истории, которые помогли провести дополнительную черту между данными типами ценностей.

Тем самым наше эмпирическое исследование было посвящено выявлению тех ценностей, которые присущи каждому из поколений в настоящее время, однако более важным вопросом для рассмотрения стало восприятие различными поколениями друг друга в контексте выявленных ценностей. Именно этот фокус представляет собой социально-психологический ракурс рассмотрения проблемы.

Методы

Выборка состояла из 100 человек (40 мужчин и 60 женщин), рожденных в промежутке между 1948 и 1997 годами и проживающих в различных городах России. Возраст респондентов варьировался от 20 до 67 лет.

В рамках выборки, исходя из целей исследования, уместнее выделить поколенческие группы: (1) 1948–1963 годы рождения – 31 человек, средний возраст 56,6; (2) 1965–1984 годы рождения – 34 человека, средний возраст 40,3; (3) 1986–1997 годы рождения – 35 человек, средний возраст 23,2.

Для достижения целей исследования мы использовали следующие методики:

1. *Методика «Ценностные ориентации» М. Рокича*, направленная на выявление иерархии ценностных ориентаций у индивида.

2. *Авторская анкета на выявление представлений поколений о других поколениях и о своем поколении*. Данная анкета включала в себя открытые вопросы с просьбой закончить утверждения о «типичном человеке», который родился в определенный момент времени, соответствующий одному из поколений. Использованными незаконченными утверждениями выступили: «Этот человек убежден, что...», «Смысл жизни этого человека заключается в...», «Этот человек стремится достичь в жизни...», «Этот человек ценит в жизни...».

3. *Авторский опросник на выявление ценностей поколений, которые транслируются культурой*. Данный опросник состоит из 19-ти ценностей, которые



были выделены нами благодаря анализу исторической и культурологической литературы и раскрывают одно из 3-х поколений. Так, 7 ценностей (патриотизм, социальная полезность обществу, единение, оптимистическое отношение к жизни, уважение авторитета, принадлежность к своей нации, героизм) характерны для первого поколения 1943–1965 годов, 5 ценностей (высокое положение в обществе, космополитизм, стабильность, рациональность в принятии решений, критический взгляд на власть) – для следующего поколения 1965–1984 годов, и оставшиеся 7 ценностей (личный успех, индивидуальность, уважение различных точек зрения, материальное благополучие, разнообразие, независимость и доступ к информации) – для третьего поколения 1984–2003 годов. Данная методика была апробирована на 11-ти экспертах, которыми являлись студенты выпускного курса исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова. Экспертам были предложены 24 ценности в случайном порядке, которые следовало отнести к одному из трех поколений.

Возможными ограничениями полученных результатов выступили размер выборки, а также демографические факторы (различия в полученных данных между мужчинами и женщинами и влияние места жительства не рассматривались).

Результаты

На первом этапе анализа результатов *была рассмотрена выраженность ценностей у различных поколений, и выявлены значимые различия в их иерархии* по трем группам респондентов. Для достижения данной цели мы использовали статистический критерий независимых выборок Манна – Уитни.

Таким образом, для первой поколенческой группы характерны следующие ценности, находящиеся на вершине их иерархии (см. таблицу 1): ценности патриотизма, единения и стабильности. Стоит отметить, что «патриотизм» и «единение» наиболее сильно выражены у людей, рожденных в промежутке 1943–1965 годов, а далее уже следуют «социальный порядок», «безопасность». Также для данной группы испытуемых важны ценности социальной полезности обществу, уважения различных точек зрения, принадлежности к своей нации. Наименее значимыми ценностными ориентациями выступили «индивидуальность», «высокое положение в обществе», «разнообразие», «космополитизм». Похожие результаты были получены и у второй группы респондентов: для поколения 1965–1984 годов характерны ценности социальной полезности обществу, патриотизма и героизма в наибольшей степени, а «независимость», «космополитизм» и «индивидуальность» – в наименьшей. Весьма интересную ценностную иерархию, радикально отличающуюся от первых двух групп испытуемых, имеет поколение 1984–2003 годов: так, самыми значимыми ценностями для него являются «космополитизм»,



«индивидуальность», «разнообразие», а самыми незначительными оказались социально направленные ценности принадлежности к своей нации, героизма, полезности обществу, единения и патриотизма.

Таблица 1. Выраженность (иерархия) поколенческих ценностей у разных поколений по среднему рангу критерия Манна – Уитни (средний ранг или μ)

Table 1. Hierarchy of values among different generations by the Mann-Whitney U test (means, μ)

	Поколение 1943–1965 Generation born in 1943–1965	Поколение 1965–1984 Generation born in 1965–1984	Поколение 1984–2003 Generation born in 1984–2003
1.	Патриотизм (63,4) Patriotism	Социальная полезность обществу (60,7) Social usefulness	Космополитизм (65,6) Cosmopolitanism
2.	Единение (61,6) Unity	Патриотизм (60,2) Patriotism	Индивидуальность (64,1) Individuality
3.	Стабильность (55,7) Stability	Героизм (59,4) Heroism	Разнообразие (62,7) Diversity
...			
17.	Высокое положение в обществе (41,9) High position in society	Независимость (44,9) Independence	Социальная полезность обществу (36,9) Social usefulness
18.	Разнообразие (41,6) Diversity	Космополитизм (44,6) Cosmopolitanism	Единение (33,2) Unity
19.	Космополитизм (39,2) Cosmopolitanism	Индивидуальность (43,9) Individuality	Патриотизм (29,6) Patriotism

На второй стадии нашего исследования была проанализирована иерархия общих ценностей у представителей различных поколений.



Таблица 2. Выраженность (иерархия) общих ценностей у разных поколений по среднему рангу критерия Манна – Уитни (средний ранг или μ)

Table 2. Hierarchy of common values among different generations by the Mann-Whitney U test (means, μ)

	Поколение 1943–1965 Generation born in 1943–1965	Поколение 1965–1984 Generation born in 1965–1984	Поколение 1984–2003 Generation born in 1984–2003
1.	Здоровье (38) Health	Интересная работа (41) Interesting job	Познание (32,1) Knowledge
2.	Счастье других (40,4) Happiness of others	Счастливая се- мейная жизнь (41,8) Happy family life	Широта взглядов (39,3) Breadth of views
3.	Аккуратность (42) Assuagasy	Ответственность (41,9) Responsibility	Удовольствия (41,4) Pleasure
...			
34.	Интересная рабо- та (58,9) Interesting job	Широта взглядов (58,4) Breadth of views	Счастье других (62) Happiness of others
35.	Твердая воля (61,37) Strong will	Красота природы и искусства (59,5) Beauty of nature and art	Счастливая се- мейная жизнь (63,3) Happy family life
36.	Активная деятель- ная жизнь (63,2) Active life	Познание (62,5) Knowledge	Здоровье (64,4) Health

Для старшего поколения самыми значимыми ценностями являются «здоровье», «счастье других», «аккуратность», «исполнительность», «красота природы и искусства», а в конце списка расположены ценности активной деятельной жизни, твердой воли, интересной работы, образованности и познания (см. таблицу 2). В то же время, для следующего поколения, наоборот, ценность работы является важной в жизненном поле респондента, а также такие актуальные для этого возраста людей ценности, как «счастливая семейная жизнь», «ответственность», «материально обеспеченная жизнь», «смелость в отстаивании своего мнения». Как и для поколения 1943–1965 годов, данная группа респондентов располагает ценностью познания в самом конце своей иерархии наряду с ценностями красоты природы и искусства, широты



взглядов, самоконтроля и удовольствия. Поколение 1984–2003 годов, в свою очередь, «переворачивает» ценности первого и второго поколений некоторым образом и воспринимает ценности здоровья, счастливой семейной жизни, счастья других, аккуратности и материально обеспеченной жизни как самые неважные для себя, а наиболее значимыми считает ценности познания, широты взглядов, удовольствия, жизненной мудрости и развития.

На третьем этапе анализа *было рассмотрено восприятие поколениями друг друга*, а также мнение о преобладающих ценностях той группы людей, к которой относятся сами респонденты. Стоит отметить, что данные были получены благодаря контент-анализу свободных ответов испытуемых, а ценности в таблицах, представленные ниже, расположены по количеству их упоминаний и являются самыми часто встречающимися, исходя из мнения опрошенных.

Таблица 3. Восприятие ценностей поколения 1943–1965 годов различными группами испытуемых

Table 3. Values of the generation born in 1943–1965 in perceptions of different groups of respondents

Поколение 1943–1965 Generation born in 1943–1965		
Ценности (мнение о своем поколении) Values (ideas about respondent's own generation)	Ценности (мнение поколения 1965–1984) Values (idea of the generation born in 1965–1984)	Ценности (мнение поколения 1984–2003) Values (idea of the generation born in 1984–2003)
Безопасность Safety	Семья Family	Семья Family
Семья Family	Единение Unity	Мир, безопасность Peace, security
Работа, труд Work	Работа, труд Work	Работа, труд Work
Патриотизм Patriotism	Мир, безопасность Peace, security	Социальная полезность обществу Social usefulness
Единение Unity	Оптимизм Optimism	Традиции Traditions
Социальная полезность обществу Social usefulness	Уважение Respect	Единение Unity
Уважение Respect	Патриотизм Patriotism	Честность Honesty



Поколение 1943–1965 считает, что во главе иерархии своего же поколения располагаются ценности безопасности, семьи, труда, патриотизма, единения, социальной полезности обществу и уважения (см. таблицу 3). Интересен тот факт, что поколение 1965–1984 годов и поколение 1984–2003 годов также рассматривают данные ценности как наиболее важные для самой старшей группы людей, однако среднее поколение включает в данную иерархию «оптимизм» и «уважение», а самая молодая группа – «традиции» и «честность».

Таблица 4. Восприятие ценностей поколения 1965–1984 годов различными группами испытуемых

Table 4. Values of the generation born in 1965–1984 in perceptions of different groups of respondents

Поколение 1965–1984 Generation born in 1965–1984		
Ценности (мнение о своем поколении) Values (ideas about respondent's own generation)	Ценности (мнение поколения 1943–1965) Values (idea of the generation born in 1943–1965)	Ценности (мнение поколения 1984–2003) Values (idea of the generation born in 1984–2003)
Хорошее образование Good education	Деньги Money	Семья Family
Семья Family	Новизна Novelty	Достижение Achievement
Деньги Money	Социальный статус Social status	Деньги Money
Достижение Achievement	Семья Family	Работа Work
Новизна Novelty	Достижение Achievement	Новизна Novelty
Интересная работа Interesting job	Образование Education	Индивидуальность Individuality
Стабильность Stability	Патриотизм Patriotism	Стабильность Stability

Следующее поколение, 1965–1984 годов, утверждает, что для их ровесников значимы ценности хорошего образования, семьи, материального достатка, достижения, новизны, интересной работы и стабильности (см. таблицу 4). Полученные результаты весьма интересны в сравнении с той иерархией, которая была выявлена при рассмотрении поколенческих ценностей: так, при анализе этой методики можно было сделать вывод о том, что для данной группы людей наиболее важны «социальная полезность обществу», «патриотизм» и «героизм», что несколько расходится с восприятием поколения близкой им



общности людей. В свою очередь, по мнению поколения 1943–1965 годов, группа, рожденная в эпоху «застоя», ценит в жизни деньги, новизну, социальный статус, семью, достижение, образование и патриотизм, что схоже с результатами контент-анализа ответов поколения 1984–2003 годов, однако в его восприятии появляется также такая ценность, как «индивидуальность».

Таблица 5. Восприятие ценностей поколения 1984–2003 годов различными группами испытуемых

Table 5. Values of the generation born in 1984–2003 in perceptions of different groups of respondents

	Поколение 1984–2003 Generation born in 1984–2003		
	Ценности (мнение о своем поколении) Values (ideas about respondent's own generation)	Ценности (мнение поколения 1943–1965) Values (idea of the generation born in 1943–1965)	Ценности (мнение поколения 1965–1984) Values (idea of the generation born in 1965–1984)
1.	Деньги Money	Деньги Money	Деньги Money
2.	Удовольствия Pleasure	Самореализация Self-realization	Удовольствия Pleasure
3.	Уверенность в себе Self-reliance	Семья Family	Работа Work
4.	Достижение Achievement	Удовольствия Pleasure	Дружба Friendship
5.	Любовь Love	Работа Work	Образованность Education
6.	Социальное положение Social status	Индивидуальность Individuality	Стабильность Stability
7.	Самодетерминация (поиск своего места в жизни) Self-determination (finding a place in life)	Оптимизм Optimism	Уверенность в себе Self-reliance

В данном случае можно отметить тот факт, что все три поколения выдвигают ценность материального благополучия и денег на первое место для поколения 1984–2003 годов (см. таблицу 5), однако, с другой стороны, ни опросник М. Рокича, ни методика исследования поколенческих ценностей не выявили подобных тенденций для данной группы людей.



Также для молодого поколения, по его же мнению, характерны ценности удовольствия, уверенности в себе, достижения, любви, социального положения и самодетерминации, поиска себя. Похожие выводы можно сделать посредством изучения восприятия двух других поколений, однако группа людей, рожденных в 1943–1965 годах, добавляет в список ценности работы, индивидуальности и оптимизма, а следующее поколение – дружбу, образованность и стабильность.

Обсуждение результатов

В рамках исследования были построены модели восприятия поколениями друг друга. Каждые из исследуемых поколений были взяты попарно, далее были сопоставлены декларируемые ими для своего поколения ценности (интегративно по тесту М. Рокича, по анкете «поколенческих ценностей» и по анкете с незавершенными предложениями) и воспринимаемые ими ценности других поколений. Значимая взаимосвязь между данными конструктами служила основанием для строительства модели (см. рисунок 1).

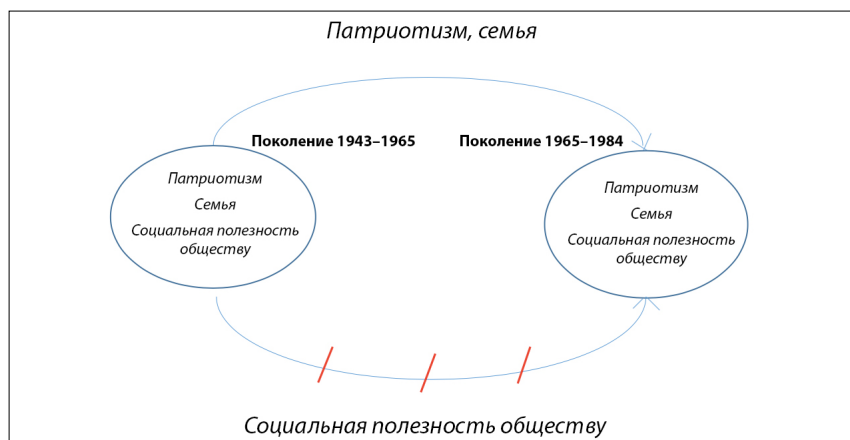


Рисунок 1. Модель восприятия поколением 1943–1965 поколения 1965–1984

Figure 1. The model showing how the generation born in 1943–1965 perceives the generation born in 1965–1984

В итоге, значимая для поколения 1943–1965 годов ценность патриотизма приписывается и следующему поколению. Стоит отметить, что социальная полезность обществу не появляется в восприятии старшим поколением другой группы респондентов, однако она характерна и для него, и для поколения 1965–1984 годов.

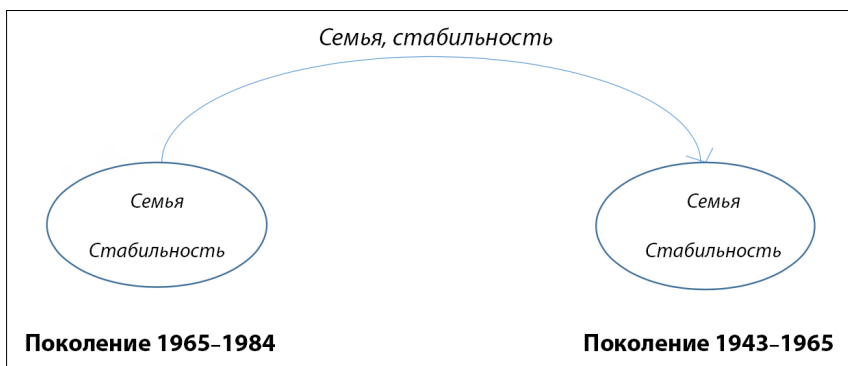


Рисунок 2. Модель восприятия поколением 1965–1984 поколения 1943–1965

Figure 2. The model showing how the generation born in 1965–1984 perceives the generation born in 1943–1965

Поколение 1965–1984 годов, в свою очередь, воспринимает старшее поколение сквозь призму таких ценностей, как стабильность и семья, что отражается в психологическом пространстве последнего в том числе (см. рисунок 2). По нашему мнению, появляющаяся в данном случае *ценность семьи* относится к возрастным особенностям обоих поколений, однако ценности патриотизма, социальной полезности общества и стабильности могут рассматриваться как транслируемые старшим поколением, либо как отдельно сформированные посредством культурного воздействия убеждения о мире.

Стоит отметить, что поколение 1965–1984 годов считается «эпохой застоя», при которой старые ценности нивелировались, а новые еще не сформировались. В данном случае можно предположить, что данное поколение в качестве некой опоры для построения мировоззрения сохраняет передаваемые им ценности поколения 1943–1965 годов. Однако если мы обратимся к таблице 4, показывающей мнение поколения 1965–1984 годов о своей когорте, то можно отметить факт того, что для этой группы людей важны несколько другие ценности: хорошее образование, семья, материальное благополучие.

В данном случае поколение 1965–1984 годов воспринимает поколение 1984–2003 годов сквозь призму таких ценностей, как «работа», «семья», «стабильность», а последнее, в свою очередь, приписывает старшей группе людей ценности денег и достижений (см. рисунки 3–5). Интересен тот факт, что и для одной, и для другой когорты данные ценности не отражаются в структуре их иерархии ценностей как наиболее значимые. Тем самым, можно предложить, что самое младшее поколение отдалено от предшествующего ему поколения



в большей степени, чем поколение 1965–1984 годов от поколения 1943–1965. Полученные данные могут быть связаны с большим изменением устоявшихся культурных паттернов при сравнении культуры середины и конца XX в. Так, коммунистический уклад поколения 1943–1965 в итоге сменился на более индивидуалистическое мировоззрение, при котором ценности достижения, личного успеха и независимости играют важную роль.

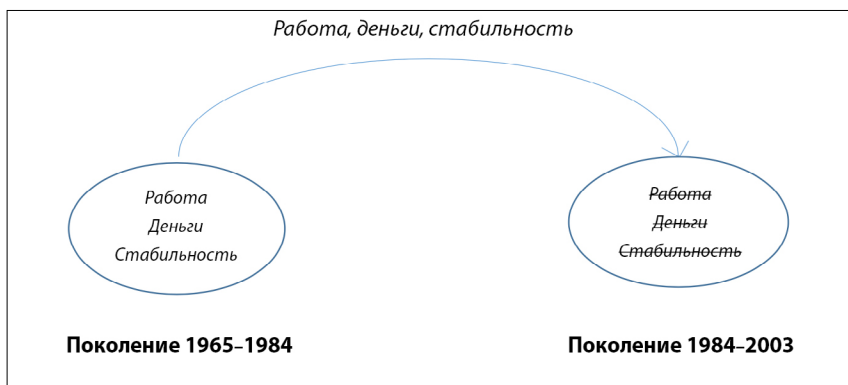


Рисунок 3. Модель восприятия поколением 1965–1984 поколения 1984–2003

Figure 3. The model showing how the generation born in 1965–1984 perceives the generation born in 1984–2003

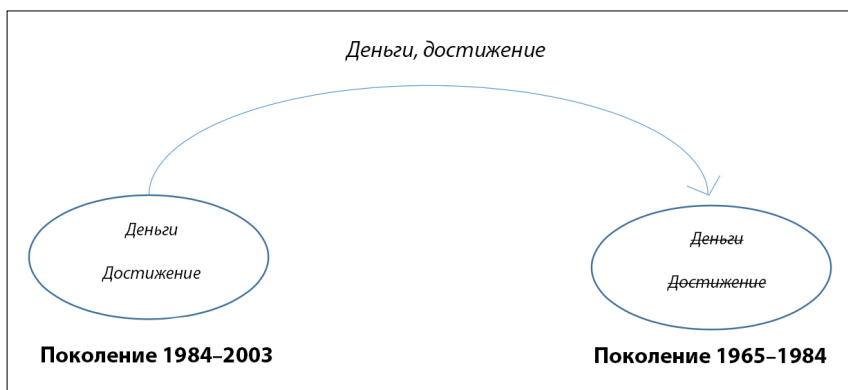


Рисунок 4. Модель восприятия поколением 1984–2003 поколения 1965–1984

Figure 4. The model showing how the generation born in 1984–2003 perceives the generation born in 1965–1984



Следующим шагом выступило выявление общих ценностей для крайних групп респондентов, т. е. для поколения 1943–1965 и поколения 1984–2003.

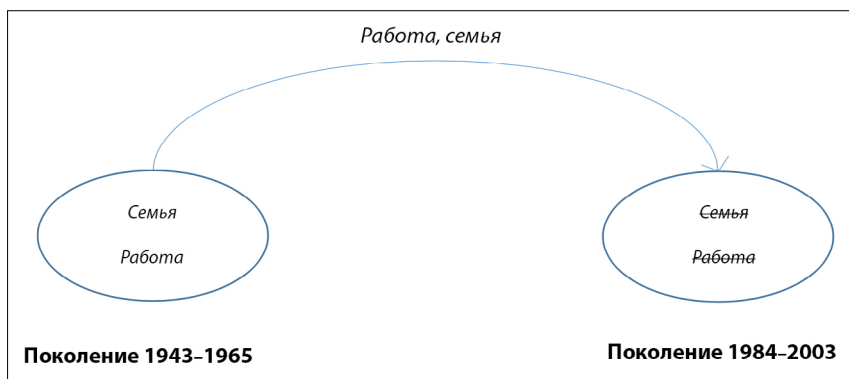


Рисунок 5. Модель восприятия поколением 1943–1965 поколения 1984–2003

Figure 5. The model showing how the generation born in 1943–1965 perceives the generation born in 1984–2003

Интересен тот факт, что в восприятии *поколением 1984–2003 годов самого старшего поколения не было выявлено объединенных в сознании людей ценностей между этими двумя группами.*

Стоит отметить, что для данных двух групп респондентов, которые представляют крайние возрасты в нашем исследовании, иерархия ценностей является практически противоположной, а в представлении этих когорт друг о друге не проявляются специфичные поколенческие ценности, декларируемые культурой. Тем самым, мы можем предположить, что между поколением 1943–1965 и поколением 1984–2003 годов не происходит не только трансляция ценностей от старшей группы к младшей, но также и культурная среда второго поколения практически не изменила иерархию поколения 1943–1965 годов с течением времени; это нельзя сказать о поколении 1965–1984 годов, некоторым образом совмещающем в себе ценности старшей группы и поколения 1984–2003 годов, которые, однако, в данном случае мы обозначим как *ценностные ориентации.*

Выводы

В данной статье были рассмотрены особенности ценностей различных поколений современной России, а также было проанализировано взаимное восприятие этими поколениями друг друга. Особое внимание было уделено культурологической подоплеке становления той или иной возрастной группы



людей, которая, так или иначе, «разрывает» трансляцию ценностей между поколениями благодаря ключевым изменениям общественного порядка, произошедшим за последние 70 лет. Полученная в данном исследовании феноменология соотносится с классическими социально-психологическими и культурологическими [26] концепциями, описывающими изменяющийся характер взаимоотношений в рамках поколений. Так, Маргарет Мид говорила о префигуративном типе культуры, при котором классический способ трансляции ценностей и знаний (от родителей к детям) нарушается до прямо противоположного, а Элвин Тоффлер, рассуждая о появлении нового информационного общества, заявлял о появлении большого количества социальных конфликтов, связанных с резким убыстрением темпов жизни и так называемым футурошоком.

При этом полученный в данном исследовании на российской выборке результат (нарушение передачи ценностного опыта между «отцами и детьми») дополняет полученные в предыдущих международных исследованиях данные: ценностный межпоколенческий разрыв фиксируется в недавних американских, европейских и китайских [27, 28, 29] исследованиях. Опасным сигналом для современного общества и важным предметом дальнейших научных исследований может служить увеличивающийся характер ценностного межпоколенческого разрыва, наличие которого позволяет ряду исследователей заявлять об уменьшении возрастных рамок в рамках одной поколенческой когорты до 10 лет (поколения X, Y, Z и пр.) [30].

Дальнейшее изучение данного феномена самоценно в социальной психологии при обращении к проблеме коллективной памяти, атрибуции и изучении социального поведения.

Литература

1. Бердяев Н. А. Русская идея. – М. : АСТ ; Полиграфиздат, 2010. – 287 с.
2. Ключевский В. О. Евгений Онегин и его предки // Ключевский В. О. Соч. : в 9 т. / под ред. В. Л. Янина. – М. : Мысль, 1990. – Т. 9. – С. 84–101.
3. Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. Т. 1. Изменения в поведении высшего слоя мирян в странах Запада. – М. ; СПб. : Университетская книга, 2001. – 332 с.
4. Иванов В. А. Генетика. – М. : Академкнига, 2006. – 643 с.
5. Левада Ю. А. Сочинения: избранное: социологические очерки, 2000–2005 / сост. Т. В. Левада. – М. : Издатель Карпов Е. В., 2011. – 507 с.
6. Готов М. Б. Поколение как категория социологии // Социологические исследования. – 2004. – № 10. – С. 42–49.
7. Миронов В. В. Философия и метаморфозы культуры. – М. : Современные тетради, 2005. – 424 с.



8. Багдасарьян Н. Г. Культурология. – М. : Высшая школа, 2001. – 3-е изд., испр. и доп. – 511 с.
9. Пищик В. И. Поколения: социально-психологический анализ ментальности // Социальная психология и общество. – 2011. – № 2. – С. 80–88.
10. Strauss W., Howe N. The Fourth Turning: An American Prophecy What the Cycles of History Tell Us About America's Next Rendezvous with Destiny. N.Y. : Broadway Books, 1997. – 400 p.
11. Леонтьев А. Н. Лекции по общей психологии : Учеб. пособие для вузов по спец. «Психология» / под ред. Д. А. Леонтьева, Е. Е. Соколовой. – М. : Смысл, 2000. – 509 с.
12. Van Hiel A., Mervielde I., De Fruyt F. Stagnation and Generativity: Structure, Validity and Differential Relationships With Adaptive and Maladaptive Personality // Journal of Personality. – 2006. – Vol. 74, Issue 2. – P. 543–574. – DOI: [10.1111/j.1467-6494.2006.00384.x](https://doi.org/10.1111/j.1467-6494.2006.00384.x)
13. Twenge J. M., Campbell S. M. Generational differences in psychological traits and their impact on the workplace // Journal of Managerial Psychology. – 2009. – Vol. 23, Issue 8. – P. 862–877. – DOI: [10.1108/02683940810904367](https://doi.org/10.1108/02683940810904367)
14. Gilleard C., Higgs P. Contexts of ageing: class, cohort and community. – Cambridge : Polity Press, 2005. – 224 p.
15. Андреева Г. М. Социальная психология. – М. : Аспект Пресс, 2001. – 384 с.
16. Емельянова Т. П. Феномен коллективных чувств в психологии больших социальных групп // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. – 2016. – Т. 1, № 1. – URL: <http://soc-econom-psychology.ru/engine/documents/document195.pdf> (дата обращения 16.01.2017).
17. Мид М. Культура и мир детства / под ред. И. С. Кона. – М. : Наука, 1988. – 429 с.
18. Сочивко Д. В. Проблема дробности межпоколенческой социальной отчужденности молодежи в современной России // Мир психологии. – 2009. – № 3 (59). – С. 185–194.
19. Зернов Д. В. Романтические и пессимистические тенденции в ценностных ориентирах молодежи разных поколений // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2014. – № 2 (34). – С. 47–53.
20. Лисовский В. Т. Духовный мир и ценностные ориентации молодежи России. – СПб. : Изд-во СПбГУП, 2000. – 508 с.
21. Пищик В. И., Гаврилова А. В., Сиврикова Н. В. Стили межпоколенного педагогического взаимодействия преподавателей и студентов разных поколенческих групп // Российский психологический журнал. – 2016. – Т. 13, № 3. – С. 245–264.
22. Реан А. А. Семья в структуре ценностей молодежи // Российский психологический журнал. – 2017. – Т. 14, № 1. – С. 62–78.



23. Позняков В. П., Никуло Е. А. Ценностные ориентации предпринимателей с разным уровнем ответственного отношения к участникам делового взаимодействия // Психологический журнал. – 2016. – Т. 37, № 1. – С. 79–88.
24. Рикель А. М., Тычинина М. И. Межпоколенные различия стратегий межличностных отношений // Психологические исследования. – 2017. – Т. 10, № 51. – С. 9. – URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 01.10.2017).
25. Исаева М. И. Поколения кризиса и подъема в теории В. Штрауса и Н. Хоува // Знание. Понимание. Умение. – 2011. – № 3. – С. 290–295.
26. Тоффлер Э. Шок будущего. – М.: АСТ, 2008. – 560 с.
27. Inglehart R., Welzel Ch. Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence. – Cambridge: Cambridge University Press, 2005. – 344 p.
28. Sun J., Wang X. Value differences between generations in China: a study in Shanghai // Journal of Youth Studies. – 2010. – Vol. 13, № 1. – P. 65–81.
29. Tsunokai G., Ksopowa A., Adams M. Racial preferences in Internet Dating: a comparison of four birth cohorts // The Western Journal of Black Studies. – 2009. – Vol. 33, № 1. – P. 1–15.
30. Howe N., Strauss W. Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069. – New York: William Morrow & Company, 1991. – 538 p.

References

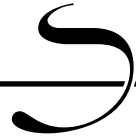
1. Berdyaev N. A. *Russkaya ideya* [Russian idea]. Moscow, Poligrafizdat Publ., 2010. 287 p.
2. Klyuchevskii V. O. Eugene Onegin and his forefathers. In: *Soch.: v 9 t.* [Works: in 9 volumes]. Moscow, Mysl' Publ., 1990, V. 9, pp. 84–101.
3. Elias N. *O protsesse tsivilizatsii. Sotsiogeneticheskie i psikhogeneticheskie issledovaniya. T. 1. Izmeneniya v povedenii vysshego sloya miryan v stranakh Zapada* [The civilizing process: Sociogenetic and psychogenetic investigations. V. 1: Changes in the behaviour of the secular upper classes in the West]. Moscow, Universitetskaya kniga Publ., 2001. 332 p.
4. Ivanov V. A. *Genetika* [Genetics]. Moscow, Akademkniga Publ., 2006. 643 p.
5. Levada Yu. A. *Sochineniya: izbrannoe: sotsiologicheskie ocherki, 2000–2005* [Selected works: sociological essays, 2000–2005]. Moscow, Karpov E. V. Publ., 2011. 507 p.
6. Glotov M. B. Generation as a sociological category. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*, 2004, no. 10, pp. 42–49 (in Russian).
7. Mironov V. V. *Filosofiya i metamorfozy kultury* [Philosophy and metamorphoses of culture]. Moscow, Sovremennye tetradi Publ., 2005. 424 p.
8. Bagdasar'yan N. G. *Kul'turologiya* [Culturology]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 2001. 511 p.



9. Pishchik V. I. Generation: A socio-psychological analysis of mentality. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo – Social Psychology and Society*, 2011, no. 2, pp. 80–88 (in Russian).
10. Strauss W., Howe N. *The fourth turning: An American prophecy what the cycles of history tell us about America's next rendezvous with destiny*. N. Y., Broadway Books, 1997. 400 p.
11. Leont'ev A. N., Sokolova E. E. (ed.) *Lektsii po obshchei psikhologii* [Lectures on general psychology]. Moscow, Smysl Publ., 2000. 509 p.
12. Van Hiel A., Mervielde I., De Fruyt F. Stagnation and generativity: Structure, validity and differential relationships with adaptive and maladaptive personality. *Journal of Personality*, 2006, V. 74, Issue 2, pp. 543–574. DOI: [10.1111/j.1467-6494.2006.00384.x](https://doi.org/10.1111/j.1467-6494.2006.00384.x)
13. Twenge J. M., Campbell S. M. Generational differences in psychological traits and their impact on the workplace. *Journal of Managerial Psychology*, 2009, V. 23, Issue 8, pp. 862–877. DOI: [10.1108/02683940810904367](https://doi.org/10.1108/02683940810904367)
14. Gilleard C., Higgs P. *Contexts of ageing: class, cohort and community*. Cambridge, Polity Press, 2005. 224 p.
15. Andreeva G. M. *Sotsial'naya psikhologiya* [Social psychology]. Moscow, Aspekt Press Publ., 2001. 384 p.
16. Emel'yanova T. P. The phenomenon of collective feelings in the psychology of large social groups. *Social and Economic Psychology, Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences*, 2016, V. 1, no. 1. Available at: <http://socio-econom-psychology.ru/engine/documents/document195.pdf> (Accessed 16 January 2017).
17. Mid M., Kon I. S. (ed.) *Kul'tura i mir detstva* [Culture and the world of childhood]. Moscow, Nauka Publ., 1988. 429 p.
18. Sochivko D. V. The problem of fragmentation of intergenerational social estrangement of youth in modern Russia. *Mir psikhologii – The World of Psychology*, 2009, no. 3 (59), pp. 185–194 (in Russian).
19. Zernov D. V. Romantic and pessimistic tendencies in value orientations among young people of various generations. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhny Novgorod*, 2014, no. 2 (34), pp. 47–53 (in Russian).
20. Lisovskii V. T. *Dukhovnyi mir i tsennostnye orientatsii molodezhi Rossii* [Spiritual world and value orientations among Russian youth]. St. Petersburg, SPbGUP Publ., 2000. 508 p.
21. Pishchik V. I., Gavrilova A. V., Sivrikova N. V. Styles of intergenerational pedagogical interaction between teachers and students of different generational groups. *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal – Russian Psychological Journal*, 2016, V. 13, no. 3, pp. 245–264 (in Russian).
22. Rean A. A. A family in the structure of values of young people. *Rossiiskii*



- psikhologicheskii zhurnal* – *Russian Psychological Journal*, 2017, V. 14, no. 1, pp. 62–78 (in Russian).
23. Poznyakov V.P., Nikulo E. A. Value orientations in entrepreneurs with different levels of a responsible attitude to the participants of business interaction. *Psikhologicheskii zhurnal*, 2016, V. 37, no. 1, pp. 79–88 (in Russian).
 24. Rikel' A. M., Tychinina M. I. Intergeneration differences in the strategies of interpersonal relations. *Psychological Research*, 2017, V. 10, no. 51, p. 9. Available at: <http://psystudy.ru> (Accessed 01 October 2017).
 25. Isaeva M. I. Crisis and rise generations in W. Strauss and N. Howe's theory. *Znanie. Ponimanie. Umenie – Knowledge. Understanding. Skill*, 2011, no. 3, pp. 290–295 (in Russian).
 26. Toffler A. *Future shock* [Russ. ed.: Toffler E. *Shok budushchego*. Moscow, AST Publ., 2008. 560 p.).
 27. Inglehart R., Welzel Ch. *Modernization, cultural change, and democracy: The human development sequence*. Cambridge, Cambridge University Press, 2005. 344 p.
 28. Sun J., Wang X. Value differences between generations in China: A study in Shanghai. *Journal of Youth Studies*, 2010, V. 13, no. 1, pp. 65–81.
 29. Tsunokai G., Ksopowa A., Adams M. Racial preferences in Internet Dating: a comparison of four birth cohorts. *The Western Journal of Black Studies*, 2009, V. 33, no. 1, pp. 1–15.
 30. Howe N., Strauss W. *Generations: The history of America's future, 1584–2069*. New York, William Morrow & Company, 1991. 538 p.



УДК 159.9.072.432

DOI: [10.21702/rpj.2017.4.11](https://doi.org/10.21702/rpj.2017.4.11)

Эвристическая модель интеграции религиозности и социально-психологической адаптации

Александр Ю. Чернов*, Ирина С. Буланова, Ольга В. Курышева

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

* E-mail: chernov@volsu.ru

Аннотация

Введение. В статье представлено решение актуальной проблемы психологии религии – взаимосвязи религиозности и адаптации личности. Новизна авторского решения заключается в создании и эмпирической апробации эвристической модели интеграции этих феноменов. Составляющие модель компоненты организованы в двумерном пространстве, в котором крайние точки обозначают интенсивность проявления феноменов. Авторами описаны четыре возможные взаимосвязи: «внешняя религиозность – адаптивность», «внешняя религиозность – дезадаптивность», «внутренняя религиозность – адаптивность», «внутренняя религиозность – дезадаптивность».

Методы. В данном разделе описаны основные, применяемые в исследовании методы, а также этапы статистической обработки данных исследования. Этапы включали в себя проверку адекватности графического представления модели, а также проверку гипотезы о дифференциации стратегий адаптации в зависимости от их расположения относительно осей координатной плоскости, составляющих геометрическое пространство модели. Отдельный этап статистической обработки данных подразумевал выявление содержательного наполнения переменных «адаптивность»/«дезадаптивность».

Результаты. Данный раздел включает описание полученных в ходе эмпирического исследования результатов. Эмпирически подтверждена адекватность графического представления конструируемой модели. Представлены специфические способы поведения, порождаемые сочетанием параметров «адаптивности»/«дезадаптивности» и «внешней»/«внутренней» религиозности. Дезадаптивность складывается из таких компонентов, как «внешняя религиозность» и стратегии адаптации «уход из среды и поиск новой», при отсутствии стремления к активному изменению среды или себя. Адаптивность складывается из адекватных форм реагирования на изменение среды. Религиозность при этом не является характеристикой адаптивности личности.

Обсуждение результатов. В заключении делается вывод о том, что представленную модель можно рассматривать как разновидность когнитивной схемы, ускоряющей и упрощающей внутреннюю переработку жизненного опыта. Описаны возможные перспективы дальнейших исследований в этом направлении.



Ключевые слова

эвристическая модель, внутренняя религиозность, внешняя религиозность, адаптивность, дезадаптивность, стратегии адаптации, направленность адаптации, контактность адаптации, активность адаптации, многомерный дисперсионный анализ

Основные положения

- ▶ двумерная модель интеграции религиозности и социально-психологической адаптации представляет четыре типа взаимосвязи данных феноменов: «внешняя религиозность – адаптивность», «внешняя религиозность – дезадаптивность», «внутренняя религиозность – адаптивность», «внутренняя религиозность – дезадаптивность»;
- ▶ каждому сочетанию религиозности и социально-психологической адаптации свойственен уникальный набор индивидуальных поведенческих стратегий, характеризующихся качествами контактности, активности и направленности;
- ▶ «дезадаптивность» личности складывается из таких компонентов, как «внешняя религиозность» и стратегии адаптации «уход из среды и поиск новой», при отсутствии стремления к активному изменению среды или себя. «Адаптивность» личности складывается, прежде всего, из адекватных форм реагирования на изменение среды. Религиозность при этом не является характеристикой адаптивности.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Администрации Волгоградской области, проект «Религиозные нормы как детерминанты адаптивного социального поведения в межконфессиональном пространстве Нижнего Поволжья» № 17-16-34018.

Для цитирования

Чернов А. Ю., Буланова И. С., Курышева О. В. Эвристическая модель интеграции религиозности и социально-психологической адаптации // Российский психологический журнал. – 2017. – Т. 14, № 4. – С. 226–242.

Материалы статьи получены 24.06.2017



UDC 159.9.072.432

DOI: [10.21702/rpj.2017.4.11](https://doi.org/10.21702/rpj.2017.4.11)

A Heuristic Model for Integrating Religion and Socio-Psychological Adaptation

Aleksandr Yu. Chernov*, Irina S. Bulanova, Ol'ga V. Kuryшева

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

* Correspondence author. E-mail: chernov@volsu.ru

Abstract

Introduction. The relationship between religiosity and adaptation is an important issue in the psychology of religion. The present study introduces a heuristic model integrating these phenomena. The model components are organized in a two-dimensional space, where extreme points indicate the intensity of the phenomena. The study revealed four types of relationship: (1) external religiousness – adaptation, (2) external religiosity – desadaptation, (3) internal religiousness – adaptation, and (4) internal religiousness – desadaptation.

Methods. The data statistical processing included the following steps: (a) checking the adequacy of graphically presenting the model, (b) checking the hypothesis of the differentiation of adaptation strategies depending on their location on the coordinate plane of the geometric space of the model, (c) revealing the content of adaptation/desadaptation variables.

Results. The adequacy of graphically presenting the constructed model gained empirical confirmation. Combinations of the parameters of adaptation/desadaptation and external/internal religiosity led to specific behavior types. Desadaptation resulted from external religiosity and the adaptation strategy of "leaving the environment and searching for a new one", without the desire for change in the environment or self-changing. Adequate responses to changes in the environment led to adaptation. However, religion did not characterize the individual's adaptation.

Discussion. The presented model can be a form of cognitive scheme which simplifies the internal processing of life experience. The paper describes prospects for further research.

Keywords

heuristic model, internal religiosity, external religiosity, adaptation, desadaptation, adaptation strategies, orientation of adaptation, sociability of adaptation, activity of adaptation, multivariate analysis of variance

Highlights

► A two-dimensional model for integrating religion and socio-psychological adaptation represents four types of relationship between these phenomena: (1) external



religiousness – adaptation, (2) external religiosity – desadaptation, (3) internal religiousness – adaptation, and (4) internal religiousness – desadaptation.

► Each combination of religiosity and of socio-psychological adaptation is characterized by a unique complex of individual behavioral strategies with the qualities of sociability, activity, and orientation.

► Desadaptation results from external religiosity and the adaptation strategy of "leaving the environment and searching for a new one", without the desire for change in the environment or self-changing. Adequate responses to changes in the environment lead to adaptation. However, religion does not characterize the individual's adaptation.

Acknowledgments

This work received funding from the Russian Foundation for Basic Research and Volgograd Region Administration for a study on A Religious Norm as a Determinant of Adaptive Social Behavior in the Interfaith Space of the Lower Volga region (17-16-34018).

For citation

Chernov A. Yu., Bulanova I.S., Kurysheva O.V. A Heuristic Model for Integrating Religion and Socio-Psychological Adaptation. *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal – Russian Psychological Journal*, 2017, V. 14, no. 4, pp. 226–242 (in Russian).

Original manuscript received 24.06.2017

Введение

Анализ взаимосвязи феномена религиозности с различными аспектами индивидуальности и личности человека достаточно широко представлен в научном психологическом дискурсе (Б. С. Братусь, И. М. Богдановская, С. Батсон, Д. В. Винникот, Е. Н. Волков, А. М. Двойнин, А. И. Демьянов, У. Джеймс, В. Г. Кирсанова, Э. Кларк, Р. Ф. Палоутзиан, К. Парджамент, Е. Ф. Парубочая, Е. В. Перевозникова, П. Пройзер, Е. А. Савина, Е. А. Сапина, Т. В. Склярова, Э. Д. Старбак, Д. М. Угринович и др.) [1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9]. Одним из ключевых психологических явлений, открывающих доступ к пониманию религиозности, религиозной мотивации, религиозным переживаниям, является феномен социально-психологической адаптации. Со времен возникновения психологии религии, в конце XIX в., У. Джеймс (1894–1902) исследовал границы между глубокими религиозными и мистическими переживаниями и степенью социальной адаптированности личности [1]. В науке представлены различные, часто противоречивые описания взаимосвязи религиозности и социально-психологической адаптации [10, 11, 12, 13, 14, 15]. На современном этапе развития психологии проблема взаимосвязи этих феноменов остается нерешенной.



Отсутствие прямой связи между феноменами детерминировано многоаспектным, многоуровневым характером этих феноменов. И религиозность, и социально-психологическая адаптация рассматриваются с точки зрения видовой специфики, уровней, механизмов, содержания, интенсивности проявления и других характеристик. Кроме того, данные понятия разработаны в рамках различных школ и направлений психологии, что влечет за собой отсутствие единого теоретического, методологического, эмпирического основания для их интеграции. Вместе с тем, сложность и многоаспектность явлений, их понятийная разобщенность не означают отсутствие возможности создания единого пространства их взаимосвязи.

Целью данной работы является создание и эмпирическая апробация модели интеграции религиозности и социально-психологической адаптации. Моделирование предполагает глубокое, всестороннее изучение феноменов, фиксацию их существенных взаимосвязей. Теоретическая и эмпирическая модель религиозности в ее соотношении с социально-психологической адаптацией даст возможность увеличить объяснительную и предсказательную силу результатов исследования религиозности и различных ее аспектов.

Предлагаемая в данной статье эвристическая модель предназначена для иллюстрации специфики соотношения уровня и тенденций социально-психологической адаптации и религиозности личности. Эвристическое моделирование предполагает действия, совершаемые в условиях неопределенности с опорой на интуицию исследователя [16]. В процессе конструирования модели необходимо следовать закономерностям, принятым для построения социогуманитарных теорий [17]. Первая закономерность – описание общего образа объясняемой реальности. Следовать этой закономерности – значит выбрать адекватную форму разрабатываемой модели. Одной из возможных форм является геометрическое представление составляющих модель компонентов, организованных в двумерном пространстве. В психологии есть много примеров геометрического представления компонентов модели взаимодействия и взаимовлияния исследуемых феноменов [18, 19, 20]. Крайние точки составляющих модель компонентов обозначают интенсивность проявления феноменов, для изучения которых она конструируется.

Далее, в модели должны быть представлены основные категории, описывающие моделируемый феномен, и представлен набор проясняющих его суть дефиниций [21].

Большой толковый психологический словарь трактует религиозность как вовлеченность, интерес или участие в религии [22]. Для отечественной психологии религиозность представляет собой некое интегративное психическое образование, качество или свойство индивида, представляющее собой приверженность религии, которая проявляется в сознании и поведении [3].



В современных исследованиях религиозности акцент делается на различных ее компонентах: религиозном поведении, религиозной вере, религиозных смыслах, религиозном сознании и других компонентах [4, 5, 6, 23, 24].

Анализ различных теорий религиозности позволил сформулировать следующее определение данного явления, являющееся рабочим в ходе конструирования модели. Религиозность – это характеристика внешней (поведенческой) и внутренней (рефлексивно-смысловой) активности человека по отношению к трансцендентному, находящая выражение в опыте и придающая специфику и функции его психологической организации: в протекании психологических процессов, в формировании аффективных реакций, в формировании системы отношений (социальные связи, взаимодействие с другими), в выборе средств и видов поведения [7, 8, 9, 24].

Важным аспектом приведенного определения является акцент на разграничении внешней и внутренней активности по отношению к трансцендентному. Он соответствует разграничению типов религиозности, предложенных Г. Олпортом и Дж. Россом [25]. Они высказывают точку зрения, что внешне мотивированный человек использует свою религию, а внутренне мотивированный человек живет своей религией. По их мнению, внешняя религиозность проявляется в корыстном и утилитарном поведении, преследующем цель личного комфорта в обществе. Внутренняя религиозность присутствует в том случае, где потребности, жизненные цели и ценности человека совпадают с общественными нормами. Для человека вера в Бога является определяющей и по отношению к людям, где другой человек является ценностью.

Понятие социально-психологической адаптации наряду с религиозностью личности также является сложным и многоаспектным феноменом (Г. Ю. Авдиенко, Ш. А. Амонашвили, С. Д. Артемова, С. Г. Вершловский, О. И. Зотова, И. К. Кряжева, В. Н. Лебедева, В. С. Мухина, А. О. Налчаджян, Ж. Пиаже, А. В. Петровский, А. А. Реан, Д. Хоманс, Р. Хенки и др.) [26, 27, 28]. Существующие многочисленные работы, посвященные социально-психологической адаптации, фиксируют различное содержание тех изменений, которые вызваны новыми требованиями среды. Исследователи говорят об изменении целей и ценностных ориентаций, ролевых ожиданий, социальных потребностей и других аспектах феномена.

При построении модели интеграции социально-психологической адаптации и религиозности мы будем исходить из трактовки понятия, предложенного К. Роджерсом [29]. Согласно требованиям к построению модели, данное определение в наиболее полной форме согласуется с предложенным определением понятия религиозности. К. Роджерс в качестве составляющих адаптивности предлагает ряд психологических характеристик: оптимальный уровень самопринятия, принятия других, отсутствие тех или иных форм зависимости от других, благоприятные взаимоотношения с другими, эмоциональный



комфорт. В качестве дезадаптации приводятся противоположные тенденции.

Не менее важное требование к модели – наличие в ней системы отношений между составляющими ее категориями. В нашей модели это требование выполняется посредством введения в ее структуру дополнительных компонентов, а именно стратегий адаптации, классификация которых предложена Н. Н. Мельниковой. Классификация построена на трех основаниях:

(а) направленность (усилия человека сосредоточены на изменении ситуации, обстоятельств, среды / усилия сосредоточены на самоизменении);

(б) контактность (открытость взаимодействию со средой / избегание травмирующих обстоятельств);

(в) активность (субъектность / объектность агента адаптации).

Сочетание названных оснований позволяет автору классификации сформулировать 8 стратегий поведения, характеризующих процесс социально-психологической адаптации [30].

В конструируемой нами модели соотношения социально-психологической адаптации и религиозности эти стратегии связывают полюсы конструкторов, составляющих ее пространственную организацию. Предполагается, что их сочетание подразумевает специфический набор стратегий адаптации.

Таким образом, эвристическая модель соотношения религиозности и социально-психологической адаптации имеет следующее графическое представление (рисунок 1):



Рисунок 1. Графическое представление соотношения религиозности и социально-психологической адаптации

Figure 1. The model of relationship between religiosity and socio-psychological adaptation



Проверка адекватности модели соотношения религиозности и социально-психологической адаптации осуществлена в ходе эмпирического исследования.

Методы

Для измерения религиозности в исследовании применялась шкала Г. Олпорта и Д. Росса. Этот опросник предназначен для выявления типа религиозной ориентации личности: внутренней и внешней религиозности. Выбор методики обусловлен требованием к пространственной организации модели, согласно которому ее компоненты, расположенные по разные стороны от центра, но в одной плоскости, должны быть статистически и семантически не взаимосвязаны.

Уровень социально-психологической адаптации / дезадаптации был измерен при помощи шкалы социально-психологической адаптированности (СПА), разработанной американскими психологами К. Роджерсом и Р. Даймондом (1954 г.). Методика выявляет степень адаптированности/ дезадаптированности личности в социальной сфере. В исследовании была использована адаптированная версия опросника А. К. Осницкого (2004 г.). Параметры «адаптивности»/«дезадаптивности» были измерены при помощи соответствующих шкал, по преобладающему параметру делался вывод либо об адаптированности личности, либо о ее дезадаптации.

Для измерения стратегий социально-психологической адаптации использовалась методика «Адаптивные стратегии поведения» (АПС), разработанная Н. Н. Мельниковой [30]. Учитывая характер выборки, которую составили молодые люди в возрасте от 18 до 23 лет, респондентам предъявлялся «гибридный» вариант, включавший наиболее подходящие ситуации из обеих форм с сохранением их общего количества. Кроме этого, поскольку преследовались не психодиагностические, а исследовательские цели, при обработке результатов учитывались «сырые» баллы, а не стандартизированные оценки (стены). Всего в исследовании приняли участие 80 респондентов.

Статистический анализ данных состоял из нескольких этапов.

На первом проверялась адекватность графического представления модели. С теоретической точки зрения, она находит подтверждение при соблюдении двух условий: (1) коэффициент корреляции между внутренней и внешней религиозностью должен отсутствовать или быть близким к нулю, т. к. измеряются два разных вида религиозности; (2) коэффициент корреляции между адаптацией и дезадаптацией должен обладать высокими достоверными отрицательными значениями, т. к. измеряются два аспекта одного и того же феномена (если не адаптация, значит дезадаптация).



На втором этапе обработки данных проверялась гипотеза о дифференциации стратегий адаптации в зависимости от их расположения относительно осей координатной плоскости, составляющих геометрическое пространство модели. Взаимное влияние двух факторов, соотносящихся с полюсами координат «х» и «у» (внутренняя религиозность – внешняя религиозность; адаптация – дезадаптация) должно в этом случае быть статистически достоверным на уровне $p < 0,005$ или $p < 0,01$. Те стратегии адаптации, которые отвечают данному критерию, рассматривались как находящиеся под совместным влиянием двух факторов (например, внешней религиозности и адаптации).

На третьем этапе статистической обработки данных изучалось содержательное наполнение переменных «адаптация»/«дезадаптация». В этом случае использовалась процедура линейной регрессии, где в качестве зависимой переменной представлены параметры «адаптации»/«дезадаптации», а независимой – результаты измерения внешней и внутренней религиозности и стратегий адаптации.

Результаты

Проверка полученных данных на соответствие нормальному распределению подтвердила допустимость использования параметрических методов их статистической обработки (коэффициент Колмогорова – Смирнова для всех измеренных переменных $< 0,005$).

Результаты корреляционного анализа соответствуют сформулированным теоретическим условиям графического представления модели. Коэффициент корреляции между показателями адаптивности и дезадаптивности $r = -0,440$; $p < 0,005$ ($N = 80$). Это означает, что переменные представляют два полюса континуума и статистически достоверно отражают отношения между двумя взаимосвязанными аспектами одного и того же феномена.

Коэффициент корреляции между переменными «внутренняя религиозность» / «внешняя религиозность» $r = 0,022$ при $p > 0,1$ ($N = 80$). Это означает практически полное отсутствие взаимосвязи между измеренными переменными, что соответствует теоретическому условию, согласно которому внешняя и внутренняя религиозность являются относительно самостоятельными феноменами.

Таким образом, статистический анализ подтверждает адекватность графического представления конструируемой модели.

На втором этапе обработки данных проверялась гипотеза о «принадлежности» стратегий адаптации разным вариантам соотношения религиозности и адаптации. Исходя из графического представления модели, таких вариантов может быть четыре: дезадаптивность – внешняя религиозность; дезадаптивность – внутренняя религиозность; адаптивность – внешняя



религиозность; адаптивность – внутренняя религиозность. При обработке данных мы исходили из положения, что конструкты, задающие полюсы в модели, являются факторами, предопределяющими силу и характер влияния на преимущественную вероятность использования индивидом той или иной стратегии адаптации. Тогда статистически достоверные ($p < 0,005$) показатели будут означать соответствие выбираемой стратегии адаптации соотношению адаптивности и религиозности. Применяемая процедура многомерного дисперсионного анализа потребовала перевода метрических переменных «адаптации»/«дезадаптации» и «внешней религиозности» / «внутренней религиозности» в номинативную шкалу с тремя градациями – «высокий», «средний», «низкий» уровни проявления исследуемых параметров.

В таблице 1 приводятся результаты многомерного дисперсионного анализа.

Таблица 1. Соотношение адаптивности/дезадаптивности и внешней/внутренней религиозности со стратегиями адаптации

Table 1. Relationship among adaptation/desadaptation, external/internal religiosity, and adaptation strategies

Стратегии адаптации <i>Adaptation strategies</i>	Деадаптивность / внешняя религиозность <i>Desadaptation/ external religiosity</i>	Адаптивность / внешняя религиозность <i>Adaptation/ external religiosity</i>	Деадаптивность / внутренняя религиозность <i>Desadaptation/ internal religiosity</i>	Адаптивность / внутренняя религиозность <i>Adaptation/ internal religiosity</i>
Активное изменение себя <i>Active self-changing</i>	$F = 3,70$ $p = 0,058$	$F = 6,23$ $p = 0,015$ (влияние отдельного фактора «адаптивность» $p = 0,003$) ($p = 0,003$ effect of the adaptation factor)	–	$F = 3,67$ $p = 0,059$ (влияние отдельного фактора «адаптивность», $p = 0,001$) ($p = 0,001$ effect of the adaptation factor)



Стратегии адаптации <i>Adaptation strategies</i>	Деадаптивность / внешняя религиозность <i>Desadaptation/ external religiosity</i>	Адаптивность / внешняя религиозность <i>Adaptation/ external religiosity</i>	Деадаптивность / внутренняя религиозность <i>Desadaptation/ internal religiosity</i>	Адаптивность / внутренняя религиозность <i>Adaptation/ internal religiosity</i>
Уход из среды и поиск новой Leaving the environment and searching for a new one	–	–	–	F = 2,85 p = 0,095
Уход от контакта со средой и погружение во внутренний мир Avoiding contact with the environment and immersion into the inner world	–	–	F = 4,85 p = 0,031	–
Пассивная репрезентация себя Passive self-presentation	–	–	F = 3,59 p = 0,062	–
Пассивное подчинение условиям среды Passive subjection to the environment	–	–	F = 3,67 p = 0,059	–
Пассивное ожидание внешних или внутренних изменений Passive waiting for external or internal changes	F = 141,4 p = 0,023	–	–	–



В итоге модель соотношения внутренней и внешней религиозности и адаптации/дезадаптации, и стратегий социально-психологической адаптации имеет следующий вид (рисунок 2).

Внутренняя религиозность	
– активное изменение себя; – уход из среды и поиск новой	– уход от контакта со средой и погружение во внутренний мир; – пассивная репрезентация себя; – пассивное подчинение условиям среды
Адаптация	Деадаптация
– активное изменение себя	– активное изменение себя; – пассивное выжидание внешних или внутренних изменений
Внешняя религиозность	

Рисунок 2. Модель соотношения внутренней и внешней религиозности и адаптации/дезадаптации, и стратегий социально-психологической адаптации

Figure 2. Model of relationship among internal and external religiosity, adaptation/desadaptation, and strategies of socio-psychological adaptation

На завершающем этапе исследования было выявлено содержание параметров «адаптация», «дезадаптация» в связи с религиозностью личности.

Результаты регрессионного анализа имеют следующий вид:

(а) дезадаптивность (–3,43, активное изменение среды; –3,10, активное изменение себя; 2,22, уход из среды и поиск новой; 3,40, внешняя религиозность);

(б) адаптивность (3,56, активное изменение себя; –2,65, уход из среды и поиск новой).

В результате можно сказать, что дезадаптивность как социально-психологическое состояние, связанное с неспособностью или невозможностью оптимального психологического функционирования в социальной среде в связи с религиозностью личности, имеет свои составляющие. Она складывается из таких компонентов, как «внешняя религиозность» и стратегии адаптации «уход из среды и поиск новой», при отсутствии стремления к активному изменению среды или себя. Другими словами, верующий



человек, находящийся в состоянии дезадаптированности – это, как правило, внешне религиозный человек (использует свою религию в целях личного, социального комфорта, благополучия), при возникновении стрессовой ситуации чаще всего стремится к уходу от нее, перемене среды. Активное же приспособление путем изменения себя или среды в опыте дезадаптивной религиозной личности отсутствует.

Адаптивность личности складывается, прежде всего, из адекватных форм реагирования на изменение среды. К таким формам относятся изменение себя, своих установок и ценностей при отсутствии стремления к уходу из стрессовой среды и поиску новой. Религиозность при этом не является характеристикой адаптивности личности.

Такие результаты подтверждают теорию Г. Олпорта о внутренней/внешней религиозности. По мнению автора, внешняя религиозность, как поведенческая конформность, коррелирует с психологическим нездоровьем личности, в то время как внутренняя религиозность предполагает соответствие внутренне усвоенных ценностей и целей общественным нормам. В то же самое время, религиозность не является непосредственной характеристикой социально-психологической адаптации личности.

Обсуждение результатов

Графическое представление в модели сочетания адаптивности/дезадаптивности и внешней/внутренней религиозности имеет достаточное теоретическое обоснование и эмпирическое подтверждение.

Стратегии адаптации в рамках разработанной модели дифференцированы и представляют специфические способы поведения, порождаемые сочетанием параметров адаптивности/дезадаптивности и внешней/внутренней религиозности.

Функции различных вариантов сочетания адаптивности/дезадаптивности и внешней/внутренней религиозности состоят в ускорении и упрощении переработки жизненного опыта и оптимизации процессов социальной адаптации.

Уточнение и углубление полученных результатов может быть обеспечено эмпирическими данными, полученными на более вариативной выборке и в ходе кросс-культурного исследования.

Литература

1. *Джеймс У.* Многообразие религиозного опыта. – М. : Академический проект, 2017. – 416 с.
2. *Черняева С. А.* Психологическое консультирование религиозных клиентов // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2009. – № 98. – С. 237–242.



3. *Угринович Д. М.* Психология религии. – М. : Политиздат, 1986. – 352 с.
4. *Грановская Р. М.* Психология веры. – СПб. : Питер, 2010. – 480 с.
5. *Двойнин А. М., Данилова Г. И.* Феномен веры в предметном поле психологии: методологические проблемы // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 4: Педагогика. Психология. – 2013. – № 2 (29). – С. 121–130.
6. *Соколовская И. Э.* Социальная психология религиозной идентичности современной Российской молодежи : дисс. ... д. психол. наук. – М., 2015. – 315 с.
7. *Batson C., Schoenrade P., Ventis W.* Religion and the individual. A social-psychological perspective. – New York : Oxford University Press, 1993. – 427 p.
8. *Paloutzian R. F.* Handbook of the psychology of religion and spirituality. – New York : Guilford Press, 2005. – 590 p.
9. *Pargament K. I., Lomax J. W.* Understanding and addressing religion among people with mental illness // World psychiatry. – 2013. – Vol. 12 (1). – P. 26–32. – DOI: [10.1002/wps.20005](https://doi.org/10.1002/wps.20005)
10. *Склярова Т. В.* Религиозная социализация: проблемы и направления исследований // Вестник ПСТГУ. IV: Педагогика. Психология. – 2009. – Вып. 4 (15). – С. 7–17.
11. *Парубочая Е. Ф.* Исламский фундаментализм в современной России // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2017. – Т. 22, № 3. – С. 150–160. – DOI: [10.15688/jvolsu4.2017.3.14](https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2017.3.14)
12. *Фрейд З.* Будущее одной иллюзии // Сумерки богов. – М. : Политиздат, 1990. – 398 с.
13. *Stout C. E.* The psychology of terrorism: Theoretical understandings and perspectives / C. E. Stout, C. McCauley, M. J. Stevens, et al. (eds.). – Westport : Praeger, 2002. – Vol. 3. – 269 p.
14. *James W. Jones* Blood that cries out from the Earth: The psychology of religious terrorism. – New York : Oxford University Press, 2008. – 209 p.
15. *Smelser N. J.* The faces of terrorism: social and psychological dimension. – Princeton : Princeton University Press, 2007. – 292 p.
16. *Философский энциклопедический словарь.* – М. : Советская энциклопедия, 1989. – С. 754.
17. *Юревич А. В.* Структура теорий в социогуманитарных науках // Наука глазами гуманитария. – М. : Прогресс-Традиция, 2005. – С. 316.
18. *Реан А. А.* К проблеме социальной адаптации личности // Вестник СПбГУ. Сер. 6. – 1995. – Вып. 3, № 20. – С. 74–79.
19. *Емельянов С. М.* Практикум по конфликтологии. – СПб. : Питер, 2009. – 384 с.



20. *Leary T.* Interpersonal diagnosis of personality. – New York : Ronald Press, 1957. – 374 p.
21. *Чернов А. Ю.* Качественный подход в психологическом исследовании : Монография. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2008. – С. 25.
22. Большой толковый психологический словарь / пер. с англ. А. Ребера. – М. : Издательство АСТ, 2001. – Т. 2 (П–Я). – С. 90.
23. *Баранников В. П., Матронина Л. Ф.* Динамика религиозности в информационном обществе // СоцИс (Социологические исследования). – 2004. – № 9. – С. 102–107.
24. *Argyle M.* Religion behavior. – London : Routledge and Kegan Paul, 1958. – P. 96–98.
25. *Allport G. W.* The individual and his religion. – New York : Macmillan, 1959. – 167 p.
26. *Зотова О. И., Кряжева И. К.* Содержание и показатели адаптации личности // Организационная психология : хрестоматия. – СПб. : Питер, 2001. – С. 248–255.
27. *Красько В. Г.* Словарь-справочник по социальной психологии. – М. ; СПб. : Питер, 2003. – 416 с.
28. *Налчаджян А. О.* Социально-психическая адаптация личности (формы, механизмы и стратегия). – Ереван : Изд-во АН Арм. ССР, 1988. – 264 с.
29. *Осницкий А. К.* Определение характеристик социальной адаптации // Психология и школа. – 2004. – № 1. – С. 43–56.
30. *Мельникова Н. Н.* Диагностика социально-психологической адаптации личности : Учебное пособие. – Челябинск : Изд-во ЮУрГУ, 2004. – С. 30–33.

References

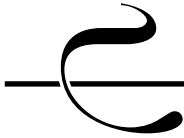
1. James W. *The varieties of religious experience* (Russ. ed.: Dzheims U. *Mnogobrazie religioznogo opyta*. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2017. 416 p.).
2. Chernyaeva S. A. Psychological counseling for religious clients. *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena – Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, 2009, no. 98, pp. 237–242 (in Russian).
3. Ugrinovich D. M. *Psikhologiya religii* [Psychology of religion]. Moscow, Politizdat Publ., 1986. 352 p.
4. Granovskaya R. M. *Psikhologiya very* [Psychology of faith]. St. Petersburg, Piter Publ., 2010. 480 p.
5. Dvoinin A. M., Danilova G. I. The phenomenon of faith in the subject field of psychology: methodological problems. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya 4: Pedagogika. Psikhologiya – St. Tikhon's University Review. Pedagogy. Psychology*, 2013, no. 2 (29), pp. 121–130 (in Russian).



6. Sokolovskaya I. E. *Sotsial'naya psikhologiya religioznoi identichnosti sovremennoi Rossiiskoi molodezhi* [Social psychology of religious identity among modern Russian youth]. Diss. Dr. Sci. (Psych.). Moscow, 2015. 315 p.
7. Batson C., Schoenrade P., Ventis W. *Religion and the individual. A social-psychological perspective*. New York, Oxford University Press, 1993. 427 p.
8. Paloutzian R. F. *Handbook of the psychology of religion and spirituality*. New York, Guilford Press, 2005. 590 p.
9. Pargament K. I., Lomax J. W. Understanding and addressing religion among people with mental illness. *World psychiatry*, V. 12 (1), 2013, pp. 26–32. DOI: [10.1002/wps.20005](https://doi.org/10.1002/wps.20005)
10. Sklyarova T. V. Religious socialization: research problems and directions. *Vestnik PSTGU. IV: Pedagogika. Psikhologiya – St. Tikhon's University Review. Pedagogy. Psychology*, 2009, V. 4 (15), pp. 7–17 (in Russian).
11. Parubochaya E. F. Islamic fundamentalism in modern Russia. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4, Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya – Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International relations*, 2017, V. 22, no. 3, pp. 150–160 (in Russian). DOI: [10.15688/jvolsu4.2017.3.14](https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2017.3.14)
12. Freud Z. The future of an illusion. In: *Sumerki bogov* [Twilight of the gods]. Moscow, Politizdat Publ., 1990. 398 p.
13. Stout C. E. *The psychology of terrorism: Theoretical understandings and perspectives*. Westport, Praeger, 2002, V. 3. 269 p.
14. James W. *Blood that cries out from the Earth: The psychology of religious terrorism*. New York, Oxford University Press, 2008. 209 p.
15. Smelser N. J. *The faces of terrorism: social and psychological dimension*. Princeton, Princeton University Press, 2007. 292 p.
16. *Filosofskii entsiklopedicheskii slovar'* [Philosophical encyclopedic dictionary]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1989. 754 p.
17. Yurevich A. V. The structure of theories in social science and humanities. In: *Nauka glazami gumanitariya* [Science through the eyes of a humanitarian scientist]. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 2005. 316 p.
18. Rean A. A. On the issue of the individual's social adaptation. *Vestnik SPbGU – Vestnik of St. Petersburg University. Series 6*, 1995, V. 3, no. 20, pp. 74–79 (in Russian).
19. Emel'yanov S. M. *Praktikum po konfliktologii* [Conflictology: Practical course]. St. Petersburg, Piter Publ., 2009. 384 p.
20. Leary T. *Interpersonal diagnosis of personality*. New York, Ronald Press, 1957. 374 p.
21. Chernov A. Yu. *Kachestvennyi podkhod v psikhologicheskoi issledovanii* [A qualitative approach in psychological research]. Volgograd, VSU Publ., 2008, p. 25.



22. *Bol'shoi tolkovyi psikhologicheskii slovar'* [Great psychological dictionary]. Moscow, AST Publ., 2001, V. 2 (P-I), p. 90.
23. Barannikov V. P., Matronina L. F. Dynamics of religiosity in the information society. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*, 2004, no. 9, pp. 102–107 (in Russian).
24. Argyle M. *Religion behavior*. London, Routledge and Kegan Paul, 1958, pp. 96–98.
25. Allport G. W. *The individual and his religion*. New York, Macmillan, 1959. 167 p.
26. Zotova O. I., Kryazheva I. K. The content and signs of an individual's adaptation. In: *Organizatsionnaya psikhologiya* [Organizational psychology]. St. Petersburg., Piter Publ., 2001, pp. 248–255.
27. Kras'ko V. G. *Slovar'-spravochnik po sotsial'noi psikhologii* [Dictionary on social psychology]. St. Petersburg, Piter Publ., 2003. 416 p.
28. Nalchadzhyan A. O. *Sotsial'no-psikhicheskaya adaptatsiya lichnosti (formy, mekhanizmy i strategiya)* [Socio-psychological adaptation of the person: forms, mechanisms, and strategies]. Yerevan, AN Arm. SSR Publ., 1988. 264 p.
29. Osnitskii A. K. Determining characteristics of social adaptation. *Psikhologiya i shkola – Psychology and School*, 2004, no. 1, pp. 43–56 (in Russian).
30. Mel'nikova N. N. *Diagnostika sotsial'no-psikhologicheskoi adaptatsii lichnosti* [Diagnostics of socio-psychological adaptation of the person]. Chelyabinsk, South Ural State University Publ., 2004, pp. 30–33.



UDC 371.13:323.11

DOI: [10.21702/rpj.2017.4.12](https://doi.org/10.21702/rpj.2017.4.12)

Strengthening the Pre-Service Teacher Training System in a Multi-Ethnic Society

Valentina Gulevska^{1*}, Alma Tasevska², Snezana Jovanova Mitkovska³, Lulzim Ademi², Vesna Makasevska², Kustrim Ahmeti⁴, Jelena Brajovikj

¹ University "St. Kliment Ohridski", Bitola, Macedonia

² University "Ss. Cyril and Methodius", Skopje, Macedonia

³ University "Goce Delcev", Stip, Macedonia

⁴ University of Tetovo, Tetovo, Macedonia

* Correspondence author. E-mail: valentina.gulevska@uklo.edu.mk

Abstract

Introduction. The difference which nature has placed between one man and another is so wide. Also, the difference which comes by religion, cultural habits and similar elements in the human life can be further enlarged by education. During the last ten years, interethnic relations in Macedonian educational system become central topic for the activity of educational policy makers. In that line, the novelty of this research lies in the designing of student practicum by making cross-cultural contacts in the sphere of education.

Methods. Macedonian government's programs and legal framework promote interethnic communication, but implementation of principles as respect, tolerance, and acceptance in the school life still is reduced only on using different languages of ethnic communities in teaching process. At the same time, appears the need to enhancing teachers' capacities for work in a multicultural environment and ensuring all children receive a high-quality education.

Results. The results of the research show that informal education activities can encourage a thinking process as intellectual instrument for extermination prejudices related interethnic communication through the closer contact and interaction between the students, teachers and parents in the school environment.

Discussion. It is certainly very difficult to set balancing between variety of behaviours, dictated by the presumed needs of specific cultures, religions and beliefs, but the classroom should be common home for all students and the teacher should know to manage such relationship.

Keywords

multi-ethnic society, education, teachers, competencies, student practicum, informal education, project activities, evaluation, curriculum, educational policy



Highlights

- ▶ The student practicum in the NGO sector and in a multicultural environment can enhance the capacity of the prospective pedagogues, teachers and other educators for working in multicultural environment.
- ▶ The category of participating students shows a higher degree of development of competences for work in multicultural environment than the category of students who did not participate in the project.
- ▶ The category of participating students show an evident tendency to open up to people with different experience and ethnic background, make new acquaintances, and in general, communicate without prejudice than the category of students who did not participate in the project.

For citation

Gulevska V., Tasevska A., Mitkovska S. J., Ademi L., Makasevska V., Ahmeti K., Brajovikj J. Strengthening the Pre-Service Teacher Training System in a Multi-Ethnic Society. *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal – Russian Psychological Journal*, 2017, V. 14, no. 4, pp. 243–266 (in Russian).

Original manuscript received 18.05.2017

Introduction

The pedagogical science commonly acknowledges that the global concept of multicultural education is mainly characterized by the following parameters: strengthening of the teacher intercultural competencies, curriculum reforms of the teacher training faculties, promotion of pedagogy of equality and education for social equity. The higher education also has become with visible international dimension [1].

The intercultural competencies of the teachers are acquired and developed over a long process of education and professional development, during which the teacher is trained to acknowledge the multicultural principles in the education and resolve problems related to the cultural diversity in the educational process [2]. The curriculum reforms of the teacher training faculties are closely aligned to these educational trends and revealing society as a culprit minimizes the potential for “blaming the victim” [3]. In addition to the new multicultural education content, the teacher training syllabus requires further interventions into the relevant literature (textbooks, teacher aids and other type of educational material used by the teachers and the students). The basic curriculum reform impetus is the promotion of the pedagogy of equality [4]. This type of pedagogy aims at creation of equal possibilities for all children, regardless of their religion or ethnic affiliation. The education for social equity, on the other hand, works towards strengthening the teacher knowledge about the structure of the multi-ethnic societies and helps develop capabilities and skills for social action and



cohesion. Therefore, “multicultural literature is essential to all areas of the curriculum to help students grow in understanding of themselves and others” [5].

In this regard, the intercultural and interethnic relations in the education system of the Republic of Macedonia systematically impose the need for constructive communication and interaction, in line with the contemporary education trends. For example, Patricia G. Ramsey [6] describes how the heavy and controversial issues of oppression, exploitation, and social justice may seem to be a world away from young children. Also, other experts agree that culturally responsive teacher must encourage all students to have high personal expectations regardless their cultural backgrounds [7]. The implementation of such educational goals and priorities requires adequate knowledge, skills and mindset of the teachers. Therefore, experts claim that culturally competent teachers are the most powerful workforce for balancing the differences in a rapidly changing world [8].

The teaching staff in the country is educated in a number of higher education institutions: Skopje Faculty of Pedagogy “St. Kliment Ohridski”, Bitola Faculty of Education, Stip Faculty of Educational Sciences, Institute for Pedagogy with the Faculty of Philosophy in Skopje and the Institute for Pedagogy with the Faculty of Philosophy in Tetovo. These institutions primarily produce teaching staff in three degrees of education (preschool, primary and high school).

The education of the prospective educators, teachers and pedagogues, pays particular attention not only to the theoretical knowledge, but also to the practical skills. Given that the multicultural modules in the higher education have thus far been treated primarily from a theoretical and academic point of view, the Education Section of the OSCE Mission to Skopje, has introduced both theoretical and practical elements, notably through a series of modules and activities as part of the so called informal education, i. e. trainings and seminars, intended for students and teaching staff. At the same time, all teacher training faculties have recognized that the future teachers and pedagogues should acquire a deep sense of empathy and concern for the well-being of all children [9].

In addition to initiating joint work and friendships of students with different cultural and ethnic background, other successful activities have been implemented, including: trainings and seminars for students of all five faculties (in a 7-year period), creation and development of a Manual with multicultural content intended as an additional literature for the students, and for the higher education professors dealing with this issue, development of an Instruction for Implementation of the Practicum, intended for professors-mentors, educators/teachers-mentors and students, organization of international conferences on the subject of: Practicum and challenges of prospective pedagogues, teachers and educators in multicultural environments.

The above activities are a result of the excellent cooperation between the faculties of pedagogy and philosophy in the country. Of note is that the Manual



for Social Skills and Responsibilities of the Teachers and the Associates in the School and the Instruction for Implementation of the Student Practicum have provided an exceptional contribution to the creation of the basic direction for this educational tendency, whereas the conclusions of the OSCE-supported international conference, organized by all teacher training faculties, have supported the sustainability of the approach to the issues of multiculturalism in the education system of the Republic of Macedonia. On this way the future teachers and pedagogues can accept “a shift towards value neutrality” [10, p. 45], i. e. they can inspire young people to further learning and activism [11].

Methods

Subject of the research

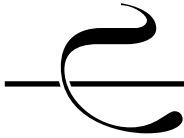
Subject of this research are:

- the syllabus of the teacher training faculties in the Republic of Macedonia, with regard to the inclusion of multicultural content;
- the perceptions of the students at the faculties of philosophy and pedagogy in the Republic of Macedonia on the inclusion and the implementation of multicultural content in their faculty syllabuses and the effects of the implementation of the activities from the project *Strengthening the Pre-Service Teacher Training System in a Multi-Ethnic Society*;
- the opinions and the experience of the teachers at the faculties of philosophy and pedagogy from the countries in the region with regard to the inclusion of multicultural content in the syllabuses, involvement of students in projects on multicultural education as well as the implementation of the practicum in a multicultural environment.

Goals and type of the research

The research aimed at providing a comparative overview of the syllabuses of the teacher training faculties in the Republic of Macedonia and select countries in the region. The research particularly focused on the extent of inclusion of multicultural content and analysis of the effects from the implementation of the activities of the project *Strengthening the Pre-Service Teacher Training System in a Multi-Ethnic Society*, aiming at development of intercultural competencies of the prospective pedagogues, teachers and educators.

This is a contemporary research, as it deals with the current issue of pedagogic practice, by applying a transversal, empirical, descriptive, qualitative and quantitative approach. We consider that the application of the qualitative and the quantitative approach, along with the appropriate research techniques will contribute to obtaining detailed and essential analysis and interpretation of the data.



Tasks of the research

1. To analyze the syllabuses of the faculties of philosophy and pedagogy in the Republic of Macedonia, with respect to:

- mandatory subjects, inclusive of multicultural content;
- optional subjects, inclusive of multicultural content;
- subjects with potential multicultural content.

2. To review the student perception of the faculties of philosophy and pedagogy in the Republic of Macedonia, with respect to:

- participation in projects in the sphere of multicultural education;
- development of intercultural competencies;
- strategies in the implementation of the practicum in a multicultural context.

3. To review the perceptions and the experiences of the professors from the faculties of philosophy and pedagogy from the Balkans, with respect to:

- inclusion of multicultural content in the syllabuses;
- organization of a student multicultural practicum;
- participation of the students in projects dealing with multicultural education.

Hypotheses

Key Hypothesis: the implementation of the activities of the project *Strengthening the Pre-Service Teacher Training System in a Multi-Ethnic Society* has a positive effect on the further development of the intercultural competencies of the prospective pedagogues, educators and teachers.

Specific Hypotheses:

1. Hypothesis A (refers to the syllabuses of the faculties of philosophy and pedagogy in the Republic of Macedonia): multicultural modules in the syllabuses of the faculties of philosophy and pedagogy in the Republic of Macedonia are generally offered as optional subjects.

2. Hypothesis B (refers to the students of the faculties of philosophy and pedagogy in the Republic of Macedonia): the bulk of the interviewees believe that the participation in projects related to multicultural education positively impacts the development of their intercultural competencies and prepares them for work in a multicultural environment.

3. Hypothesis C (refers to the perceptions and the experiences of the professors from the faculties of philosophy and pedagogy from the countries in the region): the bulk of the interviewees share the opinion that the syllabuses of their faculties include modules on multicultural education, but also consider that there is a need for additional pedagogic practicum in a multicultural environment.

Methods, Techniques and Instruments of the Research

This research applies the comparative and the descriptive method as well as



the theoretical analysis method.

The data was acquired through the following techniques and instruments: analysis of content and polling, i. e. registration sheet and two questionnaires administered to the students and the professors respectively.

Representative Sample

The research includes several samples:

- sample of students – participants in the project *Strengthening the Pre-Service Teacher Training System in a Multi-Ethnic Society*;
- sample of students – not participating in the same project;
- sample of professors from the faculties of philosophy and pedagogy in the Balkans.

Results

Analysis of the syllabuses of the faculties of pedagogy and philosophy in the Republic of Macedonia

The experts think that “redefined multicultural education must reflect changes in curriculum, teaching strategies, and school culture, as well as policy and administrative issues” [12, p. 61]. In that line, the research has started with analysis of the syllabuses.

The Table 1 below provides an overview of the extent of inclusion of multicultural modules in the syllabuses of all teacher training faculties.

The analysis of Table 1 shows that 28 mandatory and 44 optional subjects of the syllabus include multicultural education modules.

Table 1. List of mandatory and optional multicultural modules

Faculty of Pedagogy “St. Kliment Ohridski”, UKIM, Skopje	
<i>Mandatory subjects:</i> Sociology of Education; Family Pedagogy; History	<i>Optional subjects:</i> Multicultural Education; Religious Systems; Pedagogic Communication; Communicology; National History
Faculty of Education, UKLO, Bitola	
<i>Mandatory subjects:</i> Pedagogy; Fundamentals of Democracy; Sociology of Education; Philosophy of Education	<i>Optional subjects:</i> Methodology of Educational Work; Ethics; Comparative Religious Systems; Culture of Expression; History; Our Homeland; Culture and Communication



Faculty of Education Sciences, UGD, Sljip	
<p><i>Mandatory subjects:</i> Fundamentals of Pedagogy; Child Development; Inclusive Education; Preschool Pedagogy; Family Pedagogy; Methodology of Preschool Education</p>	<p><i>Optional subjects:</i> Multicultural Education; Ethics; Sociology of Education; Developmental Psychopathology; Children's Literature; Pedagogical Communication; Pedagogy of Leisure Time; History; Teaching and Tutoring Strategies</p>
Faculty of Philosophy, DUT, Tetovo	
	<p><i>Optional Subjects:</i> Sociology of Education; Media Culture; Pedagogical Ethics; Social Pedagogy; School Hygiene; Children's Literature; Learning Disabilities; Pedagogic Re-socialization; Education Systems; Education Legislation; Andragogy; Creative Teaching Models</p>
Faculty of Philosophy, UKIM, Skopje	
<p><i>Mandatory subjects:</i> General Pedagogy; Theory of Upbringing; Preschool Pedagogy; Andragogy; Basic Literacy; Methodology of Education; Pre-school Curriculum</p>	<p><i>Optional subjects:</i> Pedagogic Work with Vulnerable Children; Adult Literacy; Family Pedagogy; School Pedagogy; Alternative Approaches to Pedagogy; Interactive Approaches to Teaching; Intercultural Education; Early Learning and Development; Play and Play-related Activities; Pedagogic Communication</p>

The pivotal subject *Intercultural/Multicultural Education*, which principally deals with multiculturalism, is predominantly offered as an optional subject in the teacher training syllabus. This subject aims to sensitize students for work in multicultural environment; familiarize them with the basic terminology and

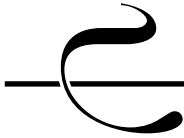


principles of multicultural education; provide them with skills for development of curriculum tailored for multicultural environment. Content-wise, the subject mainly refers to the societal role of education, the intercultural education as a global phenomenon, education in multicultural society, the relations between the different cultures and the education, education as a process of acquiring intercultural competencies, curriculum design in intercultural and multicultural context, and the role of the family and the education institutions. The professors from the faculties of philosophy and pedagogy in the Republic of Macedonia deem that the content of the aforementioned subjects may be additionally improved and the general and the specific descriptors further developed. Also, a commonly accepted opinion is that multicultural content may be incorporated in the remainder of the subjects, if not in the entire syllabus.

Table 2 provides a list of subjects which, according to the professors, may include modules with multicultural content.

Table 2. List of subjects which may include modules with multicultural content

<i>Subjects which can potentially develop modules with multicultural content</i>
Didactics
Psychology of Personality
Psychology of Personal Development
General History
Special Pedagogy
Didactics of Work with Talented Students
Contemporary Education Trends
Fine Art Curriculum Didactics with Pedagogic Practicum
Native Language Curriculum Didactics
Doximology
Lifetime Learning
Management in Education
Curriculum Didactics for Students with Special Needs
Democratization of the School
Pedagogic Design
Educational Technology
Ecologic Education
Counseling and Orientation
Combined Classes Work Didactics
Methodology of History and Science Education
Curriculum Methodology in Fundamentals of History and Science



The Figure 1 shows that the multicultural education content is more represented in the optional than in the mandatory subjects.

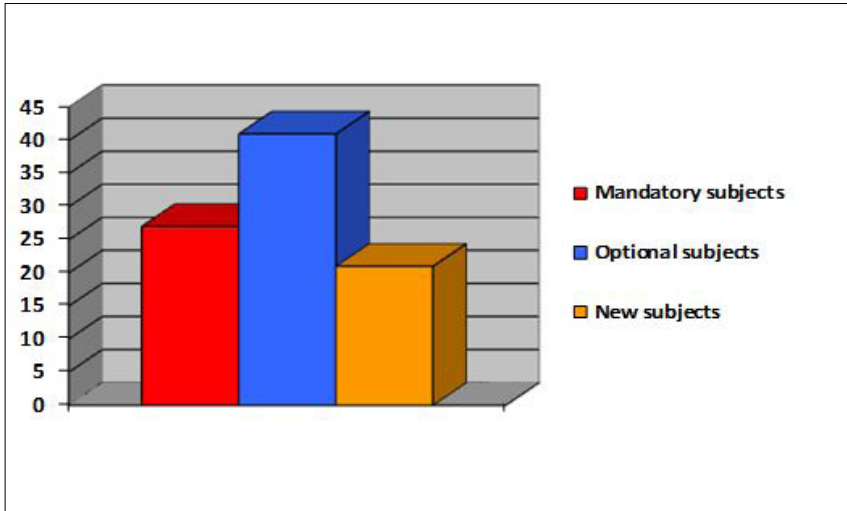


Figure 1. Overview of mandatory and optional subjects with multicultural content and new subjects which carry the potential of including multicultural content

Additionally, at the teacher training faculties, many subjects can potentially develop modules with multicultural content.

In the future, based on the data and the current affairs in the sphere of teacher training, the relevant agencies in charge of creation and development of national education policies may propose further interventions in the syllabus with regard to the mandatory subjects.

Analysis of the student perceptions from the faculties of philosophy and pedagogy in the Republic of Macedonia

The survey was conducted among students of five higher education institutions in the Republic of Macedonia (Skopje Faculty of Philosophy, Tetovo Faculty of Philosophy, Skopje Faculty of Pedagogy, Bitola Faculty of Education and Štip Faculty of Educational Sciences). The representative sample comprises 198 interviewees. Of the total number of surveyed students in the project *Strengthening the Pre-Service Teacher Training System in a Multi-Ethnic Society*, 93 had taken part in the project as opposed to 105 interviewees who had not. The Figures 2, 3 and 4 show the gender, the ethnicity and the confessional structure of the interviewees.

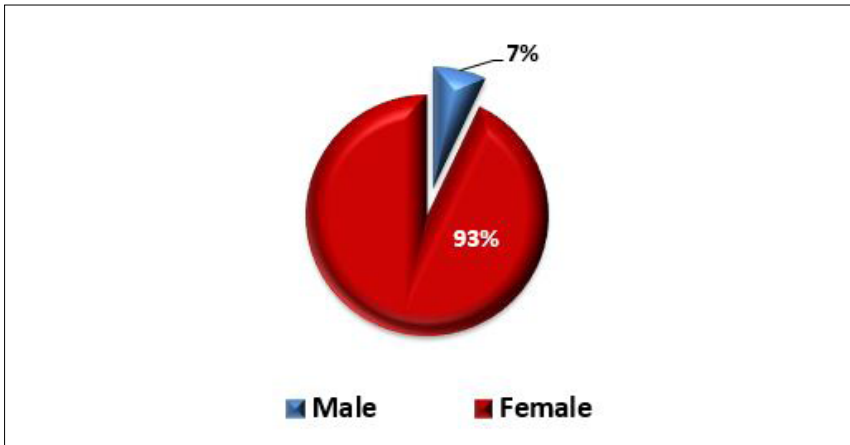


Figure 2. Gender structure of the interviewees

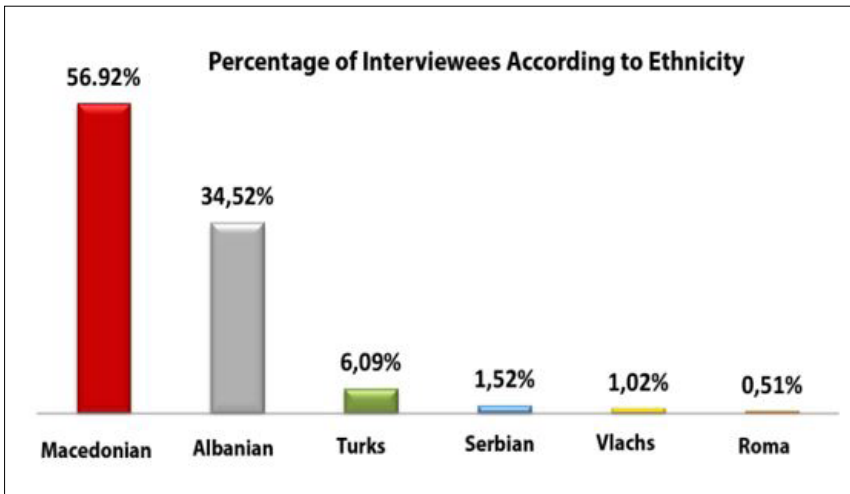


Figure 3. Overview of the ethnicity of the interviewees

Of the total number of surveyed interviewees (198), 14 are male, and 184 are female. With regard to the ethnicity of the interviewees, in the category of *students participating in the project* – 47 are e-Macedonian, 34 e-Albanian, eight e-Turks, three e-Serbs and one e-Roma. In the category of *students not participating in the project* – 64 are e-Macedonian, 34 are e-Albanian, four are e-Turks, two are e-Vlach and one interviewee is a member of another ethnic group, or a total of



111 interviewees are e-Macedonian, 68 e-Albanian, 12 e-Turk, three are e-Serb, two e-Vlachs, one is e-Roma and one is a member of another ethnic community. The Figure 3 shows the ethnic structure of the interviewees in percentages.

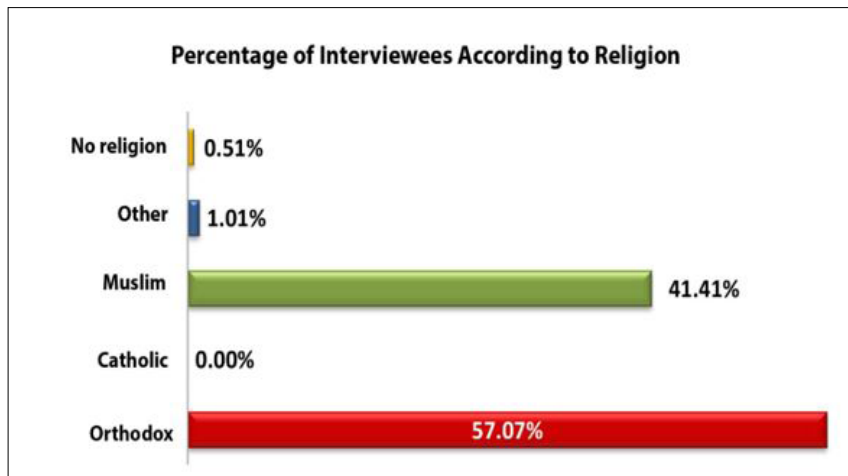


Figure 4. Overview of the religion of the interviewees

Of the total number of interviewees from the category of *students participating in the project* – 49 have declared themselves Orthodox Christian, 43 Muslims and one interviewee – a member of another religion. In the category of *students not participating in the project* – 64 have declared themselves Orthodox Christians, 39 Muslims, one interviewee a member of another religion and one without a religion. Of the total number of interviewees – 113 are Orthodox Christian, 82 are Muslims, two are members of another religion and one interviewee is without a religion. In the Figure 4, the confessional structure of the interviewees is shown in percentages.

Of the total number of interviewees – 113 students had participated in other education projects with multicultural component, as opposed to 85 who had not participated. Of the category of *students participating in the project* – 79 interviewees had participated in other education projects with multicultural component, as opposed to 14 non-participating interviewees. In the category of *students not participating in the project*, 34 interviewees had participated in other education projects with multicultural component, and 71 interviewees had not participated. The Figure 5 shows the percentage of interviewees – participants or non-participants – in other education projects with multicultural component.

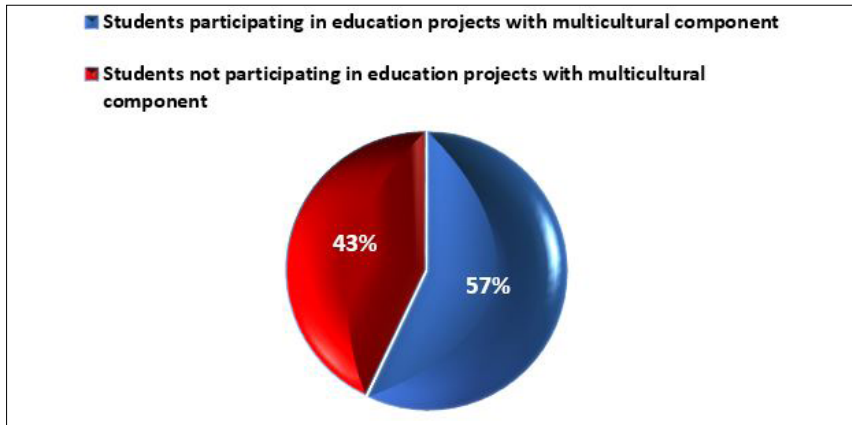


Figure 5. Overview of interviewee participation in other multicultural projects

The cross-cultural contacts in the sphere of education impose the need for constructive communication, which also has an impact on the role of the teacher in the educational process. It is also a demand of effective, empowering and transformative teaching [13]. The teacher typically carries along paradigms of education strategies and characteristics of his/her own community. The new societal trends require that the teacher's method of work undergoes changes [14]. The teacher increasingly acquires a role of a mediator among the students and deals with their specific expectations and needs in line with their different cultural traditions. According to the savants, the educational pluralism aims to build positive relations and relationships between the students through building mutual respect and acceptance of the others, the way they are, through setting joint goals as well as overcoming stereotypes and prejudice [15]. In order to examine the key hypothesis, i. e. the claim that the implementation of activities as part of the project *Strengthening the Pre-Service Teacher Training System in a Multi-Ethnic Society* positively affects the development of intercultural competencies of the prospective pedagogues, educators and teachers. The Figure 6 and 7 provide a comparative overview of the responses of the two categories of students to the following question: "Do you have friends of different cultural and ethnic background"? The *students participating in the project* have a significant number of friends with different cultural and ethnic background, unlike the *students not participating in the project*. For instance, in the latter category, 21 interviewees (or 20 % of the students) have declared that they have no friends of different cultural and ethnic background, unlike the category of



students participating in the project where only one interviewee has declared to have no friends of different cultural and ethnic background.

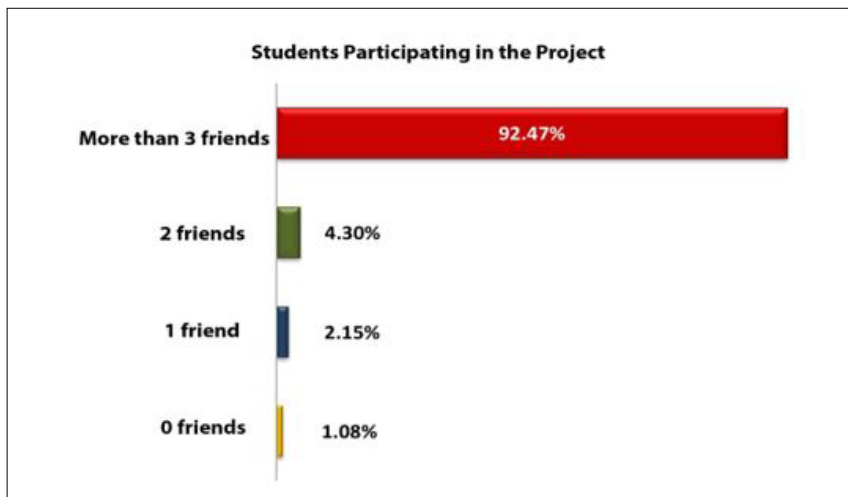


Figure 6. Overview of responses of students participating in the project to the question: **Do you have friends of different cultural and ethnic background?**

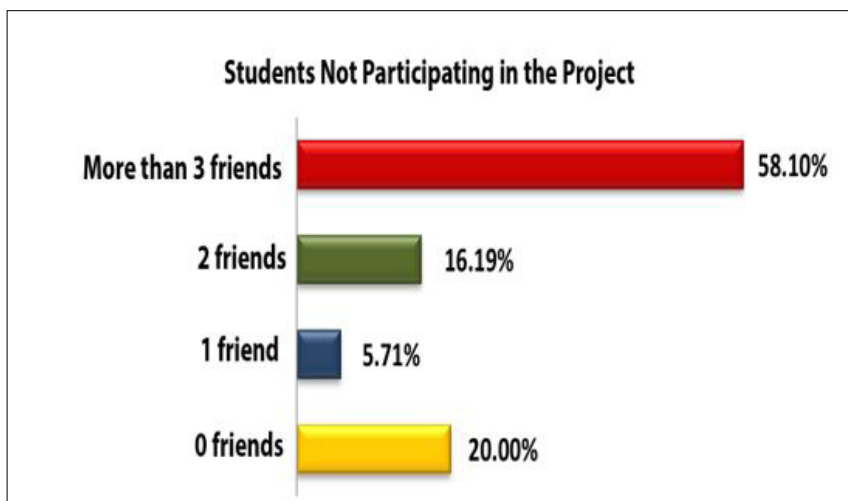


Figure 7. Overview of responses of students not participating in the project to the question: **Do you have friends of different cultural and ethnic background?**



In order to reexamine the key hypothesis, i. e. the claim that the implementation of activities as part of the project *Strengthening the Pre-Service Teacher Training System in a Multi-Ethnic Society* positively affects the development of intercultural competencies of the prospective pedagogues, educators and teachers, the Figures 8 and 9 provide a comparative overview of the responses of the two categories of students to the following question: "Would you be willing to meet people with different cultural and ethnic background"? The students who participated in the project would like to meet people with different cultural and ethnic background more than the students who did not participate in the project. For instance, in the latter category, 57 interviewees (or 54,29 %) have declared that they are always willing to meet people with different cultural and ethnic background, unlike the category of students participating in the project where 70 interviewees (or 75,27 %) have declared that they are always willing to meet people with different cultural and background. Another interesting fact is that from the category of students not participating in the project two interviewees (or 1,90 %) have responded to have never been willing to meet people with different cultural and ethnic background, unlike the category of students who participated in the project where no interviewee (or 0,00 %) has responded to have never be willing to meet people with different cultural and ethnic background.

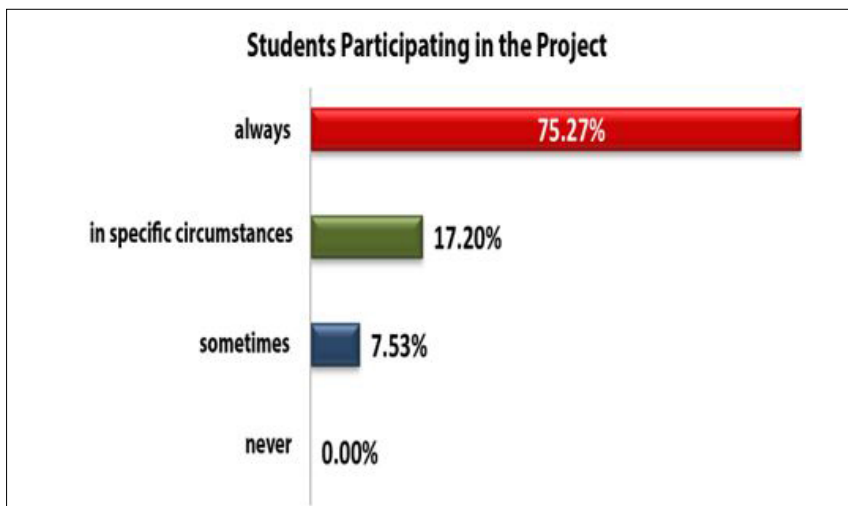


Figure 8. Overview of responses of students participating in the project to the question: **Would you be willing to meet people with different cultural and ethnic background?**

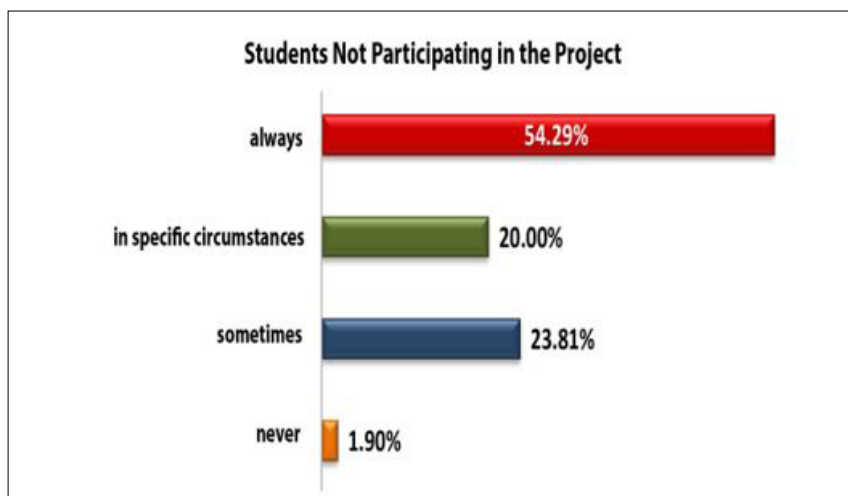


Figure 9. Overview of responses of students not participating in the project to the question: **Would you be willing to meet people with different cultural and ethnic background?**

To examine the impact of the project *Strengthening the Pre-Service Teacher Training System in a Multi-Ethnic Society* on the development of the intercultural competencies of the students who participated in the project activities, the questionnaire offered ten key intercultural competencies on which the students were asked to provide their opinion with regards to the degree of its adoption. The premise is that the category of *students participating in the project* will have acquired these competencies to a larger degree compared to the category of *students not participating in the project*. The key intercultural competencies are described comparatively in the Figure 10 and 11. The overview upholds the specific hypothesis A, according to which, the interviewees have the opinion that the participation in education projects with multicultural component positively affects the development of their intercultural competencies and prepares them for work in a multicultural environment. Of the offered ten intercultural competencies, students participating in the project (72 students or 77,42 %) consider that they have mostly developed the second competency, i. e. that they had acquired a skill to respect the diversity with regard to the culture, gender, ethnic and social affiliation. Students not participating in the project (61 student or 58,10 %) consider that they have mostly developed the fourth competency, i. e. the willingness to build positive and friendly relationships with colleagues of different cultural and ethnic background.

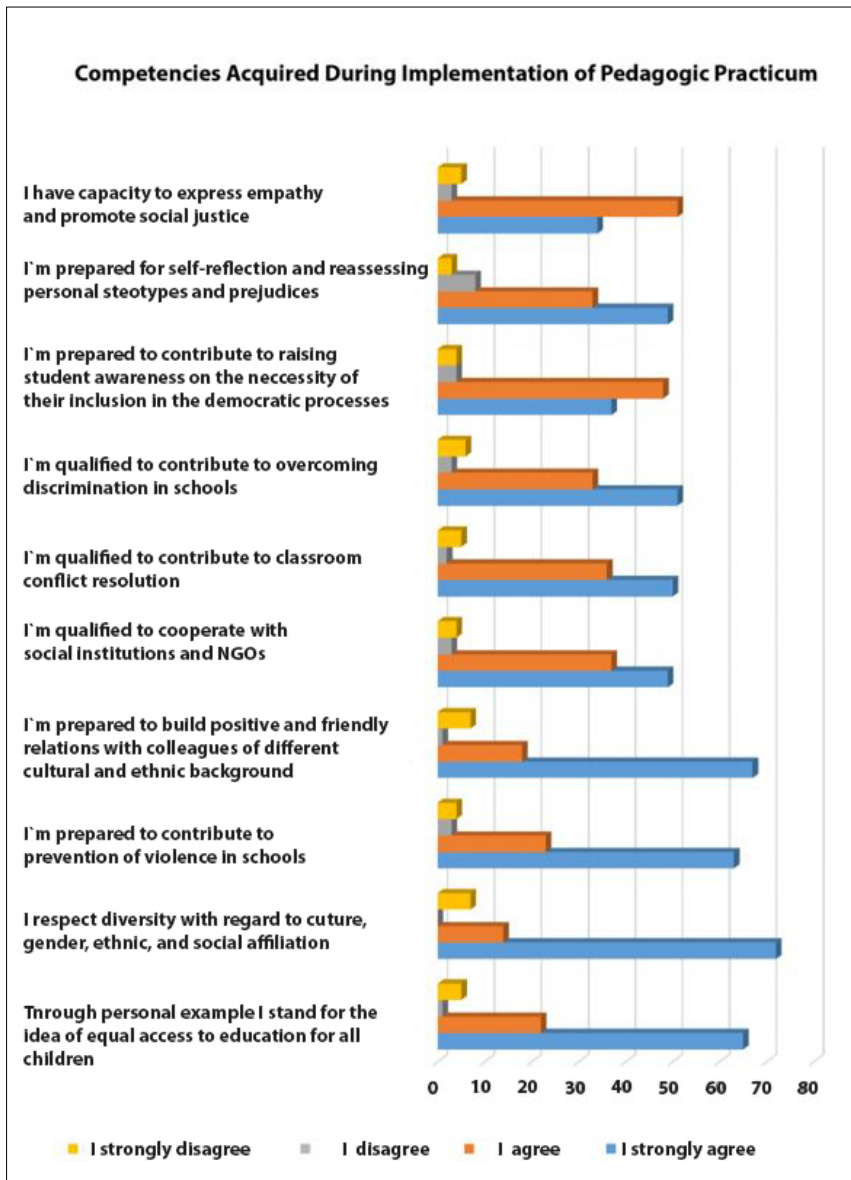


Figure 10. Overview of responses of students participating in the project with regard to the competencies

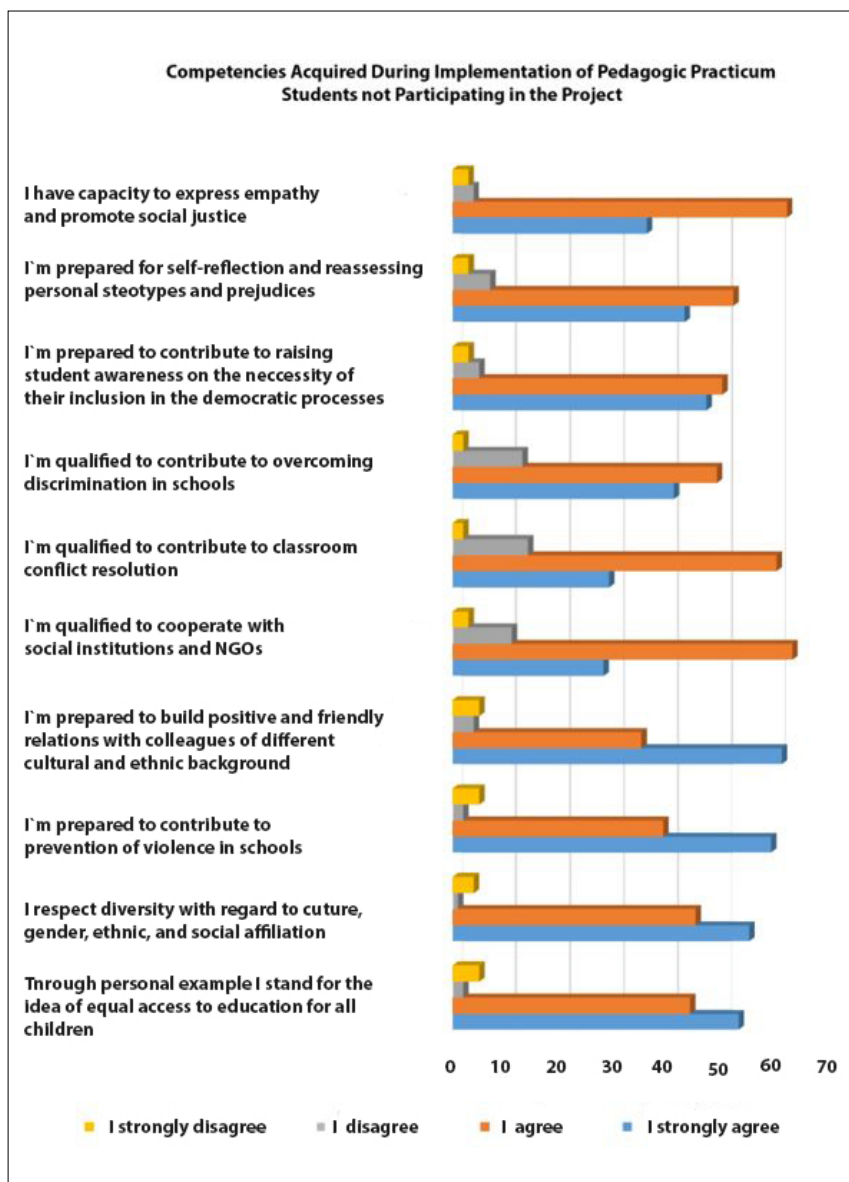


Figure 11. Overview of responses of students not participating in the project with regard to the competencies



Such results may lead to a conclusion that the implementation of the project *Strengthening the Pre-Service Teacher Training System in a Multi-Ethnic Society* positively affects the development of intercultural competencies of the students who participated in the project and that the students who did not participate in the project have the need of acquiring additional knowledge, competencies, skills and attitudes for the implementation of the practicum in a multicultural environment. Additionally, the statistical data in the charts show that both categories of students have predominantly answered *I agree* and *I strongly agree* with regard to the acquisition of intercultural competencies, which is indicative of the fact that the teacher training curriculum in the Republic of Macedonia is in line with the contemporary educational trends and promotes multicultural education content. In other words, the students should know “how one group of people thinks about another” [16, p. 155].

Analysis of the experiences of teacher training institutions from the Balkans

A separate Questionnaire was administered among nine professors from different educational institutions in the region. The aim was to screen the implementation of the practicum of the prospective pedagogues, educators and teachers in the multicultural environment in the region. A comparative approach was used to screen the state of affairs in the Republic of Macedonia and in the Balkans. The survey was administered among professors from: Sarajevo International University (Bosnia and Herzegovina), Vranje Faculty of Pedagogy (Serbia), Aleksinac Higher School for Educators (Serbia), Korca Faculty of Pedagogy (Albania), Durres Faculty of Social Sciences (Albania), Tirana University (Albania), Sofia Faculty of Philosophy (Bulgaria), Split Faculty of Philosophy (Croatia) and Zagreb Faculty of Philosophy (Croatia).

The research results have confirmed the Specific Hypothesis B, namely that the bulk of the interviewees share the opinion that their faculties' syllabuses include multicultural education content, although they also consider that there is a need of further pedagogic practicum in a multicultural environment. The findings show that the faculties of pedagogy and philosophy in Serbia, Albania, Bosnia and Herzegovina, Croatia, Bulgaria, including Macedonia enroll students with different ethnic background. All surveyed institutions had been offering curriculum with multi-cultural content for more than 3 years.

The Figure 12 shows the types of practicum implemented by the countries in the region. There is certain diversity with regard to the implementation of the practicum. At the International University in Sarajevo, for instance, the student practicum is implemented in the last 2 years of the studies. At the University of Tirana, the practicum is implemented in the last year of the studies, whereas at the Split Faculty of Philosophy and at the Durres Faculty for Social Sciences, the



student practicum is implemented in a combined system, different than the offered models.

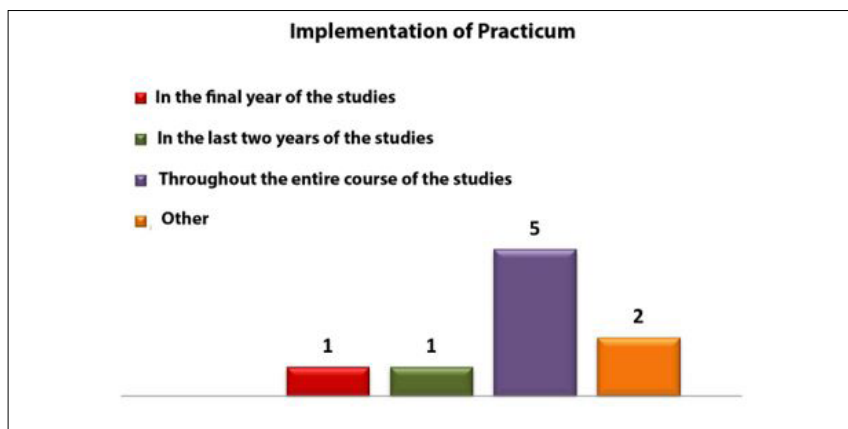


Figure 12. Overview of responses of professors from foreign universities with regard to the duration of the student practicum

Seven institutions in the region (Sarajevo International University, Korca Faculty of Pedagogy, Durres Faculty of Social Sciences, Tirana University, Sofia Faculty of Philosophy, Split Faculty of Philosophy and Zagreb Faculty of Philosophy) make use of a Practicum Implementation Instruction, whereas two institutions do not (Aleksinac Higher School for Educators and the Vranje Faculty of Pedagogy). Across all countries in the region there are schools with mixed ethnic structures. Students in the faculties in Korca, Tirana, Sarajevo, Aleksinac and Vranje may conduct the practical work in-house, whereas the students from the faculties from Sofia, Zagreb, Split and Duress have no such possibility.

Following completion of the practicum, the students from the region are expected to obtain the following competencies:

- implementation of inclusive curriculum based on the needs of all students;
- intercultural approach to lesson planning and preparation;
- heightened tolerance towards the cultural and the ethnic diversity;
- knowledge of the language of the other ethnic communities.

The faculties in Vranje, Korca, Tirana, Sarajevo and Split register the competencies acquired with the student practicum in the addendum to the diploma, unlike the faculties in Zagreb, Sofia, Duress and Aleksinac.

Six of the interviewees (from faculties in Sofia, Zagreb, Split, Sarajevo, Korca and Vranje) have answered positively to the question whether their students have the possibility to conduct practical work in NGOs, whereas three interviewees (from



the faculties in Aleksinac, Drac and Tirana) have responded negatively. Five of the interviewees (from the faculties in Zagreb, Split, Sarajevo, Tirana and Korca respectively) have answered positively to the question whether their students have participated in projects with multicultural content, and four interviewees (from the faculties in Sofia, Vranje, Aleksinac and Drac) have responded negatively. Students of the institutions which have provided positive answer to the above question had participated in the following education projects with multicultural component:

1. Intercultural Curriculum and Education in Minority Languages.
2. Intercultural Education and European Values.
3. Inclusive Education (with the University of Bologna).
4. Ghost Town 20/20 (Project on the 20th anniversary of Srebrenica genocide).
5. Terre des Hommes (Project with UNICEF).
6. Boys Reading (Erasmus + Project).

The findings of this research show that the implementation of the student practicum at the teacher training faculties in Macedonia has improved as a result of the implementation of the project *Strengthening the Pre-Service Teacher Training System in a Multi-Ethnic Society* as well as a result of the other project activities of the Education Section with the OSCE Mission to Skopje. Currently, Macedonia does not fall behind any Balkan country (including the EU member states, Croatia and Bulgaria) with regard to the:

- duration of the practicum;
- availability of a practicum implementation instruction;
- implementation of the practicum in multicultural environment;
- implementation of the practicum in the NGO sector;
- curriculum with multicultural modules for strengthening the intercultural competencies of the prospective pedagogues, tutors and teachers.

According to the number of education projects with multicultural component, implemented by the teacher training faculties, Macedonia is the leader in the region. Unlike the students at the institutions in the Balkan region who participated in the research (where at each institution students had the opportunity to participate only in one or maximum two education projects with multicultural component), the students from teacher training faculties in Macedonia, in the last 2 years, have participated in at least five projects, as follows: USAID project in cooperation with MCEC: *Interethnic Integration in Education, project of the Loja Centre for Balkan Cooperation, Anchoring Multi-ethnic Youth Work in University Curricula of Future Teachers*, the project *Mosaic* of the Centre for Joint Grounds, which focuses on the multicultural perspectives in the preschool education; the NO project of Sumnal – *Tutoring Support for Senior Roma Primary School Students* which helped the organization of the pedagogic practicum for the prospective



teachers as mentors of Roma children with learning difficulties and the OSCE project *Strengthening the Pre-Service Teacher Training System in a Multi-Ethnic Society*.

The education projects with multicultural component are implemented internationally, primarily through the organization of international conferences, congresses, and seminars by the teaching training faculties that deal with the issue of multiculturalism in education.

Discussion

The results of the research show that progress has been made in many segments of the activities implemented as part of the project *Strengthening the Pre-Service Teacher Training System in a Multi-Ethnic Society*.

The main progress has been noted in the development of the intercultural class teaching competencies of the prospective pedagogues, educators and teachers, who participated in this project. According to the statistical data, this category of students shows a higher degree of development of competences for work in multicultural environment than the category of students who did not participate in the project.

Additionally, the participating students show an evident tendency to open up to people with different experience and ethnic background, make new acquaintances, and in general, communicate without prejudice. It represents a progress in accordance with the newest pedagogical researches [17].

From the other side, this is indicative of the fact that the advantage of the implementation of the practicum in the NGO sector is in the informality of the applied approach.

Of note is also that there is an increasing interest among students for developing seminar and graduate work, essentially based on the perspectives of multicultural education. The OSCE Manual on Social Skills and Responsibilities of the Teachers and School Advisors is widely used across all teacher training faculties as an additional literature for a number of subjects as well as a bibliographical reference in graduate work, focusing on the issue of multiculturalism in education. The Manual has the potential to be used as mandatory literature in the development of seminar works on the subject of multicultural education.

The comparison of the experiences in higher education institutions from the Balkans with regard to the student practicum shows that the teacher training faculties in Macedonia mark progress in the organization and harmonization of the manner of implementation of the practicum in general, as well as in the provision of quality student practicum in the NGO sector and in a multicultural environment. Also, theoretical research shows that, it is perfectly possible and educationally advantageous to involve the student teachers in discussion of which competencies they want their mentor to focus on [18].



The analysis of the obtained results shows that more interventions are needed into the syllabus of the teacher training faculties in the region as well as into the capacity building of the prospective pedagogues, educators and teachers for working in multicultural environment. At first, it is necessary to bring together the cultures in the classrooms [19] and to manage the student's behavior [20].

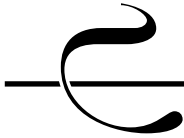
Therefore, our recommendations include the following parameters:

- in line with the commitments of the Ministry of Education and the resolve of the relevant factors of the international community as well as based on the results of the research, i. e. the perceptions of the surveyed students, the teacher training faculties in the Republic of Macedonia should enrich the teacher training syllabus, textbooks and teaching tools with multicultural educational content. It is particularly important that this content is included as a mandatory module. We also recommend that the optional subject *Multicultural Education* evolves into a mandatory subject, to be included in the curriculum of all teacher training faculties;
- with regard to the possibilities of further strengthening the intercultural competencies of the prospective pedagogues, educators and teachers, we recommend organization of summer schools and student conferences which are likely to enhance the communication dynamics between the students of different cultural and ethnic background;
- the introduction of the Manual for Implementation of the Practicum for the prospective pedagogues, educators and teachers has facilitated the work of the teacher-mentors in the primary and the high schools. However, there is an additional need of defining and specifying the key competencies of the teacher-mentors.

Finally, we would like to note that the multicultural content of the syllabus should encourage dialogue, reconciliation and joint problem resolution particularly with the support of the pedagogues, educators and teachers.

We may conclude that the intercultural and the interethnic relations in the education system of the Republic of Macedonia, inherently and systematically, impose the need of constructive communication and interaction, in line with contemporary educational trends [21]. The implementation of such educational purposes and priorities requires adequate knowledge, skills and mindset of the teachers. It is exceptionally important that the students acquire *knowledge for action* not only professionally, but also personally, as citizens of the society [22]. Also, "in order to do the best job, teachers need to choose a system of beliefs that direct them so they know which path they will take" [23, p. 23].

Therefore, the activities of the project *Strengthening the Pre-Service Teacher Training System in a Multi-Ethnic Society* have significantly encouraged the development of the intercultural competencies of the prospective pedagogues,



educators and teachers, which ultimately positively affects the capacities of our multicultural and multiethnic society for integration and identification of joint goals and perspectives.

References

1. Carroll J. *Tools for Teaching in an Educationally Mobile World: Internationalisation in Higher Education*. New York, Routledge, 2015.
2. Melendez W., Beck V. *Teaching Young Children in Multicultural Classrooms: Issues, Concepts, and Strategies*. Wadsworth, Cengage Learning, 2013.
3. Brand B. "Sociocultural Consciousness and Science Teacher Education". In M. M. Atwater, M. Russell, M. B. Butler (eds.) *Multicultural Science Education: Preparing Teachers for Equity and Social Justice*. Berlin, Springer Science & Business Media, 2014.
4. Sedmak M., Medarić Z. "The Management of Interethnic Relations in the European Context". In M. Sedmak, Z. Medarić, S. Walker (eds.) *Children's Voices: Studies of Interethnic Conflict and Violence in European Schools*. London, Routledge, 2014.
5. Manning M. L., Baruth L. G., Lee G. L. *Multicultural Education of Children and Adolescents*. New York, Routledge, 2017.
6. Ramsey P. G. *Teaching and Learning in a Diverse World: Multicultural Education for Young Children*. New York, Columbia University Teachers College Press, 2015.
7. Roller K. M. "Pre-Service Teachers and Study Abroad: A Reflective, Experiential Sojourn to Increase Intercultural Competence and Translate the Experience into Culturally Relevant Pedagogy". In P. C. Layne and P. Lake (eds.) *Global Innovation of Teaching and Learning in Higher Education: Transgressing Boundaries*. Cham, Springer, 2015.
8. Brown R. M. K. "Preparing Culturally Competent Teachers through Faculty-Led Study Abroad". In *Teacher Education: Concepts, Methodologies, Tools, and Applications* by Information Resources Management Association. Hershey, PA, Information Science Reference, 2016.
9. Baird B. N. *The Internship, Practicum, and Field Placement Handbook*. New York, Routledge, 2016.
10. Johnson Ch. S. "Addressing Culturally Consonant Character Development and Research". In K. Gonzalez and R. Frumkin (eds.) *Handbook of Research on Effective Communication in Culturally Diverse Classrooms*. Hershey, PA, Information Science Reference, 2016.
11. Adams M. "Pedagogical Foundations for Social Justice Education". In M. Adams, L. A. Bell (eds.) *Teaching for Diversity and Social Justice*. New York, Routledge, 2016.



12. Ghosh R., Galczynski M. *Redefining Multicultural Education: Inclusion and the Right to Be Different*. Toronto, Canadian Scholars' Press, 2014.
13. Fernandez E. S. "Birthing Culturally Diverse and Racially Just Educational Institutions: Teaching to Transgress and Transform". In E. S. Fernandez (ed.) *Teaching for a Culturally Diverse and Racially Just World*. Eugene, Wipf and Stock Publishers, 2014.
14. Nikandrov N. D. "Russia: Evolutional Changes against Revolutionary Upheavals". In Y. Wang (ed.) *Education Policy Reform Trends in G20 Members*. Heidelberg, Springer, 2013.
15. Bagwell C. L., Schmidt M. E. *Friendship in Childhood and Adolescence*. New York, The Guilford Press, 2013.
16. Grant C. A. *Multiculturalism in Education and Teaching*. New York, Routledge, 2015.
17. Verkuyten M., Fleishmann F. "Ethnic Identity among Immigrant and Minority Youth". In A. Rutland, D. Nesdale, Ch. S. Brown (eds.) *The Wiley Handbook of Group Process in Children and Adolescents*. Hoboken, Wiley Blackwell, 2017.
18. Hagger H., Mcintyre D., Wilkin M. *Mentoring: Perspectives on School – based Teacher Education*. New York, Routledge, 2013.
19. Rothstein-Fisch C. *Readings for Bridging Cultures: Teacher Education Module*. New York, Routledge, 2014.
20. Shepherd T. L., Linn D. *Behavior and Classroom Management in the Multicultural Classroom*. Thousand Oaks, SAGE Publications, 2015.
21. Bash L., Coulby D. (eds.) *Establishing a Culture of Intercultural Education*. Cambridge, Cambridge Scholars Publishing, 2016.
22. Matthews S. "Rethinking the Good in Good Global Citizenship: The Ethics of Cosmopolitan Pluralism". In J. B. Rennick and M. Desjardins (eds.) *The World is My Classroom: International Learning and Canadian Higher Education*. Toronto, University of Toronto Press, 2013.
23. Pang V. O. *Diversity and Equity in the Classroom*. Boston, Cengage Learning, 2017.



УДК 159.9.072.592

DOI: [10.21702/rpj.2017.4.13](https://doi.org/10.21702/rpj.2017.4.13)

Выделение профессионально важных качеств инспектора Государственной инспекции по маломерным судам МЧС России

Юлия С. Шойгу, Анастасия А. Тарасова*

Федеральное казенное учреждение «Центр экстренной психологической помощи МЧС России», г. Москва, Российская Федерация

* E-mail: tvsova80@mail.ru

Аннотация

Введение. Несмотря на достаточный накопленный опыт в области исследования разнообразных видов профессиональной деятельности, в настоящее время отсутствуют данные по психологическому изучению профессиональной деятельности инспекторов Государственной инспекции по маломерным судам МЧС России (далее – ГИМС МЧС России). В связи с этим возникла актуальная практическая необходимость в изучении специфики профессиональной деятельности данных специалистов и в определении необходимых профессионально важных качеств (далее – ПВК), влияющих на эффективность выполнения этой самой деятельности.

Методы. В исследовании приняли участие 275 инспекторов ГИМС МЧС России, проживающих в различных субъектах Российской Федерации. На основании экспертного опроса был подобран психодиагностический инструментарий, направленный на изучение интеллектуальной, когнитивной и личностной сфер у обследуемых инспекторов ГИМС МЧС России. Общее количество экспертов составило 40 человек. Для обработки полученных данных использовались методы математико-статистической обработки.

Результаты. С помощью проведения сравнительной процедуры успешных и неуспешных инспекторов ГИМС МЧС России выделены ПВК, являющиеся средством прогнозирования успешности профессиональной деятельности инспекторов ГИМС МЧС России. Полученные ПВК разделены на 3 блока: интеллектуально-мнестический, эмоционально-личностный и мотивационно-волевой. Уровень выраженности каждого ПВК определялся по среднему значению в группе успешных специалистов.

Обсуждение результатов. Проведенное психологическое изучение профессиональной деятельности инспекторов ГИМС МЧС России позволило определить необходимые ПВК, детерминирующие успешность выполнения профессиональных задач. Полученные данные позволят усовершенствовать мероприятия по проведению профессионального психологического отбора, а также определить степень соответствия психологических качеств кандидата требованиям специальности.



Ключевые слова

профессионально важные качества, профессиональная деятельность, инспектор, психодиагностическое исследование, психодиагностический инструментарий, индивидуально-психологические характеристики, психофизиологические характеристики, успешность профессиональной деятельности, экспертный опрос, достоверность различий

Основные положения

- ▶ изучена специфика профессиональной деятельности инспекторов ГИМС МЧС России, а также определена роль ПВК в их деятельности;
- ▶ на основе экспертного опроса определены индивидуально-психологические и психофизиологические ПВК, необходимые для эффективного выполнения профессиональной деятельности инспекторами ГИМС МЧС России;
- ▶ на основании экспертного опроса и математических методов выявлены полярные группы и статистически определена достоверность различий между успешными и неуспешными инспекторами ГИМС МЧС России, что является достаточным для прогнозирования успешности профессиональной деятельности инспекторов ГИМС МЧС России.

Для цитирования

Шойгу Ю. С., Тарасова А. А. Выделение профессионально важных качеств инспектора Государственной инспекции по маломерным судам МЧС России // Российский психологический журнал. – 2017. – Т. 14, № 4. – С. 267–295.

Материалы статьи получены 01.12.2017

UDC 159.9.072.592

DOI: [10.21702/rpj.2017.4.13](https://doi.org/10.21702/rpj.2017.4.13)

Professionally Important Qualities of Inspectors in the State Small Vessels Inspectorate of EMERCOM of Russia

Julia S. Shoigu, Anastasia A. Tarasova*

Center for Emergency Psychological Aid, EMERCOM of Russia, Moscow, Russian Federation

* Correspondence author. E-mail: tvsova80@mail.ru

Abstract

Introduction. Recently, considerable attention has been paid to studying various kinds of professional activities. However, psychological studies on professional activities of inspectors in the State Small Vessels Inspectorate (SSVI) of EMERCOM of Russia are still lacking. The present study examines professionally important qualities which determine



the efficiency of professional activities in this group of specialists.

Methods. The study involved 275 inspectors in the SSVI of EMERCOM of Russia residing in various federal subjects of Russia. An expert survey helped to choose psychodiagnostic techniques for studying intellectual, cognitive, and personal characteristics of inspectors in the SSVI of EMERCOM of Russia. The experts comprised 40 persons. The study employed methods for mathematical and statistical treatment of data.

Results. The comparison of successful and unsuccessful inspectors in the SSVI of EMERCOM of Russia revealed the professionally important qualities that could predict the efficiency of professional activities in this group of specialists. The professionally important qualities were grouped as follows: (a) intellectual and mnemonic, (b) emotional and personal, (c) and motivational and volitional. The level of each professionally important quality was measured by mean scores in the group of successful inspectors.

Discussion. The carried out psychological study of professional activity of inspectors in the SSVI of EMERCOM of Russia revealed the professionally important qualities necessary for achieving professional goals. The findings are of great help in improving professional psychological selection and determining the degree of compliance of a candidate's psychological qualities with the requirements for the speciality.

Keywords

professionally important qualities, professional activity, inspector, psychodiagnostic study, psychodiagnostic tools, individual psychological characteristics, psychophysiological characteristics, professional success, expert survey, significance of differences

Highlights

- ▶ The study examined features of professional activities of inspectors in the SSVI of EMERCOM of Russia, and also the role of professionally important qualities in their activities.
- ▶ The expert survey revealed the psychological and psychophysiological professionally important qualities of inspectors in the SSVI of EMERCOM of Russia that could help in achieving professional goals.
- ▶ The expert survey and mathematical methods revealed the polar groups and also statistically significant differences between successful and unsuccessful inspectors in the SSVI of EMERCOM of Russia. This is sufficient to predict the professional success of inspectors in the SSVI of EMERCOM of Russia.

For citation

Shoigu Ju. S., Tarasova A. A. Professionally Important Qualities of Inspectors in the State Small Vessels Inspectorate of EMERCOM of Russia. *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal – Russian Psychological Journal*, 2017, V. 14, no. 4, pp. 267–295 (in Russian).

Original manuscript received 01.12.2017



Введение

Профессиональная деятельность занимает в жизни человека одно из важных мест. Труд является не только средством, обеспечивающим существование и жизнедеятельность, но и способом познания и преобразования окружающего мира, условием развития и формирования личности, целью, потребностью и смыслом жизни. Любая профессия накладывает отпечаток на личность человека, постепенно меняя его поведение в целом [1, 2, 3]. В настоящее время расширяется перечень профессий, предъявляющих к человеку значительные требования, которые связаны с чрезмерными интеллектуальными и психоэмоциональными нагрузками, с высокой вероятностью действия экстремальных факторов. К таким профессиям относится, в частности, профессия инспектора ГИМС МЧС России.

Инспектор – это лицо, занимающееся надзором, контролем, проверяющее соблюдение тех или иных правил и норм в пределах своей компетенции. Профессия инспектора ГИМС МЧС России возникла в связи с необходимостью обеспечения безопасности людей на водных объектах. Она относится к группе охранных профессий, не создающих материальные ценности, а сберегающие их. Инспектора имеют дело как с людьми, так и с материальными объектами. Исходя из распространенного деления профессий по системам взаимодействия «субъект – объект труда», профессию инспектора ГИМС МЧС России относят к профессиям, где взаимодействие происходит в системе «человек – среда – человек». Профессиональная деятельность инспекторов ГИМС МЧС России сопряжена с полифакторным стрессовым воздействием, обусловленным работой в сложных гидрометеорологических условиях (зачастую на территориях с ухудшением санитарно-эпидемиологической обстановки, в местах массового скопления людей), а также рядом психологических факторов, связанных с напряжением и угрозой собственной жизни и здоровью. Аварии и нарушения на водных объектах считаются одним из тяжелых бедствий, обстановка с ними постоянно ухудшается.

Также профессия инспектора ГИМС МЧС России требует от него участия в различных видах деятельности: операторской, документационной, контролирующей, организаторской, исследовательской, аналитической, консультативной, педагогической, коммуникативной, стимулирующей. Экстремальный характер профессии инспектора ГИМС МЧС России, многообразие выполняемых функций, значительные физические, нервно-психологические нагрузки при ликвидации аварий, катастроф и чрезвычайных ситуаций предъявляют повышенные требования не только к его профессиональным навыкам и уровню физического здоровья, но и к психологическим и психофизиологическим характеристикам, составляющим в совокупности комплекс индивидуально-психологических профессионально важных качеств, наличие и степень



выраженности которых оказывает существенное влияние на эффективность деятельности. Стоит также отметить, что сочетание таких факторов, как редкость профессии в сфере государственной инспекции маломерных судов и отсутствие высших учебных заведений для подготовки специалистов по данному виду деятельности, достаточно сильно сказывается на профессионализме и психологической готовности к данному виду деятельности подбираемых кадров в ГИМС МЧС России. Все это, в свою очередь, обуславливает актуальность и практическую необходимость разработки мероприятий и средств психологического отбора данных специалистов, задачей которого и является определение долгосрочного прогноза успешной деятельности. Основу такого отбора составляют надежные, валидные и практичные психодиагностические методики, позволяющие оценить симптомокомплекс профессионально важных психологических качеств специалиста.

Анализ литературы по тематике исследования

Одна из самых главных особенностей человека заключается в том, что он, в отличие от животных, способен трудиться, а любой вид труда – это деятельность. Людям свойственны определенные виды деятельности, которые можно обнаружить практически у всех без исключения и которые соответствуют общим потребностям, а точнее – видам социальной человеческой активности. В эти виды активности неизбежно включается каждый человек в процессе своего индивидуального развития. Этапы психического развития человека характеризуются определенной ведущей деятельностью. Ведущая деятельность [4] – это такая деятельность, в форме которой возникают и внутри которой дифференцируются другие, новые виды деятельности; в которой формируются или перестраиваются частные психические процессы; от которой ближайшим образом зависят наблюдаемые в данный период развития основные психологические изменения. В зрелом возрасте ведущей деятельностью можно считать максимальную реализацию сущностных сил человека в ходе активного включения в производительную жизнь общества, вхождение в которую сопряжено с профессиональным становлением личности. С точки зрения Е. А. Климова, основным направлением развития человека как субъекта труда является становление его как личности, а также развитие его профессионально важных качеств, которые определяют возможность успешного выполнения той или иной профессиональной деятельности [5].

Общепризнанным является тот факт, что любая деятельность реализуется на базе системы профессионально важных качеств, представляющих собой набор своеобразных симптомокомплексов субъективных свойств, являющихся узловым моментом формирования психологической системы деятельности и выступающих в роли внутренних условий, через которые



преломляются внешние воздействия и требования деятельности [6]. Так, Е. А. Климов, В. С. Мерлин, В. Д. Небылицын и Б. М. Теплов выделяют в структуре ПВК «индивидуальный стиль деятельности» – обусловленную типологическими особенностями устойчивую систему способов, которая складывается у человека, стремящегося к наилучшему выполнению возложенных на него обязанностей. В. Л. Маришук полагает, что ПВК представляют собой отдельные динамические черты личности, отдельные психические и психомоторные свойства (выражаемые уровнем развития соответствующих психических и психомоторных процессов), а также физические качества, соответствующие требованиям к человеку какой-либо определенной профессии и способствующие успешному овладению этой профессией [7]. Согласно Е. П. Ермолаевой, ПВК – психологический потенциал для формирования знаний, умений, навыков; знания, умения, навыки – необходимое условие и ресурс для формирования профессиональной компетенции [8]. Ю. В. Котелова рассматривает понятие «профессионально важных признаков» и предлагает отнести к ним психологические особенности сенсорной, мыслительной, моторной деятельности, а также особенности внимания, мышления, памяти, эмоционально-волевой сферы и особенности личности [9]. А. В. Карпов дает следующее определение: «Профессионально важные качества – это индивидуальные свойства субъекта деятельности, которые необходимы и достаточны для ее реализации на нормативно заданном уровне и которые значимо и положительно коррелируют хотя бы с одним (или несколькими) ее основными результативными параметрами – качеством, производительностью, надежностью» [10, с. 243].

Однако необходимо упомянуть, что одним из первых факторов, на который стараются обращать внимание при изучении психологических особенностей профессии, является психомоторика, т. к. во всякую деятельность включена система действий. В связи с этим, А. Н. Леонтьев в своей теории деятельности указывал, что человеческая деятельность не существует иначе, как в форме действия или цепи действий, причем единицы анализа деятельностного подхода имеют четко очерченный психологический смысл: деятельность рассматривается как сложная динамическая, многоуровневая система, состоящая из социально-психологического, психологического и психофизиологического уровней, которые могут изменяться в процессе деятельности [4]. В связи с этим, профессиональную деятельность необходимо изучать как целостную динамическую систему субъект-объектных взаимосвязей, обусловленных, с одной стороны, мотивационно-потребностной сферой индивида, его профессиональной подготовленностью, его психофизиологическими возможностями, а с другой стороны – заданными нормативными условиями исполнения деятельности. Данные положения



лежат в основе профессионально-психологического отбора (далее – ППО), который должен базироваться на концепции социально-психологической адаптации и способностей личности, системогенеза, теории функциональных состояний и теории адаптации, личностно-деятельностном подходе [11].

В настоящее время ППО широко применяется в силовых ведомствах Российской Федерации. Ведущий принцип ППО – комплексность, которая определяется многообразием целей и задач, а также сложностью структуры профессиональных способностей. Отбор сотрудников силовых ведомств РФ базируется на всестороннем изучении личности кандидатов, а решение об их профессиональной пригодности выносится с учетом совокупности физических, физиологических, психологических характеристик, а также состояния здоровья и мотивации. Максимальный опыт практического применения ППО был накоплен в психофизиологических лабораториях авиационных и военно-морских училищ Вооруженных сил, т. е., с одной стороны, в тех специальностях, где подготовка каждого специалиста требует больших экономических вложений, и, с другой стороны, в тех специальностях, где ошибка специалиста может повлечь за собой большие материальные и человеческие потери [12].

Также были разработаны методические средства, позволяющие изучать профессии и группы профессий с точки зрения тех требований, которые профессия предъявляет к человеку, и тех условий, которые она предоставляет для выполнения профессиональных обязанностей [13, 14, 15, 16, 17]. В настоящее время в силовых ведомствах РФ в процессе психологического обследования проводится комплексное обследование с применением психологических и психофизиологических методик, определяющих соответствие уровня развития индивидуальных психологических и психофизиологических качеств кандидатов профессиональным требованиям, осуществляющих прогноз успешности освоения профессии, эффективность осуществления служебной деятельности или работы.

Применительно к МЧС России профессиональный психологический отбор понимается как «комплекс психодиагностических мероприятий, направленных на выявление психологических, социально-психологических и психофизиологических особенностей кандидатов, оценку уровня развития индивидуально-психологических профессионально важных качеств, определение степени пригодности кандидата к выполнению профессиональных обязанностей или обучению по конкретной специальности» [18, с. 168].

Однако, для оценки уровня сформированности профессионально важных психологических качеств будущих спасателей – курсантов вузов МЧС России необходимо использовать комплекс валидных психодиагностических средств. В частности, такой комплекс был разработан в работах Ю.С. Шойгу [19].



На основе результатов экспериментальных исследований, проведенных Ю. С. Шойгу, определены информативные психодиагностические показатели для оценки профессиональной пригодности, прогноза успешности профессиональной подготовки и эффективности последующей профессиональной деятельности будущих спасателей МЧС России.

В связи с описанным экстремальным характером профессии инспекторов ГИМС МЧС России обнаруживается необходимость разработки мероприятий и средств психологического отбора данных специалистов. Специалисты ГИМС МЧС России решают широкий круг проблем, связанных с осуществлением многих социальных функций. Это предъявляет высокие требования не только к профессиональным знаниям и умениям, но и к личности специалистов ГИМС МЧС России. Таким образом, можно говорить о том, что разработка научно-обоснованных рекомендаций по профессиональному психологическому отбору специалистов ГИМС МЧС России представляет научный и практический интерес. Это подтверждает важность психологического изучения профессиональной деятельности инспекторов ГИМС МЧС России, которое позволяет выявить необходимые требования к психофизиологическим и личностным характеристикам человека, определить всю совокупность профессионально важных качеств.

Реализация такого мероприятия, как профессиональный психологический отбор, невозможна без оценки таких составляющих, как ПВК.

Существует две важнейшие категории ПВК. Во-первых, ПВК, которые характеризуются наибольшей непосредственной связью с параметрами деятельности. Они обозначаются понятием ведущих ПВК. Во-вторых, те ПВК, которые имеют наибольшее число внутрисистемных связей с другими качествами, т. е. характеризуются наибольшим структурным весом и, следовательно, занимают центральное место во всей системе качеств. Они обозначаются понятием базовых ПВК. Эти качества могут не коррелировать значимо с параметрами деятельности, однако они не менее, а часто – более – важны для ее реализации. Именно ПВК, по мнению А. В. Карпова, являются основой для формирования подсистем ПВК в целом, вокруг них и на их базе объединяются и организуются все иные качества субъекта, необходимые для обеспечения деятельности и (или) ее основных действий, функций [10]. Поэтому ПВК являются структурообразующим основанием для той или иной деятельности.

Проблема ПВК личности специалиста рассматривается в психологии в связи с вопросами прогнозирования его пригодности (успешности) на основе выраженности ПВК, т. е. выраженность ПВК рассматривается как один из факторов, влияющих на профессиональную успешность. В свою очередь, успешность деятельности – характеристика деятельности, включающая в себя



производительность труда, качество продукции, скорость, безошибочность трудовых действий и т. д. При оценке успешности деятельности следует учитывать также физиологические затраты, которые необходимы для решения профессиональной задачи. Успешность деятельности тесно связана с интеллектуальной, мотивационной и эмоционально-волевой сферами личности, а также зависит от индивидуальных психофизиологических качеств. Основываясь на отечественном и зарубежном опыте отбора специалистов, М. Г. Дебольский выделяет несколько ограничений прогнозирования успешности профессиональной деятельности на основе ПВК: а) личностные качества взаимосвязаны, б) с течением времени личность изменяется, в) с течением времени могут изменяться требования к профессии, а, следовательно, к личности специалиста [2].

Профессионально важные качества специалиста являются существенным фактором его профессиональной компетентности. Уровень сформированности данного профессионального конструкта помимо успешности деятельности определяет еще и адекватность функционирования личности профессионала, как в соответствующей профессиональной среде, так и в обществе в целом. Потенциально широкий спектр ПВК, который должны адекватно отражать особенности поведения, мышления и социализации личности в соответствующей профессиональной деятельности, обуславливает необходимость оценки необходимых ПВК, в том числе и в рамках процедуры психологического отбора [6, 15, 20, 21, 22, 23]. В свою очередь, необходимые психические свойства человека развиваются в процессе его профессиональной деятельности или компенсируются другими свойствами с помощью специальных приемов и способов действий. Лишь в экстремальных и чрезвычайных ситуациях требования к отдельным психическим свойствам резко повышаются, в то же время многие механизмы компенсации не срабатывают. И если профессиональная деятельность такова, что экстремальные ситуации возникают в ней довольно часто, появляется необходимость в отсеивании людей, не соответствующих по психологическим свойствам требованиям деятельности, или в перераспределении их по рабочим местам с учетом индивидуальных психологических предпосылок.

Что касается сотрудников МЧС, то они должны обладать такими способностями и качествами: ответственностью, смелостью, эмоциональной устойчивостью, решительностью, твердым характером и силой воли. Эмоциональная устойчивость позволяет сотруднику МЧС сохранять необходимую физическую и психическую работоспособность во время ЧС. Кроме того, эмоционально устойчивые сотрудники более эффективно справляются со стрессом, уверенно и хладнокровно применяют усвоенные навыки. Устойчивые к стрессу люди характеризуются как неимпульсивные,



активные, настойчивые в преодолении любых трудностей. Также важную роль в профессиональной деятельности сотрудника МЧС играет самооценка, причем ее неадекватность уменьшает надежность работы в экстремальных условиях. К тому же для сотрудника МЧС достаточно важную роль играют особенности нейродинамики и индивидуально-типологические свойства. Было установлено, что люди с сильной нервной системой со стороны возбуждения имеют большую склонность к напряженной деятельности, чем лица со слабой нервной системой, для которых характерны более высокая тревожность и, соответственно, более низкая самооценка. В части, касающейся требований, предъявляемых к качествам инспектора ГИМС МЧС России, специалисты, имеющие значительный опыт успешной работы и знания в этой области профессиональной деятельности, выделяют такие качества, как: стрессоустойчивость, коммуникабельность, наличие лидерских и организационных качеств, стремление к достижению успеха, способность к переключению с одного типа заданий на другой в условиях дефицита времени, развитые свойства внимания и памяти.

Вследствие чего, структура ПВК – это сложное и внутренне дифференцированное системное образование, которое детерминирует успешность освоения и выполнения трудовой деятельности. При этом любая деятельность реализуется на базе системы ПВК, представляющей собой набор своеобразных симптомокомплексов субъективных свойств, специфических для той или иной профессиональной деятельности. Симптомокомплексы формируются у субъекта в ходе освоения им соответствующей деятельности и содержат в себе специфические подсистемы ПВК, обеспечивающие выполнение каждого очередного этапа профессиональной деятельности: формирование вектора «мотив – цель», планирование деятельности, переработку текущей информации, концептуальную модель, принятие решения, действия, проверку результатов, коррекцию действий [24, 25, 26].

Следовательно, возросшая интенсивность, интеллектуальность, эмоциональная напряженность труда специалистов ГИМС МЧС России с одной стороны, требования эффективного функционирования структуры организации, грамотного отбора и расстановки кадров, создания эффективных команд, с другой стороны, приводят к необходимости создания системы ПВК для данного контингента профессионалов для проведения более успешного профессионально-психологического отбора сотрудников.

Таким образом, **целью** исследования явилось выделение совокупности профессионально важных качеств инспектора ГИМС МЧС России, обеспечивающих успешность деятельности, что, в свою очередь, стало определением степени пригодности кандидатов к выполнению профессиональных обязанностей.



Методы

Основу работы составили исследования, проведенные в период февраль – апрель 2011 г. Было обследовано 275 человек из числа инспекторов ГИМС МЧС России по субъектам Российской Федерации. Средний возраст обследуемых составил 42 ± 11 лет. Критерием включения в группу был стаж работы по специальности не менее 3-х лет. Критерием исключения из группы было наличие клинически выраженных акцентуаций в профиле методики многостороннего исследования личности (по Ф. Б. Березину), недостоверных результатов по методикам личностного блока, а также значения средней арифметической (M), превышающего $\pm 3\sigma$.

Для решения задачи по выделению ПВК инспектора ГИМС МЧС России исследование было организовано в три этапа. На **первом** этапе проводилась серия экспертных опросов по определению индивидуально-психологических и психофизиологических ПВК, необходимых, по мнению экспертов, для успешного выполнения профессиональной деятельности инспектора ГИМС МЧС России. Прогнозирование успешности профессиональной деятельности в области ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций зависит не только от общей и специальной подготовки специалиста, но и от степени развития у него ряда профессионально значимых качеств (индивидуально-личностных особенностей, характеристик эмоциональной устойчивости, особенностей интеллектуальной и мотивационной сфер, показателей внимания, памяти, сенсомоторных функций и т. д.). При этом объективность психодиагностических мероприятий во многом определяется достоверностью измерительных средств и технологий. Качественный состав экспертов определялся их профессиональными и личностными качествами: высокой профессиональной компетентностью, знанием специфических особенностей специальности, высокой позитивной мотивацией на проведение экспертизы [27, 28, 29]. Эксперты из числа руководящего состава работали с составленными опросными листами, оценивая выбранные ими в качестве ПВК индивидуально-психологические и психофизиологические характеристики по необходимой, на их взгляд, степени выраженности. При составлении перечня индивидуально-психологических и психофизиологических свойств учитывались особенности деятельности и требования, предъявляемые к качествам инспектора ГИМС МЧС России. Данные качества были обнаружены в процессе анализа служебной литературы, регламентирующей деятельность, в ходе бесед с компетентными специалистами, а также из наблюдения за выполнением ими трудовых операций. Формулировка характеристик (определений) тех или иных качеств составлялась таким образом, чтобы удовлетворять требованиям доступности и лаконичности. В результате проведенного интервьюирования экспертами был выделен



перечень индивидуально-психологических и психофизиологических качеств инспектора ГИМС МЧС России, способствующих эффективному осуществлению профессиональной деятельности, а также ряд качеств, препятствующих ее успешному выполнению. Группу экспертов в количестве 40 человек составили начальники различных структурных подразделений, отделений, участков ГИМС МЧС России, имеющие стаж работы по специальности 10 лет и выше. Полученные данные представлены в таблице 1.

Таблица 1. Индивидуально-психологические и психофизиологические ПВК инспектора ГИМС МЧС России по результатам усредненных экспертных оценок ($n = 40$)

Table 1. Psychological and psychophysiological professionally important qualities of inspectors in the SSVI of EMERCOM of Russia (average expert ratings, $n = 40$)

№	ПВК <i>Professionally important qualities</i>	Анти-ПВК <i>Anti-professionally important qualities</i>
1	Уровень развития базового интеллекта выше средних значений Above average levels of basic intelligence	Низкий уровень развития базового интеллекта Low levels of basic intelligence
2	Интеллектуальная лабильность выше среднего Above average levels of intellectual lability	Низкая интеллектуальная лабильность Low intellectual lability
3	Реалистический способ мышления Realistic way of thinking	Идеалистический способ мышления Idealistic way of thinking
4	Равновыраженность аналитического, синтетического и прагматического способов мышления Equal skills in analytical, synthetical, and pragmatic thinking	Низкий уровень развития свойств внимания Low levels of attention properties



5	Развитые свойства внимания (объем, распределение, концентрация, переключение, избирательность, устойчивость)* * в порядке убывания степени значимости свойств Well-developed attention properties (capacity, distribution, concentration, switch, selectivity, and stability)* * in descending order of importance	Низкий уровень развития кратковременной, долговременной и оперативной видов памяти Low levels of short-term, long-term, and working memory
6	Развитые кратковременная, долговременная и оперативная виды памяти Well-developed short-term, long-term, and working memory	Акцентуированная личность; личность с клинически выраженными характерологическими чертами Accentuated personality; personality with clinically pronounced characterological traits
7	Гармонично развитая личность (психическая норма) Harmonious personality (mental norm)	Низкий уровень развития коммуникативных и организаторских склонностей Low levels of communicative and organizational aptitudes
8	Развитые коммуникативные и организаторские склонности Well-developed communicative and organizational aptitudes	Низкий уровень нервно-психической устойчивости Low levels of neuropsychic stability
9	Высокий уровень нервно-психической устойчивости High levels of neuropsychic stability	Высокий уровень личностной тревожности High levels of personal anxiety
10	Низкий уровень личностной тревожности Low levels of personal anxiety	Мотивация на избегание Avoidance motivation
11	Мотивация на достижение Achievement motivation	Экстернальный локус контроля External locus of control
12	Интернальный локус контроля Internal locus of control	
13	Развитые лидерские качества Well-developed leadership qualities	



Выявленные с помощью экспертных оценок ПВК в дальнейшем уточнялись и дополнялись результатами, полученными при применении других методов исследования психофизиологических и личностных свойств.

На **втором** этапе осуществлялся подбор психодиагностического инструментария, который прошел массовую апробацию и доказал свою практическую ценность с точки зрения прогностичности и валидности результатов. Данный психодиагностический инструментарий позволил провести обследование инспекторов ГИМС МЧС России с целью определения у них наличия и степени выраженности индивидуально-психологических и психофизиологических характеристик, выделенных экспертами в качестве ПВК.

Полученные результаты обследования подвергались первичной математической обработке. В дальнейшем, с помощью программы IBM SPSS Statistics Version 17, был проведен статистический анализ полученных итоговых данных, в результате чего были произведены расчеты средней арифметической (M), среднего квадратичного отклонения (σ), ошибки средней арифметической (m).

На **третьем** этапе была проведена вторая серия экспертных опросов с целью оценки эффективности деятельности инспекторов ГИМС МЧС России, прошедших психодиагностическое обследование. Это позволило разбить генеральную совокупность выборки на группы успешных, неуспешных и «средних» специалистов, после чего они подверглись статистической обработке на предмет выявления значимых различий.

Результаты

При решении задач выявления различий мы исходили из того, что «средние» («норма» по популяции) рассматриваются как исследовательский результат, который позволяет сформировать предположение о том, что существуют различия между успешными и неуспешными специалистами. То есть у успешных специалистов могут не наблюдаться «средние» значения по исследуемым показателям, а также наличие в профессиональной деятельности собственного индивидуального стиля (в том числе зависящего от индивидуально-личностных и психофизиологических характеристик) важнее соответствия «среднегрупповому» профилю. У каждого успешного специалиста его психологические свойства создают неповторимый комплекс качеств, который при усреднении данных теряется. Для подтверждения предположения о том, что существуют различия между успешными и неуспешными специалистами, вначале было проведено сравнение на выявление значимых различий между успешными и «средними» специалистами с помощью непараметрического математического критерия «U-критерий Манна – Уитни», который предназначен для сопоставления показателей, измеренных в одних и тех же условиях на двух выборках обследуемых. Достоверным считался



уровень асимптотической значимости $p < 0,05$, свидетельствующий о том, что вероятность того, что статистическая значимость различий случайна, не более 5% [30]. Результаты сравнения представлены в таблице 2.

Таблица 2. Достоверность различий между успешными и «средними» специалистами

Table 2. Significance of differences between successful and "average" professionals

Методика Technique	Показатель Score	Интерпретация Interpretation	Достоверность различий (p) Significance of differences (p)	Средний ранг Mean rank	
				Успешные Successful	«Средние» "Average"
«Тест возрастающей трудности Д. Равена» 30 заданий (1, 2 варианты)	ИБ	Уровень развития базового интеллекта	0,399	91,24	98,16
«Интеллектуальная лабильность»	ИЛ	Уровень интеллектуальной лабильности, характеризующей лабильность мышления, скорость переключения мыслительных процессов	0,433	91,55	97,97
«Стиль мышления», в адаптации А. Алексеева, Л. Громовой	Мс	Синтетический стиль мышления	0,734	97,21	94,43
	Ми	Идеалистический стиль мышления	0,549	98,52	93,62
	Мп	Прагматический стиль мышления	0,059	85,97	101,45
	Ма	Аналитический стиль мышления	0,725	97,27	94,39
	Мр	Реалистический стиль мышления	0,584	98,26	93,78



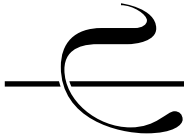
Методика Technique	Показатель Score	Интерпретация Interpretation	Достоверность различий (p) Significance of differences (p)	Средний ранг Mean rank	
				Успешные Successful	«Средние» "Average"
«Кольца Ландольта»	Ввн	Объем внимания	0,698	97,46	94,28
	Квн	Концентрация внимания	0,107	103,62	90,44
	Ивн	Избирательность внимания	0,098	103,84	90,30
	Увн	Устойчивость внимания	0,339	99,79	91,98
«Числовой квадрат»	Ввн	Объем внимания	0,358	98,49	91,13
	Рвн	Распределение внимания	0,210	100,14	90,07
«Проба Мюнстерберга»	Ввн	Объем внимания	0,016	107,60	87,95
	Ивн	Избирательность внимания	0,033	106,23	88,80
«Оперативная память»	Оп	Оперативная память	0,037	101,58	84,55
«Запоминание 10 слов»	КП1	Кратковременная память (1 повторение)	0,903	94,90	95,87
	КП2	Кратковременная память (2 повторение)	0,832	94,47	96,14
	КП3	Кратковременная память (3 повторение)	0,964	95,29	95,63
	КП4	Кратковременная память (4 повторение)	0,457	92,14	97,60
	ДП	Долговременная память	0,478	98,90	93,38
«Оценка коммуникативных и организаторских склонностей»	КС	Коммуникативные склонности	0,821	96,64	94,79
	ОС	Организаторские склонности	0,588	98,22	93,80



Методика Technique	Показатель Score	Интерпретация Interpretation	Достоверность различий (p) Significance of differences (p)	Средний ранг Mean rank	
				Успешные Successful	«Средние» "Average"
«Оценка уровня субъективного контроля»	УСК	Уровень субъективного контроля	0,859	94,60	96,06
«Прогноз»	НПУ	Нервно-психическая устойчивость	0,486	90,49	96,15
«Диагностика личностной и реактивной тревожности Ч. Спилбергера, Ю. Ханина» в части, касающейся личностной тревожности	ЛТ	Личностная тревожность	0,292	90,19	98,81
Ориентировочная анкета	НС	Направленность на себя	0,552	96,49	91,66
	ВД	Направленность на взаимодействие	0,700	95,43	92,31
	НЗ	Направленность на задачу	0,289	88,19	96,78
«Лидерский потенциал»	ЛП	Лидерский потенциал, проявление лидерских качеств	0,802	94,26	96,27
«Моторная проба Шварцландера»	ЦО	Адекватность уровня притязаний, предпочитаемый уровень риска	0,031	84,25	101,77



Методика Technique	Показатель Score	Интерпретация Interpretation	Достоверность различий (p) Significance of differences (p)	Средний ранг Mean rank	
				Успешные Successful	«Средние» "Average"
«16-факторный личностный опросник Кеттелла» (форма А)	ф. А	Аффектомия – шизотимия	0,057	85,42	100,89
	ф. В	Высокий интеллект – низкий интеллект (абстрактное мышление, высокая способность к обучаемости)	0,839	96,02	94,37
	ф. С	Эмоциональная устойчивость – эмоциональная неустойчивость	0,903	95,62	94,62
	ф. Е	Доминантность – конформность	0,963	94,76	95,15
	ф. F	Беспечность – скованность	0,373	90,50	97,77
	ф. G	Совестливость – недобросовестность	0,095	103,42	89,82
	ф. Н	Смелость – робость	0,800	96,28	94,21
	ф. I	Сензитивность – суровость	0,767	93,51	95,92
	ф. L	Подозрительность – доверчивость	0,493	91,55	97,12
	ф. М	Мечтательность – практичность	0,810	93,79	95,74
	ф. N	Проницательность – наивность	0,009	108,22	86,86
	ф. О	Склонность к чувству вины – самоуверенность	0,922	94,51	95,30
	ф. Q1	Гибкость – ригидность	0,292	89,69	98,26
	ф. Q2	Самостоятельность – зависимость от группы	0,322	99,99	91,93
	ф. Q3	Высокий самоконтроль поведения – низкий самоконтроль поведения	0,695	96,98	93,78
	ф. Q4	Напряженность – расслабленность	0,305	89,81	98,19



Методика Technique	Показатель Score	Интерпретация Interpretation	Достоверность различий (p) Significance of differences (p)	Средний ранг Mean rank	
				Успешные Successful	«Средние» "Average"
Методика много- стороннего исследова- ния личности (по Ф.Б. Березину)	L	Шкала социальной желательности	0,256	98,31	89,17
	F	Шкала достоверности	0,090	83,75	97,51
	K	Шкала коррекции	0,499	96,48	90,98
	1 шка- ла (Hs)	Соматизация тревоги	0,067	101,92	87,11
	2 шка- ла (D)	Тревога и депрессивные тенденции	0,881	91,72	92,94
	3 шка- ла (Hy)	Вытеснение факторов, вы- зывающих тревогу	0,070	101,87	87,14
	4 шка- ла (Pd)	Реализация эмоциональ- ной напряженности в непо- средственном поведении	0,309	87,25	95,51
	5 шка- ла (Mf)	Выраженность мужских и женских черт характера	0,807	93,76	91,78
	6 шка- ла (Pa)	Ригидность аффекта	0,902	93,13	92,14
	7 шка- ла (Pt)	Фиксация тревоги и огра- ничительное поведение	0,952	92,81	92,32
	8 шка- ла (Sc)	Аутизация	0,639	90,07	93,89
	9 шка- ла (Ma)	Отрицание тревоги, гипо- маниакальные тенденции	0,706	90,55	93,62
	0 шка- ла (Si)	Социальные контакты	0,365	87,81	95,19



Было выявлено несколько показателей, различия по которым оказались статистически достоверны. Это показатели по методикам «Проба Мюнстерберга» (Vвн, Ивн), «Оперативная память», «Моторная проба Шварцландера», 16-факторный личностный опросник Кеттелла» (ф. N). В соответствии со средним рангом группу успешных специалистов отличают более высокие свойства внимания (объем и избирательность), оперативная память; такие специалисты стараются ставить перед собой такие цели, которые реально могут достичь и которые соответствуют их способностям и возможностям, склонны к планированию, контролю эмоций, объективной оценке себя и других. Для группы «средних» характерны более низкие показатели свойств внимания и оперативной памяти, недостаточная уверенность в своих силах и достижении цели, нечеткость в поведении, неопытность в социальных отношениях. А также, в связи с тем, что получено небольшое количество значимых различий по показателям, можно сделать вывод, что в рамках изучения специалистов ГИМС МЧС России трудно подобрать репрезентативную выборку, отражающую свойства эмпирической выборки.

В связи с тем, что успешные специалисты все-таки действительно обладают определенными личностными и психофизиологическими характеристиками, которые влияют на эффективность выполнения ими своей профессиональной деятельности, была проведена оценка достоверности различий между полярными группами успешных и неуспешных по свойствам, признанным экспертами необходимыми для осуществления профессиональной деятельности. Сравнение на выявление значимых различий проводилось с помощью непараметрического математического критерия «U-критерий Манна – Уитни». В результате были установлены достоверные различия по переменным, указанным в таблице 3.

Обсуждение результатов

Любой метод психодиагностики имеет область применения, ограничения в своих возможностях и не пригоден для тотального использования. В связи с этим для удобства анализа результатов мы выделяем комплекс методик, распределенный по трем основным блокам:

- 1) интеллектуально-мнестический блок;
- 2) эмоционально-личностный блок;
- 3) мотивационно-волевой блок.

Таким образом, анализ полученных результатов позволил выделить ПВК инспектора ГИМС МЧС России (по результатам значимых различий между полярными группами успешных и неуспешных) и разнести их по трем блокам (таблица 4). Уровень выраженности каждого ПВК определялся по среднему значению показателя в группе успешных специалистов.



Таблица 3. Достоверность различий между полярными группами успешных и неуспешных специалистов

Table 3. Significance of differences between the polar groups of successful and unsuccessful professionals

Методика Technique	Показатель Score	Интерпретация Interpretation	Достоверность различий (p) Significance of differences (p)	Средний ранг Mean rank	
				Успешные Successful	Неуспешные Unsuccessful
«Тест возрастающей трудности Д. Равена» 30 заданий (1, 2 варианты)	ИБ	Уровень развития базового интеллекта	0,014	73,18	56,68
«Интеллектуальная лабильность»	ИЛ	Уровень интеллектуальной лабильности, характеризующей лабильность мышления, скорость переключения мыслительных процессов	0,002	56,84	77,93
«Кольца Ландольта»	Квн	Концентрация внимания	0,042	71,34	57,79
«Числовой квадрат»	Ввн	Объем внимания	0,000	76,17	52,80
	Рвн	Распределение внимания	0,000	76,72	52,08
«Проба Мюнстерберга»	Ввн	Объем внимания	0,017	72,92	57,02
	Ивн	Избирательность внимания	0,000	76,68	52,13



Методика Technique	Показатель Score	Интерпретация Interpretation	Достоверность различий (p) Significance of differences (p)	Средний ранг Mean rank	
				Успешные Successful	Неуспешные Unsuccessful
«Запоминание 10 слов»	КП1	Кратковременная память (1 повторение)	0,009	73,39	56,40
	КП3	Кратковременная память (3 повторение)	0,001	74,92	54,42
	ДП	Долговременная память	0,003	74,26	55,27
«Оценка уровня субъективного контроля»	УСК	Уровень субъективного контроля	0,003	74,62	54,81
«16-факторный личностный опросник Кеттелла» (форма А)	ф. В	Высокий интеллект / низкий интеллект (абстрактное мышление, высокая способность к обучаемости)	0,019	72,79	57,18
Методика многостороннего исследования личности (по Ф.Б. Березину)	5 шкала (Mf)	Выраженность мужских и женских черт характера	0,045	62,78	50,24
	0 шкала (Si)	Социальные контакты	0,031	51,83	65,30

**Таблица 4.** Профессионально важные качества инспектора ГИМС МЧС России**Table 4.** Professionally important qualities of inspectors in the SSVI of EMERCOM of Russia

Блок методик Techniques	Профессионально важные качества Professionally important qualities
Интеллектуально-мнестический блок	<ol style="list-style-type: none">1. Уровень развития базового интеллекта не ниже среднего.2. Уровень развития абстрактного и оперативного мышления не ниже среднего; высокая способность к быстрому овладению и усвоению новых навыков и умений.3. Интеллектуальная лабильность не ниже среднего уровня.4. Объем внимания не ниже среднего уровня.5. Концентрация внимания не ниже среднего уровня.6. Избирательность внимания не ниже среднего уровня.7. Распределение внимания не ниже среднего уровня.8. Уровень развития кратковременной памяти не ниже среднего уровня.9. Уровень развития долговременной памяти не ниже среднего уровня.
Эмоционально-личностный блок	<ol style="list-style-type: none">1. Гармонично развитая личность (психическая норма).2. Социальная экстраверсия (способность к активным действиям, установлению большого количества социальных связей, социальная ответственность).3. Развитые коммуникативные качества (коммуникативные навыки, общительность).4. Сформированные морально-этические нормы.5. Высокий волевой контроль эмоциональной и поведенческой сфер.6. Конформность.7. Способность к эмпатии.
Мотивационно-волевой блок	<ol style="list-style-type: none">1. Интернальный / смешанный локус контроля.2. Мотивация достижения успеха.



Заключение

Проведенное исследование позволило сделать следующие выводы:

1. Данное исследование связано с изучением психологических особенностей профессиональной деятельности инспекторов ГИМС МЧС России в целях повышения качества проведения профессионального психологического отбора, поэтому возникла необходимость более подробно рассмотреть внутренние характеристики их профессиональной деятельности, а именно психологическую составляющую.

2. В основе профессионально-психологического отбора лежат концепции социально-психологической адаптации и способностей личности, системогенеза, теории функциональных состояний и теории адаптации, личностно-деятельностного подхода.

3. Анализ профессиональной деятельности инспекторов ГИМС МЧС России позволил выявить неблагоприятные стресс-факторы: работу в сложных гидрометеорологических условиях, зачастую на территориях с ухудшением санитарно-эпидемиологической обстановки, в местах массового скопления людей; напряжение и угрозу собственной жизни и здоровью; значительные физические, нервно-психологические нагрузки при ликвидации аварий, катастроф и чрезвычайных ситуаций. Все это предъявляет повышенные требования не только к состоянию здоровья, уровню профессиональной подготовки, но и к ПВК данных специалистов.

4. Любая деятельность реализуется на базе системы ПВК, представляющей собой набор своеобразных симптомокомплексов субъективных свойств, специфических для той или иной профессиональной деятельности.

5. Профессионально важные качества являются одним из важнейших компонентов личности, необходимых для эффективного и успешного выполнения профессиональной деятельности.

6. Проведена сравнительная процедура успешных и неуспешных специалистов по качествам, признанным экспертами необходимыми для выполнения профессиональных задач, в результате чего выявлены значимые различия. Таким образом, изучаемые характеристики являются достаточными для прогнозирования успешности профессиональной деятельности, следовательно, и профессионально важными.

7. Результаты психодиагностического обследования позволили выделить ПВК личности инспектора ГИМС МЧС России, обеспечивающие высокий уровень эффективности выполняемой деятельности, а также являющиеся средством для прогнозирования успешности профессиональной деятельности при профессиональном отборе: особенности интеллектуально-мнестической сферы (развитие базового интеллекта, развитие абстрактного и оперативного мышления, развитые свойства внимания и памяти, устойчивость



интеллектуальной деятельности в условиях дефицита времени, высокая способность к быстрому овладению и усвоению новых навыков и умений), эмоционально-личностной сферы (коммуникативные качества, волевой контроль эмоций и поведения, эмпатия, социальная активность и адаптивность), мотивационно-волевой сферы (мотивация достижения успеха, готовность нести ответственность за принимаемые решения).

8. Выделенные ПВК инспектора ГИМС МЧС России позволят внести вклад в оптимизацию и систематизацию мероприятий по профессиональному психологическому отбору в системе МЧС России, т. к. делают возможной оценку степени соответствия психологических качеств и свойств кандидата требованиям специальности. Это, в свою очередь, является необходимым условием для избегания психических травм, психосоматических и других заболеваний, связанных с профессиональной деятельностью.

Литература

1. *Бодров В. А.* Современные исследования фундаментальных и прикладных проблем психологии профессиональной деятельности. Ч. 1 // Психологический журнал. – 2008. – № 5. – С. 83–90.
2. *Дебольский М. Г.* Научно-методические основы подготовки практических психологов в Академии управления МВД России // Академия управления: история, современность, перспективы. Материалы Юбилейной сессии Ученого совета, посвященной 25-летию Академии управления МВД России. – М.: Академия управления МВД России, 2000. – С. 92–102.
3. *Родыгина Ю. К.* Особенности личностной структуры лиц экстремальных профессий // Ученые записки университета Лесгафта. – 2009. – № 8. – С. 106–109.
4. *Леонтьев А. Н.* Деятельность. Сознание. Личность. – М.: Смысл; Академия, 2004. – 352 с.
5. *Климов Е. А.* Введение в психологию труда. – М.: ИЦ «Академия», 2004. – 336 с.
6. *Шадриков В. Д.* Проблемы профессиональных способностей // Психологический журнал. – 1982. – № 5. – С. 13–26.
7. *Марищук В. Л.* Психологические основы формирования профессионально значимых качеств: дисс. ... д. психол. наук. – Л., 1982. – 351 с.
8. *Ильин Е. П.* Дифференциальная психология профессиональной деятельности. – СПб.: Питер, 2011. – 432 с.
9. *Котелова Ю. В.* Очерки по психологии труда. – М.: Изд-во МГУ, 1986. – 120 с.
10. Психология труда: учеб. для студентов вузов / под ред. проф. А. В. Карпова. – М.: ВЛАДОС-ПРЕСС, 2005. – 350 с.



11. *Мяжгих Н. И.* Профессиональный психологический отбор в органах внутренних дел Российской Федерации (Концепция, принципы, критерии, технологии) : дисс. ... канд. психол. наук. – М., 2004. – 174 с.
12. Основы психодиагностики. Учебное пособие для студентов педвузов / под общ. ред. А. Г. Шмелева. – М., Ростов н/Д : Феникс, 1996. – 544 с.
13. *Иванова Е. М.* Психотехнология изучения человека в трудовой деятельности. – М. : Изд-во МГУ, 1992. – 93 с.
14. *Дикая Л. Г.* Актуальные проблемы и перспективы исследований в психологии труда в условиях глобализации // Психологический журнал. – 2007. – Т. 28, № 3. – С. 29–44.
15. *Небылицын В. Д.* Психофизиологические исследования индивидуальных различий. – М. : Наука, 1976. – 336 с.
16. *Super D. E.* The psychology of careers. – N.Y. : Harper and Row, 1957. – 258 p.
17. *Nuttin J., Lens W.* Future time perspective and motivation: Theory and research method. – Leuven Hillsdale, NJ : Leuven University Press Erbaum, 1985. – 235 p.
18. *Тарасова А. А., Казакова И. А.* Изучение индивидуально-психологических и психофизиологических особенностей личности в рамках психодиагностических мероприятий в системе МЧС России // II Всероссийский съезд психологов силовых структур Российской Федерации. Сборник материалов. – М. : Изд-во ФКУ ЦЭПП МЧС России, 2016. – С. 165–175.
19. *Шойгу Ю. С.* Профессиональный психологический отбор курсантов вузов МЧС России – будущих спасателей (Обоснование психодиагностического инструментария) : дисс. ... канд. психол. наук. – СПб., 2003. – 168 с.
20. *Анастаси А.* Дифференциальная психология. Индивидуальные и групповые различия в поведении. – М. : Апрель-Пресс, 2001. – 752 с.
21. *Дружинин В. Н.* Психология общих способностей. – СПб. : Питер, 2007. – 3-е изд. – 368 с.
22. *Маклаков А. Г.* Профессиональный психологический отбор персонала. Теория и практика : Учебник для вузов. – СПб. : Питер, 2008. – 480 с.
23. *Eysenck H. J.* The structure of human personality. – London : Methuen, 1960. – 214 p.
24. *Алексеева И., Батаршев А. В., Майорова Е.* Диагностика профессионально важных качеств. – СПб. : Питер, 2007. – 192 с.
25. *Бодров В. А.* Практикум по дифференциальной психодиагностике профессиональной пригодности. – М. : ПЕР СЭ, 2003. – 768 с.
26. *Maslow A. H.* Motivation and Personality. – N.Y. : Harper and Row, 1954. – 411 p.
27. *Гуцыкова С. В.* Метод экспертных оценок: теория и практика. – М. : Изд-во ИП РАН, 2011. – 92 с.



28. Day D. V., Silverman S. B. Personality and job performance: evidence of incremental validity // *Personnel Psychology*. – 1989. – Vol. 42. – P. 25–36. – DOI: [10.1111/j.1744-6570.1989.tb01549.x](https://doi.org/10.1111/j.1744-6570.1989.tb01549.x)
29. Ericsson K. A., Krampe R. T., Tesch-Romer C. The role of deliberate practice in the acquisition of expert performance // *Psychological Review*. – 1993. – Vol. 100. – P. 363–406. – DOI: [10.1037//0033-295X.100.3.363](https://doi.org/10.1037//0033-295X.100.3.363)
30. Наследов А. Д. Математические методы психологического исследования. – СПб. : Речь, 2008. – 392 с.

References

1. Bodrov V. A. Modern studies of fundamental and applied problems in the psychology of professional activity. Part 1. *Psikhologicheskii zhurnal*, 2008, no. 5, pp. 83–90 (in Russian).
2. Debol'skii M. G. Nauchno-metodicheskie osnovy podgotovki prakticheskikh psikhologov v Akademii upravlenii MVD Rossii [Scientific methodical training of practicing psychologists in the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. *Materialy Yubileinoi sessii Uchenogo soveta, posvyashchennoi 25-letiyu Akademii upravleniya MVD Rossii "Akademiya upravleniya: istoriya, sovremennost', perspektivy"* [Proc. the Anniversary Scientific Council Session dedicated to the 25th anniversary of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia "The Academy of Management: The present, history, and prospects"]. Moscow, Academy of Management Publ., 2000, pp. 92–102.
3. Rodygina Yu. K. Personality structure in individuals of extreme professions. *Uchenye zapiski universiteta imeni P.F. Lesgafta*, 2009, no. 8, pp. 106–109 (in Russian).
4. Leont'ev A. N. *Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost'* [Activity, consciousness and personality]. Moscow, Smysl Publ., Akademiya Publ., 2004. 352 p.
5. Klimov E. A. *Vvedenie v psikhologiyu truda* [An introduction to labor psychology]. Moscow, Akademiya Publ., 2004. 336 p.
6. Shadrikov V. D. Problemy professional'nykh sposobnostei [Problems of professional abilities]. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 1982, no. 5, pp. 13–26 (in Russian).
7. Marishchuk V. L. *Psikhologicheskie osnovy formirovaniya professional'no znachimykh kachestv* [Psychological foundations of professionally important qualities]. Diss. Cand. Sci. (Psych.). Leningrad, 1982. 351 p.
8. Il'in E. P. *Differentsial'naya psikhologiya professional'noi deyatel'nosti* [Differential psychology of professional activity]. St. Petersburg, Piter Publ., 2011. 432 p.
9. Kotelova Yu. V. *Ocherki po psikhologii truda* [A sketch of labor psychology]. Moscow, MSU Publ., 1986. 120 p.



10. Karpov A. V. (ed.) *Psikhologiya truda* [Labor psychology]. Moscow, Vldos Press, 2005. 350 p.
11. Myagkikh N. I. *Professional'nyi psikhologicheskii otbor v organakh vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii (Kontseptsiya, printsipy, kriterii, tekhnologii)* [Professional psychological selection in the internal affairs bodies of the Russian Federation: A concept, principles, criteria, and technology]. Diss. Cand. Sci. (Psych.). Moscow, 2004. 174 p.
12. Shmelev A. G. (ed.) *Osnovy psikhodiagnostiki* [Fundamentals of psychodiagnosics]. Rostov-on-Don, Feniks Publ., 1996. 544 p.
13. Ivanova E. M. *Psikhotekhnologiya izucheniya cheloveka v trudovoi deyatel'nosti* [Psychotechnology of studying a man in labour activity]. Moscow, MSU Publ., 1992. 93 p.
14. Dikaya L. G. Actual problems and research prospects in labour psychology in the conditions of globalization. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 2007, V. 28, no. 3, pp. 29–44 (in Russian).
15. Nebylitsyn V. D. *Psikhofiziologicheskie issledovaniya individual'nykh razlichii* [Psychophysiological studies of individual differences]. Moscow, Nauka Publ., 1976. 336 p.
16. Super D. E. *The psychology of careers*. N.Y., Harper and Row, 1957. 258 p.
17. Nuttin J., Lens W. *Future time perspective and motivation: Theory and research method*. Leuven Hillsdale, NJ, Leuven University Press Erbaum, 1985. 235 p.
18. Tarasova A. A., Kazakova I. A. Izuchenie individual'no-psikhologicheskikh i psikhofiziologicheskikh osobennostei lichnosti v ramkakh psikhodiagnosticheskikh meropriyatii v sisteme MChS Rossii [Individual psychological and psychophysiological personality characteristics in psychodiagnosics in the system of EMERCOM of Russia]. *Sbornik materialov II Vserossiiskii s"ezd psikhologov silovykh struktur Rossiiskoi Federatsii* [Proc. the 2nd All-Russian Congress of Psychologists of Power Structures of the Russian Federation]. Moscow, Center for Emergency Psychological Aid of EMERCOM of Russia Publ., 2016, pp. 165–175.
19. Shoigu Ju. S. *Professional'nyi psikhologicheskii otbor kursantov vuzov MChS Rossii – budushchikh spasatelei (Obosnovanie psikhodiagnosticheskogo instrumentariya)* [Professional psychological selection of cadets (the future rescuers) in educational institutions of EMERCOM of Russia: Grounds for psychodiagnostic tools]. Diss. Cand. Sci. (Psych.). St. Petersburg, 2003. 168 p.
20. Anastasi A. *Differential psychology. Individual and group differences in behavior* (Russ. ed.: Anastazi A. *Differentsial'naya psikhologiya. Individual'nye i gruppovye razlichiya v povedenii*. Moscow, Aprel' Press, 2001. 752 p.).
21. Druzhinin V. N. *Psikhologiya obshchikh sposobnostei* [Psychology of general abilities]. St. Petersburg, Piter Publ., 2007. 368 p.



22. Maklakov A. G. *Professional'nyi psikhologicheskii otbor personala. Teoriya i praktika* [Professional psychological selection of personnel: Theory and practice]. St. Petersburg, Piter Publ., 2008. 480 p.
23. Eysenck H. J. *The structure of human personality*. London, Methuen, 1960. 214 p.
24. Alekseeva I., Batarshchikov A. V., Maierova E. *Diagnostika professional'no vazhnykh kachestv* [Diagnostics of professionally important qualities]. St. Petersburg, Piter Publ., 2007. 192 p.
25. Bodrov V. A. *Praktikum po differentsial'noi psikhodiagnostike professional'noi prigodnosti* [Differential psychodiagnosics of occupational fitness]. Moscow, PER SE Publ., 2003. 768 p.
26. Maslow A. H. *Motivation and personality*. N.Y., Harper and Row Publ., 1954. 411 p.
27. Gutsykova S. V. *Metod ekspertnykh otsenok: teoriya i praktika* [Expert evaluation method: Theory and practice]. Moscow, Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences Publ., 2011. 92 p.
28. Day D. V., Silverman S. B. Personality and job performance: Evidence of incremental validity. *Personnel Psychology*, 1989, V. 42, pp. 25–36. DOI: [10.1111/j.1744-6570.1989.tb01549.x](https://doi.org/10.1111/j.1744-6570.1989.tb01549.x)
29. Ericsson K. A., Krampe R. T., Tesch-Romer C. The role of deliberate practice in the acquisition of expert performance. *Psychological Review*, 1993, V. 100, pp. 363–406. DOI: [10.1037//0033-295X.100.3.363](https://doi.org/10.1037//0033-295X.100.3.363)
30. Nasledov A. D. *Matematicheskie metody psikhologicheskogo issledovaniya* [Mathematical methods of psychological research]. St. Petersburg, Rech' Publ., 2008. 392 p.



СВЕДЕНИЯ О ПОРЯДКЕ ПОДАЧИ ПУБЛИКАЦИЙ

В журнале могут быть опубликованы оригинальные теоретические и экспериментальные работы по различным разделам психологии, а также обзоры отечественных и зарубежных исследований.

В редакцию принимаются материалы в электронном виде в формате редактора Word doc или docx, набранные 14-м кеглем через 1,5 компьютерных интервала (все поля по 2,0 см), объемом от 10 до 20 страниц, включая список цитированной литературы. При наборе использовать шрифт Times New Roman.

Цитированная в статье литература (автор, название, место, издательство, год издания и пр.) приводится в виде списка в конце статьи. В тексте ссылка на источник делается по Ванкуверскому стандарту, путем указания (в квадратных скобках) номера цитируемой книги или статьи, через запятую – цитируемых страниц. При оформлении библиографического списка используйте ГОСТ 7.0.5-2008.

Материалы для раздела «Научная жизнь» принимаются в течение двух месяцев после окончания срока проведения соответствующего мероприятия (съезда, конференции, симпозиума и т. д.).

К статье прилагаются аннотация объемом 200–250 слов, 10 ключевых фраз, основные положения статьи. Обращаем Ваше внимание: аннотация является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований в обобщенном виде. В ней обязательно отражается новизна исследования, оригинальность авторского замысла. Аннотация не должна содержать скопированные фрагменты статьи.

Все статьи подвергаются проверке в системе Антиплагиат, а также на правильность оформления материала. Рецензирование статей происходит по двойному «слепому» принципу.

Обязательным условием для принятия статьи к рассмотрению является наличие оформленных соответственно требованиям сведений об авторе (фамилия, имя и отчество, ученая степень, ученое звание, место работы и должность, служебный почтовый адрес с индексом, контактные номера телефонов).

Статьи, направленные авторам на доработку и не возвращенные в редакцию к обозначенному сроку, исключаются из портфеля редакции.

С более подробными требованиями к подготовке и условиям публикации статей Вы можете ознакомиться на сайте «Российского психологического журнала»:

www.rpj.ru.com



PAPER SUBMISSION GUIDELINES

The original theoretical and experimental works on various branches of psychology and reviews of native and foreign research can be published in the Journal.

To be accepted for publishing in the Journal the material should be electronic kind typed in Word, 14 pointtype, sesquialteral range, printable field of 2,0 cm, not more than 20 pages in size, including the list of cited literature. The text should be typed in standard font of type: Times New Roman.

If cited in article the literature is pointed out (according to the Vancouver Style) at the end of the article. Reference to sources as a number of the cited book or article (with the number of page) is denoted in brackets. When writing references use the State Standard 7.0.5-2008.

Materials for "Scientific life" section are accepted in the course of (within) 2 months after ending of the corresponding congress, conference, convention, etc.

The papers should have an abstract of 200–250 words, a list of 10 keywords, highlights. We would like to draw your attention to the fact that the abstract provides general information about the content of the article and the study results. The abstract should reflect scientific novelty, originality of the author's intention. The copied fragments of the manuscript should be avoided.

We check all the submitted manuscripts using the Antiplagiat system, and verify the formal correctness of the material. We use double-blind reviewing.

Author information (the author's full name, scientific degrees and titles, institutional affiliation, position, official address, contact phone numbers) is required for acceptance of the manuscript for publication.

The article sent to the author to complete and being not returned to the appointed date is excluded from the editorship's stock of orders.

For more information about paper submission requirements and conditions of acceptance for publication, please visit the Russian Psychological Journal website at:

www.rpj.ru.com

Научно-аналитическое издание

РОССИЙСКИЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
2017
ТОМ 14 № 4

RUSSIAN PSYCHOLOGICAL JOURNAL
2017
Vol. 14 Issue 4

Сдано в набор 20.12.2017 Подписано в печать 27.12.2017
Формат 70×100/16. Усл. печ. л. . Бумага офсетная. Гарнитура Myriad Pro.
Печать цифровая. Тираж 1000 экз. Заказ №



Подготовлено к печати и отпечатано DSM Group
ИП Кубеш Н.В. Св-во № 000721173. г. Ростов-на-Дону, ул. Седова, 9/15.
E-mail: dsmgroup@mail.ru, dsmgroup@yandex.ru